

Евгений Кириленко

ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

18+

Евгений Александрович Кириленко

Путешествие начинается

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67656423

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта книга – сборник историй о темных сторонах жизни, с которыми может столкнуться каждый из нас. Герои рассказов – обыкновенные люди, попавшие в пугающую, необычную, зловещую ситуацию. Иногда бытие словно бы искажается, нарушая тонкую грань между привычным ходом вещей и абсолютным хаосом. Что реально? Возможно ли это объяснить? Какие мрачные секреты таит в себе повседневность? Не только герою, но и читателю предстоит ответить на этот вопрос...

Содержание

Дом в наследство	5
Вестник	19
Всего лишь неделю	31
Человек в палате	40
Ночной гость	50
Перевозчик космических грузов	61
Обломки кораблекрушения	78
Мечь Гаспара	86
Снегопад	97
Утренние новости	110
Удар гонга	120
Старик Сэмми	135
Птичка в клетке	149
Лоботомия	159
Жизнь без лета	172
Девушка и тролль	183
В океан	208
По старой дружбе	218
Идеальная жена	233
Под шепот колосьев	242
«Скайхок»	253
Семь минут	263
Агент Фрост	274

Колодец у белого леса	285
Те,кто остался	295
Хазард	313
Сразу после заката	328
Последняя бутылка воды	351
Домушник	363
Курьер из Манхэттэна	374
Машина с цветами	396
У меня есть небольшой козырь	412
Школьный Робин Гуд	432
Путешествие начинается	451
Сияющий Билли	476

Евгений Кириленко

Путешествие начинается

Дом в наследство

– Да, Фил, я уже почти на месте. Что? Нет, это окраина Маунтевилля. Окраина, Фил, – Джесси прижимала телефон щекой к плечу, попутно пытаясь рулить одной рукой. Вторая была занята – шарила в бардачке в поисках влажных салфеток. – Окраина – это не значит конец цивилизации. Это хороший дом. Во сколько ты приедешь?

Мимо пролетел здоровенный внедорожник, яростно гудя клаксоном. Руль вильнул и едва не вылетел из пальцев Джесс.

– Черт, Фил, давай я позвоню позже. Иначе, боюсь, ты станешь вдовцом. Да, я не могу говорить по телефону и одновременно управлять машиной. Все, пока, умник, – она, наконец, нашарила салфетки, спихнула телефон на сиденье и глубоко выдохнула. Нужно срочно покупать беспроводную гарнитуру для мобильного. Если продолжать так рисковать, то в скором времени рядом с какой-нибудь дорогой появится мемориальная табличка с ее именем. Мимо промчался массивный грузовик с огромным прицепом и оставил за собой едкое облако черного дыма.

– Ох... Козел... – Джесс закашлялась и торопливо подняла ветровое стекло. Если бы эта темная туча вползла в салон, то она бы, наверное, потеряла сознание. Самое странное, что в детстве Джесс, наоборот, очень любила всякие автомобильные запахи, например, бензина, старой резины или машинного масла. Она специально ходила в гараж с дедушкой чтобы ощутить этот затхлый, пропитанный привкусом автомобильных покрышек воздух и посидеть внутри старого «Кадиллака Эльдорадо» – громоздкой машины, казавшейся маленькой Джесс настоящим чудовищем. Совсем скоро она снова увидит этот гараж – еще пару миль, и Джессика окажется возле дома родителей своей матери, небольшого коттеджа на западной окраине Маунтевилля. Теперь этот дом – ее наследство. Пару месяцев назад умерла его последняя собственница – сестра дедушки, и теперь Джесс являлась полноправной владелицей всего участка, который, надо сказать, был достаточно обширным.

В детских воспоминаниях Джесс этот дом выглядел как райский уголок. Все окружено яркой зеленью – подстриженные кусты, газон. В саду – тихо шепчущие кроны деревьев. Замечательный задний дворик, где дедушка специально для нее собрал качели. Наглухо закрытые сарай и подвал – туда ее никогда не пускали, пугая злобными гномами, похищающими детей. Но Джессика их никогда не боялась, ее саму не особо-то тянуло в темные недра подвала, где, скорее всего, живут пауки, а лестница – очень крутая и высокая, с кото-

рой можно неслабо шлепнуться вниз и переломать ноги. Как все это выглядит теперь? В доме она не была, наверное, лет десять. Бабушка с дедушкой умерли перед тем, как она поступила в университет. Сейчас же Джесс было двадцать восемь, она была замужем, и вопрос с жильем стоял остро как никогда.

Ее старый «Понтиак» жалобно звякнул подвеской о прогону в асфальте. Да, район явно нуждался в обновлении. Дороги, во всяком случае, здесь просто ужас. Так можно и вообще остаться без машины. Джесс сбавила скорость и осторожно вползла в район дачных коттеджей. Еще немного и она будет на месте. Из глубин памяти медленно всплыли картинки из детства – как они с дедушкой едут с рынка на его чудном темно-зеленом «Кадиллаке», вокруг – солнечный пейзаж, отблескивающие в лучах окошки домов, сверкающий хром проезжающих мимо машин, улыбающиеся люди, поливающие газон и машущие им руками. Джесс покачала головой и почувствовала, что под ложечкой предательски засадило, а глаза медленно наполнились слезами. Сейчас это место больше похоже на заброшенный город-призрак. Старые кривые деревья, серые дома с облупившейся краской. Никакого газона – только хаотично торчащие безобразные пучки травы. И почти ни одной живой души – лишь пару стариков, задумчиво сидящих на крыльце и покуривающих сигарету. За пятнадцать-двадцать лет это место превратилось в свалку. Интересно, дом ее дедушки тоже выглядит отврати-

тельно? Скорее всего, да. Фил точно не захочет там жить, да и она вряд ли согласится переехать в такой ужасный район. Продать дом? Но кто его купит? Тем более за приличную цену. Ну, тогда хотя бы продать землю... Джессика растерянно заморгала. Наследство – это, конечно, хорошо, но зачастую, оно больше создает проблем, чем решает.

Когда Джесс въехала на самую крайнюю улицу, ее сердце сжалось и затрепетало. Спустя столько лет она снова оказалась здесь. До боли знакомый пейзаж, теперь уже не такой яркий и родной, но все еще прежний – те же дома, почти не изменившиеся заборчики вдоль участков, основательно поредевшая, однако вполне узнаваемая живая изгородь вдоль улицы. Все это напоминало старую выцветшую фотографию – вроде бы это когда-то было, но уже настолько давно, что в памяти остались лишь какие-то обрывки и кусочки образов. Джесс вздохнула и медленно подкатила к дому дедушки. Он был последним, стоял почти на самом краю улицы, дальше простиралась лесополоса, плавно переходившая в обширный так называемый Белый лес, по размерам напоминающий океан. Раньше, когда она была маленькой, ей чертовски нравились эти мощные деревья, безмолвные, величественные, похожие на неприступную стену. Сейчас же они ее пугали. Что ж, это не самая лучшая идея – переезжать в дом на краю леса. Фил ни за что не захочет здесь жить.

Почему-то она представляла себе все немного иначе. Может потому, что в ее памяти это место все еще оставалось

сказочным уголком? И мысль о том, что в доме бабушки может быть плохо, казалась абсолютной глупостью? Джессика закрыла машину и достала из кармана ключи от дома. Их она тоже помнила с самого детства. Два больших и длинных от парадного входа, один короткий, с латунным блеском – от черного. И небольшой брелок в виде монеты с изображением единорога. Раньше бабушка цеплял к ним еще и ключи от автомобиля и гаража. Девушка глубоко вздохнула и приблизилась к калитке. Краска на ней была старой и облупленной. Похоже, сестра бабушки не занималась ни ремонтом, ни косметическим обновлением доставшегося ей жилья. Хотя, может, она была попросту не в состоянии этого делать. Джесс почти никогда с ней не общалась и даже не имела представления, как эта женщина жила. Ну что ж, теперь что есть, то есть.

Она аккуратно отворила калитку и зашагала к дому по мощеной дорожке, теперь уже почти стершейся. От газона и замечательной живой изгороди не осталось и следа – все это превратилось в бурьян и какие-то совершенно немыслимые заросли. «А чего ты хотела? Бабушки и бабушки уже давно нет в живых. Глупо ждать, что все здесь будет так же, как в детстве,» – одернула себя Джесс. Но все равно ей было ужасно грустно. Она словно находилась в каком-то законсервированном могильнике. И похороненной здесь была не только память о близких, но еще и ее детство – светлый мир, который уже давно канул в прошлое. Кажется, лишь теперь

она окончательно осознала, насколько давно была маленькой. «Так оно, наверное, и происходит. Посещаешь родное место и понимаешь, сколько уже воды утекло. Зря я приехала сюда одна. С Филом было бы попроще,» – подумала Джессика, вытирая выступающие слезы.

Дом тоже был не в самом лучшем состоянии. Обивка была похожа на кожу рептилии, слезающую во время линьки – местами она буквально сползала лоскутами. Крыша, скорее всего, тоже нуждалась в починке – Джесс заметила несколько отсутствующих черепиц. Окна, к счастью, на первый взгляд, были целыми.

Девушка всхлипнула и подошла к входной двери. Ей безумно не хотелось заходить внутрь. С превеликим удовольствием она бы сейчас развернулась, села в машину и уехала отсюда прочь. Но пути назад уже не было. Этот дом принадлежал ей, и отказываться от такого наследства она не имела права.

Внутри все было пыльным, старым и каким-то чужим. Настоящий хлев, как сказала бы бабушка. Пропали кресла из гостиной, диван с резными подлокотниками из холла, дедушкин шкаф в викторианском стиле. Вместо них была какая-то древняя дешевая мебель, похожая на хлам, приобретенный с какой-нибудь уличной распродажи. Исчезла даже большая книжная полка из кабинета дедушки – теперь там стояла кушетка, наподобие тех, что бывают в больницах. Джесс чувствовала, как по щекам текут целые ручьи слез –

она все еще надеялась найти что-то из тех давних, добрых времен. Но теперь это было совсем другое место – чужое и незнакомое, даже какое-то враждебное. Она как зомби ходила из комнаты в комнату и пялилась на незнакомые предметы, словно не понимая, откуда они вообще могли здесь взяться.

Единственным местом, которое сохранило знакомый облик, была кухня. Массивные резные шкафы и огромная раковина, размером почти с целую ванну, остались на месте. Прежней была даже старая люстра – дедушка купил ее в каком-то антикварном магазине по скидке. Она напоминала здоровенный канделябр, подвешенный под потолок на крупную цепь. Джесс раньше думала, что из такой люстры смело можно делать ловушку – если такая громадина рухнет вниз, то непременно пробьет пол.

– Ну и пылица здесь... – девушка скорчила гримасу и провела пальцем по столу. – Да уж, придется, наверное, переквалифицироваться в уборщицу. Фил будет в восторге, когда это увидит.

Она еще раз внимательно оглядела кухню, прикидывая, стоит ли оставлять все в нетронутом виде, или нужно что-то обновлять. Мебель сохранилась хорошо и почти не испортилась. Нужны были только мелкие правки, вроде пары мазков лака или краски. А вот стены... Джесс с сомнением оглядела пузырящиеся старые обои. Со стенами однозначно нужно что-то делать. Еще немного, и обои слезу сами по себе,

без чьего-либо вмешательства. Ее взгляд блуждал по стенам и неожиданно зацепился за что-то темное у одного из громоздких шкафов возле плиты.

– Эй... А это еще что такое? – она подошла ближе и с удивлением обнаружила, что под обрывками обоев зияет целая дыра, будто стена обвалилась внутрь. Тёмное отверстие было явно немаленьким и уходило в сторону, за массивную громаду шкафа. Ну вот, прекрасно. Похоже, дом еще и начинает обрушиваться.

– Фил будет просто в восторге, – очередной раз повторила она и попыталась отодвинуть шкаф. Это удалось ей не сразу – здоровяк весил добрых восемьдесят кило, и она вся пропотела, прежде чем ей удалось сдвинуть его в сторону. То, что скрывалось за ним, повергло ее в шок – дыра, размером с чердачное окно, в которую свободно мог бы пролезть человек.

– Откуда это? – прошептала Джесс, подойдя к чернеющему провалу и опустив в него ладонь. Дыра была глубокой и из нее веяло сквозняком. «За кухней находится подвал,» – вспомнила она. – «Дедушка хранил там овощи и постоянно пугал меня, что там живут гномы, которые сторожат припасы. А я ведь даже ни разу туда не заглянула.»

Джесс совершенно не прельщала перспектива спускаться одной в подвал. Она до сих пор боялась темноты и была совершенно уверена, что крысы оттуда никуда не делись. У нее с собой не было даже фонаря...

– Ладно. Ничего не поделывать, – она со вздохом попыталась придвинуть шкаф на место, чтобы прикрыть отвратительную дыру. Да, целиком ее закрыть все равно не получится. Придется приглашать каменщика или кого-то еще, кто сможет закрыть этот зев и выровнять стену. Джесс выругалась и отправилась на поиски фонарика, но они не увенчались успехом. В этом доме почти не осталось ничего полезного. Очевидно, сестра дедушки жила в условиях минимального бытового комфорта.

Джессика вытерла пот со лба и устало прислонилась к косяку. Какой же она была наивной, когда полагала, что старый дом достанется ей без каких-либо изъятий и они смогут захватить в него в течение недели. Нужно целиком сменить мебель, отремонтировать фасад, заделать эту ужасную дыру в стене, облагородить участок...

– Надо продавать эту рухлядь. Никаких денег не хватит на то, чтобы привести ее в человеческий вид, – убитым голосом подытожила она и поплелась на задний двор – проверять подвал.

От качелей, сделанных дедушкой, ничего не осталось. Их попросту выкорчевали из земли, оставив уродливые лунки, похожие на кротовьи норы. Там, где был идеальный зеленый газон, теперь торчали бурые кочки, точно кто-то перекопал это место вдоль и поперек. Джесс снова захотелось плакать. Чем больше она здесь находилась, тем больше ее нутро съживалось от боли. Наверное, она больше не сможет сюда зай-

ти. Этот дом совершенно точно нужно продавать.

Подвал начинался в виде пристройки, идущей от стены кухни и постепенно уходящей в землю. Джесс подошла к его массивным деревянным дверям и толкнула створки. Они были наглухо заперты и даже не шелохнулись. Ключа от подвала у нее не было, и попасть внутрь теперь можно разве что с помощью телепорта. Прекрасно, еще одна задачка – каким-то образом открыть подвал. Эти толстенные двери придется таранить грузовиком, не меньше. Джесс пнула тяжелую створку и зашагала обратно. Ветер взлохматил ей волосы и зашуршал сухой травой, когда-то бывшей ровным стриженным газоном.

– Какой-то кошмар... – бормотала она, шагая на кухню через пыльный холл. – Кто купит этот хлам? Может, хотя бы землю удастся про...

Девушка осеклась, разглядывая отодвинутый шкаф и открывающуюся за ним дыру. Она ведь точно помнила, как придвинула его на место, прикидывая, удастся ли полностью закрыть пробоину в стене. Теперь шкаф был чуть в стороне, словно его кто-то оттащил. Джесс почувствовала, как холодеют ноги, точно кто-то плеснул на них ледяной водой. Этого просто не может быть. Она ведь здесь одна. Совсем одна. Никто ведь не мог проникнуть в дом и отодвинуть этот шкаф, верно?

– Эй, здесь кто-то есть? – крикнула она сдавленным голосом, и ей стало еще страшнее. С трудом понимая, что делает,

она медленно подошла к зияющей черной выбоине в стене и заглянула в нее. Только темнота, сквозняк и больше ничего. Она изо всех сил напрягала слух, пытаясь различить хоть какой-то звук, но в проломе царил абсолютная тишина.

Джесс попятилась и дрожащими руками вцепилась в шкаф. Так, нужно придвинуть его на место, а потом подпереть еще чем-то тяжелым. Хотя, почему она решила, что кто-то отодвинул шкаф из дыры, а не снаружи? Может, здесь промышляют какие-то воришки, которые шарятся по старым домам и воруют вещи? И решили ее попросту напугать?

Она достала из кармана телефон и посветила внутрь черного пролома. Фонарика на ее смартфоне не было, а свет от экрана с трудом разгонял мрак, клубящийся в темной штольне и уходящий куда-то в глубины подвальной пристройки. Как давно здесь появилась эта дыра?

Джессика вновь отскочила от проема и торопливо навалилась на шкаф, пытаясь придвинуть его к проломленной стене. Обливаясь потом, она все же сумела вернуть его на прежнее место, и теперь был виден только краешек дыры, похожий на вертикальную темную пробоину. Ее взгляд лихорадочно метался по кухне, ища еще что-нибудь тяжелое, чем можно было подпереть шкаф. Из мебели в пределах видимости был только стол, и Джесс торопливо дополнила им баррикаду, добавив зачем-то две табуретки, годящиеся разве что для затопки печи. Ужас руководил ей, как кукловод марионеткой, и она была совершенно не в состоянии здраво

рассуждать.

Нужно успокоиться. Может, она сама себя накрутила? Нет же, шкаф был пододвинут вплотную к стене, в этом девушка не сомневалась ни секунды. Что же тогда открыло дыру? Что-то высунулось и отодвинуло шкаф? Или, может, кто-то проник в дом и решил напугать ее?

Джесс вновь вытащила из кармана телефон и торопливо нашла в списке контактов номер Филадельфии. Она не знала, зачем звонит ему. Фил был на работе и не смог бы сейчас приехать. Ей просто нужен был чей-то знакомый голос, чтобы вынырнуть из нахлынувшей волны страха. Пошли длинные гудки. «Возьми же трубку! Возьми ее поскорее, пожалуйста!» – мысленно вопила она.

– Алло.

– Филип? Милый, я в доме. Прошу, выслушай меня.

– Что-то случилось? – голос Филадельфии был обеспокоенным. По ее интонации он сразу смекнул, что пахнет жареным.

– Да. Здесь творится что-то странное... Я зашла в дом, тут все заброшено... Из старой мебели почти ничего не осталось, наверное, это сестра дедушки все поменяла... Дом в ужасном состоянии, Филип...

– Я сразу сказал, что это плохая затея. Нужно его продать и забыть все это как страшный сон.

– Филип, в стене на кухне какая-то большая дыра... За шкафом. Она ведет в подвал, и я пошла посмотреть, что там. Подвал был закрыт, а когда я вернулась на кухню... Шкаф

был отодвинут...

Повисла пауза. Джесс покосилась на шкаф, медленно отступая к выходу. Ее сердце бухало, гулко отдаваясь пульсацией в висках.

– Это что, приколы? Ты там пошутить решила?

– Ни черта я не шучу! Кто-то его сдвинул! Понимаешь? Я тут одна, абсолютно одна. Район заброшен, может это какие-то хулиганы проникли в дом... Мне так страшно... – Джессика, пятясь, вышла из кухни и медленно засеменила к входной двери. – Я еду домой. Филип, ты сможешь сегодня прийти с работы пораньше?

– Что? Слушай, Джесс... Может тебе показалось?

Девушка медленно отступала от кухни, и тут до ее ушей донесся отчетливый, и от этого еще более пугающий звук. Деревянное поскрипывание чего-то тяжелого о пол. Что-то двигало шкаф, и он мерзко скрежетал, отползая в сторону и опрокидывая хлипкие табуретки. С грохотом перевернулся стол, и о паркет раздался влажный шлепок, будто кто-то ступил на него мокрой босой ступней.

Джесс завизжала и бросилась к выходу. Фил что-то кричал в трубке, но она совсем забыла про телефон, буквально ощущая, как по пятам за ней мчится это страшное нечто, вылезшее из дыры. Джессика пинком распахнула дверь и тут же навалилась на нее всем весом, лихорадочно вытаскивая из кармана ключи. Закрывать, поскорее закрыть дверь, чтобы выиграть еще несколько секунд и добраться до машины. Иначе

оно схватит ее прежде, чем она преодолеет расстояние до калитки. Джесс была уверена в этом на подсознательном уровне. Она тыкала ключом в замочную скважину, но от страха никак не могла в нее попасть. С обратной стороны двери прилетел тяжелый удар, и девушка, словно во сне, наблюдала за тем, как ключ вылетел из ее руки и исчез в высокой траве, разросшейся возле крыльца.

Вестник

Когда Изабель Родригес шла по коридору, в ее голове уже прокручивался сценарий предстоящих событий. Каждый раз все было неизменно – звонок от начальства, долгая дорога в соседнее крыло и неприятный разговор, после которого начинается самая тяжелая и в то же время привычная часть. Каблуки Изабель звонко цокали по полу, когда она шла мимо дверей кабинетов, превратившихся в бесконечную череду. Этот звук каждый раз действовал ей на нервы – здесь он был сильнее и резче, чем где-либо еще. Ее шаги были похожи на неуклонное и зловещее тиканье часов, отмеряющих нечто неизбежное и трагическое. В коридоре царил послеобеденный полумрак, снопы света из окон образовывали на полу огромные белесые пятна. Ей хотелось просто испариться, исчезнуть куда-нибудь, как можно дальше отсюда. Ее разум пустел, самоочищался, готовясь к тому, что ее ждет в конце этого пути, за резной дверью с надписью «Помощник комиссара Коттон».

Она на несколько секунд замерла у входа в кабинет, переступила с ноги на ногу, глубоко вздохнула и решилась. Постучала в дверь, толкнула створку и оказалась внутри.

Мистер Коттон был в своей неизменной шляпе. Как обычно, копошился в столе и не сразу посмотрел на нее, выдерживая солидную паузу. Родригес сложила руки за спиной,

выпрямилась и чуть приподняла подбородок. В зеркале, висшем неподалеку от стола Коттона, она разглядела свое отражение – молодая женщина с чуть смугловатым лицом, карими, отдающими каким-то желтоватым оттенком глазами, прямым носом, аккуратным подбородком и короткими волосами, собранными в небольшой пучок. В своей небесно-голубой форменной блузе она смотрелась просто превосходно и явно обращала на себя внимание – вот и мистер Коттон, наконец, повернулся в сторону Изабель и прошелся по ней медленным заинтересованным взглядом. Родригес почувствовала себя неприятно, словно ее насквозь просветил рентген.

– Вызывали, сэр? – спросила она, бросив на него короткий усталый взгляд.

– Да, Белли, вызывал, – он глубоко вздохнул и вытащил из стола какую-то бумагу. Родригес прекрасно понимала, какую именно, но до последнего надеялась, что ошибается.

– Это свидетельство о смерти, – мистер Коттон многозначительно посмотрел на Изабель. – Патрульный Шон Хэйс. Погиб сегодня утром во время задержания подозреваемого. Четыре пули в голову.

Родригес вздрогнула.

– Он был хорошим полицейским. Ты знаешь, что нужно делать. Знаешь, что нужно сказать. Адрес указан здесь, – он протянул ей маленький стикер для бумаг. – После того, как все закончишь, можешь отправляться домой.

Спустя несколько секунд на столе появился сложенный американский флаг и коробочка с наградной медалью. Родригес стиснула зубы, осторожно забрала все это себе и, развернувшись, торопливо зашагала прочь. В гулком коридоре, все так же слушая монотонное эхо собственных шагов, Изабель подумала о том, что сейчас чувствует. Практически ничего. Неприязнь, смятение, которые почти растворились, но главное – пустоту. Словно в ее груди большая дыра, засасывающая в себя все, как огромное сливное отверстие.

Она была на этой «должности» уже несколько лет. Раньше этим занимался один из пожилых офицеров, но однажды получилось так, что он не смог – то ли был занят, то ли еще что, и его обязанность в экстренном порядке пришлось выполнять Родригес. Она как раз была новичком, и ей поручали самую грязную и неблагодарную работу. Тот раз она запомнит на всю жизнь – ей пришлось ехать куда-то за город, в глушь, и говорить пожилой паре, что их сын погиб при исполнении служебных обязанностей. У старушки случилась истерика, а ее муж стоял и рыдал, как ребенок. Изабель не знала, что ей делать, она сама была еще почти девочкой. Это настолько потрясло ее, что дома, оставшись в одиночестве, она долго плакала, съежившись под одеялом. А когда настала пора везти следующее свидетельство о смерти, помощник комиссара Коттон решил, что Родригес лучший кандидат для выполнения этой работы.

– Ты молодая, красивая, очень приятная. Производишь хорошее впечатление. Да и кроме того, ты женщина. Более чувствительная, а это имеет большое значение. Такие вещи должны сообщаться не старыми мужиками, похожими на развалюху, а симпатичными девочками, умеющими тактично разговаривать и проявлять эмпатию, – сказал он ей тогда. – Можешь считать этот компонент работы своей постоянной обязанностью. За это будет отдельное поощрение.

Так она стала «вестником». Именно таким словом неофициально называлась то, что она периодически делала. Делала с пугающей регулярностью, особенно в последнее время. За эти годы Изабель уже привыкла к этому, и во время каждой подобной поездки заставляла себя быть жестче. Не принимать все близко к сердцу и относиться к этому как к обыкновенной работе. Ведь кто-то работает в морге, в похоронном бюро, в хосписе. Для кого-то это обычная рутина, не вызывающая никакого отклика внутри.

Но до конца победить свою чувствительную натуру ей все же не удалось. Привычка привычкой, а каждый флаг, выдаваемый мистером Коттоном, действовал как удар под дых. Да, она, конечно, больше не была той перепуганной курсанткой, которая не знала, как поступить, но вытравить из себя всю жалость и сострадание не получалось. Изабель стала более жесткой, где-то даже грубоватой, но под этой маской пряталась накапливающаяся боль, не имевшая выхода.

Вот и сегодня ей опять предстояло сообщить о смерти

молодого полицейского его ничего не подозревающим родственникам. Судя по документам, у парнишки была лишь одинокая мать, к слову, не такая пожилая – ей не было еще и шестидесяти. Изабель приходилось видеть всякое – и рыдающих матерей, и падающих в обморок жен, и безутешно плачущих отцов, и полные ужаса и отчаяния детские глаза, еще не до конца осознающие весь кошмар произошедшей ситуации. Так что Родригес была морально готова к тому, что придется испытать. Однако внутри все ныло, как после длительного утомительного физического труда. Иногда Изабель казалось, что организм противится тому, что ей приходится делать.

День, как часто бывает в таких ситуациях, был прекрасным. Солнечным, ярким, с высоким небом, легкими пушистыми облаками и золотистыми бликами, вспыхивающими как какая-то веселая праздничная иллюминация. Было даже слегка жарковато, и Изабель расстегнула верхнюю пуговицу на блузке. Затем вытащила из кармана солнечные очки, сигаретную пачку, зажигалку «Zippo» и отправилась на парковку.

Мрачный темно-синий служебный «Таурус» послушно пикинул сигнализацией. Родригес положила флаг и коробочку с медалью на переднее пассажирское сиденье, плюхнулась за руль и, глубоко вздохнув, прикурила. В ее очках отражались яркие солнечные лучи, отсвечивающие в боковых зеркалах. Табак был горьким и слегка бил в голову – Иза-

бель курила только во время своих вынужденных «поездок», поэтому покупала крепкие сигареты, от которых першило в горле и мутнело в глазах. Курево помогало ей настроиться на серьезный лад. Она ощущала себя солиднее, взрослее, хотя на пороге и так маячил конец третьего десятка.

Автомобиль неторопливо пополз вперед, к выезду с территории полицейского участка. Ей предстоял длинный путь, через весь город, в сторону частного сектора. Движение было плотным, поэтому ей не сразу удалось выехать на дорогу, и пришлось несколько мучительных минут ожидать просвета в почти непрерывном потоке движущихся машин.

Послеобеденные часы обычно были чудесным временем. И хотя все еще припекало, неотвратимо ощущалась надвигающаяся вечерняя прохлада. Дома сверкали в солнечном свете, окна ярко отблескивали, вспыхивали, словно маленькие прожекторы. Все казалось очень ярким, насыщенным и сочным, каждый цвет, каждый оттенок и тон. В такие приятные дни хочется радоваться жизни и верить в лучшее. Таким днем хочется наслаждаться. Особенно если ты не везешь матери свидетельство о смерти ее сына.

Изабель опустила боковое стекло, сделала глубокую затяжку и выпустила дым в окно. Солнце било в глаза, играло на глянцевом капоте, отражалось от стекол и хромированных радиаторов встречных автомобилей. Родригес откинула солнцезащитный козырек, взяла сигарету в зубы и пошарила рукой по выключателю радио. Ехать в тишине было невы-

носимо, нужно хоть что-то, любой отвлекающий голос или мелодия.

Изабель подумала о том, каким мог быть Шон Хэйс. Наверное, типичный курсант полицейской академии, пытающийся выглядеть браво и добросовестно. Она обратила внимание на дату его рождения – получалось, что он был младше нее на несколько лет, ему совсем недавно исполнилось двадцать три. Всего лишь двадцать три года. Этот парень никогда не состарится, никогда не будет зрелым, у него не появятся морщины и волосы не смогут поседеть. Он не будет воспитывать своих детишек, забирать их из детского сада, провожать в школу, не будет отмечать со своей женой годовщину, у него не случится первой брачной ночи, не будет свадьбы, не будет вообще ничего...

Родригес сделала еще одну сильную затяжку и задержала дым в легких. Радио забормотало голосом новостного диктора, впереди загорелся красный, и автомобиль застыл в раскаленном воздухе, стелящемся по асфальту, в густом солнечном свете, превращающемся в один сплошной отблеск. По пешеходному переходу пробежала веселая детвора с рюкзаками, следом прошагала молодая парочка, держащаяся за руки. Детский смех перебивал негромкое бурчание радио, и Изабель сделала погромче.

Город вокруг кипел жизнью. Все куда-то двигалось, бурлило, словно вода в котле, подвешенном над костром. Так много машин, снующих туда-сюда. Столько людей, посто-

янно бегущих в никуда, проскальзывающих, словно короткие анимации. Иногда ей все казалось странным. Порой она чувствовала себя оторванной от окружающего мира. Он был каким-то неправильным. Он был устроен нелогично, разум разбивался об него, как кусок льда о твердую скалу. Этот мир всегда жил своей жизнью. Ему не было дела до маленьких историй, до крошечных деталей, из которых он сам состоял. Ему было все безразлично, и это пугало. Он медленно тек, как река, и всегда будет продолжать течь, независимо от того, что произошло и произойдет. Ты можешь либо войти в поток и позволить ему унести тебя дальше, либо сопротивляться и сидеть на берегу, глядя за его меланхоличным движением.

Изабель выбросила окурок в окно. Хотелось абстрагироваться и задуматься о чем-то нейтральном. Например о том, что она сможет пораньше попасть домой. Чем займется сегодня вечером? Наверное, ничем примечательным. Приготовит ужин, ходит в магазин. Может даже выпьет вина. Раньше у нее были проблемы со сном, но теперь все решалось радикально – с помощью снотворного. Всего одна таблетка, и ты спишь как младенец. Она вспомнила, как коротала ночи после своих первых выездов. Случалось даже такое, что уснуть не удавалось до самого утра.

Родригес поморщилась и достала еще одну сигарету. На следующем светофоре прикурила и закашлялась от ударившего в горло едкого дыма. Солнце опустилось чуть ниже, его

лучи стали бронзоветь и окрашивать все вокруг в приятные мягкие тона. Город постепенно заканчивался, дома редели, а впереди начинала проступать автомагистраль, ведущая к частному сектору – длинная петляющая загогулина, похожая на гигантскую змею.

Здесь было гораздо приятней, чем среди городской суеты. Красивые зеленые поля, напоминающие дорогие шелковые ковры, раскинувшиеся куда-то далеко-далеко, голубое, похожее на бескрайний океан небо. Высокое и беззаботное, с маленькими барашками облаков, плывущими в неизвестность, такими далекими и недостижимыми.

Родригес покрутила ручку приемника, пытаясь поймать какой-нибудь музыкальный канал. Через некоторое время ей это удалось, и она угодила на музыкальный хит-парад недели. Большинство песен ее не впечатлило, но одна из последних, исполняемая какой-то до боли знакомой поп-певицей, заинтересовала Изабель. Она даже сделала погромче, настраиваясь на пульсирующую мелодику и вслушиваясь в слова.

«В некотором смысле, все –

Вопрос времени,

Я не буду о тебе беспокоиться,

Ведь у тебя все будет прекрасно.

Возьми мои мысли с собой

И, когда ты обернешься,

То непременно увидишь знакомое лицо.»

Песня была убаюкивающей, какой-то умиротворяющей и погружающей в омут медленно растекающихся на солнце мыслей. Изабель следила за потоком машин, скользящим по шоссе, за лицами, проскакивающими мимо, такими отстраненными, застывшими, как маленькие безмолвные картинки. Ей тоже хотелось ехать в никуда, слушая музыку и не думая ни о чем. Мир вокруг жил своей жизнью. Она была словно зрителем, присутствующим со стороны и смотрящим на все это с грустью и отрешенностью. Обычный непримечательный день, который должен стать для кого-то особенным. Сколько их таких сейчас, в эту минуту? Людей, для которых эта солнечная яркая идиллия навсегда станет синонимом чего-то неприятного и болезненного?

В окно приятно дул прохладный ветер. Жара медленно начала спадать, уступая место предвечернему времени, когда солнце еще яркое, но уже не припекает так сильно, как за пару часов до этого. Дорога была практически идеальной – ни одной кочки и неровности. Машина скользила по ней гладко и мягко, точно по воде. Изабель посмотрела на сложенный флаг и коробочку с наградой, сиротливо лежащие на пассажирском сиденье. Это было так скупо и как-то слишком мизерно. Все, что она должна показать матери вместо живого человека, который всего сутки назад был абсолютно реален.

Частный сектор медленно выплыл из дрожащего маре-

ва, постепенно материализуясь и превращаясь в маленькие, словно бы игрушечные домишки. По обеим сторонам дороги начали вырастать огромные рекламные щиты, заслоняющие солнечный свет и отбрасывающие на шоссе большущие черные тени.

Этот район выглядел здорово. Он был ухоженным и приятным, везде было очень чисто и аккуратно. Изабель никогда здесь не бывала. Улицы четко разграничивались – проезды между ними были широкими, а напротив каждой дороги стояли указатели с названиями. Родригес сверилась с адресом и вздохнула. Ей оставалось всего пару улиц. Что, интересно, сейчас делает мисс Хэйс? Наверное, занимается обычными повседневными делами. Может быть, слушает радио и тихонько подпевает. Может быть, у нее прекрасное настроение, и весь день складывается просто замечательно. Она и не подозревает о темно-синем «Таурусе», который становится ближе с каждой секундой. Не знает о том, что ждет ее через несколько минут.

Изабель чувствовала себя палачом. Будто в ее руках было гигантское лезвие, которым она должна была разрубить жизнь человека напополам – на «до» и «после». Это долгое время было ее работой, и каждый раз она словно выносила приговор, ломала жизнь и наносила кому-то тяжкую рану.

Родригес проехала несколько улочек и остановилась напротив дома, на почтовом ящике которого было написано «Хэйс». Она некоторое время не глушила двигатель, слов-

но бы надеясь, что можно развернуться и уехать. Что из машины не придется выходить. Но ключ пришлось повернуть, и воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуками проезжающих мимо автомобилей, да чьих-то шагов, отдающихся от мощеной дорожки.

Изабель посмотрела на окна дома, в которой ей предстояло зайти. На свежеевыкрашенные ступеньки крыльца, на ровные ряды черепицы, на аккуратно подстриженный газон. Она набрала побольше воздуха в легкие, словно готовилась нырнуть на глубину, взяла с сиденья флаг и коробочку и открыла дверцу.

Всего лишь неделю

Стивен приоткрыл глаза и сбросил простыню, жаркую, словно ватное одеяло. Сквозь жалюзи на окне проникало розоватое рассветное зарево и медленно расползлось по стенам, окрашивая их в нежные пастельные тона. «Днем будет совсем пекло,» – проскользнуло в голове. Стив вытер пот со лба и заворочался. Как же невыносимо душно в этой комнате, неужели кондиционер перестал работать?

Кто-то лежал с ним совсем рядом. Чьи-то длинные шелковистые волосы накрывали плечо и излучали мерное, ласковое тепло. Стив улыбнулся. Просыпаясь по утрам, он зачастую не мог поверить своему счастью. Его девушка Молли – воплощение мечты. От взгляда такой красавицы можно позабыть самого себя, не говоря уже об остальном. «Неужели она моя?» – подумал Стив, осторожно проводя пальцем по ее нежной, как бархат, щеке. Молли глубоко дышала во сне, ее обнаженная грудь упиралась в его руку. Ее лицо было совершенным – аккуратное, словно искусственно созданное путем анализа самых привлекательных женских черт. Идеально ровный нос, изящные губы, красивый, точно вырезанный мастером подбородок. И потрясающие локоны – темно-каштановые, похожие на горячий шоколад.

Стиву не хотелось шевелиться, чтобы не упустить этот сладостный момент блаженства. Все было настолько хорошо,

что даже не верилось. Постепенно, все больше отходя ото сна, он вспоминал, что за окном восхитительный пляж. И что они больше не в тесном городе, а где-то далеко на островах, в ореоле теплоты и нежных песчаных пляжей. Стивен глубоко и удовлетворенно вздохнул, проведя рукой по обнаженной груди своей безумно красивой подруги. От такой жизни недолго и с ума сойти.

Молли открыла глаза и с улыбкой посмотрела на него. Стив на несколько мгновений потерялся во времени – ее взгляд делал из него послушного болванчика, забывающего обо всем.

– Доброе утро, – она приподняла голову и поцеловала его. Он обхватил девушку за плечи и прижал к себе.

– Ты меня задушишь, – хихикнула Молли и игриво прикусила его за ухо. – Когда-нибудь я тебя съем.

– До сих пор не могу поверить, что мы, наконец, выбрались из этой невыносимой цивилизации и можем греть животы на пляже, – Стив чмокнул ее в щеку и разжал руки.

– Мы здесь уже неделю, а ты все никак не можешь привыкнуть.

– Неделю? Вот дела. Быстро время летит, – он озадаченно поскреб щеку.

– Если бы кое-кто меньше баловался коктейлями, то память была бы намного лучше, – Молли легонько щелкнула его по кончику носа и спрыгнула с постели.

Да, коктейли. Здесь просто восхитительная выпивка –

Стив и не знал, что с ромом можно приготовить такое количество миксов. А главное – никто не против его маленьких слабостей – Молли не закатывала истерик из-за выпивки. До нее он не встречал девиц, с пониманием относящихся к легкой увлеченности спиртным. Хотя, если бы он сам был женщиной, то вряд ли позволял бы своему бойфренду часто выпивать. «Наверное, я был бы стервой,» – мысленно ухмыльнулся Стив и сел на кровати.

Он подумал о том, что впереди прекрасный длинный день. Они могут гулять по пляжу, наслаждаться пальмами и солнцем и делать все, что душе будет угодно. С чего начать? Стивен потянулся и почувствовал, как затрещали позвонки. Разумеется, с завтрака. А там не грех и выпить пару коктейльчиков.

– Дорогая, что у нас осталось из еды?

Молли заглянула в комнату и ухмыльнулась.

– Ничего, Стиви. Здесь завтрак нужно заказывать по телефону, а затем его доставят в номер. Ты, что, забыл об этом?

– Серьезно? – Стивен ощущал свою голову пустой, как барабан. – Что-то я не припомню такого.

Что ж, приятель, кажется, ты и правда увлекся выпивкой. Когда-то давно он читал про стадии алкоголизма, и амнезия как раз упоминалась в качестве одного из основных признаков чрезмерной увлеченности спиртным.

– Вчера у нас был отличный ужин, – Молли вновь высунула голову из-за косяка. – Ты заказал карпаччо из телятины

со стейком и какое-то потрясное мороженое. Безумно сладкое. Кажется, ванильное.

Стив улыбнулся и ощутил острый укол тревоги. Неужели у него начал развиваться склероз? Он не помнил ничего из того, о чем говорила Молли. Может, дело вовсе не выпивке? Вдруг у него какое-то необратимое расстройство наподобие болезни Альцгеймера?

– Эй, все в порядке? – Молли приблизилась и погладила его по щеке. Но он даже не ощутил прикосновения ее руки.

– Д-да. Все в норме. Просто вспомнил кое о чем. Так что у нас на завтрак?

Стив как можно более беспечно поглядел на нее и вновь улыбнулся. Нужно выкинуть из головы всю эту чушь. Не хватало только накручивать самого себя. «Эй, чувак, да ты в раю! Рядом с тобой шикарная девушка, вокруг – море и пальмы. Неужели тебя еще что-то волнует?» – спросил его внутренний голос, и Стивен мысленно согласился с его доводами. Все отлично. Хватит паниковать.

Молли задумчиво закусила губу.

– Я думаю, нужно что-нибудь стандартное. Какое-нибудь английское меню. Бекон, тосты, яйца... И хороший кофе.

– Да, было бы здорово, – Стив потянулся к радиотелефону на стеклянном столике. Сейчас они хорошенько позавтракают, а потом можно будет сходить на пляж и поваляться в шезлонге.

Его рука стиснула трубку так сильно, что побелели паль-

цы. Он не помнил ни одного номера службы отеля. Даже самого простейшего, для вызова швейцара. Это попросту невозможно. Как он прожил здесь целую неделю?

– Стиви... Тебе нехорошо? Ты очень бледный, – Молли снова погладила его по лицу. Но он ощутил лишь капли пота, сползающие по вискам.

К счастью, рядом с телефоном на столике обнаружилась табличка со списком важных номеров. Стив сглотнул слюну, взглядываясь в цифры и понимая, что видит все это впервые.

– Что-то у меня голова слегка кружится... – услышал он свой голос, пробивающийся словно через слой ваты.

– Я, пожалуй, открою окно. Тебе нужен свежий воздух, – Молли казалась обеспокоенной, но его что-то настораживало в ее тоне. Он был каким-то... Станным. Словно она отыгрывала роль или говорила через силу. Так, приятель, у тебя совсем плохо с головой. Пора подумать о визите к врачу.

Стивен машинально набрал номер управляющего и перевел взгляд на свою девушку, сидящую на кровати рядом с ним и встревоженно перебирающую в пальцах прядь своих шоколадных волос. Ее глаза мерцали янтарными камешками. Теперь ее красота казалась неестественной, словно рядом с ним находился не живой человек, а безупречно сделанная кукла.

– Доброе утро. Желаете что-нибудь?

– Э-э... Я хотел бы заказать завтрак. Английское меню. У

вас имеется такое?

– Да, конечно. Тосты, яичница по-английски, бекон и латте, – голос управляющего был слащаво-услужливым и каким-то механическим.

– Отлично. Как раз то, что надо. Тогда две порции, пожалуйста, – Стивен вытер со лба пот. Может быть, кофе приведет-таки его в чувство?

– Назовите номер, в котором Вы проживаете и свою фамилию.

– Меня зовут... Э-э-э... – Стивен неожиданно впал в ступор, за которым последовал дикий ужас. – Меня... з-зовут...

Он помнил только свое имя. А вот фамилия – черный провал. Неделя на курорте, в отеле? Что за курорт? Какой это город? Какой сейчас день? Какой год? Кем он работает? Откуда взялась Молли? Как он ее нашел? Как сюда попал?

Эти вопросы пронзали его мозг, точно раскаленные гвозди. Он вдруг ясно осознал, что не помнит о себе абсолютно ничего. Ни единого денька, ни минуты, ни мгновения. Он начал свою жизнь этим утром, и все вокруг – дорогой номер с видом на плещущиеся волны, красивая девушка, сидящая рядом – вышли из небытия. Стив не знал никакой Молли, не приезжал ни на какой курорт, не жил здесь целую неделю и уж тем более не заказывал завтраков в номер.

– Ошибка! Требуется анализ кода, – прозвучал откуда-то металлический голос. Все вокруг вдруг превратилось в неподвижную проекцию, похожую на декорацию из фильма.

– Ты... ненастоящая? – Стив протянул руку к Молли, застывшей, как восковая фигура, и его рука прошла сквозь нее.

– Ошибка! Требуется анализ кода!

Вновь этот странный голос. Предметы вокруг дернулись и зарыбили, словно изображение в неисправном телевизоре.

– Ошибка! Требуется анализ кода!

Теперь эти слова прозвучали куда реалистичнее, Молли и солнечные апартаменты отеля исчезли, и Стивен обнаружил себя в каком-то странном помещении, заполненном мигающими лампочками, мониторами и странными жужжащими приборами, похожими на камеры видеонаблюдения.

– Симуляция остановлена. Код ошибки – CN92. Режим бодрствования активизирован.

– Эй... Что это? – Стивен попытался привстать и с ужасом обнаружил, что весь утыкан проводами. Он был опутан ими, словно разноцветной паутиной – часть проводки шла из пальцев, из рук, огибала шею, уходила назад, за спину, торчала из живота...

– Что там, Марк?

Ледяной низкий голос, отражающийся от стен каким-то странным металлическим эхом.

– Он снова проснулся. Симуляция ни разу не продлилась более двадцати минут. Он начинает выходить из нано-реальности, – второй голос, более приятный, но тоже дробящийся железными отзвуками, точно его обладатель говорил в же-

стяное ведро.

– Дело в памяти?

– Возможно. Надо проверить весь сектор мозга в этой области. Он цепляется за воспоминания и начинает искать логические цепочки. В этот раз в симуляции с первых минут пошла ошибка. И потом уже не получилось взять его сознание под контроль.

– Настырный парень.

– А-а-а-а! – Стивен закричал, в ужасе осознавая, что провода идут и навверх, к макушке, где не чувствовалось ничего и было как-то слишком свободно, будто ему попросту срезали верхнюю часть черепа.

– Он очнулся. Давай, погружай его в сон. Будем работать дальше, – Стивен заметил какое-то движение, и через несколько секунд увидел перед собой два странных силуэта, внешне напоминающих людей в водолазных костюмах. Вот только вместо тесной резины их тела облегалo какое-то странное волокно, похожее на туго скрученные слои проводов и металлических прутьев.

– Я проверю программный код симуляции. Компьютер сказал, что ошибка именно в нем.

– Не надо... Не трогайте меня... – пропищал Стивен, но странные фигуры словно бы не слышали его.

– Что попробуем симулировать после ремонта?

– Перезапустим последний сценарий еще раз. Отель с красоткой – самый лучший из вариантов. Чувствительность

кожного покрова у него хорошая – тактильные ощущения передавались прекрасно, хотя под конец случились проколы, когда мозг стал отключаться и искать логику в происходящем. Ничего, это поправимо, – непонятное существо протянуло длинную узловатую руку и что-то потрогало в голове Стива. – Нужно сделать более обширную трепанацию.

Он хотел заорать, но вдруг понял, что не может двигать даже глазными яблоками. Сознание медленно угасало, а вместе с ним и странные фигуры, замершие прямо перед ним и копошащиеся в его черепе.

Стив открыл глаза и сел на кровати. Рядом лежала Молли, его красавица, разметавшая во сне свои прекрасные каштановые волосы. За окном лениво плескало море, утреннее солнце заполняло комнату золотистым светом. Райский отдых, лучше и придумать нельзя. Сколько он уже длится?

Стивен нахмурился, но спустя секунду его лицо блаженно разгладилось. Всего лишь неделю.

Человек в палате

За окном, словно маленькие блестящие жуки, проплывали машины, крошечными фигурками сновали люди, отблескивали стеклами этажных пролетов дома. Андрей задумчиво разглядывал это кажущееся неторопливым движение, городскую циркуляцию жизни, и с ужасом вспоминал место, в котором ему довелось побывать несколько месяцев назад.

Здесь, в больничной палате, все ощущалось каким-то застывшим и закаменевшим. Вокруг двигалась жизнь, ускользала, текла, словно быстрая речка, а в серых госпитальных стенах время останавливалось, и день зачастую тянулся очень долго. Иногда Андрею казалось, что час здесь идет за два. Все, что он мог делать, это размышлять, смотреть в окно и читать газеты, которые приносили медсестры.

Лечение было мучительным. То, с чем он сюда попал, зачастую заканчивалось тяжелыми болезнями и инвалидностью на всю жизнь. Андрею переливали кровь, вкалывали антибиотики, промывали кишечник, следили за работой щитовидной железы – целый комплекс процедур, от которых все внутри ныло. Тем не менее, он был благодарен врачам – они хорошо делали свою работу и, безусловно, помогали ему. Во всяком случае, несмотря на все эти живодерские штуки вроде постоянных уколов и капельниц, он чувствовал себя лучше, чем раньше.

Андрей частенько думал о том, что стало с теми, кто работал вместе с ним в том кошмарном месте. Их было тысячи, и каждый, скорее всего, получил огромную дозу облучения. Им ведь толком и не говорили о реальной опасности, о том, какие будут последствия. Они знали только время, которое отведено на работу – не больше минуты. Андрею не казалось, что их обманывали. Скорее, наверху тоже не вполне осознавали весь масштаб случившегося и действовали наощупь, пытаясь хоть как-то решить проблему. Наверное, и сейчас никто до конца не понимает весь ужас того, что случилось. Или, быть может, все действительно не так страшно, как он себе рисует в воображении? Ведь работы закончены, дело доделано, опасность ликвидирована. Да, пострадали люди. Но как же иначе? Разве когда-то бывает другая цена?

Он ворочался на кровати и все думал, думал, думал. Ведь ему было уже за тридцать, и он понимал всю серьёзность ситуации, в которую угодил. Андрей пытался осмыслить то, что видел. Трезвым взглядом посмотреть на вещи с позиции взрослого человека. Он ведь не был атомщиком, ученым или человеком, разбирающимся в науке. Можно было только догадываться о том, что творилось на дне дыры, огромной черной пасти, которая изрыгнула тысячи радиоактивных обломков и в один момент сделала необитаемым целый город.

Андрею нравилась молодая медсестра, Надя, очень симпатичная и веселая девушка, относившаяся к пациентам с

особенной теплотой. Ей было, наверное, чуть за двадцать. Здесь, в стационаре, он не видел почти ничего хорошего, только страдания и боль других людей. И Надежда – наверное, ей не случайно когда-то дали именно такое имя – была самой настоящей надеждой на хорошее. На выздоровление, на то, что все скоро вернется на круги своя и жизнь станет такой как раньше. Андрей всегда ждал, когда она придет поставить капельницу, весело улыбнется и спросит, как дела.

– Ну, Андрей Палыч, как вы сегодня?

– Хорошо. Тело, правда, ноет немного. Но уже получше, чем на той неделе.

Наденька скромно улыбается и начинает возиться с длинной капельницей. Андрей разглядывает ее – веселые конопушки, большие серые глаза, каштановые волосы до плеч, иногда собранные сзади в небольшой пучок. У Нади внимательные осторожные руки – она делает все быстро, но мягко, чтобы не причинить боль. Например, ставит иглу в вену на раз-два, не оставляя уродливых синяков на весь локоть. То же самое с уколами – быстро, но осторожно, совсем не больно. Андрей ловил себя на мысли, что почти влюбился в эту девчушку, настолько она была простой и свойской, доброй и очень ласковой. Разница в возрасте у них была не меньше десяти лет, но это почему-то его не особенно смущало. Кольца на безымянном пальце у нее не было, и это всегда вселяло ему некую надежду. Однако потом, оставаясь один на один с собой, в серой палате с вечерними сумерками, он стыдил се-

бя за свою мальчишескую глупость и дурацкие мечты. Куда ему, уже больному, облученному, возрастному лезть к молодой девушке, которая только начинает жить?

Наденька вытягивает шнур от капельницы и с виноватой улыбкой говорит:

– Давайте ручку.

Андрей вытягивает свою исколотую худую «ручку» и с благоговением ощущает нежные пальцы медсестры на своей сухой коже.

– Ох, досталось Вам, – привычно вздыхает Наденька, заканчивая с иглой. – Вы ведь там всего пару минут пробыли?

Андрей очень не любит рассказывать об этом. Но для нее всегда делает исключение – ей действительно интересно и важно об этом знать. Наверное, если бы Надя оказалась там, то работала бы до последнего вздоха. Без сомнения, отдала бы все свое здоровье. Андрей искренне радовался, что ей не довелось туда попасть. Такие, как Наденька, должны жить долго и счастливо.

– Да, скидывал лопатой обломки с крыши.

– И как? Страшно? – глаза Нади становились большими и испуганными, как у маленькой девочки.

– Да нет, не особо. Там ведь ничего не чувствуется, – Андрей улыбнулся и вспомнил заваленную мусором крышу атомной станции и громадную красно-белую трубу, уходящую в небо как гигантский жезл. – Ни радиации, ни страха. Нужно быстро делать свое дело и уходить. Чем быстрее про-

двигается работа, тем меньше народу пострадает.

– Андрей Палыч... А сам Чернобыль... Точнее станция... Какая она? Большая?

– Огромная. Там вокруг целый комплекс – всякие здания, лаборатории и так далее. Но вообще, я толком не успел ничего рассмотреть. Только на въезде, да с крыши немного. А рядом – город атомщиков, Припять. Очень красивый, белоснежный. Там я тоже не побывал, нельзя. У каждого свой фронт работы – кто-то мусор с крыши скидывал, кто-то занимался стройкой саркофага, кто-то возился с техникой. Особой лирики нет, посмотреть что-то толком не успеваешь.

Надя качала головой и поглядывала на деления капельницы.

– А я слышала в этом городе теперь никто не живет... Там что, правда всех эвакуировали?

– Правда, – с горечью кивал головой Андрей. – Так до сих пор никто и не живет. И никогда больше, наверное, не сможет жить. Все облучилось, везде радиация. Там очень опасно находиться. Нам комбат говорил, что целые квартиры остались нетронутые. Как будто человек вышел куда-то и пропал – посуда стоит, мебель, вещи лежат... Страшно все это... – он мрачнел и вновь начинал погружаться в воспоминания.

Наденька пыталась что-то рассказывать, шутить, даже иногда читала вслух. Андрею очень нравился ее голос – уже не совсем девичий, немного хриловатый. Так и они и болтали, пока ему в вену капало лекарство, затем она снимала

иглу, гладила его по голове и улыбалась.

– Ну все, мне пора, Андрей Палыч. Бежать надо. Не скучайте тут! Я еще зайду попозже.

После этого Наденька уходила, торопливо цокая по кафельному полу. Она его называла даже как-то по-стариковски – Андрей Палыч, как будто он какой-то то дед. Хотя для нее он, наверное, и правда был почти стариком – она только разменяла свой третий десяток, а он уже почти на середине четвертого.

Андрей долго обессиленно лежал, смотрел в потолок, покрытый потрескавшейся штукатуркой, и в блестящее окно, за которым синело высокое небо. После полудня Наденька приносила обед – в столовую из стационара он не спускался, опять же из-за отсутствия сил, и она всегда носила ему покушать, нянчась, словно с ребенком. Пока он ел, она вновь начинала болтать, и Андрею становилось легче, словно он переносился в какую-то другую реальность.

– Эх, так хочется в Анапу... На солнышке полежать. В городе так серо, скучно. А там море, красота... Покупаться, на пляже позагорать... Вы когда-нибудь были на пляже?

– Был один раз. В Сочи. Наверное, году в семьдесят девятом.

– И как Вам?

– Красиво. Все зеленое... А море... Огромное. Как будто ему нет конца. Смотришь на горизонт – а там одна вода, на сотни километров.

– А я не была никогда. Но хочется. Ну ничего, когда-нибудь съезжу. У меня старшая сестра в Анапу ездила по распределению, вожатой в лагерь. Загорела там, как мулатка. Говорит, круглый год тепло, солнечно. Аж не верится...

После обеда появлялись силы подойти к окну. Он некоторое время наблюдает за городом, за пешеходами, торопливо снующими по улицам туда-сюда. Иногда он думал про Припять – как она там сейчас? Ведь он никогда такого не слышал – молодой, цветущий город эвакуируют, и улицы остаются пустыми, безжизненными. Вокруг все по-старому – магазины, автомобили, газоны, кустарники, дома, дворики – но все пусто. Пока еще свежа краска, трава не разрослась и не поглотила асфальтовые дорожки, в парке все так же треплется на ветру красные флаги, солнце привычно облизывает все еще яркую штукатурку на стенах домов... Андрей представил, как весь этот огромный город, на который он сейчас смотрит из окна, все эти дома и улицы тоже внезапно опустели как в Припяти. Каково это, бродить по такому громадному городу в одиночку?

Эти люди из Припяти спокойно жили, каждый день ходили на работу, проживали день за днем. Радовались, собирались в гости на выходные, ездили на рыбалку. И никто не мог предположить, что в один момент все обрушится. Такого никогда не происходило, и никто не знал, как быть и что предпринять. Пожалуй, это было сравнимо с какой-то войной, только на этот раз враг был невидимым и бороться с

ним было невозможно.

Вечер. Палата темнела, сумерки медленно расползались из углов чернильными пятнами. Наденька беспокойно заглядывала в палату и спрашивала, не хочется ли ему пить. Он просил сока и медленно тянул его, лежа в кровати и задумчиво глядя на пятна фонарей в окне. К концу дня его опять накрывала слабость, точно он отпахал смену на заводе. Сон не приходил, и Андрей лежал и пялился в темноту, думая обо всем и ни о чем – перед глазами плясали обрывки воспоминаний о работе, о молодости, о друзьях, о станции, о том, как он впервые увидел ее полуразрушенную громаду. За дверьми палаты кто-то гулко шагает по выложенному плиткой полу, он вслушивался в эти шаги и медленно проваливался в никуда.

Ему часто снилось одно и то же. Этот ужасный сон, после которого он просыпался от боли во всем теле и долго не мог прийти в себя. Словно он вновь оказался там. Тяжесть свинцовых пластин, тянущих к полу, респиратор и очки, сковывающие лицо и ограничивающие обзор. Он и еще четверо поднимаются наверх через небольшой лаз, проделанный в кровле, и взору открывается жуткая картина – крыша атомной станции, засыпанная графитовыми обломками. Множество мелких частей – каменных, металлических, из какого-то непонятного материала – все разбросано и тут, и там, кучами лежит, преграждая путь. Почему-то Андрею сразу вспомнились военные фотографии с мест, подверг-

шихся бомбардировке – там тоже все усеяно обломками, перемолото и превращено в кашу. Где-то глубоко внутри растет страх. Они знают, что здесь очень опасно, и тело начинает дрожать от ужаса – дорога каждая секунда, малейшее промедление может стоить жизни. Сверху – пасмурное стальное небо, громадная тень от титанической трубы, возвышающейся над их головами, словно занесенный гигантский меч. Чуть дальше – черный провал четвертого энергоблока, взлетевшего на воздух несколько месяцев назад и источающий тысячи смертоносных радионуклидов. Сжимая лопаты, они мчатся к рабочему месту, небольшому участку, где им предстоит провести самую ужасную минуту в своей жизни. Обливаясь потом, чувствуя, как дрожат от напряжения руки, Андрей поддевает лопатой несколько кусочков графита и торопливо несет их к краю крыши, чтобы сбросить вниз. Сердце гулко стучит где-то в горле, ноги начинают слабеть под тяжестью свинцовой защиты. Еще одна лопата радиоактивного мусора, и перед тем, как скинуть обломки через металлические поручни у среза кровли, он бросает взгляд вперед, на великолепную панораму города, виднеющегося совсем недалеко впереди. Чуть в стороне – огромный лесной массив, наполовину бурый, точно из листвы вытянули все соки. Он снова бежит назад, загребает еще радиоактивных камней и, тяжело перелезая через груды мусора, поскользываясь и с трудом балансируя, очередной раз тащит их к краю крыши. Уже чувствуется странный привкус во рту, похожий на свинцо-

вый, начинает ломить руки, глаза жжет, точно в них насыпали песка. Словно сквозь толстое одеяло слышится команда «Уходим!», и Андрей на ослабевших ногах волочется за товарищами к выходу, с каждым шагом ощущая, как тело покидают силы. Чуть позже он сидит вместе с ними в одном из коридоров станции, словно побитый, чувствуя, как шумит в голове и подкатывает к горлу тошнота. Он оглядывается вокруг – десятки его обессиленных сослуживцев скорчились, привалившись к стенам, свесив голову к сложенным на коленях рукам. Андрей чувствует, как ему становится все хуже, рвоту сдержать уже не получается, и он в ужасе просыпается, содрогаясь под взмокшей простыней. Утренние тени вползают в палату, снаружи за окном шумит город, гудят машины и мелькают силуэты прохожих, спешащих по своим делам. Все болит, а особенно – шрам у основания горла. Надрез, под которым покоится его изувеченная щитовидная железа.

Ночной гость

Брэдли Питтер проснулся от странного скребущего звука со стороны веранды. Точно кто-то царапал по стеклу чем-то острым вроде гвоздя. После смерти жены он стал спать слишком чутко и постоянно пробуждался от любого малейшего шороха – будь то поскрипывание покачивающейся от сквозняка двери или шуршание листвы, в которую ворвался холодный порыв ночного ветра.

Звук был неприятный и какой-то чересчур въедливый. Создавалось впечатление, будто некто целенаправленно скребет в стекло, чтобы обратить на себя внимание. Брэдли приподнялся с постели и бросил взгляд в темную прихожую, похожую на глубокий мрачный тоннель. Звук, звук, звук. Это было действительно что-то по-настоящему острое – саморез или лезвие ножа. Питтер отбросил одеяло и сел. На несколько секунд воцарилась мертвенная тишина, а затем по ушам вновь проскреб этот отвратительный писк заточенного металла, едущего по стеклу.

Стараясь ступать как можно тише, чтобы не разбудить дочь, Брэдли двинулся через коридор к веранде. Половицы предательски побрякивали под его ледяными ступнями, словно бы тяжело вздыхая от каждого шага. Питтер слышал дробящийся звук собственного дыхания и понял, что испуган. «А ну-ка прекрати,» – сказал он сам себе. – «Ты взрос-

лый мужчина, который воспитывает восьмилетнюю дочь. Самое страшное уже пришлось пережить – смерть любимой женщины. Тебе не стыдно просыпаться по ночам от малейшего шороха и бегать проверять, что же там скребется в окошко?» Но вместо того, чтобы взять себя в руки, он испугался еще больше. Потому что в дверном проеме веранды стояла его девочка, Лилиан. В своей просторной кружевной ночнушке она была похожа на маленькое бледное привидение.

– Лили... – Питтер почувствовал, как в горле встал ком, отчего голос стал походить на сиплое бляение. – Почему ты не в постели?

Она обернулась и посмотрела на него большими блестящими глазами. Они были похожи на пылающие огоньки свечей – ребенок был насмерть перепуган.

– Там что-то есть, – тихо проговорила она, точно боясь, что ее услышат. – Папа, мы не одни.

– Ты что-то видела? – встревоженно спросил Брэдли, прокручивая в голове самые отвратительные варианты – от обнаглевших бродяг до грабителей. – На кого они похожи? Воры? Бандиты?

Лили покачала головой.

– Не подходи к окну. Мне страшно, – попросила она, хватаясь маленькими ручонками за штанину его пижамы.

– Сейчас мы их прогоним, – успокоил ее Брэдли и бросил взгляд на большую застекленную лоджию веранды. Снаружи

было слишком темно, и разглядеть, что же происходит под окнами, совершенно не получалось. Сквозь полумрак заднего двора угадывалась только громада лесной чащи, тянувшейся через весь горизонт и неясные силуэты садовых гномов, черными столбиками рассыпанные по траве.

– Они снаружи, – Лили вцепилась в его руку так крепко, что Брэд почувствовал на коже ее маленькие острые ноготки.

– Кого ты видела, милая? – Питтер наклонился к ней и еще раз заглянул в ее глаза. Лили безмолвно смотрела на него, а ее грудь встревоженно вздымалась, жадно вбирая воздух. Девочка сжала его ладонь еще сильнее и шепотом проговорила:

– Монстры.

– Лили, – Брэдли ласково погладил ее по голове. – Там не может быть никаких монстров. Ты же уже взрослая девочка, правда? Помнишь, мы говорили с тобой, о том, что никаких монстров не существует, и...

– Существуют, – перебила она и встревоженно посмотрела на слегка поблескивающие в лунном свете стекла веранды. – Папа, пойдем в дом. Не подходи к окну. Пожалуйста...

– Ну что за глупости, – Брэдли выпрямился и шагнул к двери, ведущей к дорожке в сад. – Сейчас я выйду наружу, и ты убедишься, что тебе все только кажется.

– НЕТ! – она пронзительно взвизгнула и повисла на его руке. – Папа, не ходи, пожалуйста, не ходи! Они там! Я видела, видела!

– Лилиан! – в голосе Питтера проскользнули строгие нотки. – Тебе скоро девять лет, а ты все еще боишься ночных монстров, прячущихся в саду. Если бы мама видела, то...

Он осекся, различив в полумраке темную фигуру, прильнувшую к стеклу. Это был человек, вне всякого сомнения. Разглядеть, как выглядит незванный гость, было затруднительно, но Брэдли все же сумел подметить, что этот странный некто одет во все черное, точно сливаясь с расплзающейся за окнами чернотой.

– Это не монстры... – едва слышно проговорил Питтер. – Кто-то пытается проникнуть к нам домой.

Лили глядела на него широко раскрытыми глазами, из которых вместе со слезами изливался неподдельный ужас. Черная фигура поскребла рукой по стеклу, и по ушам снова прошелся этот отвратительный скрип, тонкий и пронзительный, точно комариный писк.

– Я так и знал, что добром это не кончится, – пробормотал Брэдли, оттаскивая дочь к двери в комнату. – Покупать дом на окраине города, почти вплоты к лесу... Это рано или поздно обернулось бы чем-то подобным.

– Папочка, мне так страшно... – пропищала Лили, обхватив его руками.

– Я знаю милая, я знаю... – сглатывая ком, ответил он, ощущая, что его сердце проваливается куда-то вниз.

Темная фигура за окном оценивающе потрогала стекло и вдруг со всего размаху ударила по нему кулаком. Рама вы-

держала, и окно осталось целым, но Питтер почувствовал, как его нутро болезненно сжалось, точно кулак незнакомца прилетел не по стеклу, а ему по физиономии. К счастью, он когда-то ставил стекло повышенной прочности, однако теперь ему казалось, что все подобные штуки – полная чепуха. Сейчас этот тип сломает раму и проберется в дом.

– У меня есть ружье. Слышишь? Сейчас мы его прогоним, – сказал он куда-то в пустоту – то ли для дочери, то ли для своего собственного успокоения.

– Папочка, я боюсь... – пропищала Лили, проворно забираясь к нему на шею и прижимаясь всем телом к его осунувшейся от страха груди.

Дробовик его отца. Брэд хранил его в небольшом футляре, который всегда лежал возле камина. А патроны? К нему ведь была коробка патронов, он помнил. Даже хотел как-то раз пострелять по банкам, когда еще его жена, Пенни, была жива.

«Пенелопа... Если ты меня слышишь, сделай так, чтобы все обошлось. Пожалуйста,» – мысленно взмолился он, прижимая к себе дрожащее тело Лили.

– Сейчас я достану ружье, и мы покажем, кто здесь хозяин, верно? – сказал он как можно тверже, и девочка послушно закивала, испуганно всхлипнув.

Он метнулся в гостиную со всех ног, чувствуя, как бешено бьет по вискам пульс. Главное, чтобы дробовик был там, где он его когда-то оставил. Сколько лет он не чистил его?

Пять? Семь? А что, если он не выстрелит? «А что, если его там вообще не окажется?» – промелькнуло в его голове, но он испуганно отбросил эту мысль. Нет. Так не должно быть. Только не сейчас.

Брэдли мчался по темному дому, словно ошпаренный. Только что он услышал, как на веранде лопнуло стекло. Звон бьющихся осколков становился все громче – очевидно загадочный пришелец выбивал остатки ногами, чтобы легче было пролезть в освободившийся проем. Питтера прошиб пот. Стараясь миновать косяки, вырастающие в полутьме то справа, то слева, он наощупь добрался до гостиной, чувствуя, как ноет спина от тяжести Лили, неподъемным камнем болтающейся у него на шее. На веранде продолжало грохотать – складывалось ощущение, что загадочный некто решил перебить все стекла, прежде чем проникнуть в дом.

– Папа... Папа, он разбил окно... – хлюпая, проговорила Лили.

– Я слышу милая, я слышу... – прошептал Брэд, подсакивая к камину. – Послушай, моя хорошая, сейчас мне нужно достать ружье и зарядить его. Поэтому давай-ка, отпусти меня на секундочку и побудь рядом. Поглядывай в дверной проем и прислушивайся, хорошо? Если увидишь, что тот человек из окна близко, дай мне знать.

– Хорошо, папочка... – девочка нехотя разжала руки и отпустила его, пристроившись на пол возле каминной решетки. Она с ужасом глядела в дверной проем, и, точно сжатая

пружина, была готова в любой момент взорваться и вновь броситься на шею отцу.

Брэдли на секунду замер и прислушался. Звон бьющегося стекла утих, и теперь по дому витала абсолютно мертвая тишина. Не было слышно ни скрипа половиц, ни шороха, ни шуршания материи – пугающий незнакомец словно растворился в воздухе. Ладно, черт с ним, главное найти оружие. Тогда уже будет без разницы, где находится этот выродок.

Питтер зашарил по каминной полке, и его руки в темноте наталкивались на все, что угодно, кроме того, что ему было нужно – длинного оружейного футляра. Фарфоровые фигурки, рамочки для фотографий, картонная коробка от сигар... Нет, здесь ничего нет. Брэд разочарованно выдохнул и вновь прислушался. Было просто-таки могильно тихо. Он покосился на Лили – она сидела и зорко вглядывалась в сумрачный дверной проем. Так, спокойно, нужно посмотреть рядом с камином. Зачем он вообще бросился наутек, как сопливый маменькин сынок? Надо было открыть дверь и накостылять этому уроду прямо на веранде. «А если у него нож? Чем он скреб по стеклу? Ногтями? Или не только нож? Вдруг у него есть пистолет?» – всплыла вполне логичная мысль. А следом в голову протиснулась еще одна, гораздо более пугающая. «А что, если он не один?»

Брэдли почувствовал, что по лбу стекают ручьи холодного пота. Его руки шарили в темноте, а разум продолжал попытки лихорадочно осмыслить произошедшее. Зачем он разбил

стекло? Неужели нельзя было аккуратно вскрыть дверь пока все спят? Или он не собирался ничего красть? Может, это какие-нибудь местные вандалы?

Прежде чем, его мозг успел прийти к какому-то логическому выводу, руки нашарили металлический кейс для дробовика. Он отщелкнул застёжки дрожащими пальцами и торопливо извлек оружие. Здесь же были и заряды – целый патронташ, вмещающий себя с пару десятков цилиндрических штуковин, набитых свинцовой дробью.

– Все будет хорошо, Лили, – Питтер погладил девочку по голове. – Теперь-то можно ничего не бояться.

Трясушимися руками он принялся запихивать патроны в паз для зарядки. Все, что доносилось до его ушей – свист собственного дыхания и клекот вставляемых в дробовик гильз. Тишину разорвал грохот в соседней комнате – кабинете Брэдли. Два тяжелых удара и треск ломающегося дерева заставили Питтера вздрогнуть и подскочить на месте.

– Папа... Не ходи туда... – пропищала Лили. Новый громopodobный удар и звук бьющегося стекла.

– Сиди здесь, я сейчас, – почти одними губами сказал Брэд, в глубине души осознавая, что совершает, возможно, очень большую ошибку.

– Нет! Пожалуйста! Остайся! – девочка закричала и бросилась к нему.

– Тише, Лили, – Питтер снова погладил дочь по головке. – Я должен прогнать его. Слышишь? Он хочет разгромить наш

дом. Его нужно остановить.

– А вдруг он сделает тебе больно?

– Не сделает. У меня есть ружье, видишь? Я напугаю его, и он убежит, – успокаивающе проговорил Брэдли.

– Не ходи... – Лили уткнулась лбом ему в грудь и всхлинула.

– Я должен. Жди меня здесь, я скоро вернусь, – Брэд глубоко вздохнул и покрепче сжал дробовик. – Что бы ни случилось, не выходи из этой комнаты, пока я не вернусь, хорошо?

Лили кивнула. Питтер прижал приклад к плечу и крадучись двинулся в двери кабинета, из-за которой продолжал доноситься невероятный шум и грохот. Сердце гулко билось в его груди, и с каждым ударом он ощущал, как тает его решительность. Что-то врезалось в дверь с внутренней стороны, и Питтер распахнул ее ногой, собрав последние остатки смелости.

В комнате царил абсолютнейший кавардак – ночной пришелец перевернул все, что только было можно – по полу валялись книги, шкаф был разбит в щепки, стол переломлен пополам и напоминал раненое животное, распластавшееся по полу. Темная фигура застыла у окна и разглядывала Брэдли. В свете луны отблескивали внимательные глаза, мерцающие озлобленными огоньками.

– А ну-ка пошел вон отсюда, – как можно жестче сказал Питтер, передергивая помповый затвор дробовика. В ту же

секунду мрачный незнакомец бросился на него с быстротой молнии, в пару секунд преодолев расстояние до двери. Брэд-ли ощутил, как его накрыла волна ужаса, и чисто инстинктивно нажал на спуск. Грохнул выстрел, безжалостным молотом врезавший по ушам и, казалось, размозживший сознание вдребезги. Темный силуэт рухнул на пол прямо перед ногами Питтера, загребая по полу длинными крючковатыми руками.

Перед глазами Брэда все плыло. Выставив перед собой ствол дробовика, он несколько секунд, словно в забытьи, наблюдал, как корчится на полу чернеющая фигура. В ушах стоял отвратительный звон, напоминающий писк целой комариной армии. Едва не шлепнувшись на паркет, Питтер опустил на колено и попытался рассмотреть масштаб нанесенных им повреждений. Он попал незнакомцу в ноги – по полу зловеще разливалась чернеющая кровь, но сам ночной визитер был жив и даже пытался подползти к Брэдли.

– Тут, в стволе, еще патрон. И если ты не скажешь, какого хрена сюда залез, он прямо сейчас размозжит тво... – начал было Питтер и тут же осекся, с ужасом разглядев лицо распластавшейся перед ним темной фигуры.

Что бы ни проникло в их дом, оно не было человеком. На Брэдли глядела странная тварь, похожая на существо из старых комиксов про болотного монстра – ее морда была темной и чешуйчатой, словно у ящерицы. Рот – полон ужасных заостренных зубов. Они ходили туда-сюда как чудовищные

жернова, и Питтер похолодел от страха, глядя, как они отблескивают в лунном свете. И глаза... Два темных выпуклых шара с узкими, точно змеиными зрачками.

Тварь вытянула длинные руки и подползла к Брэду еще ближе. То, что в темноте казалось черной облегающей одеждой, на самом деле было жесткой шкурой, покрытой роговыми пластинами.

– Боже... – прошептал Питтер, упирая дуло прямо между глаз этому отвратительному созданию. В ту же секунду из гостиной донесся крик, который он узнал бы из тысячи – надрывалась его маленькая Лили. Следом за ним последовал грохот, странный высокий визг и тяжелая шлепающая поступь. А еще чуть погодя – ужасающий звук разрываемой плоти.

Перевозчик космических грузов

Космос за стеклом иллюминатора был темным и пустым. Не было видно почти ничего – ни мерцающих точек звезд, ни отдающих серебром лун. Абсолютное ничто. Только пустота и бескрайняя чернота. Если раньше разум отказывался воспринимать тот факт, что Вселенная может быть бесконечна, то теперь, кажется, потихоньку начинало приходить осознание этого понятия. Приборная панель блекло мерцала датчиками и лампочками, изредка мигающими в полумраке кабины. Но один из них горел постоянно – красный диод с надписью «Разрыв клапана».

Рональд Портер, единственный, кто находился перед иллюминатором, отчетливо понимал, чем все это может кончиться. Клапан его плазменного двигателя сгорел и лопнул, превратив челнок в едва ползущую улитку. Главная беда была в том, что корабль Портера находился в неизведанном секторе созвездия Террас – в сотнях тысяч миль от ближайших космических путей, а значит, определить, сколько продлится его путешествие не представлялось возможным. Плазменного топлива хватит надолго, может быть, на несколько лет, а вот двигатель протянет, максимум, еще месяц. Если через тридцать-сорок дней его сигнал никто не примет...

Рональд вздохнул и отвел глаза от черного иллюминато-

ра. Он был космическим курьером – перевозчиком и доставщиком разных грузов, чья работа заключалась в постоянном курсировании между галактиками и космическими станциями. Портер был своеобразной нитью между раскиданными в холодном космосе островками человеческих поселений. Его компания специализировалась на самых разных заказах, и без этой космической почты весь «Горизонт Большого Моста» – почти три галактики – остался бы без еды и предметов первой необходимости. И вот, очередной рейс, привычный рывок со сверхсветовым ускорителем... Рональд недоумевал, как он мог попасть в такую ужасную передрыгу. Перед каждым вылетом его челнок обязательно проверялся на наличие неполадок и обслуживался. Специфика работы курьера предполагает, что все твое оборудование всегда должно быть исправно. Как же так получилось? Клапан плазменного движка и, по совместительству, важнейшая часть сверхсветового ускорителя был разрушен, а это означало, что переместиться в заданную точку за считанные часы он теперь не может. Все, что ему доступно – по черепашки ползти вперед, а до ближайшей базы были тысячи миль, на преодоление которых уйдут годы. Портер сумел определить лишь свое местоположение – окраина созвездия Террас. Если сравнивать это с морской экспедицией, то его занесло куда-то на задворки Тихого океана, гораздо дальше экватора. Одного, на маленьком катере, с минимумом провизии и неработающим мотором.

Может быть, конечно, механики с базы его курьерской компании чего-то недоглядели или сделали не так, но Портер очень в этом сомневался. Когда дело касается таких дальних расстояний, цена ошибки становится слишком высокой. В компании работали настоящие спецы, и Рональд был практически уверен, что обслуживающая бригада здесь ни при чем. Наверное, это просто роковая случайность. Маленькая перегрузка, по закону подлости произошедшая в самый неподходящий момент.

Портер круглосуточно транслировал свои позывные и молился, чтобы хоть кто-то засек его радиограмму. Однако уже второй месяц он провел в абсолютной тишине. Стандартные каналы связи здесь было невозможно уловить, поэтому он рассчитывал только на чудо. Его небольшой челнок летел сквозь пустоту, преодолевая сотни и сотни миль, однако Рональду казалось, что он остается на месте, не сдвигаясь ни на йоту. Запас еды – питательных капсул – был далек от того, чтобы иссякнуть, но Портер четко осознавал, что и он рано или поздно подойдет к концу, гораздо раньше, чем удастся отсюда выбраться. Когда его плазменный мотор окончательно выдохнется, он останется в своем герметичном металлическом гробу, медленно плывущем в невесомости. Можно кричать во всю глотку, биться о стены, но при этом никто тебя не услышит и не найдет. Для тех, кто остался там, за много световых лет впереди, ты будешь просто пропавшим без вести юнитом, которых сгинуло бесчисленное количество.

В космосе может случиться всякое, поэтому никто не удивится, что какой-то курьер исчез во время очередного рейса.

Портер почти не спал. Уснуть было чрезвычайно трудно, особенно от осознания того, что ты фактически похоронен заживо. Иногда ему казалось, что он вот-вот сойдет с ума, и что это происходит вовсе не наяву. Были дни, когда он пытался проснуться, щипал себя за руку, желая вернуться в более настоящую, правильную реальность, но оставался все так же внутри челнока, наедине с мерцающей надписью «Разрыв клапана». Глаза болели от постоянного разглядывания экрана радиоволнового пеленгатора, на котором он надеялся увидеть хоть какой-нибудь объект, хотя бы маленький космический маячок, через который можно транслировать сигнал на большее расстояние. Но ничего не было. Только пустота и безмолвный сумрак.

Портер думал о том, что если ему удастся вернуться назад, домой, то он обязательно уйдет из курьерской службы. Больше никто не заставит его залезть в маленький хлипкий челнок и отправиться в соседнюю галактику, рискуя жизнью. Только теперь он полностью осознал, насколько опасна его работа. Конечно же, в их компании происходили несчастные случаи, но он всегда воспринимал это как-то отстраненно. И, наверное, всегда был уверен, что с ним такого не может произойти. Все, что его волновало на тот момент – хорошая зарплата и количество заказов. Когда долго занимаешься опасным делом, не осознаешь, насколько уязвим.

Через пару дней в салоне появился странный едкий запах. Начинала плавиться обшивка двигателя. Пропитанный химикатами воздух заполнил все внутреннее пространство челнока, и пришлось задействовать все воздушные фильтры, чтобы не отравиться. Портер на некоторое время заглушил двигатель и послал в моторный отсек ремонтный модуль для охлаждения перегревшихся механизмов. «Как жаль, что этот ремонтный модуль не может починить клапан,» – думал Рональд, с тоской глядя на черноту за иллюминатором. Свет в каюте был приглушен, приборы болезненно мерцали, словно напоминая каждым проблеском о своей обреченности.

Портер пробовал включать музыку, чтобы отвлечься от невеселых дум, но это только сильнее вгоняло его в тоску и тревогу. После того, как подпалилась обшивка, он стал еще более подавленным, прекрасно осознавая, что движку осталось совсем немного. Чуть меньше недели интенсивной работы – и он останется вечным затворником этого челнока. Он будет жить, пока хватит кислорода, а затем...

Рональд старался гнать от себя эти мысли, но единственным его развлечением было смотреть в иллюминатор. Почти полная, глубокая чернота с крошечными крапинками далеких созвездий. Вот так оно и выглядит, ничто, без конца и без края, продолжающееся и продолжающееся. Наверное, он был сейчас самым одиноким человеком из живущих, настолько далеким от цивилизации, насколько это вообще возможно.

Дни медленно текли, словно один нескончаемый дурной сон. Ничего не происходило, никто не отзывался, и Портер все четче и четче понимал, что его положение не изменится. Чтобы его нашли, должно произойти чудо. От него уже ничего не зависело, он сделал все, что только можно – послал закольцованный сигнал бедствия, включил пеленгатор, по мере возможности старался беречь двигатель, который и так был убит. Когда салон вновь заполнил токсичный дым, Рональд окончательно и бесповоротно осознал, что ему крышка. Пока с движком возился ремонтный модуль, Портер задумался о том, чтобы написать прощальное письмо. Это было послание не кому-то конкретному, потому что он сомневался, что его вообще когда-нибудь найдут, а просто самому себе, чтобы оставить после себя хоть что-то. Он был единственным адресатом собственного послания, и это обстоятельство еще больше сводило с ума.

Рональд достал планшетный компьютер и уселся возле иллюминатора, слушая леденящую душу тишину и краем глаза замечая, как безнадежными маячками мигает приборная панель. Несколько минут он глядел на пустой экран, а затем набрал:

«Это Рональд Портер, курьер «Большого Моста». Пишу это, потому что мне совершенно точно конец. Больше двух недель назад в моем челноке лопнул клапан плазменного двигателя, что лишило меня всякой надежды на спасение. Я нахожусь где-то в районе созвездия Террас, но точно ска-

зять не могу – карты этого участка галактики у меня нет, а ближайшие тысячи километров отсутствуют какие-либо поселения или базы. Данный район вообще известен очень поверхностно, так что могу с уверенностью сказать, что шансы на то, чтобы выбраться отсюда, равны нулю.

Сверхсветовой ускоритель не работает, обшивка двигателя загорелась уже второй раз... Если она еще раз перегреется, есть риск большого пожара, и тогда челноку точно крышка. Генераторы кислорода тоже зависят от двигателя, поэтому в случае его окончательной остановки здесь будет нечем дышать.

Хотел написать пару слов напоследок, но даже не знаю, что сказать. Я, наверное, прожил не очень хорошую жизнь, но никогда не думал, что она так закончится. Меня, скорее всего, никогда не найдут, и это пугает до безумия. Мало кто может представить, каково это – сидеть, замурованным в...»

Он так увлекся своими записями, что не сразу обратил внимание на тихое пиликанье радиоволнового сканера. Сначала прибор тихо мурлыкал, а затем несколько раз пискнул уже погромче, словно бы более уверенно. Этот звук резанул Портеру по ушам, словно лезвие, и он резко подскочил, сбросив с себя планшет и опрокинув небольшой столик рядом с иллюминатором.

На экране что-то проявлялось. Это был какой-то объект, совершенно точно рукотворный, так как сканер улавливал только магнитные импульсы от работающей аппаратуры. Ро-

нальд приник к монитору и почувствовал, как сердце замесалось в груди. То, что казалось невозможным, произошло – он кого-то запеленговал. Неужели появился шанс на спасение? Портер не мог в это поверить. От внезапного нахлынувшей радости он готов был скакать и прыгать. Сейчас, почти доведенный до низшей точки отчаяния, он практически взорвался изнутри, как фейерверк, и слепо отдался на откуп своему восторженному порыву.

Сигнал, тем не менее, не усиливался. Он был все таким же блеклым, становясь то тише, то громче. Это означало лишь одно – объект, засеченный сканером, находился на приличном расстоянии, и до челнока доходили лишь слабые импульсы. Рональд метнулся за штурвал и торопливо начал разворачивать свое суденышко в сторону едва мерцающего, как тлеющий огарок, сигнала. Этот шанс было невозможно упустить. Портер попросту не имел права ошибиться, иначе его жизнь будет завершенным актом, навсегда сгинувшим в бесконечной темноте космоса.

– Прием! Говорит Рональд Портер, курьер класса «А» содружества «Большого Моста»! У меня произошел разрыв клапана плазменного ускорителя! Срочно требуется помощь! Как слышите меня? – крикнул он в микрофон, но в динамиках по-прежнему было молчание.

«Давай, малыш, только дотяни,» – мысленно умолял Портер челнок, начинающий мелко вибрировать от растущих оборотов двигателя. Он включил максимальную тягу, пони-

мая, что шанс догнать источник сигнала может больше не представиться, и одновременно с этим прекрасно осознавая, что движок в любой момент рискует окончательно сгореть из-за перегрузки. Однако в его положении выбирать не приходилось – либо пан, либо пропал. Маленькое мигающее пятнышко на экране сканера постепенно начало становиться все четче и ярче. Челнок Портера медленно, но неуклонно набирал скорость, совершая, возможно, свой последний спринт на пути к спасению.

Что же его ждет впереди? На сигнал Рональда никто не отвечал, и объект, кажется, совсем не двигался, либо же полз с совсем мизерной скоростью. Может быть, это тоже какой-нибудь аварийный корабль, застрявший из-за неисправности, ведь в таком неизведанном месте не проходит ни один маршрут для модулей содружества «Большого Моста». Что тогда? Разбойники? Космические ренегаты? Портер слышал про таких, но был абсолютно уверен, что на задворках созвездия Террас им делать нечего. Гораздо логичнее было бы встретить их возле каких-нибудь оживленных маршрутов. Может быть это инопланетяне? Какая-то неизвестная человечеству цивилизация, обитающая в этом районе космоса?

Портер понял, что его заносит, и встряхнул головой, пытаясь прогнать эти дурацкие мысли. Как бы то ни было, сидеть сложа руки он не намерен. Он и так, по сути, являлся смертником, и при любом раскладе ему грозила только гибель – разбойники, злобные пришельцы, смерть от голо-

да или недостатка кислорода – разницы особой не было. Конец, как говорится, предсказуем. Челнок мелко дрожал от перегрузок, освещение пару раз мигнуло, заставив Рональда сжаться в кресле.

– База «Эль Кавеста»... Ноль... Ноль... Три... Восемь... – ожили динамики, и Портер поначалу подумал, что ему это кажется. Но нет – все было реальным. Человеческий голос, слегка монотонный и кажущийся механическим, но тем не менее – чей-то чужой голос, первый, услышанный Рональдом за такой огромный промежуток времени.

– Боже... – прошептал Портер и надавил на кнопку микрофона. – Я Вас слышу! «Эль Кавеста»! Это курьерский челнок класса «А», пилот Рональд Портер! Принимаю Ваш сигнал и приближаюсь с максимальной скоростью!

Кабина медленно наполнялась жаром, и Портер понял, что движку осталось совсем недолго. Пятно на экране сканера обрело более конкретные очертания и еще больше увеличилось в размерах. Теперь было понятно, что оно абсолютно неподвижно, но это не волновало Рональда. Единственное, о чем он сейчас думал – космическая база. База с живыми людьми, со связью, с кем-то еще, кроме черной безвоздушной пустоты и холода за стеклом иллюминатора. Он как одержимый вцепился в штурвал и держал рычаг акселерации на максимуме.

– Послание... Всем ближайшим модулям... С Вами говорит база «Эль Кавеста»... Мы попытаемся выдвинуться в...

– динамики зашипели, а затем что-то гулко бахнуло в недрах челнока. Монитор пилотажной консоли тут же вспыхнул предупреждающей надписью «Экстренный перегрев двигателя», которая сменилась еще большее устрашающей «Пожар в двигательном отсеке».

– Нет, нет, пожалуйста, – пропищал Портер. – Еще немного!

Освещение мигнуло и погасло, часть мониторов тоже выключилась, оставив Рональда в темноте и удушающем мареве, в котором явственно чуялся привкус жженой проводки и раскаленного металла. Он заметался, словно кто-то ткнул его через сиденье шилом. Консоль работала только наполовину, остальные диагностические экраны не желали подавать признаков жизни.

«Пожар ликвидирован. Двигатель поврежден на семьдесят процентов,» – всплыло на единственном оставшемся мониторе.

– Ну вот и все. Конец, – проговорил Портер, переводя рычаг акселерации в положение «20%». Все, что у него осталось – малые вспомогательные сопла, которые, конечно, позволят ему добраться до базы. Но что будет, если она сейчас начнет движение? Он попросту не успеет и останется вновь один.

Портер был фактически обречен. Последняя надежда – «Эль Кавеста». В сообщении, которое отправила база и которое он так и не смог дослушать из-за поломки двигателя со-

вершенно точно были слова «мы попытаемся выдвинуться». Значит они совсем скоро уйдут, либо уже уходят. Рональд посмотрел на сканер. Зеленое пятно на нем по-прежнему оставалось неподвижным, и это давало пока что хотя бы какую-то веру в то, что они все-таки услышали его и немного задержались, чтобы дождаться. Портер пощелкал кнопкой передатчика – он был тоже обесточен, как и большая часть питания. Аккумуляторы перешли в аварийный режим, и рассчитывать на прием и отправку сообщений больше нельзя. Единственное, что он может – ползти вперед, к базе, которая в любой момент может сорваться с места и навсегда ускользнуть.

И все же они его дождались. Или передумали улетать. Это было не важно. Когда Рональд увидел очертания базы через обзорные окна, у него сжалось сердце. Он снова рядом с цивилизацией, снова видит творение человеческих рук. База была не очень большой и по форме напоминала юлу с огромными заостренными шпильями. Можно было заметить маленькие ходовые огни, крошечными светлячками вспыхивающие то тут, то там. Неужели они все-таки приняли его сообщения и отслеживали через радары?

Он был все ближе и ближе, но его движение казалось настолько медленным, что возникало ощущение, будто челнок стоит на месте, словно приклеенный. Рональд смотрел на базу сквозь стекло иллюминатора и не мог поверить в свое ве-

зение. Это был не просто шанс, а настоящий дар. И когда его суденьшко, наконец, доползло до погрузочного шлюза, входной датчик на воротах мигнул и загорелся зеленым. Это означало только одно – челнок просканировали и пропустили. Система приняла его как дружественный объект, а значит он в безопасности, хотя бы пока что. Портер был готов расцеловать людей, которые управляли этой базой. Он все-таки выбрался, **ВЫБРАЛСЯ!** В это было невозможно поверить. Наверное, только сейчас он самым наиглубочайшим образом осознал ту передрагу, в которой оказался. Он был уже фактически покойником. Но жизнь слишком непредсказуемая вещь, чтобы в ней хоть что-то подчинялось каким-либо законам.

Причальная палуба озарилась габаритными огнями. Проекторы ослепили Рональда, и он едва не ткнул челнок носом в швартовочную площадку. Зашипел раскаленный воздух, выходящий из перегревшихся сопел, и курьерское суденьшко, наконец, замерло, пригвожденное магнитными гравихватами. Портер ощутил, что усталость накрывает его с головой и лишь усилием воли заставил себя высвободиться из пилотского кресла. На подгибающихся ногах он дополз до люка и, опершись на косяк, следил, как в открывающийся проем проникают лучи прожекторов.

Он и не заметил через обзорные иллюминаторы, насколько здесь грязно. Пыль лежала огромными слоями по всей причальной палубе – Рональд затруднялся предположить,

откуда она взялась здесь, в космосе и абсолютном вакууме. Лучи прожекторов, которые казались с непривычки очень яркими, на самом деле были весьма слабенькими и дрожащими, точно лампы не работали много лет. Портер спрыгнул на палубу и закашлялся от целого облака грязи и мелкого мусора, поднявшегося, словно черная гниlostная волна. По стенам ползли какие-то заскорузлые заросли, и присмотревшись, Рональд понял, что это плесень.

В его голове заметались мысли, похожие на роль встревоженных пчел. Почему палуба в таком состоянии? Есть ли на этой базе вообще кто-нибудь живой? Что здесь произошло? Он вернулся в челнок, надел скафандр и только затем решил осмотреться.

Все было запущено и заброшено до такой степени, что стало совершенно очевидно – живых здесь нет и не может быть. По этому слою пыли десятилетия не ступала нога человека. Двери в отсеки почти не работали, и некоторые из них пришлось открывать вручную с помощью пневматического рычага. Здесь никого не было, ни единой живой души. Да и не могло быть – абсолютно ясно, что жить в такой грязи попросту невозможно. Портер бестолково переходил из отсека в отсек, находя только пустоту, пыль и плесень.

Лифт не работал, и на верхние уровни пришлось добираться по лестнице, длинной и бесконечной, с грязными проваливающимися ступеньками. Несколько раз они ломались и улетали вниз, и Портер чудом сохранял равновесие, что-

бы не рухнуть следом в открывшуюся черную дыру. На верхних палубах не работало освещение, и Рональду пришлось включать фонарь. В его дрожащем свете помещения базы казались каким-то древним заброшенным склепом, покрытым многовековой пылью. Все здесь выглядело по-настоящему угнетающе, но в то же время завораживало – огромный отсек навигации с десятками компьютеров, похожими на безмолвные надгробия, оранжерея, превратившаяся в причудливые многоуровневые заросли, конференц-зал с пустыми стульями и навечно погасшим экраном-проектором.

Скитаясь из отсека в отсек, Портер сумел отыскать мостик – обширное помещение вообще без входных створок – то ли снятых, то ли заклинивших в своих пазах. Он несколько минут бродил по нему, любясь прекрасным видом из обзорных панелей-окон, занимающих собой одну из стен. Темное космическое небо, испещренное крошечными булавочными головками звезд. Бескрайние просторы вакуума, продолжающиеся гораздо дальше, чем может вообразить человеческий разум.

Что-то привлекло его внимание у одной из стен. Какой-то голубоватый огонек, мерцающий на стене отсека. Портер двинулся в сторону этого странного переливающегося сияния и, приблизившись, понял, что это аудиограф, транслирующий на повторе какое-то сообщение. Он переключил его в режим динамиков и услышал:

– База «Эль Кавеста»... Ноль... Ноль... Три... Восемь...

Послание... Всем ближайшим модулям... С Вами говорит база «Эль Кавеста»... Мы попытаемся выдвинуться в ближайший сектор «Горизонта Большого Моста» на вспомогательном челноке... Плазменный реактор базы неисправен и перегружен... Включен минимальный режим энергоподачи... База оставлена экипажем в связи с повышенным уровнем выделения реактором гамма-частиц... Всем ближайшим модулям... Просьба воздержаться от пересечения с базой «Эль Кавеста» как потенциально опасным объектом...

Портер почувствовал, как пересохло во рту. База была не просто мертва. Плазменный реактор каждую секунду излучал гамма-лучи, которые разрушали все живое намного быстрее любой радиации. Это излучение можно было распознать только специальным прибором, которого у Рональда, само собой, не имелось. Экипаж покинул эту посудину из-за проблем с реактором, и покинул быстро, бросив все и спасаясь от скоростной гибели, даже не подумав законсервировать ее. И насколько давно это было? Пять? Десять лет назад? Может быть, еще раньше, раз все вокруг поросло коростой и плесенью?

Если бы он услышал это сообщение целиком, находясь в челноке... Если бы он не мчался к своему, как он думал, спасению, включив форсаж на полную, и не спалил двигатель... Портер повернулся к огромному окну и снял с головы шлем скафандра. Затем уселся на пол и вновь поглядел на пустое и безжизненное черное полотно космоса, уходящее далеко-да-

леко в никуда.

Обломки кораблекрушения

Первым обломки увидел матрос по имени Джозеф Келлер. Белесые кусочки дерева, похожие на клочки морской пены, медленно пляшущие на поверхности воды. Их становилось все больше и больше, и вскоре они начали с мерным стуком ударяться о днище.

– Что это такое? – старший помощник капитана Сьюэлл перегнулся через борт и вытянул грязную шею.

Почти вся команда сгрудилась у поручней и настороженно разглядывала кусочки шпангоутов, доски, поломанную мебель и мелкие вещи, проплывающие мимо и исчезающие в плещущихся волнах.

– Капитан! Обломки судна, сэр!

– Быстро наверх, в смотровое гнездо! Все смотрите в оба! Сбавить ход! Жиньяк и Фурье, живо на мачту! Грот-марсель и фор-марсель долой...

Капитан Тирренс задумчиво оглядел своих подопечных и торопливо зашагал к носовой части. Поверхность океана была гладкой и блестела, словно зеркало. Впереди не было видно ничего подозрительного – ни дыма, ни мачт другого корабля. Никаких криков о помощи или других посторонних звуков. Тишина, нарушаемая лишь плеском воды.

– Келлер, что-то видишь?

– Ничего нет, сэр. Только обломки. И длинную мачту на

воде. А вокруг нее кучу разного хлама.

Тирренс встревоженно сощурился.

– Странные дела. Похоже на подрыв порохового погреба. От корабля почти ничего не осталось.

Сзади подошел старпом и озадаченно поглядел на капитана.

– Что будем делать?

– Пока что идем дальше. Может, кто выжил. Глядите по сторонам. Скажи парням, чтобы начали готовить пушки. Мало ли чего...

– Понял, сэр.

– И еще. Корабль-то был какой-то важный. Погляди – деляшки все белые. Значит, окрашен был в белый цвет.

– Может, королевский борт?

– Может быть. Так или иначе, я с трудом верю, что они подорвали сами себя по какой-либо причине. Для этого нужно быть законченными идиотами. Им кто-то помог, – глаза капитана беспокойно бегали туда-сюда. – Келлер! Что там?

– Горизонт чист! Людей на воде тоже не вижу. Все спокойно, сэр!

– Наверное, никто не выжил. Интересно, что они перевозили... Скорее всего, это был не простой кораблик, – пробормотал Тирренс.

Обломков становилось все больше. Теперь они заполнили собой почти все пространство перед бортами. Бочки, мебель, посуда, куски намокшей материи, ящики, какие-то со-

всем неразличимые ошметки... Да, вне всякого сомнения, это был взрыв. Тирренс мрачнел все больше. Такая находка никогда не предвещает ничего хорошего. Судно было явно военным, и, скорее всего, подорвалось на своих же пороховых запасах. И такая расправа говорит только об одном исходе – пираты. Где-то совсем рядом рыщут морские головорезы, причем, судя по всему, совершенно беспощадные.

Вскоре показалась длинная мачта с оборванным парусом, лениво приплясывающим на изумрудной воде. Взрыв был очень хорошим. Наверное, несчастную посудину сложило пополам, как скорлупу. Выживших здесь быть просто не может, это совершенно точно.

– Попробуем подобрать бочки? – старпом с надеждой поглядел на Тирренса. – Может, хоть что-то полезное найдем.

– Не хотел бы я здесь задерживаться. Опасное дело. Как бы не нарваться на кого, – ответил капитан, задумчиво потирая щетинистый подбородок.

– Вижу человека! Человек, сэр!

Тирренс подскочил как ужаленный и бросился к поручням.

– Где? Келлер?

– Впереди, сэр! Около трехсот ярдов на северо-восток! Очень много обломков, я никак не могу понять, жив он или нет...

– Смотри хорошенько!

– Живой! Кажется, живой! Он движется!

– Юнгу сюда! Живо! – гаркнул Тирренс и достал из внутреннего кармана подзорную трубу. На пляшущей водной ряби ничего не удавалось разглядеть. Солнце резало по глазам бликами, плясало отсветами на воде и совершенно сбивало с толку.

Томас Конли служил юнгой чуть больше года, но успел сродниться с командой до такой степени, что почти все называли его Малыш Том. Он всегда брался за самую дурную работу – мыл палубу, возился с грузчиками в порту, лез на последний ярус мачты. Как говорил ему когда-то отец – море не любит лентяев и трусов. Том усвоил это правило очень хорошо, и теперь чувствовал себя на корабле по-настоящему своим. Во всяком случае, никто не пенял ему, что он всего лишь жалкий сопляк, который не может удержать в руках весло. Опасность никогда не пугала Конли, его постоянными спутниками были лишь азарт и упрямство. Вот и сейчас, сидя в маленькой шлюпке и налегая на весла вместе с чернокожим матросом по имени Билли Аркинсон, он не ощущал и толики страха. Их корабль становился все дальше и дальше, а в борта настойчиво и угрожающе стучались тяжелые обломки погибшего судна.

–Надо бы аккуратней, – неуверенно проговорил Билл. – Не хватало еще испортить шлюпку.

Билл был хорошим парнем, но чересчур осторожным. Может, именно поэтому капитан всегда ставил его напарником

к неумемному Конли?

– Не испортим, – Том приподнялся и оглядел поблескивающую воду. – Видишь кого-нибудь?

– Нет. Может, Келлеру показалось и здесь никого нет? Обломков очень много, и он вполне мог ошибиться.

– Ну, нам в любом случае нужно все здесь осмотреть, – терпеливо ответил Конли. – Выбора нет.

– А что, если просто вернуться и сказать Тирренсу, что ничего не нашли? – Билл посмотрел на него умоляющими глазами.

– Не городи ерунду. Может, этот человек и правда еще жив. И мы спасем его. Ты что, не хочешь сделать доброе дело?

– Не особо, – буркнул матрос и с кряхтением налег на весло.

Солнце становилось все ярче. На воду было почти невозможно смотреть – она отсвечивала и превращалась в один громадный ослепительный блик. Том чувствовал, как льется по спине пот, но упрямо греб, исподлобья разглядывая покачивающиеся на воде обломки. Келлер сказал, что видел человеческий силуэт примерно в трехстах ярдах впереди. Они уже были почти на месте – в самом скопище мусора, сбившегося в большую разномастную кучу.

– Эй! Есть кто живой? – крикнул Том, разглядывая поблескивающую гладь океана.

Тишина. Плеск воды, глухие удары деревяшек о борт

шлюпки, скрип уключин. Больше ничего.

– Меня кто-нибудь слышит? – еще раз прокричал Конли. Его голос разнесся над бесконечной поверхностью воды и растворился в соленом океанском воздухе.

– Никого, – тихо проговорил Билл, и тут же вскочил на ноги, потрясенно выпучив глаза. – Вон! Вон он! Вижу!

Они напряженно замерли, вглядываясь в пляшущие блики. Среди сотен постоянно перемещающихся обломков было тяжело что-либо разглядеть, но Том неожиданно увидел бледный силуэт, мелькнувший между наполовину погруженными огрызками древесины. Это была спина, человеческая спина.

– Там, впереди, – Конли торопливо схватился за весло. Они гребли что было сил, жмурясь от летящих через борт брызг.

– Он, похоже, мертв, – тяжело дыша, сказал Билл. – Если бы был живой, то ответил.

– Может, он просто нахлебался воды, – Том оставался непреклонен и не сводил глаз с лазурно-золотистых волн. Неужели ему почудилось? Когда глаза, казалось, уже вот-вот лопнут от невыносимых отсветов на воде, обломки вновь зашевелились, и совсем рядом мелькнула человеческая фигура.

– Помогите! – донесся слабый тонкий голосок.

– Я же говорил! – заорал Том, выпуская весло и разгоряченно метаясь по хлипкому дну шлюпки.

– Где он?

– Пожалуйста... – вновь всплеск воды между сломанных стульев, кусков обшивки, крышек пушечных портов. Том изо всех сил напрягал зрение, пытаясь увидеть тонущего человека. Тонкие руки взвились над проваливающимся под воду деревянным ящиком и попытались за него ухватиться.

– Я вижу его. Туда, правее! – скомандовал Том, вцепившись в борт побелевшими пальцами. Билл потянул за весла, и они осторожно двинулись вперед. Ящик исчез под водой, а на поверхность взмыла маленькая головка с длинными светлыми волосами.

– Я здесь! – донеслось до шлюпки, и Том почувствовал, как заколотилось сердце. Женщина. Это была женщина!

– Скорее, скорее, Билли, – поторопил товарища Конли. Он хотел броситься в воду, но его останавливали заостренные края обломков, похожие на колья, которыми обычно усеивали охотничьи ямы. Утопающая была уже совсем близко. Теперь Том отчетливо ее видел. Она неистово билась в воде, пытаясь удержаться на поверхности, а ее светлые волосы разметались в стороны и напоминали длинные водоросли.

– Помогите! Прошу! – голос становился все слабее и походил на щебетание маленькой умирающей птички.

– Мы уже совсем близко, мэм! Я держу Вас! – крикнул Конли и перегнулся через борт. Женские руки жадно схватили его, и он едва не рухнул в воду. Билл бросил весла и обхватил его поперек туловища, вытягивая назад.

Том сжимал в руках молодую девушку. Ее лицо было бледным, почти призрачным, светлые волосы струились по плечам и отдавали золотистым оттенком. Потрясенный Конли обнаружил, что она нагая – из воды показалась аккуратная грудь с изящными ареолами, какую можно представить только в фантазиях. Девушка открыла глаза и посмотрела на Тома. Это был не просто взгляд – это был целый океан, лазурный и яркий. Том никогда не видел таких глаз – настолько живых и прозрачно голубых, как сама вода. По инерции он все еще вытягивал девушку и достал ее почти по пояс, как вдруг она обхватила борт руками и уперлась.

– Эй! Том! Ты чего, уснул? – доносился откуда-то издали глухой голос Билли. Девушка все пристальнее глядела на него, и Конли почувствовал, что эти глаза – и есть вечность. Затем губы незнакомки разомкнулись – она улыбалась. Том увидел мелкие заостренные зубы, похожие на кошачьи. Ее рот был усыпан этими отвратительными маленькими лезвиями, и сквозь волну накатившего было блаженства, Конли ощутил дикий первобытный ужас. Одним мощным рывком девушка сдернула его через борт и с плеском опрокинула в воду.

– Том! – закричал Билли, пытаясь поймать его, но в ужасе отшатнулся. То, что он увидел, заставило сердце подпрыгнуть к горлу – вместо ног у девушки был огромный рыбий хвост.

Месть Гаспара

Вечер был жарким и раскаленным, словно пылающие угли. Не менее пылающей и огненной была страсть между двумя молодыми людьми, прижимающимися друг к другу на смятой постели. Девушка глубоко и возбужденно дышала, чувствуя, как нутро наливается кипящим свинцом. Она была очень красивая – темноволосая, с черными, точно оливки, глазами, смуглая и стройная, с крупными припухлыми губами, по которым сейчас была небрежно размазана красная помада.

Парень прижимал ее к себе, забравшись руками в декольте и покрывая шею мокрыми поцелуями.

– Муж тебя не хватится? – просопел он, на секунду прерываясь.

– Н-нет... – пискнула она, чувствуя, как внутри, подобно темным тучам, начинает клубиться стыд. Муж не сможет ее хватиться, потому что его уже нет в живых. Ей казалось, что это случилось так давно, хотя с момента его смерти прошло всего полгода. Она понимала, что делает нечто очень дурное, но не могла противостоять своей натуре, которая изнывала от вожделения.

– Ну и здорово, – парень переместился от шеи к груди, а его пальцы юркнули под подол ее легкого платья. Она ощутила по-настоящему животное желание. Стыд исчез, уступив

место всеуничтожающей похоти, и девушка торопливо стянула с себя остатки одежды, чувствуя, как наполняется ад- реналином кровь.

Сарита Инкьедо торопливо шла домой, все еще вздрагивая от остатков волн наслаждения, омывавших ее тело последние пару часов. Если бы Гаспар увидел ее... Хотя, какая разница, он был в курсе, что она ему изменяет.

Гаспар и Сарита поженились два года назад. Он – гитарист-профессионал, утонченный романтик. Она – великолепная танцовщица фламенко и распутная девица, каким-то чудом увлекшаяся тихим скромным Гаспаром и подумавшая, что это навсегда. Сарита была, что называется, слаба на передок еще со школьных лет. Мужчин у нее набралось изрядное количество, и она соблазняла их, используя какую-то совершенно магическую способность разжигать у окружающих людей страсть. Она сама была как взрыв, внутри нее словно бы жило неукротимое пламя, которое невозможно было погасить. Гаспар сумел на какое-то время обуздать его, и Сарита удерживала его около себя, надеясь стать, наконец, достойной женщиной и выкинуть из своей биографии все постыдные моменты. Но время шло, и она понимала, что не может принадлежать кому-то одному. Страсть мучала ее, и девушка изнывала в браке, ощущая себя цветком, увядающим в душной комнате.

Гаспар же влюбился в нее до беспамятства. Тихий и

скромный человек, он жил этой неумемной девицей, посвящал ей все свое время и отдавал последние деньги, чтобы сделать ей приятно.

– Зря ты с ней связался, – как-то сказал ему старый гитарист, дон Террисо, у которого он брал уроки игры. – Тут половина квартала в курсе, что у нее на уме только мужики.

– Я ее переделаю, – упрямо отвечал он, надвигая на лоб свою серую фетровую шляпу. – Никуда она от меня не денется.

Сарита тайком начала спать с другими, и Гаспар ничего не знал. Почти год их супружеской жизни прошел во лжи – он честно работал, ездил в другие города на запись к разным певцам или на какие-то концерты, где требовался гитарист, а она...

Цокая каблуками по мощеному тротуару, Сарита пыталась прогнать из головы навязчивые мысли, вместе с которыми снова начал оживать стыд. Любила ли она Гаспара? Скорее нет, чем да. Ей вспомнился день, когда она твердо решила подать на развод – это был жаркий майский вечер, Гаспар принес ей цветы и подарил какую-то дребедень... Она даже не могла вспомнить, что именно он ей притащил. В тот день она переспала со своим старым другом, с которым у нее случались утехы еще в школьные времена – богатеньким сыном адвоката Салазаром. Именно в тот самый день, когда Салазар потел над ней, а она наслаждалась разливающимся по телу волнам удовольствия, Сарита твердо решила подать

на развод. Тогда же вечером Гаспар казался ей несуразным и нелепым со своим букетом и подарочным пакетиком в руках. Она хотела сказать ему обо всем прямо, но потом передумала. Ей стало его жаль.

«Ничего, попозже,» – подумала она. – «Торопиться здесь не стоит.»

Повод подвернулся сам собой. Через несколько недель он засек ее в одном из баров – она целовалась с каким-то молодым парнишкой, и Гаспар, увидев это, полез в драку. Сарита сбежала и не появлялась дома почти до самого утра.

В ее голове всплыла та самая картина – она заходит в квартиру в розоватом свете занимающегося утра. В прихожей накурено – вонь стоит просто невероятная. Гаспар сидел на кухне и дремал прямо на стуле. Не ложился спать, ждал ее из последних сил – все это было в его духе. Сарита покачала головой. Да, ей было его жалко, но изменить своего решения она не могла.

– Эй... – она потормошила его за плечо, и он тут же открыл глаза и вскочил, словно его стегнули током.

– Ты куда пропала? – выпалил он, пытаясь, очевидно, окончательно проснуться и осознать, что же реально, а что – продолжение сна.

– Я хочу развода, – сказала Сарита, глядя ему прямо в глаза. – Я так больше не могу.

Так, прочь, прочь эти мысли. Девушка глубоко вздохнула и зажмурилась. Это просто невыносимо. В последнее вре-

мя она все больше думала о нем и мучала себя обвинительными мыслями. Надо было отшивать его сразу, еще на первых порах, ведь было сразу видно, что перед ней не мачо, а обычный скромный паренек. Разве она смогла бы с таким ужиться? Конечно же, нет. Хотя в глубине души у нее до сих пор была уверенность, что рано или поздно страсть уляжется, и она сможет построить семейный быт именно с таким, верным и тихим человеком, которому не нужны встряски и резкие перемены.

Сарита остановилась и заставила себя успокоиться. Нужно вытравить эти невыносимые мысли. Иначе она попросту сожрет сама себя и заработает нервный срыв. Девушка огляделась и увидела неоновую вывеску бара. «То, что нужно,» – подумала Сарита и торопливо последовала ко входу. Перед ее лицом всплыли похороны Гаспара. Закрытый гроб. Он поехал в соседний город на концерт. Ему обещали хорошие деньги. К тому моменту они так и не развелись, она все же не смогла резко оборвать их брак. Гаспар был слишком порядочным человеком, чтобы с ним так поступать.

– Текилы, пожалуйста, – Сарита подошла к барной стойке и сползла на стул, ощущая, как все внутри превращается в ноющий комок. Бар был почти пустым – лишь пару человек сидело за столиками, и оба ночных посетителя были пьяны вусмерть.

Гаспар, наверное, надеялся, что их брак выйдет из кризиса. Хватался за любую работу и добывал очень приличные

деньги. Его последний подарок, кольцо с сапфиром, она носит до сих пор. Он сказал, чтобы она оставила его себе, даже если захочет уйти. Просто на память. Через несколько дней автомобиль, на котором он ехал с другими музыкантами, вылетел на встречу и попал под автобус. Вместе с Гаспаром в тот день погибли шесть человек.

Бармен принес бутылку текилы и стакан. Сарита плеснула себе выпивки и торопливо проглотила ее, опустив отяжелевшие веки. Как же она устала от всего этого. Может она бы и хотела жить по-человечески, но с собой бороться бесполезно. Свою собственную сущность невозможно победить. Теоретически, конечно, возможно, но для этого нужно приложить все внутренние ресурсы и быть на редкость сильным человеком, а такого про себя Сарита сказать не могла.

Она, наверное, должна была радоваться, что муж самоустранился и ей не придется уходить из семьи. Хотя, семьей это было назвать сложно – отпрысков у них не было и она их не планировала, детей Сарита вообще не любила. Но чем больше она гуляла и спутывалась с мужчинами, тем хуже ей становилось – стыд рос, словно лавина и вытягивал из нее все соки. Сарита знала, что останься Гаспар в живых – в конечно счете она бы вернулась к нему.

Алкоголь наваливался на нее все сильнее. Она пила один стакан за другим, чувствуя, что только под толщей опьянения все мысли о Гаспаре растворятся и сумеют оставить ее в покое. К моменту, когда бутылка с текилой была осуше-

на, Сарита уже ни о чем не могла думать и чувствовала себя пустой, словно старая пивная бочка. Голова была гулкой и, казалось, все звуки вокруг отдаются в висках эхом. Она часто выпивала в последнее время, и поэтому даже не задумывалась о том, как теперь добираться домой. «Как-нибудь доползу,» – вяло всколыхнулась неясная мысль, тут же исчезнувшая в пустоте. Нужно выйти и подышать свежим воздухом. Там, может, и получится слегка протрезветь. В крайнем случае, если не удастся дойти своим ходом, можно вызвать такси.

Настроение у Сариты стало гораздо лучше. С души свалился камень, и теперь можно было идти, ни о чем не думая, бросая все усилия на сохранение координации, которая начинала стремительно подводить. Она встала со стула, взяла сумочку, и, стараясь по возможности не торопиться, зашагала к выходу.

– Вам вызвать такси, сеньора? – послышался ей вслед голос бармена. Она проигнорировала его и толкнула дверь, ведущую наружу. Улица встретила ее духотой и мощным тротуаром, слегка поблескивающим в свете луны.

Она медленно побрела вдоль по улице, не думая ни о чем. Мозг отказывался работать. Все, что сейчас ей хотелось – лечь прямо на землю и уснуть. Сарита чувствовала себя усталой, словно ей пришлось отработать смену на заводе. «Не зря говорят, что все болезни от нервов...» – подумала она, слушая гулкий звук собственных шагов. – «Если продолжить

накручивать себя, то недолго и инфаркт схлопотать...»

Внезапно что-то резануло ее по ушам. Какой-то до боли знакомый звук. Она удивленно повернула голову и вдруг почувствовала смутную волну ужаса, разрастающуюся с каждой секундой. Это была гитара. Кто-то перебирал струны акустики. Легкие аккорды в стиле фламенко.

Сарита замерла, ощущая, как по спине пробегают мурашки.

– Ты солнце, обжигающее меня. Без тебя я мертв... – тихий голос. Такой знакомый. Или ей кажется?

– К-кто это? – проговорила она, с трудом ворочая языком.

– Я как розы цветок, что все тянется к свету, я как жаждущий влаги в пустыне бескрайней, без тебя, моя прелесть, счастья мне нету, без тебя моя радость, на сердце мне рана...

Сарита знала эту песню. Одна из любимых у Гаспара – «Баллада влюбленного». Он часто пел ее во время выступлений, и некоторые дамочки даже рыдали – так проникновенно он ее исполнял. И сейчас – этот же тембр, нежно-вкрадчивая манера пения...

– Ну-ка хватит! – крикнула Сарита с такой силой, что ее голос отскочил от стен домов и глухим эхом исчез где-то в глубине улицы.

Пение и гитара смолкли. Затем до ушей девушки донеслись неторопливые шаги, и в одной из арок между зданиями она увидела его. Невысокий мужской силуэт с гитарой на плече, голову которого украшала фетровая шляпа. Ноги Са-

риты подкосились, и она едва не плюхнулась на брусчатку.

– Снова ты, – глухой баритон молотом ударил по ее ушам, и она едва не заорала во всю глотку от ужаса. Это был голос Гаспара, его невозможно было перепутать.

– Уходи... Уходи... – прошептала Сарита, из которой мигом вылетел весь хмель.

– Глупая шлюха... Все болтаешься по ночам, как и раньше.

– Откуда ты зна... – пропищала Сарита, ощущая, как льется по вискам пот. Как же откуда? Он ведь умер, и теперь может настигнуть ее везде, где угодно. «Это твое воображение,» – твердил ей здравый смысл, все больше и больше съезживающийся и отступающий куда-то далеко на задний план. – «Призраков не существует. Тебе все мерещится.»

– Ну вот мы и встретились. Подойди ко мне, – приказал голос. Она точно улавливала в нем нотки тембра Гаспара. Но действительно ли это так? Или ей все кажется?

– Боишься? Ну ничего. Все равно я тебя еще найду, – голос стал тише, а затем перетек в едва различимый смех, похожий на шуршание жухлых листьев.

– Не трогай меня! – завизжала Сарита и бросилась прочь со всех ног. Она чувствовала себя ланью, которую вот-вот загонит гепард.

– Стой! – заорала ей вслед темная фигура, но Сарита и не думала останавливаться. Она мчалась вперед, не разбирая дороги, слыша лишь удары собственного сердца. Спу-

стя несколько секунд к ним прибавился глухой топот позади – черная фигура преследовала ее, размахивая гитарой. «Он хочет наказать тебя,» – шептал ей внутренний голос. – «За все твои проделки. За то, как ты с ним обошлась.»

Сарита завизжала еще громче. Перед глазами все прыгало и мигало, и она совсем не понимала, куда бежит. Неожиданно по глазам ударила яркая вспышка, раздался душераздирающий металлический скрип, а потом что-то очень сильно ударило ее сбоку, и она покатилась по земле, неестественно разбросав конечности, точно тряпичная кукла.

Водитель выскочил из автомобиля и в ужасе глядел на женский труп, распластавшийся в нескольких метрах впереди. Молодая женщина, очень красивая, с длинными темными волосами. Вернее, когда-то бывшая красивой. Теперь отчетливо было видно, что обе ноги сломаны, а шея неестественно вывернута вбок. Она вылетела из ниоткуда, и он ничего не успел бы сделать. Он даже поначалу не сообразил, что произошло.

– Боже... – он схватился за голову и продолжал разглядывать труп, словно не веря в то, что случилось.

– Сеньор! – к нему подбежал человек с гитарой, в костюме и фетровой шляпе. Он был вовсе не похож на Гаспара Инкьедо. Лицо было совсем другим, но разве Сарита могла разглядеть это в темноте?

Он глубоко дышал, словно от быстрого бега, и поначалу

не увидел Сариту, лежащую с вывернутыми ногами. Но когда проследил направление взгляда водителя, то вздрогнул и выронил свой инструмент.

– Она, что... мертвая? Вы ее сбили? Сбили, да? – словно не веря глазам, парень в шляпе подошел к лежащей на дороге девушке и взгляделся в ее лицо. – Это не она. Боже... Я думал, это моя бывшая девушка. В темноте было так похоже. Я шел домой из паба, играл на гитаре и увидел ее. Крикнул пару обидных слов, она побежала, и я погнался следом. Она, наверное, думала, что я хочу на нее напасть...

Теперь они оба стояли рядом, в ужасе разглядывая тело. Гитарист стащил с головы шляпу и скомкал в руках.

– Моя бывшая была ветренной... И я думал, что это она, понимаете? Я думал ее поддеть. Она в свое время сильно ранила меня, и я...

Водитель непонимающе смотрел на него, будто слышал речь на диковинном языке.

– Я убил ее... Если бы не я, то эта девушка бы не побежала и осталась жива... – продолжал бормотать гитарист.

Сарита лежала на земле, и под ней начала натекает лужа крови. На ее лице навсегда остался испуг. Вышло так, что Гаспар все же отомстил ей, пусть и не своими руками. Хотя, возможно, это была случайность.

Снегопад

Энди Бишоп выругался и резко нажал на тормоза, отчего его старый японский пикап повело в сторону. Он едва не протаранил сугроб – капот обдало целым ворохом снега, а бампер зацепил обледенелые края здоровенных снежных холмов, возвышающихся по краям дороги. Это уже и дорогой назвать не получалось – за почти полтора часа он проехал каких-то пять-шесть миль, постоянно сбавляя скорость и пробуксовывая. Ко всему прочему, погода тоже решила подкинуть перца. С неба валился, похоже, весь годовой запас снега.

Энди повернулся и посмотрел на свою девушку Клэр, пристегнутую к пассажирскому креслу. Она мирно посапывала, распространяя по салону невыносимый запах перегара.

– Дура чертова, – прорычал Бишоп и с трудом поборол в себе желание заехать ей по физиономии. Надо сказать этой девушке огромное спасибо. Ведь если бы не ее идиотские выходки, они бы оба сейчас были дома и смотрели бы какой-нибудь фильм. Хотя, нет, он был бы один дома, без нее. Энди совершенно точно решил, что произошедшее сегодня – последняя капля. Довольно. Сейчас он отвезет эту курицу домой – если не застрянет – а затем соберет ее вещи, схватит за шкурку и выкинет прямо на холод.

Клэр, без сомнения, была очень красивой девушкой.

Светло-каштановые волосы, голубые, с ледяным оттенком глаза, милое лицо с аккуратными, детскими чертами. Однако за этой красотой пряталась совершенно невообразимая дурь. Клэр любила развлекаться. Она была далеко не глупой, но слишком уж шепутной. Энди постоянно попадал из-за нее в неловкое положение. Временами все было нормально, но не реже, чем раз в две недели этой барышне резко приспичивало ехать к своим друзьям на дачу, либо идти вместе с ними по клубам. Бишоп скандалил, умолял, пытался вызывать к совести – но все бесполезно. Они жили вместе, и поэтому если она не тянула его с собой (в последнее время он категорично отказывался, устав таскать ее на себе после попоек и вечеринок), то отчаливала сама на день-два, оставляя в полном одиночестве и периодически названивая в три часа ночи с просьбой забрать домой. В этот раз она снова, второй раз за последний месяц, ночевала со своими подругами на этой ненавистной Бишопом загородной даче, до которой можно было добраться только через Белый лес. Дорога была старой, а зимой превращалась в самый настоящий кошмар. Энди сам не мог понять, почему он все это терпит уже второй год. Да, в целом, Клэр была хорошей, но эти вечеринки... Сколько раз он просил ее завязать с выпивкой, грозясь даже разрывом. Никакого эффекта. Она лишь взъерошивала ему волосы и говорила:

– Энди, какой ты скучный. Я же совсем немножко. И не каждый день.

Не каждый день, да. Но совсем не понемногу, черт тебя подери, дура. Как же я от тебя устал, Боже. Как мне надоело работать эвакуатором...

Накручивая себя еще сильнее, Бишоп вспомнил, как сегодня, почти в четыре утра ему позвонила Одри, ее лучшая подруга, и спросонья он едва не запулил телефон в стену.

– Энди... Ты не спишь? – спросила она заплетающимся языком.

– Уже нет.

– Слушай... Сможешь приехать утром? Клэр немного перепила.

– Немного перепила? – Энди заскрипел зубами.

– Да... Ее рвало. Мы здесь... Устроили мексиканскую вечеринку.

– Мексиканскую вечеринку?

– Ага... С сомбреро и текилой. Танцевали... У-у-у-у... Так здорово. Почему ты не поехал с ней? Стефани и Люси были со своими парнями. Тут было так весело...

– Не сомневаюсь, – выдавил Бишоп, сбрасывая одеяло на пол.

– В общем, приезжай, пожалуйста, к утру. Она отоспится и будет в порядке. Хорошо? У нас тут некому ее отвезти. Мы едем в Маунтевилль к моей кухне, поэтому, прости, тебе придется... Опять... Опять приехать... – к концу фразы она вовсе едва ворочала языком.

– Понял. Приеду. Оживите ее там как-нибудь. Я не хочу

везти в машине безжизненное тело.

– А? Что?..

– Ничего. Пока.

Это уже просто невыносимо. Стефани и Люси были со своими парнями. Двое парней и четверо девчонок. Или, может, еще кто-то, о ком он не знает?

И вот она лежит на сиденье, слегка похрапывая. Почему он раз за разом ей это спускал? Из-за красоты, конечно. Он чувствовал внутренний трепет даже сейчас, глядя на ее заспанное лицо. Трепет и ненависть. Пора это все закончить.

Бишоп осторожно нажал на газ и вырुлил из снежного заноса. Скорость больше пятнадцати миль была невозможной. Какое счастье, что отец подарил ему пикап несколько лет назад. Эта машина выручала его кучу раз, еще до того, как он познакомился с Клэр. Энди вспомнилось, как несколькими часами ранее он забирал свою перебравшую пассию с затянувшейся вечеринки. Ее подружки-идiotки хихикали, глядя, как Бишоп сажает Клэр на сиденье. Конечно же, ночью она влупила еще, даже после того, как проблевалась. Эти безмозглые овечки тоже были еще пьяные, скорее всего они и не ложились спать. И их парни-идiotы, развалившиеся на диванах с бутылками пива в руке.

– Милый... Ты приехал... Иди ко мне, я хочу тебя поцеловать... – Клэр тянулась к нему губами и слюняво чмокала в щеку. – Мой сладкий...

Но через несколько минут она уже вырубилась. Он осмот-

рел ее, и, не обнаружив засосов, мелких синяков и прочих подозрительных следов, глубоко вздохнул. Он каждый раз задумывался о том, что она ему изменяет, о том, что это, в конце концов, ненормально – быть бесхребетным нюней и постоянно отпускать свою девушку черт знает куда. В этом же ничего сверхъестественного, верно? Она всего лишь расслабится с друзьями. Надо давать друг другу свободу, и тогда в отношениях будет полный порядок.

– Нахрен такой порядок, – Бишоп крутил руль и отчетливо осознал, что наконец-то прозрел.

Снег залеплял лобовое стекло, и дворники с ним уже почти не справлялись. Периодически Энди останавливал машину и вылезал наружу, чтобы счистить белые заносы и хоть немного улучшить обзор. Вокруг возвышались огромные деревья, похожие на чудовищных великанов из каких-нибудь древних скандинавских легенд. Дорога пролегла напрямиком через чащу леса, и Бишопу всегда было боязно, когда он проезжал здесь. Каждую неделю путь расчищал большой желтый трактор с ковшом, но дорогу все равно изрядно заносило. Тут ведь водятся всякие опасные звери. Например, волки. Или гризли. Сто процентов водятся. Здесь даже есть местный заповедник. А где-то неподалеку – станция егеря.

– Клэр, Клэр... Я тебя ненавижу... – прошипел Энди.

Радио здесь не ловило. Телефон – с трудом. Бишоп пожалел, что у него старая магнитола, без usb-разъема и дисководов. Сейчас было бы очень неплохо включить что-нибудь для

фона, чтобы успокоиться. Он повернулся и глянул на Клэр. Нужно поглядывать за ней, вдруг она захлебнется рвотой...

– Да и пускай. Меньше проблем, – пробормотал Бишоп, мысленно укоряя себя за эти слова. Так нельзя. Не стоит превращаться в отморозка.

Пикап вновь занесло, и Энди испуганно крутанул руль, пытаясь удержать автомобиль. Машина слегка пробуксовала, но вырвалась. Двигатель утробно зарычал, вибрируя от повышенных оборотов. Они ползли по снегу, переваливаясь с боку на бок, словно здоровенное грузное животное, выбившееся из сил. Клэр так и не проснулась. Пару раз она чуть приоткрывала глаза, но затем снова проваливалась в сон. Энди несколько раз опускал ветровое стекло, чтобы проветрить салон, потому что вонь становилась попросту невыносимой. Что может быть хуже пьяной женщины? «Только очень пьяная женщина,» – подумал Бишоп. Может, тоже начать нажираться по выходным? Хотя она вряд ли бы искала его и отвозила домой. Он бы так и валялся где-нибудь на грязном полу.

Пикап замедлил ход. Он тащился по снегу все медленнее и медленнее, пока не замер окончательно. Энди нажал на газ и услышал, как завизжали колеса, прокручиваясь впустую. Он вновь вдавил педаль в пол – тот же результат. Машина билась в конвульсиях, разбрасывала снег, но не двигалась ни на йоту. Они застряли. Прямо посреди леса.

– Замечательно, – тихо сказал Энди и заглушил двигатель. Клэр спала, словно младенец. Ну ей-то все равно. Откапы-

вать машину будет не она.

Бишоп глубоко вздохнул и открыл дверь. Снега снаружи было не сказать, чтобы много, но им посчастливилось угодить мимо колеи в самую занесенную часть, аккуратно по самое днище. Белые хлопья падали сверху и медленно, но неуклонно, уменьшали шансы Энди доехать до дома засветло.

– Так... Главное делать все быстро, – пробормотал он и, проваливаясь в снег, потащился к кузову за лопатой. Для начала нужно откопать передние колеса. Потом хорошенько очистить все под задними. Хоть как-нибудь подлезть под днище и сгрести снег оттуда. Сколько времени это займет?

– Пожалуй, нужно разбудить Клэр. Работа на свежем воздухе будет только на пользу, – Бишоп почесал взъерошенную макушку. Разумеется, толку от нее будет немного. Только под ногами начнет путаться. Пусть уж дрыхнет дальше. Это даже хорошо, что никто не мешает и не лезет с глупыми вопросами. Как только они доедут домой – а он приложит все силы, чтобы это поскорее случилось – девушка по имени Клэр исчезнет из его жизни. Хватит быть тряпкой. Он смотрел на себя со стороны и чувствовал, как все внутри съеживается от стыда. Это ведь кому рассказать – на смех поднимут. Из раза в раз ездить за пьяной бабой, быть размазней, покорно терпеть эти загулы и ничего не делать. Энди никогда и не думал, что дойдет до такого. Почему нельзя было прозреть гораздо раньше? Или наличие рядом симпатичной девки автоматически делало его королем?

Бишоп принялся выгребать снег из-под колес, воровато оглядываясь по сторонам. Через десять минут он был уже весь мокрый. Пришлось делать паузу. Дыхание сбилось, пот лился по вискам, ворот свитера, казалось, вымочен в воде. Да, такими темпами он нескоро откопает свой пикап. Снегопад продолжался, и Энди подумал, что даже если он сумеет высвободить машину, то это будет всего лишь начало. Через пару сотен метров, а возможно и раньше, он влетит в другой сугроб. Снова рыть снег, уже вымотанному, едва волочащему ноги. Где гарантия, что вся дорога впереди не превратилась в один сплошной занос?

Хлопнула дверь, и Энди увидел тоненький силуэт своей подруги, наконец-то проснувшейся и решившей освежиться. Клэр выглядела слегка потрепанной, но в целом бодрой.

– Энди... Где мы? – спросила она, потягиваясь и озадаченно озираясь.

– Посреди леса, – буркнул Бишоп, вновь берясь за лопату.

– Голова раскалывается... Ох, Энди... Что бы я без тебя делала... Спасибо, что забрал меня.

– Да не за что.

– Ты не в духе, милый?

– Не в духе? – Бишоп отшвырнул лопату. – Как ты думаешь, Клэр, я рад?

– Ну... – она приподняла брови.

– Что «ну»?! – вскричал Энди. – Ты бухаешь как сволочь, из раза в раз, из раза в раз, твою мать, а я бегаю за тобой, БЕ-

ГАЮ И РАБОТАЮ КАК ЭВАКУАТОР! Таскаю тебя из клубов. Прощаю эти идиотские выходки, за которые тебе кто-нибудь другой уже давно оторвал бы башку. Оглянись вокруг! Что ты видишь? Правильно, лес! ЛЕС! Мы застряли на лесной дороге в снегопад, и теперь хрен знает, когда отсюда выберемся, ты это понимаешь?!

Клэр в ужасе смотрела на него, выпучив глаза. За два года он ни разу не кричал на нее, не повышал голос и не срывался. Она, наверное, и не знала, что он умеет так орать.

– Все. С меня хватит. Когда мы отсюда выберемся, ты забираешь вещи и валишь. Куда угодно. Понятно? – прошипел Бишоп.

Она все так же молчала и пялилась на него.

– Ты меня слышишь?

– Обалдеть... – Клэр поморщилась и приложила руку ко лбу. – Я, честно говоря, в шоке.

– В шоке? – Энди вновь схватил лопату и хотел было продолжить выгребать сугроб из-под колес, но вдруг что-то сбилось Клэр с ног, и она мгновенно исчезла в снегу. Что-то большое и тяжелое, Бишопу поначалу показалось, будто это машина. Но как? Здесь мало того, что негде проехать, так еще и на дороге уместится не больше одного автомобиля. Вглядываясь в стену из белых хлопьев, Бишоп осторожно шагнул вперед, и тут же по ушам ударил пронзительный вопль Клэр.

– АААААААААААААА! ПОМОГИТЕ-Е-Е-Е-Е-Е!

Здоровенная туша прижимала ее к земле. Яростные крас-

ные глазенки, такие маленькие на большой темной морде. Огромные зубы, длиной, наверное, с карандаш. И массивные лапы, с когтями, похожими на крюки.

– ЭНДИ-И-И-И-И-И!

Клэр неистово верещала и билась в снегу, пока огромное чудовище не наклонилось вниз и не отхватило ей голову. В один присест. Вопль оборвался, и тварь захрюкала, проглатывая добычу. Бишоп почувствовал, что его сейчас вырвет. Лопата выскользнула из его пальцев и шлепнулась в сугроб. Чудовище тут же повернулось и поглядело в его сторону. Здоровенный гризли. Огромная машина для убийства, рыскающая по лесу и заприметившая двух людишек, оказавшихся на открытом месте. В голове Бишоп сразу всплыла статья, прочитанная еще в школе – «Медведь-шатун. Особенности и повадки». Нападает всегда бесшумно, но яростно. Никаких предупреждающих звуков, агрессивных поз и попыток напугать. Просто быстрая сокрушительная атака, без всякой подготовки. Этот медведь должен находиться в своей берлоге, пребывая в зимней спячке, но вместо этого он здесь. И чертовски голоден.

Зверь глухо заурчал и бросился вперед. Последнее, что Бишоп успел заметить – его морда испачкана в крови. В крови Клэр.

Словно ошалелый, он метнулся назад и попытался открыть дверь пикапа. Сзади тут же прилетел мощный удар, от которого Энди швырнуло, как тряпичную куклу. Он проле-

тел пару метров и приземлился головой в снег. Спина разрывалась от боли, и Бишопа вывернуло на собственный свитер. Давясь снегом и отплевываясь, он попытался выбраться из сугроба. Сейчас, еще пара секунд, и эта тварь его просто порвет.

Энди стер снег с лица и с ужасом открыл глаза, ожидая увидеть несущуюся к нему здоровенную тушу. Но медведь решил вернуться к Клэр. С чавканьем и хрустом, который был слышен даже отсюда, животное жадно пожирало его девушку. Бишопа вновь скрутил спазм, но блевать было нечем, так как все, что было в его желудке уже осталось на снегу. Спина пульсировала болью, однако, судя по всему, ничего не было сломано – он мог двигать руками и ногами. Он был весь мокрый, и сначала подумал, что это пот и снег, ведь пришлось окунуться в сугроб. Но это была кровь – весь снег вокруг него стремительно алел. Надо скорее сваливать, пока эта тварь про него забыла. Но куда? К машине путь отрезан, чудовище слишком близко, и залезть внутрь, не привлекая внимания, он не сумеет.

Поскуливая от боли, Бишоп осторожно пополз в сторону массивных деревьев. Убежать он, конечно, от этого чудовища не сможет. Но если попробовать залезть повыше...

Энди обернулся и вновь поглядел на медведя. Его почти не было видно, но сквозь пелену снегопада отчетливо угадывался массивный силуэт, копошащийся у тела Клэр. Тела... Там, наверное, от тела-то ничего и не осталось. Подавив в

себе очередной рвотный позыв, Бишоп подполз к самой ближайшей ели и попытался ухватиться за нижнюю ветку. Спина ответила пронзительной болью, отчего он не выдержал и вскрикнул. Сейчас оно доест Клэр и придет сюда по кровавому следу. Нужно торопиться.

Скрипя зубами, Энди подтянулся и закинул на ветку ногу. Ему показалось, что он вот-вот потеряет сознание. Передохнув пару секунд, он попытался подтащить вторую. Только бы успеть забраться повыше. Он обернулся, но никого не увидел.

Выше. Нужно лезть вверх, пока есть хоть какие-то силы. Сверху сыпался снег и еловые иголки. А что, если он потеряет сознание и упадет вниз?

Кряхтя от боли, Бишоп распрямился и, пытаясь держать равновесие, потянулся к следующей ветке. Он чувствовал, как кровь льется по спине и затекает за ремень джинсов. Этот монстр, должно быть, разодрал ему все от одной лопатки до другой. Бедная Клэр... Перед его глазами все еще стояла эта ужасная картина – голова девушки в одно мгновение исчезает в пасти медведя, и он одним небрежным движением своей массивной шеи отрывает ее от туловища.

Что-то ухватило его за штанину и дернуло вниз.

– А-А-А-А-А! – завопил Энди, сползая вниз по стволу и отчаянно цепляясь за него промерзшими пальцами. Тяжелое сопение и похрюкивание за спиной. И отвратительная вонь, бьющая в ноздри, словно кувалдой. Медведь добрался

до него. Теперь шансов точно не осталось.

Громадная лапа одним движением отодрала его от ели и подтянула поближе к пышущей жаром пасти, от которой несло кровью. Энди попытался лягнуть хищника, но его ногу тут же сдавило что-то острое и мощное, как стальной пресс.

Утренние новости

Сэм Уолт неторопливо шагал вдоль дороги и с удовольствием потягивал «Мальборо». Вечер становился все более прохладным, он поспешно запахнул плащ, пытаясь уберечься от пронизывающего ветра. Жилой квартал Риверсайда постепенно погружался в сумерки, и кое-где уже начинали неуверенно мерцать фонари. Сигаретный огонек Сэма медленно тлел, напоминая маленькую искру в сгущающейся темноте. Вокруг не было ни души – абсолютная пустота, и Уолт почувствовал внутреннее удовлетворение. Он никогда не любил большого скопления людей и всегда ощущал себя не в своей тарелке, когда оказывался в каком-нибудь большом городе, вроде Нью-Йорка или Далласа. В конце улицы мелькнул подросток, тянущий на поводке собачку – вот и все прохожие, которые встретились ему за последние пару часов.

Сэм последний раз затянулся и выбросил окурочек. Затем выпустил табачное облако и медленно наблюдал, как оно рассеивается в чернильном сумраке. Его гулкие шаги были отчетливо слышны через всю улицу и отдавались между невысоких коттеджей, выстроившихся вдоль дороги. Сэм поправил шляпу, задумчиво пожевал губами и воровато посмотрел в сторону живой изгороди, теряющейся в полутьме возле фонарных столбов. С небо раскатисто грохнуло, и Уо-

лт почувствовал, как по спине начинают хлестать дождевые капли.

– Ну вот, этого еще не хватало, – с недовольством проговорил он, зябко поежившись. Полыхнула молния, и ливень с новой силой зашуршал по асфальту.

Сэм вспомнил, как будучи совсем мальчишкой, любил стоять под дождем и чувствовать, как он омывает его тысячами своих маленьких колких струй. Все дети разбежались врассыпную, стремясь поскорее укрыться от бушующей стихии, а Уолт задирает голову вверх и неподвижно мок, наслаждаясь чистотой и свежестью воды, потоком несущейся с неба.

– Было здорово, – пробормотал Сэм, наблюдая, как срываются капли с его шляпы. – Было очень здорово...

И тут его мысли прервал пронзительный крик. Уолт замер и прислушался, не решаясь сдвинуться с места ни на дюйм. Вопль повторился. Это был отчаянный визг, переполненный ужасом.

– Помогите! Пожалуйста, кто-нибудь!

Это был ребенок. Девочка. Пронзительный звенящий голос, острым ножом прорывающийся сквозь стену дождя и темноту.

– Помогите!

Сэм вздрогнул, словно его ударили током.

Ребенок всхлипнул и захныкал. Он был совсем рядом, может быть в трех-четыре метрах.

– Я здесь! Все будет хорошо! – прокричал Уолт, что было сил. – Где ты?

– Помогите! – вновь звонко позвала девочка. – Пожалуйста...

«За забором,» – мгновенно смекнул Сэм, оглядываясь и пытаясь что-нибудь разобрать в мокром шумящем сумраке. В голову ему вдруг протиснулась странная подлая мысль, которую он поспешно отогнал. «А может, к черту это? Может, пойти дальше, куда шел?» Эта показавшаяся абсурдной фраза неожиданно все больше давила ему на разум, и он уже почти заставил себя развернуться и продолжить свой путь, как вдруг ребенок позвал с новой силой:

– Оно хочет убить меня! ОНО ПЫТАЕТСЯ УБИТЬ МЕНЯ!

Уолт что было сил метнулся на голос и перемахнул через скользкий забор, едва не сломав при приземлении подвернувшуюся ногу.

– Малыш! Я здесь! – закричал он, чувствуя, как темнеет в глазах от боли.

Из сумерек послышалось злобное рычание.

– Он близко! Он уже близко! – надрывалась девочка, и Сэм во всю прыть помчался вперед, не обращая внимания на горящую огнем лодыжку.

Он так сильно разогнулся, что едва не врезался в огромного ротвейлера, трусцой, семенящего сквозь дождевые струи.

– Осторожно! – Уолт, наконец, увидел ее – худенькую де-

вочку с мокрыми светлыми волосами, прижавшуюся к тощему деревцу, ствол которого был едва ли толще ее тоненьких ручек. Собака лязгнула зубами и вновь зарычала. Сэм отпрянул и заметил белеющую на ее пасти пену. Псина определена была больна бешенством, а потому от нее можно было ожидать всего, чего угодно.

Продолжая следить за ротвейлером, Уолт начал тихонько отступать назад, в сторону сжавшегося в комочек перепуганного ребенка.

– Только не двигайся, слышишь? Я рядом. Сейчас все кончится, – как можно более ободряюще проговорил Сэм, но его голос предательски дернулся, будто у него на долю секунды заело пластинку. Пес вновь зарычал и озлобленно подскокил, точно его стегнули кнутом.

– Мистер, оно сейчас нападет... – пропищала девочка и еще сильнее прижалась к деревцу.

– Не нападет. Главное не смотри ему в глаза, – ответил Уолт, наблюдая, как дрожат мускулы на взъерошенном загривке ротвейлера.

Сэм вдруг вспомнил, что во внутреннем кармане у него есть весомый аргумент. Он осторожно прикоснулся мокрой ладонью к подкладке и зловеще улыбнулся, почувствовав приятную тяжесть. Как хорошо, что он не забыл положить его, перед тем как выйти из дома.

– А ну, поди сюда, – дерзко крикнул Сэм, дразня собаку взмахами рук. – Боишься меня, да? Боишься, засранец?

Пес злобно гавкнул, но нападать пока не решался. Из его глаз буквально рвалась бессмысленная и испепеляющая ярость. Сэм скользнул в карман и достал маленький револьвер с коротким блестящим дулом.

– Поди сюда, что же ты? Ну, давай...

– Что Вы делаете? – испуганно закричала девочка. – Оно сожрет Вас!

– Не сожрет. Ничего не бойся, малышка, – Уолт подмигнул ей и вытянул руку с оружием.

Собака стремительно сорвалась с места и помчалась к нему. Сэм чуть прищурился, напрягся и нажал на курок. Револьвер глухо ругнулся, озарив его лицо короткой блеклой вспышкой. Пес дернулся, оступился, а затем повалился на землю, словно мешок. Оглушительно пророкотал гром, и небо раскололось ослепительным копьём молнии.

Девочка заплакала. Уолт подошел к конвульсирующему псу и хладнокровно выстрелил ему в морду. Чудовище, наконец, затихло, вытянув короткие крепкие лапы. Дождь зарядил еще сильнее, превратившись в настоящую стену воды.

Сэм убрал оружие и приблизился к ребенку. Она вся дрожала, словно ее бил озноб. Уолт снял плащ и заботливо укрыл ее, осторожно вытерев большим пальцем мокрые щечки.

– Не плачь, моя маленькая. Все позади. Все хорошо.

Она посмотрела на него блестящими зелеными глазами. Они были ясные и чистые, словно два драгоценных камня.

– Как тебя зовут, малышка? – Сэм умиленно заулыбался и вновь нежно провел пальцем по щеке девочки.

– Кэрри, – едва слышно ответила она и вдруг улыбнулась.

– Все будет хорошо, Кэрри, – Сэм засиял, словно начищенный четвертак. – А теперь пойдем домой, детка. Ты далеко живешь?

– Нет, сэр, – проговорила девочка. – В двух домах отсюда...

– Зачем же ты забралась в чужой двор?

– Мы с друзьями играли в прятки... А потом появилась эта страшная собака. Все убежали, только я не успела... – Кэрри виновато опустила голову.

– Она загнала тебя в чужой двор? – сочувственно покачал головой Сэм.

– Да... Начался дождь, и я не смогла понять, куда попала. Мне показалось, я пролезла под забором своего дома... А на самом деле...

– Ну ничего, – Уолт улыбнулся и взял малышку на руки. – Теперь можно забыть это как страшный глупый сон. Мама, наверное, уже заждалась тебя.

– Мне сильно попадет, мистер, – Кэрри вздохнула и смущенно заулыбалась.

Они остановились перед аккуратной резной калиткой. Сэм глянул на мерцающие уютным светом окна дома впереди и нажал на кнопку звонка. Спустя несколько секунд из

дверей показалась женская фигура, торопливо набрасывающая на плечи дождевик.

– Это твоя мама? – тихо спросил Уолт у девочки, и та радостно закивала. – Ну, беги к ней, детка.

Он опустил Кэрри на землю, и она помчалась навстречу матери, радостно раскинув руки. Сэм с улыбкой наблюдал, как они прижались друг к другу, облегченно всхлипывая.

– Кэррол! Девочка моя... Я уже хотела вызывать полицию... – сквозь рыдания проговорила женщина.

– Меня спас вон тот человек, – Кэрри ткнула пальчиком в сторону Сэма.

– Я даже не знаю, как Вас отблагодарить мистер...

– Уолт. Сэм Уолт, – он галантно кивнул и чуть приподнял шляпу. – На Вашу девочку напала бешеная собака. Мне удалось пристрелить псину, прежде чем она набросилась на ребенка.

– О Боже... – женщина приблизилась к нему, утирая заплаканные глаза. – Вы не представляете, как я Вам благодарна.

– Пустяки. Я не имел права поступить иначе, мисс...

– Спаркс, – женщина улыбнулась, и Сэм невольно отметил, что она чертовски симпатичная – высокая, светловолосая, с большими живыми глазами и аккуратным чуть приподнятым носиком. Уолт готов был поручиться, что ей не было еще и тридцати. – Я совсем заработалась, а Кэрри – настоящая непоседа. Стоит мне немного отвлечься, и она сразу

же куда-то испаряется...

– Кем же Вы работаете?

– Ветеринаром. У меня домашняя клиника. Если приходят клиенты, то я просто физически не могу уследить за этим непослушным ребенком. Разве что закрывать ее на весь вечер в комнате, – мисс Спаркс сокрушенно покачала головой и поправила намокшие волосы. – Мистер Уолт, что я могу для Вас сделать? Вы просто не представляете, как я Вам признательна.

Сэм загадочно улыбнулся и приподнял воротник плаща.

– Вы выезжаете на дом? Можете приехать и осмотреть животное?

– Что? – она удивленно приподняла брови. – Ах да, конечно. У вас захворал питомец?

– Да. У моего кота что-то не так с пищеварением. Я бы привез его сам, но... Думаю, понимаете – в пути может случиться всякое. Я бы не хотел тащить его через весь Риверсайд и... Кроме того, он может наделать в сумку для перевозки, – Сэм вновь улыбнулся и оценивающе посмотрел на свою собеседницу. – Дело в том, что я давно ищу хорошего ветеринара, но все никак не могу определиться...

– О, никаких проблем, – мотнула головой мисс Спаркс. – Абсолютно никаких проблем. Мне совсем не составит труда приехать к Вам. А за то, что Вы спасли мою дочь, я вылечу Вашего котика бесплатно.

Уолт чуть сдвинул шляпу и слегка поклонился.

– Вы просто чудо!

– Перестаньте! – игриво хохотнула она. – Это Вы – настоящее чудо. Страшно подумать, что было бы, если б Вас не оказалось рядом...

– Я позвоню Вам завтра, хорошо? Там и договоримся более точно. Наверное, я смогу быть дома только вечером, – Сэм протянул ей маленький блокнот и карандаш. – Надеюсь, Ваш муж не будет против.

– О нет, я в разводе уже третий год, так что можете не беспокоиться, – мисс Спаркс очаровательно заулыбалась, аккуратно выводя в блокноте цифры. – Звоните, Сэм. В любое время.

– Тогда мне пора, – он ухмыльнулся и спрятал блокнот в недра своего плаща. – До завтра.

– Спасибо Вам еще раз! – мисс Спаркс помахала ему вслед и некоторое время глядела, как удаляется его темный сутулый силуэт.

– Кэрол, я не буду тебе повторять дважды! Немедленно спускайся вниз и чисти зубы, – мисс Спаркс торопливо причесывалась и слушала выпуск местных новостей. Светлые утренние лучи задорно прыгали по хромированной раковине, разбегаясь бликами по белоснежному потолку. Погода на улице стояла просто потрясающая – казалось, что вчерашняя гроза была всего лишь неясным дурным сном, который улетучился, едва солнце выглянуло своим горящим оком из-за

горизонта. Мисс Спаркс отложила расческу и вновь позвала:

– Кэрри, ты меня слышишь?

– Уже иду... – послышался с лестницы недовольный детский голос, и мисс Спаркс тихо засмеялась, глядя как заспанная девочка неуклюже спускается по ступенькам.

– ... сегодня утром был пойман человек, который держал в страхе весь Риверсайд в последние полгода. Безжалостный убийца и насильник женщин наконец задержан полицией прямо на месте преступления вчера около полуночи, в районе центрального парка. Это его фотография. Имя маньяка – Сэмюэль Уолт...

Мисс Спаркс медленно осела вдоль стены, разглядывая на экране телевизора улыбающуюся фотографию спасителя ее дочери. «Я позвоню Вам завтра, хорошо? Наверное, я смогу быть дома только вечером...» – всплыли в ее мозгу слова, произнесенные Сэмом перед уходом. Зачем же он помог Кэрри? Эта мысль не давала ей покоя.

– Да... Иногда обыкновенный выпуск утренних новостей может сделать из тебя настоящую отбивную, – мрачно проговорила женщина, устало тряхнув светлыми волосами.

Удар гонга

Рик Моррис-младший сидел на стуле в своей раздевалке и наблюдал, как тренер бинтует ему руки. Они вдвоем едва умещались в этой крошечной комнате, похожей на маленькую коробочку. До боя оставалось меньше часа, до боя, который станет пиком его славы, окончательным восхождением на боксерский Олимп.

Хотя, наверное, все-таки, нет. Он ведь уже на Олимпе. Рик Моррис, знаменитый боксер и веселый парень, настоящий кудесник в ринге, технарь, коих можно пересчитать по пальцам руки. Он был настолько крут, что превосходил соперника буквально во всем. И зачастую вместо того, чтобы нокаутировать оппонента, он начинал с ним играть, тянуть время. Растягивать бой на десять-двенадцать раундов. О, как же это злило некоторых экспертов и зрителей... Они требовали нокаута. «Если ты так крут, что тебе стоит всадить пару крюков и все закончить?» Это было совсем неинтересно Рикю. Такой подход слишком скучен. Бокс – это ведь искусство, а не мордобой.

Да, пару раз ему приходилось включаться на полную. Например, в девяносто седьмом. Тогда у Рика не было ни одного поражения, а на кону стоял пояс Всемирной боксерской ассоциации. Его противником был Майкл Гриффет – тоже парень без единого поражения и с хорошим ударом. Мор-

рис прощупывал его первые несколько раундов, а где-то ближе к середине взялся за дело. Гриффет оказался непростым орешком. Весьма недурно контратаковал и даже, к чести сказать, взял пару раундов. Но потом Моррису удалось войти в свою колею, и удары посыпались на Майка как из пулемета. Рик накручивал соперника, осыпал джебами и ловко проводил быстрые комбинации, после одной из которых Гриффет опустился на колени. Однако Моррис так увлекся, что по инерции отвесил еще две оплеухи по пытающемуся прийти в себя оппоненту, и в итоге свалил того окончательно. На ринг высыпала целая куча народа, градус ситуации накалился до предела. Судьи приняли решение дисквалифицировать Рика несмотря на то, что он безоговорочно доминировал почти весь бой. Моррис был в ярости. В прессе поднялся нешуточный вой из-за всей этой неразберихи, и Рик пообещал прикончить соперника в реванше. В ответном бою он уже в первом раунде залепил такой хук в голову Гриффета, что тот улетел на пол, словно мешок. Затем попытался встать, но тут же шлепнулся вновь. Потом еще раз поднялся, пробуксовав по настилу, но не удержался и опять полетел вниз. Публика была в экстазе. А Моррис, словно бойцовский петух на насесте, восседал на углу ринга, опираясь на канаты, и орал залу, что он теперь здесь главный.

– Вы видели, на что я способен? Да я любого, нахрен, убить могу! Понятно вам?! – надрывался он, размахивая руками в перчатках.

Или взять бой с Джимом Туни. Тогда Рик был еще без титулов, а Туни – уже состоявшаяся звезда и номер один в рейтинге. Моррис словно вихрь ворвался в компанию крутых парней среднего веса и побил каждого, у кого был пояс чемпиона. С Туни пришлось тяжелее всего, но Рик использовал свою фирменную фишку – дурачиться в ринге. Джим, которому такое поведение явно не доставляло удовольствия, пытался как-то отвечать, и Моррис наказывал его. В одном из раундов Рик шутливо развел руки в стороны, словно пытаясь обнять соперника. Джим скопировал его движения, и, желая побольше унижить противника, бросил пару ругательных слов в адрес Рика. Моррис лишь ухмыльнулся и повторил свой трюк, а затем через долю секунды нанес разящий удар слева, чем напрочь сбил с толку ничего не понимающего Туни. Выстрел получился неплохим, и Джим, попятившись, не удержался и сел на пол. Стоит ли говорить, что все последующие раунды Моррис не дал Туни ни одного шанса? Журнал «Ринг» назвал этот поединок боем года.

Рик улыбнулся. Беркинсон, его тренер, уже закончил с левой рукой и принялся за правую. Да, остался один бой, и можно завершать карьеру. Доказать все здесь и сейчас и уходить. Сколько раз он становился лучшим? Сначала перетряс почти весь средний вес, затем поднялся в полутяжелый, навел шороху и там. А венец – тяжи, даже там удалось завоевать пояс. Соперником Рика был Джон Руэлс – здоровенный детина, таких обычно ставят в каком-нибудь баре в ка-

честве вышибал. Но и Моррис был не лыком шит. Пришлось набрать почти одиннадцать килограмм, однако оно того стоило. Конечно, хваленая реакция и скорость основательно пострадали, но здесь это было и не нужно. Главное оружие Рика – техника – никуда не делась. Перебоксовать Руэласа он смог практически играючи – тот не сумел нанести за весь двенадцатираундовый бой ни одного толкового удара. «Рик Моррис – лучший боксер современности!» – с таким заголовком выходили на следующий день газеты. Да, многие его не любили и называли клоуном. Многие считали, что он заигрывается и не реализовывает свой потенциал. Но ему было все равно – бокс являлся его стихией, и Рикуну нравился сам процесс, а не результат. Кому-то хотелось выносить своих противников на манер Майка Тайсона в первом раунде, а кто-то, как Моррис, терпеть этого не мог. Да, он, конечно же, был способен нокаутировать кого угодно, но разве люди приходят посмотреть на избивание, длящееся пару раундов? Или на хороший бой, который стоит заплаченных за билет денег?

Рик поймал себя на мысли, что слишком часто думает об уходе из бокса. После поединка в тяжелом весе он чувствовал свою миссию выполненной. Моррис выиграл почти все, что только можно. Он обладал всеми поясами аж в четырех весовых категориях. На ринге ему становилось скучно. Но он не мог остановиться, и по инерции продолжал искать противников, ведь он – несравненный Рик Моррис-младший.

Эта самая инерция и заставила его вновь спуститься в полутяжелый вес, скинуть больше десяти кило и принять вызов от хорошего, но чрезвычайно наглого парня по имени Энтони Харви по прозвищу «Волшебник». Неплохой левша, но особо звезд с неба не хватал. Тем не менее, ему удалось добиться звания главного претендента на титул чемпиона в полутяжелом весе, и Международная федерация бокса свела его с Моррисом.

Они успели провести бой. Это случилось после сгонки веса, и Рик был непривычно инертным и слегка заторможенным. Руки слушались уже не так хорошо, как раньше, да и не стоило забывать, что Моррису на тот момент было уже тридцать пять. Но он все еще оставался чемпионом, и это не давало ему успокоиться и вести бой в хладнокровной манере. Рик начинал заигрываться. Со своими финтами и ужимками он порой забывал о защите, и Харви использовал это, раз за разом попадая слева. К середине боя произошло невероятное – у Рика отекала бровь и появились гематомы на лице. Невиданное дело! Раньше никто не мог не то чтобы провести серию ударов, но и толком по нему попасть. Разозленный Моррис прижал противника к канатам и работал так быстро, как только мог. Однако им двигала уже не былая слава чемпиона, не чувство превосходства, а банальная злость от того, что кто-то может спихнуть его с насиженного трона. После окончания боя судьи долго совещались, и один из троих дал ничью. Остальные, к счастью для Морриса, объявили

ему победу, но впечатление от поединка было смазано. Рик чувствовал себя пустым. Он уже не хотел ничего доказывать. Он не ощущал особой радости от победы, как раньше. В голове было только одно – «ну вот, старик, ты сумел сохранить лицо.» Харви устроил целое шоу и громко возмутился прямо на ринге, крича, что его обокрали. В интервью журналистам он пообещал выбить из Морриса реванш любой ценой, даже через суд, если придется.

– Надо быть честным, Рик. Мы ведь оба понимаем, что ты не выиграл этот бой. Я устрою тебе такую трепку, что твоя задница будет гореть еще год.

Что ж, парень, раз ты так хочешь крови, я в последний раз выйду на ринг и разобью тебе лицо. А после боя объявлю о завершении карьеры. Это будет по-настоящему круто. Я никогда не позволял себе подобного хамства в отношении соперника. Даже в бою с Эриком МакХалли, который на тот момент был старше меня почти на пятнадцать лет и являлся действующим чемпионом, я не смел открыть рта на пресс-конференции. А во время боя не использовал свои трюки, даже несмотря на то, что мое превосходство было неоспоримым. Тот бой продлился все двенадцать раундов, и в любом я мог уложить МакХалли на пол. Однако есть такая вещь, как уважение. И ее, Харви, ты как раз лишен.

Беркинсон закончил с правой рукой и внимательно оглядел Рика.

– Что-то ты мрачный сегодня.

– Да все этот Харви не выходит из головы. Пытаюсь разозлить себя как следует, – слегка улыбнулся Моррис, чувствуя внутри безразличие. Сегодня все и закончится. Последний выход на ринг. Рику стало грустно. Сможет ли он перебороть себя и закончить с боксом?

– Не забывай, кто ты такой. Он всего лишь один из многих. А ты – единственный и особенный.

– Несравненный, – улыбнулся Рик.

– Мы его разобрали. Еще после того боя. Так что не забывай, о чем я тебе говорил. Он очень осторожен, но не так быстр, как мы думали. Вспомни, под конец боя он только контратаковал. Тебе главное не увлекаться и просто делать свою работу. Тогда все встанет на свои места, – Беркинсон похлопал его по плечу.

– Да, я помню, – Рик помолчал и добавил. – Надо было уходить после Руэласа.

– Что за глупости, – нахмурился Беркинсон. – Давай-ка прекращай выдумывать всякую чепуху.

Моррис неторопливо следовал по тоннелю, ведущему напрямик к месту основного действия – рингу, окруженному толпой разгоряченного народа. Этот путь был таким знакомым, словно существовал всегда. И эта арена – «Голубой горизонт», старая, еще довоенной постройки. Очень атмосферная и камерная, с трибунами, расположенными вприценку с рингом и практически нависающими над ним. Зал

был маленьким, всего на несколько сотен человек, но эти трибуны создавали ощущение полного единения с толпой. Каждый мог протянуть руку и коснуться бойцов, услышать их реплики и поскрипывание настила ринга. Сколько же боев здесь прошло... Это был не просто боксерский зал, а священное место. Тут писалась история, разыгрывались такие драмы, что Голливуду и не снилось. Рик почти все бои провел здесь. Именно тут он побил Туни, нокаутировал Гриффета, одолел здоровяка Руэласа и получил львиную долю своих чемпионских поясов.

Болельщики поприветствовали его радостными воплями. Моррис был одним из тех, кого тут обожали. Рик неторопливо прошел вдоль ринга, поднялся по лестничке к канатам и обернулся к толпе. Почти восемь сотен человек создавали вокруг него плотное кольцо, восемь сотен кричащих глоток, требующих зрелища. Моррис улыбнулся и поднял руку. Зал ответил ему бурным ревом.

Харви уже был на ринге со своей командой. Он рисовался перед камерами и ехидно улыбался. Рик проскользнул между канатами и оказался почти рядом с ним. Тут же между боксерами втиснулись секьюрити – никто не хотел драки до начала поединка, а зная взрывной характер Харви, она могла вспыхнуть в любой момент. Моррис размял плечи и сделал вид, что ему совсем не интересен противник. А Энтони продолжал паясничать и ехидно ухмылялся, не сводя с него глаз.

Между тем шоу начиналось – на ринг пригласили Мэтью

немного проучить. Ты уже до смерти надоел всем, и в первую очередь главному человеку здесь – Рикку Моррису-младшему.

– И напротив него, в красном углу ринга, в серых трусах, боец, весом семьдесят восемь и две десятые киллограмма. В тысяча девятьсот девяносто восьмом году его признали лучшим боксером мира вне зависимости от весовой категории. На его счету сорок девять побед, из них тридцать восемь нокаутов, всего лишь одно поражение – ввиду дисквалификации...

Рик всегда делал упор на то глупое поражение от Гриффета, произошедшее, что называется, в порядке несчастного случая. Моррис каждый раз просил говорить эту фразу, которая придавала ему уверенности, ведь фактически он был непобежденным. Но сейчас это его не заводило. Куда как больше ему хотелось расколотить самодовольную рожу Энтони Харви, приплясывающего в противоположном углу ринга.

– ...Из Пенсаколы, штат Флорида, суперзвезда бокса, абсолютный чемпион мира в полутяжёлой весовой категории, чемпион мира в средней, второй средней, в первой тяжёлой и тяжёлой категориях, несравненный RRRRRRIK MORRRRRRRRIIIIIIIIIIIIIIIIIIS МЛАДШИИИИИИИИ!

О да, вот тут у Рика было полное преимущество. Любого, кто слышал список этих титулов, могло начать попросту ко-

лотить от страха. Здесь было все. Команда Морриса держала в руках добрый пяток самых разнообразных поясов. Да, невозможно подступиться, можно только бояться и благоговеть – Рик Моррис-младший, непревзойденный и непобедимый.

Рефери позвал их к себе. Вокруг роились камеры и десятки журналистов. Боксеры встали друг напротив друга, сверкая глазами. Энтони был напряжен и озлоблен, в его взгляде читалось желание поскорее разделаться со своим оппонентом. Рик же был внешне спокоен, но за этим спокойствием было почти полное безразличие. Злоба практически ушла. Нужно попросту сделать свое дело и все это закончить. А потом сказать – ребята, это был мой последний бой, всем спасибо. И на этом можно попробовать успокоиться, ведь на всем свете уже не найдется вызова, который был бы ему сейчас интересен.

– Так, парни, давайте-ка без фокусов. Я хочу увидеть честный бой. Никаких ударов по затылку и прочих глупостей. Реагируйте на мои команды и ведите себя достойно по отношению друг к другу. У кого-нибудь есть вопросы?

– Да, у меня есть один вопрос, – вдруг брякнул Харви. Моррис удивленно приподнял брови. – Какое оправдание ты придумал сегодня, Рик?

Харви оттащили в угол, а опешивший Моррис смотрел ему вслед, не желая принимать этой вопиющей дерзости. Ах ты мразь, решил показаться умником, да? Припомнил, что я

сказал на пресс-конференции о сгонке веса и ее влиянии на мою скорость. Мол, я пропустил слишком много ударов из-за резкой смены весовой категории и испытывал некоторую скованность в бою. Интересно, Харви сам придумал этот мини-спич или его кто-то науськал?

Рик переминался с ноги на ногу в углу ринга и пытался себя накрутить. Нужен вызов. Нужен запал. Этого Харви необходимо размазать по рингу за такие слова, ведь на кону честь, которая была попраана на всю страну. Но огонь мести не загорался. Выходка Харви такая жалкая. Такая глупая. Он сам не понимает, что выставляет себя клоуном. Ведь всем прекрасно известно, что из них двоих именно Рик является многократным чемпионом мира и лучшим боксером современности. И можно выкрикивать какие угодно гадости и нагнетать вселенские страсти, публике все равно известно, кто тут хозяин.

Звякнул гонг, и бой начался. Моррис принялся неторопливо работать по сопернику, осторожно выцеливая джебом и изредка бросая вперед тяжелый правый. Харви отходил назад и заметно осторожничал, стараясь не подставляться под удары. Он явно ждал момента для выстрела слева. Но Рик этой возможности ему давать не собирался. Усыпляя внимание противника, он проводил резкие взрывные удары, отмечая, однако, про себя, что скорости все же чуть-чуть не достает. Кто-то кричал: «Замочи его!», «Где твои финты?», «Обмани его, Рик!», но Моррис абстрагировался от толпы и по-

пытался сосредоточиться на главном – нокаут. Он должен послать Харви в нокаут.

Раунд пролетел быстро, и Моррис успел хорошенько поработать над соперником. Четкие точные удары, не слишком быстрые, но достаточно внезапные. Пару раз Харви вполне ощутимо прилетело, а ответных комбинаций соперник провести не сумел. Ноги Рика оставались легкими, и он аккуратно уходил от зоны конфронтации, выбирая ту дистанцию, которая ему самому была необходима.

Удар гонга, и Рик под одобрительный рев публики отправился в свой угол. Первый раунд полностью остался за ним, и в этом он не сомневался и на долю секунды. Не чувствовалось былого драйва, прилива сил и ощущения превосходства – только констатация факта и удовлетворение от проделанной работы. Ему даже захотелось, чтобы все это как можно скорее закончилось. Единственный выход – действовать в силовой манере. Подарить зрителю напоследок шоу. «Голубой горизонт» ... Пока на Морриса плескали водой и обмахивали полотенцем, он обвел глазами трибуны, нависающие над рингом, и ощутил тоску. Да, столько всего он здесь оставил... Столько побед, столько великолепных моментов. Целая жизнь.

– ...стоит двигаться чуть шустрее. Понимаешь, о чем я? И следи за его левой. Ты что-то больно легко подставляешься, хоть у него и не получилось тебя ни разу достать, – донесся до Рика голос Беркинсона. – Давай, делай свою работу.

Морриса шлепнули по спине и выдернули стул из-под задницы. Как же быстро пролетела минута отдыха! Вновь зазвенел гонг, и Моррис пошел вперед, на своего соперника. Снова та же картина – аккуратные, четкие удары Рика и оборонительная, внимательная работа Харви. Неужели он хочет отсидеться так все двенадцать раундов? Ждет, гадина. Ждет, чтобы провести свой жесткий левый. Только вот ничего не получится. Главный здесь только один, и фамилия у него Моррис.

Рик провел быструю комбинацию и создал иллюзию того, что хочет атаковать в туловище. Харви поддался, и Моррис моментально всадил ему в голову хороший крюк справа. Голова Энтони откинулась назад, но он устоял. На волне успеха Рик провел еще серию ударов и завершил ее эффектным попаданием в корпус. Харви терпел, но пыл его значительно поубавился. Что ж, дружище, вот мы и расставили точки над *i*. Если уж кто-то сегодня и будет оправдываться, так это ты. Если выдержишь до гонга, то тебе следует вручить меда...

Убийственный левый вдруг прилетел с такой быстротой, что Рик не успел понять, что же произошло. Каким-то образом Энтони подловил момент, и, зажмурившись, нанес свой удар одновременно с хуком Морриса. Опередил чемпиона на долю секунды.

Рик полетел на пол и грохнулся под канаты. В его глазах был испуг. Перед взором все плясало – рефери, выкрикивающий счет, Харви, который, не веря своему счастьем, под-

прыгивал на другом конце ринга, сотни лиц, превратившиеся в огромный многоголосый смерч...

Он попытался встать, но лишь уткнулся лбом в настил. Судья, не досчитав до десяти, замахал руками, останавливая бой. Но Моррис этого уже не видел. В его голове медленно угасала только одна мысль, которую он озвучил еще в раздевалке и за которую на него ругался тренер – надо было уходить после победы в тяжелом весе. Надо было уходить чемпионом.

Никаких оправданий в тот вечер Рик Моррис так и не придумал.

Старик Сэмми

Старика Сэмми я видел возле магазина с тех пор, как начал ходить под стол пешком. Обода колес его инвалидного кресла, тогда еще не потертые, а блестящие новым хромом, ярко отражали солнечные лучи, и сам он казался сидящим верхом на каком-то невообразимом световом облаке. Тогда он не был еще так стар, хотя, впрочем, приятной его внешность все равно назвать никогда не получалось. Сэмми всегда был небритым и грязным, но, тем не менее, глаза его никогда не казались мутными или покрытыми пьяной пеленой. Он всегда смотрел на тебя осмысленно и как-то слишком внимательно, как будто хотел заглянуть в самую глубину души. У многих бродяг были такие глаза – складывалось ощущение, что эти люди знают о жизни чуть больше, чем мы, привыкшие к уюту и комфорту.

Когда я был маленьким, ходили легенды о том, почему он угодил в инвалидное кресло. Мой сосед, Бари Калхун, говорил, будто слышал от своего отца о том, что Сэмми воевал во Вьетнаме и получил ранение в позвоночник. Кто-то из ребят со двора клялся, будто знает, что Сэмми несколько лет назад сбила машина и сломала ему спину. Моя одноклассница, Дороти Эннис, у которой отец был врачом в местной клинике, утверждала, будто в она лично видела в больничном архиве карточку Сэмми, в которой значилось, что он сломал спину

из-за попытки суицида.

Но все равно никто толком не знал, почему же он прикован к инвалидному креслу. Его никогда не видели где-то в другом месте, кроме универмага «Колумбия». Это было странным. Он постоянно находился где-то в районе парковки, и изредка пересекал ее, подъезжая к большим мусорным ящикам, расположенным возле помещений для уборщиков. Когда я был маленьким, мы с мамой часто ходили в «Колумбию» по выходным, и я всегда видел у входа Сэмми, неизменно покуривающего маленький огрызок сигареты. Он пристально оглядывал каждого, кто входил в магазин, и мне всегда было ужасно неловко и как-то гадко от его взгляда. Кое-кто всегда пытался его прогнать, но он все равно возвращался на свое место. Его маленькая фигурка была заметна у огромного универмага в любое время суток.

В школьные годы некоторые идиоты из нашего класса пытались издеваться над ним. Однажды я стал свидетелем, как несколько местных задир – Люк, Вирджил и Грег окружили Сэмми и принялись тыкать его обломанными лыжными палками. Была зима, и на несчастном бродяге была только грязная куртка и потрёпанный плед. Поначалу он сжимался, как от сильных ударов, а затем вытащил откуда-то нож и ловким движением отхватил половину палки Грега, который от неожиданности отскочил назад почти на полметра. Нож был длинный и напоминал охотничий, поэтому желание изгаляться над инвалидом у сопливых кретинов мгновенно

пропало. Откуда Сэмми его взял – было абсолютно непонятно, и тогда я подумал, что версия про вьетнамскую войну вполне себе имеет право на существование.

Спустя несколько лет я сам стал работать в том универмаге. Сначала просто продавцом, а затем дорос до менеджера торгового зала. Работа была не самая лучшая, но платили за нее хорошо. И каждый день я видел его, старика Сэмми, который стал постоянной величиной, чем-то неизменным, что было всегда и будет оставаться здесь даже тогда, когда исчезнет этот огромный магазин.

Он постарел. Стал меньше передвигаться, и некоторые из работников магазина даже покрикивали на него, чтобы держался подальше. Да, стоит сказать, что вонь от него шла невероятная – он, наверное, мылся только под дождем. Меня всегда очень волновал один животрепещущий вопрос – где он ночует? Где укрывается от бури или снегопада? Вокруг не было ни одного самого крошечного уголка, куда можно было бы спрятаться, а универмаг надежно запирался, так что деться ему было совершенно некуда. Но где-то он все же прятался. И находил здоровенные ножи, чтобы отмахиваться от малолетних идиотов, где-то находил одежду, хотя я ни разу не видел, чтобы кто-то помог ему или хотя бы бросил пару центов.

Все самое плохое обычно происходит в совершенно обыкновенный день. Когда ты просыпаешься и даже не подозре-

ваешь, насколько ужасные вещи тебе предстоит сегодня пережить. В такие дни все до омерзения обыденно, даже число на календаре, скорее всего, какое-нибудь совсем незапоминающееся, например семнадцатое или двадцать шестое.

Тот гадкий день тоже был абсолютно обычным. Двадцать первое августа. Отвратительное жаркое утро. Когда я ехал на работу, по радио крутили сушую белиберду, а у меня, как назло, сломался CD-проигрыватель. Солнце медленно поднималось из-за маленьких домиков, рассыпанных вдоль шоссе к Риверсайду, и медленно окрашивало окрестности в розовато-золотистый цвет. Шоссе казалось длинной фиолетовой рекой, кипящей от раскаленного воздуха.

Когда я подъезжал к универмагу «Колумбия», он всегда казался мне гигантским обломком скалы, утопающем в стремительном потоке автомобильных корпусов, ярко отблескивающих на утреннем солнце. На парковке пока что было непривычно пусто – она напоминала стартовую площадку какого-то огромного межпланетного корабля. Я всегда оставлял машину почти у самого края, иначе выехать отсюда будет просто невозможно.

У самого входа меня встретил один из наших курьеров, Дэрил. Он расхаживал туда-сюда и нервно теребил в руках свою кепку с надписью «Колумбия». Стоило мне приблизиться, как он сразу же начал тараторить, постоянно сбиваясь и путая слова.

– Мистер Шелли... Мистер Шелли... Тут кое-что случи-

лось...

– В чем дело, Дэрил? – как можно спокойней спросил я, нутром ощущая, что произошло что-то весьма нехорошее.

– У меня... Сломалась машина, сэр. А к полудню я должен ехать в «Барроу Дринк» за партией дорогого виски.

– Неужели ты не успеешь починить свою машину до полудня?

– Боюсь нет, сэр. У меня сломалась коробка передач. Если отогнать в сервис, машину сделают часам к двум. Или даже трем.

Мои брови поползли к переносице.

– А как же Кент? Ларри? Где остальные курьеры?

– У Ларри сломана нога. А у Кента сегодня свадьба. Сэр... В «Барроу» некому ехать.

Меня начало трясти. День попросту не мог начаться хуже. Этот охламон Дэрил, конечно же, не сумеет утрясти проблему с автомобилем не то, что до полудня, но, как мне подсказывало чутье, и до самого вечера. Свою машину я ему дать не мог, потому что она была мне слишком дорога. Оставалось только одно – в «Барроу Дринк» придется ехать самому.

До полудня день тянулся, словно резиновый. Честно сказать, спустя пару часов я был даже рад, что мне удастся покинуть «Колумбию» и хоть немного проветриться. Выносить этот бесконечный людской поток я был просто не в силах. Самый большой минус в работе с людьми – ты начинаешь медленно и неуклонно превращаться в отчаянного мизан-

тропа и сам этого не замечаешь.

В полдень жарило так, будто город находился в самом эпицентре сковородки. Когда я вышел из универмага и побрел через плотные ряды машин, мне показалось, что мои солнечные очки вот-вот растекутся по лицу. Попытавшись сесть на водительское сиденье своего автомобиля, я чуть не прожог себе штаны – кожа в салоне была настолько горячей, что просто дотронувшись до нее, можно было заработать внушительный ожог. Минуты полторы я пытался утолить жажду – одной маленькой бутылочки минералки не хватило, и пришлось открывать вторую. Впрочем, мне постоянно казалось, что вода испаряется, так и не достигнув моего желудка.

Возле шоссе какая-то дамочка пыталась втиснуть свою старую «Тойоту» на место у парковки. Ей мешал здоровенный зеленый «Додж», напоминающий громадного крокодила. Со стороны все это выглядело очень забавно – девушка высовывалась в окно, что-то кричала, тыкалась вокруг да около, как слепой котенок, но ничего не могла сделать. Я хмыкнул и завел автомобиль. По радио вновь гоняли всякую ерунду, и мне пришлось ехать в город под завывания очередной поп-певицы.

Марево колыхалось перед самым капотом и, казалось, расплавляло все окружающее пространство. Путь занял у меня почти час – «Барроу Дринк» находился почти в самом центре Риверсайда. Это было долгое и утомительное путешествие, но, тем не менее, за рулем я чувствовал себя на-

много лучше, чем в громоздком нутре универмага. Это была частичка свободы, и я мог видеть, как живут другие люди. Чем они занимаются в тот момент, когда я должен пропадать на работе, в тесных стенах, которые мне нельзя покидать, пока не кончится положенное время. Город вокруг жил абсолютно рутинно – тысячи автомобилей, сотни прохожих, снующих туда-сюда, невыносимая жара, делающая картину мира размытой и невнятной, словно бы сама действительность плавилась, точно мягкий сыр.

Я почти втянулся в этот долгий обжигающий полдень, превращающий все вокруг в таящую дрожущую массу, как вдруг за пару улиц до «Барроу Дринк» мне на глаза попала знакомая фигурка. До боли родной силуэт, заставляющий сердце дробиться на сотни мелких кусков.

Моя жена, Кэндис. Ее легкая тень, с готовностью шмыгнувшая в приземистый «Форд», ждущий возле тротуара. Не ошибся ли я? Моя нога по инерции уткнулась в тормоза, и я едва не спровоцировал серьезную аварию. Загудели клаксоны, кто-то во все горло выкрикивал ругательства в мой адрес, а я все так же стоял и смотрел за тем спортивным «Фордом», внутри которого сидела Кэндис. Это была она? Без всякого сомнения. Я за сотню ярдов узнаю светлое платье, которое подарил ей на окончание медового месяца. Такого не было больше ни у кого, я мог поручиться за это чем угодно.

Низкий, словно бы сливающийся с дорогой «Форд» за-

скользил вперед, и я, плюнув на свои рабочие обязанности, увязался следом. Не может быть, думал я. Моя жена, моя Кэндис, изменяет мне? Она должна быть на работе, совсем в другом конце города. Разве не абсурд? Совершеннейший абсурд, кричал мне здравый смысл. Но внутренний голос твердил – вот и ты и вскрыл истину, парень. Теперь не упусти, досмотри до конца, и я ехал за этим темно-синим «Фордом», очень, быстрым, порой напрочь сливающимся с потоком машин, но я, к счастью, каждый раз находил его. Почти полчаса я гнался за ними, и в конце, у одной из гостиниц на окраине Риверсайда, я, наконец, убедился, что не ошибся. Кэндис вылезла из машины, подошла к парню, который сидел за рулем «Форда», и они принялись целоваться. Моя Кэндис, МОЯ КЭНДИС, которую я так любил. Мы поженились всего год назад, и так быстро вся иллюзия счастья рассыпалась в труху, развалилась, точно песочный замок под напором мощной приливной волны...

Я не помню, как доехал до «Барроу Дринк», как забрал выпивку и вернулся в магазин. Единственное, что я знаю точно – я действительно сделал это, и весь оставшийся день на меня странно посматривал весь персонал, а кое-кто даже интересовался, что случилось. В таком бессознательном состоянии я встретил конец своей смены – девять часов вечера, когда нужно проводить итоговое собрание и обсуждать прошедший рабочий день.

Мой хороший приятель, один из продавцов отдела развле-

чений, Дориан, постоянно вертелся рядом, но я ничего не говорил ему. Ближе к закату ему все же удалось разговорить меня, и я сказал, как есть, потому что у меня не оставалось сил для того, чтобы убедительно соврать.

– Шон? Ты меня слышишь?

– Да. Я здесь.

Дориан достал сигарету и прикурил, пристально глядя на меня.

– На тебе весь день лица нет. Что-то случилось?

Я глубоко вздохнул и ощутил, что совершенно ничего не соображаю. В голову протиснулась мысль о Кэндис. Где она сейчас? С кем? С тем парнем из «Форда»? А мне ведь еще предстояло возвращаться домой. Смотреть в ее бессовестные глаза. Слушать бред о том, как сильно она устала на работе. Она постоянно рассказывала мне эти басни, неужели она обманывала меня каждый день?..

– Я видел свою жену с другим, – брякнул я, совершенно не осознавая, какие последствия может иметь эта фраза. Конечно же, все это разлетится по отделу через полчаса, и на вечернем разводе на меня будут смотреть как на идиота.

– Что, прости? – переспросил Дориан, закашлявшись от дыма.

– Кэндис мне изменяет, – выдавил я. – Сегодня днем я застукал ее с каким-то парнем.

– Что за бред, – он недоверчиво покосился на меня. – Она ведь очень хорошая. Вспомни, в нашей школьной компании

она была самой пристойной. Вообще удивляюсь, как тебе удалось ее закадрить.

– Это была она. Я уверен на сто процентов. Ошибки быть не может, – мои собственные слова прозвучали как удар плетью. В этот момент я еще раз осознал, насколько же все плохо. Кто бы мог подумать – застать свою собственную жену с каким-то парнем, посреди рабочего дня. И если бы у Дэрила не сломалась машина, я бы ничего не узнал...

Дориан ничего не ответил и молча докуривал. Я стоял, тупо смотрел себе под ноги и даже не заметил, как он ушел.

На вечерний развод я явился, ничего не видя перед собой.

– Итак, ребята, сегодня мы поработали неплохо. Общий объем продаж составил... – я забегал глазами по листочку. Цифры плыли у меня перед глазами, и я не сразу смог выговорить необходимое число. – Двенадцать тысяч девятьсот три доллара. Мэри, ты сегодня была в ударе. Назначу тебе премию. Рональд, если ты будешь так часто бегать покурить, то пропустишь всех покупателей...

– Но это не я, мистер Шелли, – Рональд удивленно посмотрел на меня. – Это парень из соседнего зала. Кажется, его зовут Марк. Мы похожи, у него тоже светлые волосы.

– Я проверю по камерам, – пробурчал я. – Все равно, работать надо лучше, Рональд. У тебя плохие показатели.

– Да не бери в голову. Ему жена рога наставила, – прошептал кто-то, и по залу прокатилось злорадное хихиканье.

Я поднял глаза. Они стояли и смотрели на меня. Кое у

кого проскакивали насмешливые улыбочки.

Остаток развода я не помню. Я что-то говорил им, называл количество проданных товаров, словом, делал то же, что и обычно, но так, будто мной кто-то управлял. Потому что мое состояние было таково, что сил не оставалось совсем ни на что. Даже на то, чтобы дойти до парковки и сесть в автомобиль.

Дориан даже не попрощался. Тот самый Дориан, с которым мы столько лет вместе гуляли, ходили на бейсбол, пили пиво, тот самый Дориан, который был у меня на свадьбе, который вместе со мной начинал здесь продавцом... Тот самый Дориан, которого я считал другом. Он тащил с собой какую-то девицу из соседнего отдела, и они хихикали, садясь в его автомобиль.

Я еще раз представил, как захожу домой и вижу Кэндис, которая сегодня, должно быть, полдня кувыркалась с этим уродом из «Форда». Я представил, как беру ее вещи и вышвыриваю их. Представил, как иду к адвокату, чтобы расторгнуть брак. Стало муторно настолько, что пришлось бежать в туалет и проблеваться.

Домой поехать я так и не смог. Закат медленно надвигался со стороны дачных поселков Риверсайда, а я сидел возле парковки и наблюдал за потоком машин, блестящей змеей проползающему по шоссе. Хотелось выпить, прямо здесь и сейчас, но на такси у меня не хватило бы денег. Я развя-

зал галстук, стащил его с шеи и комкал в руках. Как же теперь жить дальше? Я совершенно себе этого не представлял. Жизнь в одночасье закончилась. Вот так внезапно и резко. Весь смысл был потерян. Та женщина, ради которой я жил последние несколько лет, предала меня, и я только случайно узнал об этом.

Совсем рядом что-то заскрипело, и, обернувшись, я увидел старика Сэмми. Он пристально глядел на меня своими поблескивающими глазами.

– Что-то не так, парень? – я впервые за столько лет услышал его голос. Он оказался не скрипящим и хриплым, а мягким и вполне приятным. Старик Сэмми заговорил со мной! Я никогда не видел, чтобы он произнес хотя бы слово.

– Я... Я сегодня узнал, что мне изменяет жена, – еле слышно сказал я. – Не понимаю, как теперь с этим жить.

Я не знаю, зачем я решил сказать это бродяге. Мне просто нужно было еще раз это кому-нибудь сказать.

Он снова пристально оглядел меня.

– Сможешь дать сигарету?

– Да, конечно. Забирайте всю пачку, – я сунул ему курево и снова устался в асфальт. Сэмми пожевал фильтр сигареты и чиркнул спичкой.

– Знаешь, когда-то давно я был влюблен в девушку. Бегал за ней, покупал разные подарки. Я тогда работал в юридической конторе.

Я изумленно посмотрел на него.

– Знатная была девица, – он усмехнулся. Его морщинистое лицо было зловещим. – Я целый год за ней ухлестывал. Делал то одно, то второе. А она, знаешь, была из категории женщин, которые живут только для себя. Эгоистка. Ей было совершенно плевать, что кто-то рвет задницу, чтобы сделать ее счастливой. В ее понимании это было так – крутится рядом какой-то паренек – что ж, это здорово, приятно.

Я продолжал пялиться на него, затаив дыхание. Сэмми докурил сигарету и заерзал на своем старом кресле.

– Но ей было чихать на меня. На мои чувства. К сожалению, я понял это после. Однажды я пообещал ей, что сделаю для нее все что угодно. Она посмеялась и сказала – что, даже забереешься ко мне на пятый этаж по балконам и подаришь букет роз? Я говорю – ясное дело, заберусь. Она мне не поверила, ну и, само собой, в тот же вечер я полез к ней по балконам, сжимая в зубах букетик цветов. О, парень, ты не представляешь, как я любил тогда корчить из себя героя.

– И что? Вы залезли? – осторожно спросил я.

– Да нет, конечно. На четвертом этаже я сорвался и сломал себе спину. И теперь вот, как видишь, катаюсь на коляске. А она даже в больницу не пришла. И скорую тогда тоже не она вызывала, – он глубоко вздохнул. – Не бери в голову, сынок. Ты, главное, не повторяй моих ошибок. Ну ведь ясно было, что ей на меня абсолютно плевать, а я все продолжал волочиться за ней, рассчитывая на чудо. Не бывает чудес, понимаешь? Не бывает. Что мне мешало найти другую

девушку? Их же полно.

– Н-ничего... – проблеял я, глядя ему прямо в глаза.

– Вот и тебе не мешает. Плюнь. Да, развод. Я понимаю, это плохо. Но все же лучше, чем у меня. Так что все в твоих руках, приятель. Держи нос по ветру, – он улыбнулся.

Меня всего трясло. Дрожащими руками я полез в карман и достал бумажник.

– Сэр... Может... Может, возьмете денег?

Он засмеялся и ловко развернулся на своем кресле.

– Нет, брось. Тебе они сейчас нужнее.

Птичка в клетке

Без Делайлы в доме было слишком темно и пусто. Уолту показалось, что он попал в какой-то склеп, а не в квартиру своей девушки. Вернее, уже бывшей девушки, если быть точным. Делайла умерла несколько дней назад от внезапной остановки сердца.

После этого события Уолт Флеминг чувствовал себя очень странно. Слово его реальность внезапно подменили, и он оказался внутри какой-то копии, с виду неотличимой от того, что было, но все же насквозь фальшивой. Все было знакомым и в то же время казалось абсолютно чужим. Эта квартира, в которой он жил в последние несколько месяцев, ощущалась враждебной и даже в какой-то мере пугающей. Она была непривычно пуста и мертва, будто кто-то в одно мгновение обесцветил ее ауру и превратил в посеревшую от времени фотографию.

Они с Делайлой собирались в скором времени помолвиться. За последние два года их связь настолько укрепилась, что они считали себя полноценной семьей без всяких штампов в паспорте и официальных церемоний. Единственное, что мешало их союзу – работа Уолта, связанная с постоянными разъездами. Ему удавалось побывать с Дел всего пару недель, а потом его направляли в другой штат или вовсе на другой конец страны еще на половину месяца, и они общались только

по телефону или через Интернет. Если бы не перспективы, которые маячили перед Флемингом буквально на расстоянии вытянутой руки, он бы уже давно уволился, но возможность выбиться в люди настойчиво заставляла его раз за разом стискивать зубы и терпеть. Нужно было подождать еще буквально год – Уолт почти наверняка получил бы пост главного менеджера, и ему больше не пришлось бы никуда ездить. Место было отличным, прекрасно оплачивалось и давало возможность спокойно жить, не думая о том, как свести концы с концами. Эту должность ему пообещал нынешний менеджер, мистер Шеннон, который собирался уходить на пенсию и специально готовил Флеминга себе на замену.

Теперь Уолт будет достигать всего этого один. Да и надо ли оно было ему сейчас, в этой ситуации? Он уже ничего не хотел и был опустошен, словно кто-то высосал из его мозга все позитивные мысли. В голову лезли мучительные воспоминания того, как он уезжал в свою последнюю командировку и прощался с Делайлой, как оказалось, навсегда. Это было совершенно обычное прощание, точно такое же, как предыдущее. Все было очень буднично, но именно эта обыденность и въелась в голову Уолту. Он подумал, что в этом и заключается самое страшное – в череде повторяющихся дней человек не ценит то, что ему дорого. Мы всегда уверены в том, что все будет хорошо и даже не пытаемся сказать друг другу что-то теплое и приятное перед тем, как в очередной раз расстаться.

Сейчас он жалел о том, что не сделал ей хотя бы один комплимент в тот последний раз. В этот день она была особенно хороша – собиралась на фотосессию и примеряла свое любимое черное платье, подчеркивающее ее стройную фигуру. Ее светлые волосы, блестящие серые глаза, легкая улыбка, кажущаяся такой родной и милой... Флеминг стоял на пороге квартиры и тупо глядел в стену, прокручивая все это в голове. Теперь ничего этого нет, осталась только пустая квартира и вещи, все еще носившие ее запах. Уолт чувствовал себя так, будто ему ампутировали какую-то важную, жизненно необходимую часть тела, и теперь он словно бы смотрел на обрубок и не мог осмыслить случившееся.

Делайла умерла настолько внезапно, что это попросту не укладывалось в голове. Уолт никак не мог понять, что послужило причиной остановки сердца у двадцатилетней девушки, которая никогда не жаловалась на здоровье и прекрасно себя чувствовала. Ему довелось увидеть ее лишь в морге. Она была белая, холодная, как кусок льда и какая-то чужая, напоминающая восковую куклу, сделанную по фотографии. Словно бы это была не она, а какая-то оболочка, сброшенная, точно шкура змеи и теперь абсолютно не похожая на то, чем была раньше.

Дел умерла, когда он уже был на пути домой. Она не дождалась его совсем немного, буквально пару дней. Последний раз они созванивались перед тем, как он отправился назад – в поезде телефон не ловил связь, поэтому на несколько

дней он был отрезан от всего мира. До следующей командировки было не меньше двух недель, и Уолт не знал, как будет жить в этой опустевшей квартире.

После Дел осталось еще кое-что. Их маленький питомец Чики – волнистый попугайчик, которого Делайла пыталась учить разговаривать. У нее здорово получалось – он знал не только свое имя, но и множество фраз, произносимых ее голосом и интонацией. Именно это и было самым ужасным. Слышать голос Дел было особенно невыносимо. Голос человека, которого уже нет, но механически повторяющийся, словно на пленке.

Ему предстояло решить, как выбираться из этого кошмара. Он не представлял, что сделает с ее одеждой и обувью – множеством платьев, костюмов, туфель, которые он чисто физически не мог вынести на помойку. С целой кучей ее вещей, которые тоже невозможно было выбросить, но от которых было настолько тошно, что временами Флемингу хотелось лезть на стену. Самой худшей была первая ночь дома – он лежал на холодной кровати, абсолютно один в опустевшей квартире и слушающий этого чертового попугая, раз за разом повторяющего голосом Делайлы:

– Чики милая птичка! Чики самый лучший мальчик! Чики мииилая птичка... Птичка... Лучший... Лучший мальчик...

Уолт с легкостью узнал голос Дел и ласковые нотки, с которыми она втолковывала попугаю новые фразы. Он вспоми-

нал, как она иногда сидела около птицы целыми вечерами, вдалбливая одни и те же слова, а затем радуясь, словно ребенок, когда пернатому другу удавалось хоть что-нибудь повторить. Флеминг надеялся, что попугай уснет, и даже закрыл клетку покрывалом. Но, как назло, он продолжал пищать и разговаривать.

«Я не вынесу эту птицу,» – подумал он. – «Прости, Дел, но я выпущу его в окно. Я долго так не выдержу». Уолт надеялся, что она не обидится на него. Ведь слушать этот голос и осознавать, что ее больше никогда не будет рядом, было настоящим испытанием.

Спустя несколько дней он решился заглянуть в ее шкаф для одежды. Это можно было оттягивать до бесконечности, но облегчения бы не принесло. Скрепя сердце, Уолт снял несколько платьев, разложил на кровати и уселся напротив, разглядывая их и вспоминая, как выглядела в них Дел.

– Чики красавчик! Чики сладкий попугайчик!

Снова механические, но такие узнаваемые интонации.

– Мой хороший... Мой любимый птенчик... – затрещал попугай голосом Делайлы, вцепившись лапками в прутья клетки и внимательно глядя на Флеминга. У Уолта даже на секунду сложилось впечатление, что коварная птица делает это нарочно, чтобы сделать ему больнее.

Нет, он не сможет избавиться от этого пернатого болтуна. Хоть ему и было тяжело слушать голос Дел, он не мог лишиться

себя хотя бы этого, единственного, что от нее осталось. Пусть глупая птица тараторит сколько угодно, он сможет услышать голос своей девушки хотя бы так. Уолт приблизился к клетке и протянул попугаю палец.

– Хорошая птичка. Хорошая говорливая птичка, – проговорил Флеминг, глядя в черные глаза-бусинки пернатого питомца. Попугай отпрянул вглубь клетки и недоверчиво посмотрел на Уолта. Да, с ним нянчилась только Дел, Флеминг вообще никогда к нему не подходил. Да что там, он и дома-то не бывал по совокупности почти полгода. Поэтому неудивительно, что Чики не стремился к какому-то контакту. Для него Уолт, наверное, все еще был незнакомцем, который то появляется, то исчезает.

В тот день Флеминг нашел в себе силы и разместил в одном из онлайн-магазинов объявление о продаже женских платьев. Он все-таки не сумел их выкинуть, и решил для себя, что будет лучше, если их сможет носить кто-нибудь другой. Что делать с кучей безделушек Дел, с ее феном, косметичкой и «Айпадом» он так и не придумал. Может, тоже продать? Нет, пожалуй, он все же оставит это на память. Хотя, конечно, от таких вещей нужно избавляться. Ничто не должно его мучать и тянуть назад. Все эти предметы, превратившиеся в маленькие тотемы поклонения прошлому, доставляли только боль и совсем не приносили утешения. Может быть, чуть позже он решится их выбросить, но пока что у него не поднималась рука.

– Уолтер... Уолтер... Где Уолтер...

Эти слова протискивались в его уши сквозь сон, и Флеминг видел перед собой Делайлу, закованную в длинный темный ящик и яростно стучащую кулаками по крышке изнутри.

– Уолтер... Где ты, Уолтер? Уолт? – звала она, но он почему-то не видел ее глаз, они были затемнены, словно источник света был где-то в стороне и не освещал целиком лицо девушки.

– Я тут! – крикнул он, но она не слышала его и снова и снова повторяла:

– Уолтер? Где ты? Уолтер?

Он проснулся и в ужасе уставился на клетку с попугаем, висящим на жердочке и поблескивающим в утреннем свете своими маленькими смоляными глазенками.

– Уолтер? Где ты, Уолтер? – сказал Чики и взмахнул крыльями.

– Что? – пробормотал Флеминг и сел в постели. В его груди защемило, точно кто-то ухватился за сердце клещами. Дел настолько скучала по нему, что научила попугая говорить эту фразу? Неужели она сидела и болтала сама с собой, иначе как Чики смог это запомнить? Это было очень странно.

Нет, даже больше. Это было пугающе странно.

Флеминг и встал с кровати, подошел к клетке с попуга-

ем и внимательно поглядел на него. Птица была красивой, желтовато-зеленой и совсем крошечной, размером не больше среднего пальца руки. Каким образом этот малыш запоминает слова и умудряется воспроизводить их так точно?

– Эй, Чики... Хочешь корма? Или свежей водички?

Птица, не мигая, смотрела на него и была неподвижна, словно крошечное пёстрое чучело.

– Откуда ты знаешь эту фразу? – с тревогой спросил Уолт.

Он вспомнил, как подарил этого попугая Дел около полугода назад перед тем, как уезжал в очередную командировку. Сначала он хотел купить ей щенка, но потом решил, что с собакой будет слишком много хлопот. С попугаем все выглядело гораздо проще – он был маленький, не требовал особого ухода, его не нужно было постоянно кормить и выгуливать. А еще – самое главное – он умел говорить...

Флеминг понятия не имел, каким образом попугай запомнил эту последнюю фразу, звучащую жутко и неестественно. «Где ты, Уолт?» Сколько раз ее нужно было произнести, чтобы это отложилось в птичьем мозгу? Уолтер с трудом представлял себе, что пока он был в отъезде, Дел ходила по дому и раз за разом звала его, повторяя это как мантру. Она, конечно, сильно скучала по нему, но до такого дойти не могла. Подобная мысль казалась настоящим бредом.

– Уолтер? Где ты, Уолтер? – вновь прошептал попугай, и Флеминг нахмурился. Все-таки нужно посмотреть, как быстро волнистые попугаи запоминают слова. Может, все-таки

достаточно пары упоминаний, чтобы попугай ухватился за услышанное и заикнулся до бесконечности? Да, нужно сейчас же открыть браузер и проверить, иначе он сойдет с ума.

– Уолтер? Уолтер...

Чем больше Чики произносил эту фразу, тем неприятней становилось Флемингу. Он никогда раньше не слышал от него подобных слов. Когда приезжал домой, птица говорила одни и те же предложения наподобие «Чики хорошая птичка» или «Кто здесь милашка?». Если бы Делайла выучила его новой фразе, он непременно бы ее услышал, и не раз. Ну и в конце концов, не могла же она постоянно говорить «Где ты, Уолт?». Это было совершенно дико.

– Кто здесь? Кто здесь, кто здесь... Что это?

Флеминг с ужасом поглядел на попугая. Тот все так же восседал на жердочке и крутил маленькой желтой головой.

– Кто здесь? Кто это? Эй! – этот механический голос Дел заставил Уолта вздрогнуть. Его нутро похолодело, и он застыл, наблюдая за попугаем.

– Кто это? Кто это? К...кто это? – продолжал верещать Чики мертвым, но таким узнаваемым голосом Делайлы, и Флеминг почувствовал, как в груди растет ледяная глыба ужаса. И тут ему в голову проскользнула мерзкая мысль – а ведь попугай видел, как умерла Дел...

– Ух-ходи! Ух-ходи!

– Что за бред... – пробормотал Уолт, склонившись над клеткой.

– Помогите... Помогите! ПОМОГИТЕ! ПОМ-М-М-МО-ГИТЕ! – верещал попугай голосом Дел, и Уолт оторопело глядел на него, не понимая, как такое возможно. Неужели она на самом деле когда-то произносила эти слова? Судя по интонации Чики, не просто произносила, а почти кричала, явно чем-то напуганная. Что случилось в этой квартире, пока его не было? Как на самом деле умерла Делайла?

– Что это? Помогите! Помогите! ПОМОГИТЕ! ПОМО-ГИТЕ! ПОМОГИТЕ! – продолжала воспроизводить птица, глядя на Флеминга своими черными, словно пуговицы, глазами.

Лоботомия

Бетси Глайнд глянула в зеркальце над раковинкой и поймала беспокойное отражение собственных серовато-зеленых глаз. Несмотря на свой профессионализм, она, как всегда, нервничала перед операцией. Где-то в глубине души то, что она делала, казалось ей варварским занятием, похожим на какую-нибудь дикую гравюру про пытки из книг о Средневековье. Тем не менее, она искренне считала, что помогает людям и поэтому старалась отмахивать все сомнения и опасения.

Бет помыла руки, тщательно вытерла их мягким полотенцем и направилась к хирургическому столу. Главное – твердость в пальцах и соразмерение силы. Она проделывала эту операцию десятки раз, но все-таки мандраж заставлял сердце ускорять ритм, будто она впервые берет в руки орбитокласт. Бетси осторожно натянула хирургические перчатки и повернулась к кейсу с инструментами – жутковатыми штуками, при виде которых у большинства людей пульс подскакивал до предельной отметки. Она раскрыла ящичек для инструментов и поглядела на металлические штуковины, поблескивающие в свете ярких ламп операционной. Два длинных заостренных стилета с расширяющимся верхним концом, похожие на огромные гвозди, и небольшой молоточек, с виду хрупкий и непрочный. Но для той операции, которая

должна была начинаться с минуты на минуту, и не требовалось иметь кувалду.

Бетси открыла папку с личным делом пациента и еще раз пробежалась глазами по его карточке, пытаясь окончательно настроиться. Филип Деви́ль из города Оберн, бывший бухгалтер. Диагноз – острое психическое расстройство, депрессивное состояние, обсессивно-компульсивный синдром. У бедолаги была твердая уверенность, что сочетание чисел 572 – именно в таком порядке – приносит неудачу и гибель. Якобы произошло нечто такое, связанное с этими цифрами, после чего его разум треснул, как яичная скорлупа. Сам Деви́ль отказывался рассказывать про обстоятельства, послужившие катализатором для его безумия, и психиатры были уверены в том, что никакого «ужасного происшествия» не существует, а корень всех бед находится в подсознании больного. Лоботомия была назначена Деви́лю после того, как он напал на медсестру, у которой на бейдже в личном номере присутствовали цифры «572» и едва не убил ее. Он бил ее головой об пол и кричал: «Ты меня не обманешь! Я знаю, зачем ты пришла! Вы меня не получите! Никогда!»

Бет горько выдохнула и закрыла папку. Она надеялась, что хоть как-то поможет этому несчастному, превратившему свою жизнь и жизнь окружающих в настоящий кошмар. Ничего пугающего в своем пациенте она не видела – ей приходилось оперировать ребят и похуже. Несколько месяцев назад она делала лоботомию девушке, которая перед самой

операцией сказала ей:

– Если меня выпустят отсюда, я обязательно приду к тебе домой и засуну эти спицы прямо в твои паршивые глазенки.

Бетси верила, что безумие – это всего лишь болезнь. Ее можно вылечить, но мозг – слишком сложная штука, и приходится искать самые невообразимые пути, чтобы достичь результата. На данном этапе единственное возможное решение – проникать заостренным стилетом в мозг пациента и отсекал лобную долю. Да, это кажется ужасным, но все же помогает.

Филип Девиль выглядел неважно – растрепанный, изможденный, с худым, похожим на череп, лицом. Его глаза были абсолютно пустыми – в них словно темнели матовые стекла, бездумно отражающие окружающее пространство. Его вели несколько санитаров и молодая медсестра, очевидно, впервые участвующая в подобной процедуре и выглядящая напуганной.

– Все готово? – спросил один из санитаров, крепкий мужчина с тяжелой нижней челюстью и огромными ручищами, похожими на экскаваторные ковши.

– Да, – Бетси подкатила к хирургическому столу тележку с инструментами. – Можем начинать.

– Не надо! – вдруг закричал Девиль и задергался в руках санитаров.

– Угомонись! – рывкнул на него здоровяк с руками-ков-

шами.

Они поволокли его к столу, а медсестра замерла у входа, испуганно прикрыв рот ладошкой.

– Пожалуйста, подождите снаружи, мисс, – сказала ей Бетси. – Это займет всего десять минут.

Девушка торопливо выскочила за дверь, и Бет сосредоточила свое внимание на пациенте, по-прежнему извивающемся в руках санитаров, словно сквозь его тело проходили электрические разряды.

– Нет! Пожалуйста... Это ведь больно? – бормотал он, лягаясь и изворачиваясь.

Санитары подтащили его к операционному столу и вопросительно поглядели на Бет, уже извлекающую из ящичка орбитокласт и молоточек. Она кивнула, и они закинули Девилля на стол, словно мешок. Он вскрикнул и вновь попытался вырваться, но крепкие руки стиснули его, словно клещи и торопливо пристегнули ремнями к столу.

Бет подошла поближе и заглянула ему в глаза. Несколько секунд она не могла поймать его взгляд, но потом пустые зрачки Девилля переползли на нее, и она посмотрела в них, поразившись открывшейся ей болезненной черноте. Они были словно два больших колодца, уходящие куда-то глубоко-глубоко в толщу ледяной земли и теряющиеся во тьме, не имеющие дна и превращающиеся в абсолютное ничто. Он некоторое время смотрел прямо ей в глаза, а затем вдруг сказал:

– Вы, наверное, родились пятого июля, да?

Бет терпеливо поджала губы.

– Пожалуйста, успокойтесь и лежите смирно.

Девилль засмеялся. Этот звук, тем не менее, с трудом можно было принять за смех. Больше всего он походил на шакалий лай.

– Пятое число – пять, а июль – седьмой месяц. Либо есть что-то еще, связанное с этими числами. Точно есть... – он несколько раз дернул конечностями, намертво пристегнутыми ремнями к столу и обмяк.

Ну вот, пять-семь-два, любимая комбинация Девиля. Она напряглась, осознавая, что у него сейчас начнется истерика. Бетси понимала – ему всюду чудилось сочетание этих ненавистных чисел, одна лишь мысль о которых порождала приступы паники и психоза.

– Меня не проведешь, – он опять захихикал, затем вдруг натужно заорал, с такой силой, что его жилы на шее, казалось, вот-вот лопнут. – Убери от меня свои руки, тварь! Я не дамся тебе, слышишь? НЕ ДАМСЯ! ПОМОГИТЕ! Они опять нашли меня! Эти числа! Когда они сойдутся...

Санитары подались вперед, готовые в любой момент схватить содрогающегося Девиля. Он вертелся из стороны в сторону, ремни врезались в его запястья и лодыжки, а черные глаза сверлили Бетси, словно два бура.

– Пять-семь-два... Снова пять-семь-два... Почему, ПОЧЕМУ Я?

– Ему нужно сделать укол, – нервно проговорила Бет. – Иначе я не смогу ввести орбитокласт в глазницу.

– Зови Дори, – сказал один санитар другому, и тот проворно выскочил за дверь. Через несколько секунд вновь появилась молоденькая медсестричка, все еще напуганная, но решительно сжимающая шприц с успокоительным.

– Я всего лишь врач, – сказала Бетси Девилю. – И хочу Вам помочь. Доверьтесь мне. Вы хотите, чтобы все это кончилось?

Его глаза застыли на лице Бет. Несколько секунд она смотрела в две эти маленькие бездны, а потом его лицо разгладилось, и он тихо спросил:

– А кто я такой? Как меня зовут?

Бет вздрогнула и отвела глаза.

– Скорее делайте укол. Он совсем плох.

Медсестра торопливо вколола ему успокоительное. Девилю окончательно затих и теперь безвольно лежал на столе, опустив веки. Бет пощупала ему пульс и облегченно выдохнула.

– Кажется, можно начинать. Держите его покрепче и зафиксируйте голову.

Санитар с руками-ковшами затянул на черепе Девилю металлическую скобу, которая не давала пациенту повернуть голову даже на четверть дюйма. Все было готово, и Бет, скрепя сердце, поднесла свой заостренный инструмент к правой глазнице бедолаги.

– Поднимите ему правое веко и держите, – сказала она санитарам и осторожно приблизила орбитокласт к уголку глаза Девилля. Когда веко было поднято, она внедрила свой хирургический стилет в глазницу рядом с глазным яблоком и осторожным движением молоточка втиснула его глубже, в черепную коробку. От напряжения у нее сводило мышцы на спине. Орбитокласт медленно погружался в голову Девилля, все ближе подступая к мозгу. Еще несколько сантиметров, и она доберется до лобной доли, осталось лишь пробить тонкую кость глазницы.

Орбитокласт шел туго, и поэтому она усилила давление на инструмент. Молоточек ударял по железному стилету все настойчивее, и вдруг случилось нечто, заставившее Бет коротко вскрикнуть и в ужасе замереть, словно бы превратившись в каменную статую. Хорошая треть орбитокласта отломилась и исчезла в голове Девилля, а руки Бетси теперь сжимали лишь верхнюю часть, сколотую, точно клык какого-то доисторического хищника. Кровяная борозда проползла из уголка глаза Девилля и скользнула вниз, ко рту.

– Скорее, зовите доктора Дилана! – закричала Бет и заметалась в поисках скальпеля.

Мистер Дилан поглаживал Бет по коротко стриженным светлым волосам и осторожно придерживал за талию. Она беззвучно плакала, поливая его плечо слезами, словно из лейки.

– Почти пятьдесят операций, Билл, – всхлипывала она. – И ни одного прокола. Я всегда все делала правильно. А сегодня...

– Такое бывает, – мягко сказал он, заглядывая ей в глаза. Она чертовски нравилась ему – ее аккуратные черты лица, слегка вздернутый нос, припухлые, изящные губы... Проблема была лишь в одном – Билл Дилан был женат и имел двоих детей. Он прекрасно представлял, что будет, если он хотя бы попробует завести с ней шашни.

– Он раскололся у меня в руках, как будто был не из железа, а из стекла, – Бет покачала головой, словно в очередной раз пытаясь осмыслить произошедшее. – Нужно тестировать орбитокласты перед операциями. Я вообще не могу понять, как инструмент из хирургической стали мог сломаться из-за ударов маленького молоточка, которым и грецкий орех не получится расколоть.

– Он умер без мучений, – Дилан провел пальцем по ее нежной щеке, вытирая слезы. – Кроме того, в его крови было успокоительное и он в любом случае не почувствовал боли.

Бет попыталась сдержаться, но все же не смогла утихомирить рыдания, вырвавшиеся из ее горла. Она убила человека одним неосторожным движением, отправив ему в мозг кусок железки. Как она будет с этим жить?

– Я знаю – ты слишком молода, чтобы быстро такое принять. Но, Бетси, иногда неудачи случаются, – Билл горько поглядел в ее серо-зеленые глаза, светящиеся болью. – Иногда

хирург ошибается. Ты же ведь знала, на какой риск идешь.

– Конечно, знала, – шмыгнула она носом. – Но все равно... Пока это не случается, любой неудачный исход кажется рациональным и естественным. Но когда видишь, как идет кровь... Как в руке блестит эта сломанная спица...

– Да, я тебя понимаю. Но, послушай, нужно идти дальше. Я, возможно, скажу сейчас страшные вещи, но – как знать – может это для него и к лучшему. Он ведь мучился. Вспомни – он был абсолютно безнадежен. Представь, до какой крайности должен дойти человек, если ему назначают операцию по внедрению в мозг.

Бет снова шмыгнула и кивнула. Да, возможно, Филипу Девиллю сейчас гораздо лучше. В конце концов, для него все это закончилось раз и навсегда.

– Ты прав, Билл. Я постараюсь не вспоминать этот день, – она слабо улыбнулась, но Дилану ее улыбка показалась неземной.

– Ты еще такая молодая, Бетси, – он ласково похлопал ее по руке. – Все еще впереди. Будет много неприятностей. Надо быть сильной.

Бет пила кофе в ординаторской и лениво пролистывала газеты, пытаясь отвлечься. Ей предстояла получасовая дорога домой по автостраде, поэтому она пыталась выкинуть из головы дурные мысли и настроиться на хороший лад. Вчерашний номер казался абсолютно неинтересным – статьи про

Вьетнам, протесты против военных действий и прочая политическая мура, от которой Бетси было тошно. Да, она, конечно же, не была в восторге от того, что молодые американцы гибнут где-то на краю света за какие-то мифические идеалы, но в целом ей были неприятны подобные темы, особенно после утреннего происшествия.

Сегодняшний же номер ошарашил ее заголовком: «Под Оберном разбился пассажирский самолет. Более ста человек погибли». Справившись с потрясением, начала читать статью, в которой узнала, что «Макдоналд-Дугласс», выполнявший рейс из Сан-Франциско в Оберн, разбился при заходе на посадку неподалеку от аэропорта. К статье прилагалось фото, сделанное корреспондентом с трибуны футбольного стадиона, на котором отчетливо видно блестящий корпус самолета, идущего на необычно маленькой для пассажирского лайнера высоте. На переднем плане снимка застыло трое футболистов, ведущих борьбу за мяч, и Бет невольно обратила внимание на номера, красующиеся на их футболках. В кадр попали два защитника – двойка и пятерка – и нападающий – семерка. Бетси ощутила острый укол в груди и представила, как ей в сердце врезается то самое обломанное острие орбитокласта, оставшееся в черепе Девилля. Бедняга Филип... Теперь она всегда будет обращать внимание на это сочетание чисел, оставшееся горьким напоминанием о ее первой неудаче на операционном столе. Бет почувствовала, как из глаз вновь побежали слезы, и торопливо отложила

газету.

Бет опустила боковое стекло и высунула в окно руку. Она ехала по шоссе домой, ее нутро было пустым и словно выпотрошенным. Солнце немилосердно заливало дорогу своими огненными лучами, превращая асфальтовое покрытие в настоящую сковороду. Пот стекал по вискам Бет, но она словно бы не замечала невыносимой жары, мысленно раз за разом возвращаясь к тому ужасному моменту, когда в ее руке с легким щелчком лопнул металлический стилет, почти наполовину утопленный в голове Филипа Девиля. Сколько понадобится времени, чтобы забыть это? Как она будет проводить другие операции?

Да, Билл сказал правильно. Неужели она не понимала, куда шла, когда надела белый халат хирурга? Конечно, понимала. Но как любой молодой специалист, она старалась делать все идеально и слепо верила, что никогда не ошибется, что она может полностью контролировать себя и ход операции. Однако не зря говорят – на ошибках учатся. Она, собственно, не вполне понимала, в чем ее ошибка. Может, слишком сильно ударила по орбитокласту? Нет, это просто исключено, она могла убить пациента любым неосторожным движением. Инструменты... Она неоднократно слышала о несчастных случаях во время операций, но каждый раз почему-то думала, что все это из области фантастики. Как может развалиться в руках предмет из хирургической стали, изго-

товленный по специальной технологии?

Как выяснилось, может, еще как может. Солнце отсвечивало от покрытия шоссе дрожащим маревом и било по глазам. Бет поморщилась и вспомнила о том самолете из статьи, а затем и о фотографии, которая сделалась для нее теперь вдвойне ужасной. Мало того, что этот кадр запечатлел последние секунды жизни людей, находившихся внутри лайнера, так еще и эти номера на спинах футболистов... Пять-семь-два. Как бы теперь самой не сойти с ума. Теперь она каждый раз будет вздрагивать, видя комбинацию этих чисел. То, что они встречаются часто, Бет не сомневалась. Она мысленно прикидывала, чем же себя занять на вечер, чтобы хоть как-то отвлечься от своих тяжелых мыслей.

В голову ничего не приходило. У нее не было парня, которому можно поплакаться в жилетку, единственная подруга улетела в Нью-Йорк два года назад, родители жили на другой стороне города. Дома ее ждала только пустота и одиночество. Она даже на секунду задумалась о выпивке, но тут же отогнала эту мысль. Нет, с ее работой о выпивке нельзя и думать. Во-первых, это очень вредит координации, а после сегодняшнего случая она обязана следить за своей координацией вдвое тщательней, а во-вторых, выпивка негативно сказывается на здоровье и внешнем виде. Ее отец всегда любил приложиться к бутылке, и реаниматологи чудом вытащили его с того света пару лет назад. Может быть, кино? Бет пожевала губами. В кино? Одной? Нет. Пожалуй, нет. И

все-таки, как же паршиво внутри...

Она настолько погрузилась в свои мысли, что поначалу даже не услышала пронзительный вопль клаксона. А когда вернулась к реальности, было уже поздно. На нее летел гигантский грузовик с огромными круглыми фарами и громадными дымовыми трубами. Он рычал, словно доисторическое чудовище и неистово сигналил. Бет не поняла, каким образом он попал на встречную полосу, да это уже было и не важно, она все равно не успевала ничего сделать. Глядя расширившимися от ужаса зрачками на приближающуюся громаду, Бетси утонула в этих растянувшихся последних секундах, и взгляд ее переполз сначала на надпись «Петербилт» над радиаторной решеткой грузовика, а затем на злобный номерной знак с цифрами «572».

Жизнь без лета

– Папа, кто там? – спросила Кейси, встревоженно выглядывая в окно. Алан привстал со стула и глянул в сторону, куда указывала дочь. Невысокая фигура, замершая возле ограды. Кажется, незнакомец пробовал дергать калитку или ковырялся с замком – Алану не было точно видно, но по положению силуэта угадывалось, что этот некто пытается проникнуть на их участок.

– Чего ему надо? – зеленые глаза дочери мерцали от страха. Она смотрела на отца с бесконечной надеждой и благоговением. «Какая же она маленькая и беззащитная,» – подумал Алан, ощущая, как сжимается сердце.

– Сейчас узнаем, – ответил он, хватая ружье. – Бери винтовку. Пойдешь со мной.

Каждый раз, когда подобное происходило, его мучал тягучий, как смола, страх. Если бы было возможно, он ни за что бы не подвергал Кейси опасности. Но ей нужно учиться защищаться. Учиться выживать в этом кошмарном мире. Если не приучать ее с малых лет, она не сможет приспособиться.

Кейси схватила свой «Ремингтон» и проверила патрон в стволе. «Молодец, все как полагается,» – улыбнулся про себя Алан. Он торопливо накинул куртку и двинулся к выходу, продолжая следить за незваным гостем через окно. Тот прекратил ковыряться с калиткой и принялся изучать огра-

ду, явно прикидывая, как можно через нее перебраться.

Кейси была уже за спиной у отца, сжимающая тонкими пальчиками винтовку и выглядящая крайне решительно. Она очень посерьезнела за последние несколько месяцев, хоть и сохранила зачатки прежней ребяческой легкомысленности. Алану было трудно видеть эти метаморфозы – он очень переживал, что девочка лишается самой важной части детства, когда происходит формирование личности и психики. Но в этом никто не был виноват, и, наверное, все дети ее возраста на планете сейчас вынуждены пройти через это.

Все те, что остались в живых.

Алан толкнул дверь и очутился во дворе. Быстрым шагом отправился к калитке и на ходу взял на изготовку дробовик.

– Эй! – крикнул он незнакомцу. Кейси вынырнула у него из-за плеча и взяла визитера на прицел.

Фигура у ограды немного отступила и замерла, превратившись в неподвижное черное пятно на фоне серой, засыпанной пеплом дороги. Алан внимательно вглядывался в нее, пытаясь уловить самую мельчайшую деталь. Перед ним был высокий мужчина с неухоженной, проросшей почти до самых глаз бородой, одетый в старый потертый плащ и армейские штаны. Бродяга? Разбойник? Новый сосед? Определить было невозможно.

– Чего тебе здесь надо? – жесткая интонация Алана резанула по ушам даже Кейси, которая вздрогнула и поежилась.

Незнакомец отступил еще немного. Через сетчатую калитку было видно, как поблескивают его настороженные глаза.

– Хотел спросить, нет ли у вас чего на обмен.

Алан нахмурился. Он совершенно не верил незваному гостю. Внешний вид и поведение бородатого человека совсем не располагали к доверительным отношениям.

– Давай-ка проваливай. Еще раз увижу здесь – буду сразу стрелять. Все понял?

Незнакомец озлобленно прищурился.

– Зря ты так. У меня есть еда. Боеприпасы. Сам ведь еще придешь.

– Пошел, – процедил Алан. – И больше не появляйся.

Бородач перевел взгляд на Кейси, но та прижала приклад к плечу, наклонила голову к прицелу и прикрыла один глаз, всем своим видом показывая, что следующим действием будет выстрел.

– И руки. Руки! – рявкнул Алан. – Держи их так, чтобы мы видели.

Незнакомец медленно развернулся, развел руки в стороны и зашагал прочь. Под его ногами клубились маленькие облачка пепла, похожие на густой сигаретный дым. Его темный силуэт медленно уплывал вдаль, пока не растворился в медленно накатывающих сумерках.

– Он вернется? – спросила Кейси, опуская винтовку. Ее огромные глаза, все еще светящиеся детской наивностью, умоляли ответить «нет». Алан понял, что девочка сильно ис-

пугана. Она хоть и старалась этого не показывать, но дрожащие пальцы ее выдали – она даже сжала кулаки, чтобы это было незаметно.

– Я не знаю, Кей, – отец повесил дробовик на плечо и скинул взглядом ограду, окружающую дом. Все было целым и выглядело надежно. Алан надеялся на колючую проволоку, натянутую по периметру – он не зря возился с ней почти неделю, кашляя от пепла. Зато теперь вряд ли кто-то сможет перелезть через забор. Но даже если перелезет, внизу, вдоль всей ограды стоят капканы. Так что пробраться к ним в дом будет очень сложно.

– Мы будем готовы, – с уверенностью сказала Кейси, сдувая спадающую на глаза челку. – Я думаю ночью стоит подежурить.

Алан вновь мысленно улыбнулся. Все-таки Кейси большая умница. Несмотря на возраст, осознает ответственность. Хоть и боится, но не отступает. Согласна сидеть во тьме всю ночь, готовая в любой момент открыть стрельбу...

– Хорошая мысль, – ответил он. – Будем надеяться, этот парень больше сюда не заявится.

Кейси немного помолчала, глядя куда-то вдаль, в густые темно-серые облака.

– Как ты думаешь, кто это был? – чуть погодя спросила она, вновь переводя на отца встревоженный зеленоглазый взор.

– Сложно сказать, – Алан прекрасно понимал, что зага-

дочный некто появлялся здесь не просто так. Совершенно очевидно, присматривался. Оценивал, можно ли чем поживиться. – Может быть, бродяга. А может, кто-то из местных. Хотя я почти всех знаю. Тут мало кого осталось.

– Ага... – Кейси удрученно поправила на плече винтовку. – Пойдем в дом?

– Да, пожалуй, – Алан еще раз бегло осмотрел окрестности и глубоко вздохнул.

В этот раз ему приснилось, будто они с Кейси отправились в парк на пикник. Это было до катастрофы – никаких сизых облаков, пепла, землетрясений, а только зеленая растительность, чистый воздух, мощные камешками дорожки и яркое солнце, блистающее в небе словно сотни драгоценных камней. Ему было так легко и приятно во сне, он чувствовал, что все проблемы и страхи, довлевшие над ним последний год, рухнули камнем в пустоту. Алан поверил, что мир снова вернулся на круги своя. Что для этого нужно так мало, что все, что было прежде, рассеялось, точно ночной кошмар. Он снова может строить планы, снова уверен в будущем, а главное – он спокоен за Кейси, которая сидит перед ним в траве и смеется, а ее медно-рыжие волосы переливаются в солнечном свете.

Когда он проснулся, первым, что вернуло его в действительность, был запах гари и серы, уже приевшийся за последние месяцы. Он снова был в реальности, там, откуда так хо-

тел сбежать. Тело содрогалось от холода, и, хотя он хорошо растопил камин перед сном, его буквально пробирало.

Ночное дежурство было мучительным. Алан специально поставил Кейси первой – пока не так холодно и темно. Девочка не выдержала бы полуночного сумрака и сковывающего холода, не дающего думать ни о чем, кроме теплого одеяла и горячего кофе. Сейчас дочь спала возле камина, ее лицо в отсветах огня совсем не выглядело умиротворенным и спокойным. Даже во сне она была напряжена.

Мрак за окном казался всепоглощающим. Было практически невозможно что-то разглядеть. А все потому, что небо закрывала плотная завеса сажи и пепла – Луна и звезды были невидимы и словно стерты с небосклона. Только чернота и пустота. И леденящий холод.

Это случилось около года назад. На Землю упал то ли астероид, то ли метеорит, и его почему-то не сумели сбить или хотя бы расколоть. Он был не очень крупным – не больше семи километров в диаметре. Алану всегда казалось, что для мировой катастрофы должно произойти что-то более масштабное. Ну или хотя бы метеорит должен быть побольше – в его представлениях он выглядел как гигантский обломок какого-нибудь планетарного спутника диаметром несколько сотен километров.

Как оказалось, даже обломка, размером с фермерский поселок, достаточно для того, чтобы погрузить планету в хаос. Все события, последовавшие за этой чудовищной катастро-

фой, были похожи на какой-то ужасный болезненный бред. Было много вопросов – почему этот астероид не удалось уничтожить на подлете к Земле, какие именно разрушения были причинены, как скоро восстановится нормальная жизнь и возможна ли она в принципе... Телевидение почти не работало. Штаты вообще перестали быть Штатами, а превратились в какие-то дикие пустоши. До района, где жил Алан, весь этот ужас почти не добрался. Только ужасный толчок в момент удара и чувствительное землетрясение, случившееся чуть позже. А затем – гигантское серое облако, появившееся на горизонте и пожравшее солнце. Небо превратилось в темно-свинцовую пелену, сыплющую серыми хлопьями пепла. Стало гораздо холоднее, почти как зимой. Алан догадывался, что станет с деревьями и урожаем, а затем и со зверьем. Из остального мира приходили кошмарные новости – цунами, землетрясения, миллионы жертв, стерты с лица Земли города. Говорили, что астероид упал где-то в Африке, и что почти посередине континента – огромный кратер, похожий на чудовищных размеров оспину.

Много чего говорили. Что облако уйдет лишь через несколько лет, что правительство не может справиться с последствиями катастрофы, что теперь каждый сам за себя... Это было уже не так важно. Они жили в очень глухом, очень тихом месте, и теперь просто пытались удержаться на плаву во всем этом хаосе. Там, в Большом мире, в крупных городах, может, было и полегче, но это ничего не решало. Алан

думал только об одном – ему надо спасти дочь. Ему надо, чтобы она выжила и приспособилась к этому новому полуразрушенному миру. Ему надо, чтобы с ней все было хорошо.

Он глядел на ее веснушчатое личико, белеющее в бликах чахлого огня из камина. За это время – жалкие семь-восемь месяцев – ей пришлось повзрослеть на несколько лет. Сублильной девочке, не привыкшей к насилию и жестокости, нужно было учиться стрелять и выживать в условиях дефицита еды, продовольствия и всех привычных благ. Не так давно она стреляла в разбойника, напавшего на Алана во время одной из вылазок – Кейси не убила его только по неопытности. Пройдет еще несколько месяцев, и она будет стрелять без промаха. Его маленькая Кейси, такая милая и хрупкая, совсем не приспособленная для жизни в мире, полном зла.

Пытаясь различить хоть что-нибудь сквозь ночной мрак, Алан думал о будущем. Каким оно будет? Что ждет их дальше? Точнее даже не их, а ее. Он сейчас живет лишь для того, чтобы дать Кейси почву под ногами. По большому счету ему уже ничего не нужно. Единственное, что сейчас важно – благополучие дочери.

Он всегда очень боялся за нее. Когда ее мать умерла, Кейси было всего лишь два года. Алан вскормил ее сам и пообещал себе, что сделает все, чтобы девочка была счастлива. Сумеет ли он сдержать это обещание? На этот вопрос не было

ответа. Как он сможет уберечь ее в этом страшном мире, где люди начали скатываться на уровень первобытно-общинного строя? Когда они убивают друг друга за еду и ресурсы, игнорируя жалкие попытки правительства навести хоть какой-то порядок. Готовы перегрызть глотку, лишь бы урвать последний кусок. Он сам, наверное, не смог бы долго продержаться в таких условиях. Но он обязан.

Они ехали в точку выдачи продовольствия по серой, покрытой пылью и пеплом дороге. Шоссе было пустым, навстречу так и не проехало ни одной машины. Пункт выдачи находился всего в паре-тройке километров севернее, однако дорога туда была очень опасной. Несколько раз на этом участке трассы на них нападали, и каждый раз поездка за продовольствием превращалась в настоящее испытание.

Алан смотрел за дорогой, но краем глаза поглядывал на Кейси. Девочка увлеченно разглядывала пейзаж за окном. В ней все еще была детская невинность и любопытство. Ее огромные зеленые глаза изумленно округлялись каждый раз, когда попадался брошенный автомобиль или чей-то сожженный дом. Ей придется долго привыкать к тому, что жизнь изменилась. Возможно, навсегда.

– Получается, сейчас пепельная зима?

Алан хмыкнул.

– Можно и так сказать. На самом деле этот природный катаклизм называется «астероидная зима». Но вообще, конеч-

но, без разницы.

– По-моему, она все-таки больше пепельная, – покачала головой Кейси. – Вместо снега один пепел. Куда ни глянь.

– Я слышал, что правительство работает над проектом по разгону облаков сажи, закрывающих солнце, – сказал Алан, припоминая передачу, услышанную недавно по радио. – Но вряд ли что-то получится. Я даже не представляю, как они хотят это реализовать.

– Полная фигня, – констатировала Кей. – Байки.

Алан снова ухмыльнулся. Некоторое время они ехали молча, а затем Кейси повернулась к нему и спросила:

– Как ты думаешь, сколько мы еще будем жить без лета?

Он нахмурился. Этот вопрос мучал и его самого, но ответа он не знал. Или не хотел озвучивать.

– Еще очень долго. Кто-то говорит, что пять лет. А кто-то, что больше.

Алан на несколько секунд умолк.

– А вообще, я просто надеюсь на то, что мы когда-нибудь увидим настоящее солнце. Не то мутное пятно, которое с трудом пробивается через эти клубы мусора, а настоящее, яркое солнце. Как раньше.

Они вновь замолчали. Алан глубоко вздохнул и уставился на блеклую линию горизонта, маячащую далеко впереди. Он часто задумывался о том, как все будет дальше. О том, как долго они смогут протянуть и что вообще последует за всем этим кошмаром. Иногда ему казалось, что будет сча-

сьем, если они проживут еще месяц или два. Сейчас нужно добраться до пункта выдачи продовольствия, а что будет там – никто не знает. Может, им придется стрелять, чтобы получить еду. Есть вероятность и того, что они и вовсе не доедут назад. Но глядя в светлые глаза дочери, вспоминая, насколько она была беззащитна во время беспокойной дремы возле затухающего камина, Алан знал – что бы ни произошло, он будет хвататься за жизнь до последнего. И ради Кейси совершит невозможное.

И может быть, в один прекрасный день они наконец снова увидят солнце.

Девушка и тролль

Кая тоскливо смотрела сквозь мутное оконное стекло как отец запрягает лошадь. Мать выносила припасы и воду, проверяла тюки с сеном, кучей наваленные в телеге – нет ли среди них порченных стеблей? Они с отцом должны были отвезти их в соседнюю деревню, чтобы обменять на еду и деньги, а Кая оставалась дома со своим маленьким братом Леннартом, беззаботно посапывающим в колыбели. Родители суетились и нервно переговаривались о чем-то – им предстояла долгая непростая дорога в ночи. Кая ненавидела пору, когда отец заготавливал сено – каждый раз она изнывала от беспокойства, глядя, как родители уезжают на телеге по длинной старой дороге, ведущей вдоль леса к соседней горе, в деревушку Каансе. Больше всего она боялась разбойников, которые, по слухам, живут в лесу и время от времени нападают на странников или торговцев. У отца, конечно, с собой топор. . . Но разве он поможет, если со всех сторон вдруг набросятся бандиты с кинжалами и мечами?

– Только бы все было хорошо. . . Пожалуйста. . . – тихонько проговорила девушка и тоскливо поглядела на свое отражение в стекле. Она увидела молодую белокурую красавицу с большими голубыми глазами, яркими, как полевые лазоревые цветы. Леннарт захныкал и заворочался. Мать заглянула в комнату и обеспокоенно поглядела на Каю.

– Дорогая... Мы уезжаем.

– Так скоро?

– Уже начинает темнеть. Нам надо успеть проехать мимо леса до сумерек. Ты же знаешь, там бывает опасно.

Кая почувствовала, как ее глаза наполняются слезами.

– Мамочка... Я боюсь за вас.

– Все будет хорошо, Кая. Мы ездим туда каждый год. Если не отвозить сено, тебе и Лену будет нечего есть.

Глаза матери были печальными и добрыми. Кая понимала, что ей самой страшно, но она не могла отправить отца одного – ему требовалась помощь.

– Присматривай за братом. Обязательно следи за пленками. Ты остаешься за старшую пока нас не будет. Весь дом доверят в твоё распоряжение.

Она задумчиво одернула краешек подола на своем старом выцветшем платье.

– На ночь затопи печь... А главное...

Мать глубоко вздохнула и с тревогой посмотрела на девушку. В ее взгляде было что-то пугающее. Будто она о чем-то знала, но не решалась рассказать. Уже потом Кая поняла, чего именно боялась мама.

– Главное – никуда не выходи после темноты. Что бы ни произошло. Не зря говорят – мой дом – моя крепость. Кто будет стучать – не открывай. Здесь ходит много дурных людей, поэтому сиди как мышь в норке. Так будет лучше. А о нас не беспокойся. Мы с отцом знавали и худшие времена.

Мать улыбнулась и обняла девушку. Кая прижалась к ней и всхлипнула.

– Береги Леннарта, – прошептала мама. – Ты у меня уже совсем большая, настоящая хозяйюшка.

– Пока вас не будет, я, пожалуй, займусь своим платьем. Осталось добавить несколько маленьких деталей, и оно будет готово, – чтобы успокоить ее, сказала Кая. Но этими словами она, скорее, пыталась успокоить саму себя.

– Летом ты будешь самая красивая. У тебя замечательно получается, – мама улыбнулась и легонько оттолкнула ее. – Ну все, нам пора. Не скучай. Завтра днем мы вернемся.

Скрипнула дверь, и Кая увидела, как мать взобралась в телегу. Папа дернул за поводья, лошадь фыркнула и поволокла повозку к покрытой выбоинами дороге. Замерев, девушка смотрела, как телега медленно удаляется в сторону темнеющего на горизонте леса. Солнце неуклонно опускалось к массивным горам, виднеющимся справа от чащи, и превращало ясный морозный день в холодный блекнувший вечер. Кая поглядела на беспокойно трепещущие от ветра стебельки травы, клубы пыли, стелющиеся по промерзшей земле. С тоской понаблюдала, как смыкаются низкие облака и застилают небо плотной белесой пеленой. Телега постепенно уплывала вдаль, превращаясь в маленькое движущееся пятнышко. На секунду она слилась с громоздким силуэтом леса, и Кая подумала, что огромное нутро чащи поглотило ее родителей вместе с повозкой и лошадыю.

– Пора затопить печь, – сказала девушка сама себе, пытаюсь отогнать нарастающую в груди тревогу. – Затопить печь и согреться. Скоро стемнеет...

Леннарт проснулся и заплакал. Кая торопливо приблизилась к кровати и взяла малыша на руки.

– Ну что ты... Не плачь. Все ведь хорошо. Я рядом. Твоя сестра рядом, – ласково заговорила она, покачивая ребенка на руках. Леннарт надул губы, посмотрел на нее и заулыбался. Кая просияла, прижав брата к груди. Он радостно загукал и потянулся к ней ручками.

– Полежи тихонько, братец, а я пока закину дров в печку. Хорошо? – спросила она его. Малыш ответил ей веселым взглядом, и Кая осторожно положила его назад в кровать. Он возился и мычал, но больше не плакал.

Темнота медленно накрывала горизонт, выталкивая последние солнечные лучи далеко за край земли. словно бы громадный черный валун опустился сверху и вдавил солнечный диск в землю, уничтожив свет и тепло. Ветер гудел в оконное стекло и периодически глухо стучал в дверь, отчего Кая каждый раз беспокойно оборачивалась и переставала шить. Дом медленно наполнялся теплом от нагревающейся печи, и Леннарт быстро уснул, перестав вертеться из стороны в сторону.

Кая осторожно поправила масляную лампу и вздохнула. Света от нее было мало, но все же это лучше, чем ничего.

Придвинувшись поближе к мерцающему огоньку, девушка вновь взялась за шитье. В голову полезли мысли о родителях – как они там? Все ли в порядке? Удалось ли миновать злополучный лес, прежде чем окончательно стемнело? А вдруг разбойники все же настигли их... И она будет завтра попусту ждать. Глядеть в окно, качать малыша, смотреть, смотреть на дорогу, а затем снова наступит ночь... И что тогда делать? Что ей предпринять, если это и вправду произойдет?

– А ну-ка прекрати, – ругнулась она на саму себя. – Что за глупые мысли? Немедленно перестань выдумывать всякую чепуху.

Девушка глянула на мирно спящего брата и улыбнулась. Он выглядел таким невинным и милым, словно был самым олицетворением детской чистоты и непорочности. Вновь взвыл за окном ветер, грохнув по стеклу мощным порывом. Кая тихо запела, не сводя глаз с Леннарта. Пение всегда было для нее чем-то вроде отдушины и некой успокоительной мантры – собственный негромкий голос убаюкивал ее и порождал странное умиротворение, похожее на ровный тлеющий огонек свечи.

Однажды пошел Виллеман к реке,
Ко древу, что нету прекрасней,
Златую арфу из сумки достал,
Ведь руны пророчили счастье.
Устроился он на песок в тени,

У древа, что нету прекрасней,
Играл он на струнах подобно богам,
Творя с мелодией счастье.
Он нежно играл, он громко играл
У древа, что нету прекрасней,
Желая от тролля деву спасти,
Ведь руны пророчили счастье...

Эту песенку девушка знала давно, и называлась она «Виллеман и дева». Ее любил петь отец, когда Кая была совсем маленькой. Она с интересом слушала его, представляя, как Виллеман сидит возле кристально чистой реки, на поверхности которой пляшут серебристые блики.

Кая напевала нежно и неторопливо, ее голос разливался по дому, как журчащий ручеек. Шитье пошло гораздо живей, вот она уже делает стежок за стежком, работая равномерно и быстро. «Если получится, я смогу закончить за ночь узор. Останется всего пару мелочей, и можно будет примерять,» – с удовлетворением подумала она.

Неожиданно Леннарт пронзительно закричал. Кая осеклась и с беспокойством глянула на брата. Он метался в кровати и надрывно плакал. Девушка бросила платье и метнулась к малышу.

– Что такое? Что стряслось, мой маленький? – она с нежностью провела ладонью по головке младенца, и он затих. – Я же рядом. Все хорошо.

Она покачала его, дожидаясь, когда он окончательно успокоится. После чего, вновь продолжила песню, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более ласково и умиротворяюще.

И вышел чудовищный тролль из воды
Ко древу, что нету прекрасней.
И гром прогремел из седых облаков,
Хоть руны пророчили счастье.

И арфу о камни разбил Виллеман
У древа, что нету прекрасней.
Мгновенно повержен был яростный тролль
Ведь руны пророчили счастье...

Ребенок завизжал еще сильнее, так громко, что Кае показалось, будто у нее вот-вот лопнут уши. Она зажмурилась и умолкла, ожидая, когда Леннарт перестанет вопить.

– Братец... Что с тобой не так? – она закачала его энергичней и вдруг почувствовала, как дом вздрогнул. «Словно что-то большое толкнуло стену,» – прорвалась откуда-то из глубин сознания пугающая мысль. Леннарт опять зашелся криком, и Кая заметила, как что-то темное мелькнуло в окне. Оно было черней самой темноты и тут же исчезло, заставив девушку вздрогнуть.

– Тише, миленький... Тише... – она продолжала маши-

нально укачивать брата, но мысли ее метались, словно сумасшедшие. Кто-то там, снаружи. Кто-то ходит возле ее дома. Эта странная тень в окне... Они теперь не одни.

Кая вновь принялась петь, но сейчас ее попытки звучали фальшиво, и она подумала, что сама ни за что не уснула бы под такое пение.

Леннарт затих, но его маленькие глазки горели от испуга. Он часто-часто дышал, точно его что-то напугало. И тут в дверь бахнуло нечто тяжелое, будто снаружи прилетел удар здорового кованого сапога.

– Кто там? – испуганно воскликнула Кая.

Сначала ответом была тишина, а затем из-за двери раздался страшный голос, похожий на бурчание гигансткого животного.

– Отдай... мне... ребенка...

Девушку прошиб пот. То, что она услышала, мало походило на человеческую речь. Существо за дверью взревело. Этот мощный голос, напоминающий одновременно рычание и бульканье, словно смерч ворвался в дом и ударил ей по ушам.

Чмоканье и тяжелое сопение из-за двери. Там был кто-то большой, вне всякого сомнения.

Сейчас оно разнесет дом... Сейчас оно разнесет дом, и тогда нам обоим конец...

Томительно растянулись секунды. Кая торопливо убрала от окна лампу и напряженно вглядывалась в темноту, чув-

ствуя, как колотится в груди сердце. Ничего, совсем ничего, только выбравшаяся из-за туч луна и несколько звезд, светлыми крапинками мерцавшие из разрывов туч.

И тут за стеклом показалось оно. Здоровенная бугристая голова, похожая на громадный пень. Чудовищное лицо с непропорционально большим носом, свисающим вниз, безразмерная пасть, полная кривых ужасных зубов. Массивное лохматое тело, кособокое, но чрезвычайно крепкое, загораживающее собой весь двор. И глаза... Две огромные плоски, две страшных, утопленных в глазницах бойницы, на дне которых мерцал жуткий плотоядный огонь.

– Троль... – прошептала Кая, едва помня себя от страха. – Настоящий живой троль...

Чудовище ухмыльнулось и приложило гигантскую пятерню к окну, едва не вдавив стекло внутрь.

– Отдай ребенка... – вновь прорычало оно. – Отдай...

Девушка замотала головой и отступила, трясаясь от нахлынувшего ужаса. Этот монстр, кажется, превосходил размером их маленький домишко и мог бы одним махом проломить деревянную крышу.

– Я чувствую его запах... И чую, как тебе страшно, – троль наклонился и заглянул в дом. – Что же ты молчишь? Я слышал твою песню... Да-да, я слышал, как ты призвала меня, и вот я здесь. Что же ты молчишь, глупая?

«Призвала? Как я могла призвать это страшилище?» – в смятении подумала Кая, и тут догадка пронзила ее, словно

острое лезвие. «Песня! Я же пела песню про тролля!»

Но разве может жалкая песня привлечь это чудовищное существо? Конечно же, Кая знала все легенды о троллях, ведь она выросла на Севере. Ей было известно, что с чудовищем нельзя разговаривать, нельзя упоминать его имя после захода солнца или звать. И уж тем более не стоило пытаться его разозлить. Эти существа обитали в лесах и подземных норах, а по ночам выходили на охоту, ведь солнечный свет был для них невыносим. Один рассветный луч мог превратить тролля в камень.

«Этого просто не может быть... Сейчас я проснусь и все исчезнет...» – закрыв глаза, сказала себе Кая. – «Троллей не существует... Они не могут ходить по земле, они не могут быть правдой.» Девушка никак не могла поверить в происходящее. Она спела песню и призвала тролля... Такими вещами пугают детишек. Как все это могло случиться с ней?

В стену врезался новый удар. Он был слабым, но стены все равно пошатнулись, а с потолка посыпался мелкий мусор и кусочки соломы. Если монстр захочет уничтожить ее жилище, ему понадобится всего лишь один взмах громадной лапищи.

– Можешь не делать вид, будто проглотила язык, – прошипело чудовище с улицы. – Ты заговорила, и теперь я тебя чувствую. Не пытайся спрятаться, это невозможно. Отдавай мне своего ребенка, иначе я сломаю дом и заберу вас обоих!

«Заговорила... Разве я что-то сказала ему? Конечно, ска-

зала! Я спросила «кто там?» – Кая прижала брата к груди и крикнула:

– Уходи! Слышишь? Пошел прочь!

Троль зарычал, и его глаза засверкали в темноте. Дом еще раз вздрогнул, масляная лампа угрожающе покачнулась и едва не упала на пол.

– Ты никуда не денешься, маленький кусок мяса... Теперь я возьму и тебя!

Он навалился на крышу, и Кая услышала, как затрещали бревна, из которых были сложены стены дома. Теперь им точно конец, можно было не сомневаться – еще несколько секунд и это чудовищное отродье доберется до них. И тут ей вспомнилась одна старая легенда, опять же рассказанная отцом – он знал множество историй про нечистую силу. Когда-то он говорил, что тролли любят загадки – если задать ему сложную, он будет долго думать, и появится возможность поискать выход. Кая даже помнила, как отец рассказывал ей про мальчика, игравшего с троллем в загадки. Он договорился с чудовищем, что если сумеет найти ответ, ему придется отпустить его. И в итоге сумел перехитрить монстра. Что если попробовать и сейчас? У нее все равно нет другого выхода. Если помешкать еще несколько мгновений – все будет кончено...

Происходящее казалось девушке каким-то несусветным глупым кошмаром, который мог бы привидеться только в горячечном бреду. Поборов страх, она сделала шаг к окну и

громко сказала:

– Я отдам тебе малыша. Но при одном условии. Мы будем загадывать друг другу загадки. Если я не смогу правильно ответить – ребенок твой. Но если ты не отгадаешь – уберешься, откуда пришел.

Она сама поразилась жестким ноткам в своем голосе. Она приказывала этому гигантскому монстру, вела себя так, будто в ее силах быть здесь главной и отдавать распоряжения. На секунду ей показалось, что тролль просто пропустит эти слова мимо ушей и разнесет крышу в щепки. Какие загадки? Это было чрезвычайно глупо, и ей до последнего не верилось, что здоровенное прожорливое чудовище будет торговаться и играть в детские игры.

Но неожиданно монстр затих, глухо сопя и почесывая громадную голову.

– Будь по-твоему. Но я хочу, чтобы ты досталась мне вместе с младенцем. Таково мое условие, – наконец пробурчал он.

– Я с-согласна, – пропищала Кая, падая в кресло перед окном и сталкивая свое шитье на пол. Только сейчас она, наконец, осознала, что обречена. Какие загадки могло загадать это чудовищное создание? Какие знания ему подвластны?

– Я люблю загадки, – прорычал тролль, прильнув к оконной раме. – Поэтому скажу свою первым, наглая девочка. Ты будешь умирать медленно и долго, это я тебе обещаю.

– Я не боюсь тебя, – онемевшими губами выговорила Кая.

– Ты лжешь. Я чую твой страх. Он огромен, как море, – чудовище разинуло пасть, и стали видные его многочисленные клыки. – Всегда бежит, но не может убежать. Но если поставить на пути сотню камней – и их обогнет. Что это?

Кая потрясенно молчала, боясь проронить хоть звук. Она понимала, что монстр может принять любое слово за ответ.

– Можешь думать, сколько пожелаешь. Но если ошибешься – поправиться будет нельзя. Только один ответ, – тролль уселся напротив окна и вновь с любопытством заглянул в дом.

Девушка почувствовала, как ее колотит дрожь. Леннарт опять закричал, но она не могла его успокоить, лишь тихонько покачивала и прижимала к груди. Всегда бежит, но не может убежать... Если поставить на пути сотню камней – и их обогнет. Что же, это не так сложно. Кая догадалась, что чудовище, вне всякого сомнения, имело ввиду реку.

– Это река. Быстрая река, – девушка вытолкнула эти слова на одном дыхании, в глубине души опасаясь, что не отгадала. Но монстр с досадой забулькал, и Кая ощутила несказанное облегчение.

– Да, верно. В реку я выбрасываю обглоданные кости, – с недовольством проговорил тролль. – То же самое я сделаю и с твоими костями, маленькая дрянь.

Кая злобно поджала губы и задумалась. Надо придумать что-то по-настоящему замудренное, чтобы этот кровожадный уродец основательно помучался. Однако в голову совершен-

но ничего не приходило, она была пуста, словно старый глиняный горшок.

– Где вода столбом стоит? – наконец сказала она, наугад вспомнив одну из загадок из детства. Она совершенно не представляла, имеет ли тролль понятие о человеческом бытии. Было бы здорово, если бы все же не имел. Что-то подсказывало ей, что чудовищу чужды человеческие переживания и чувства, поэтому стоило бы выдумать загадки, связанные именно с подобной тематикой. Однако было уже поздно, и девушка замолкла, ожидая, что ответит замерший в темноте гигант.

Тролль тяжело сопел и сверкал выпученными глазами. Воцарилась совершенно мертвая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в печи и свистящим дыханием чудовища.

– Тише мой маленький, не плачь, – едва слышно проговорила Кая, укачивая Леннарта. – Все будет хорошо.

Глаза ее не сходили с громадной тени напротив окна. Он все так же неподвижно сидел на земле перед домом и пялился на нее. Девушка не смогла сказать, сколько прошло времени, происходящее растянулось, подобно длинной черной шелковой нитке. «Сколько же времени он будет думать? Только бы эта тварь ошиблась... Пускай она ошибется,» – с тревогой подумала Кая. Прошла целая вечность, пока чудовище повернуло голову набок и пробасило:

– Это колодец. Вода стоит столбом в колодце.

– Да, это правда, – с разочарованием ответила Кая, опустив голову. Она с трепетом ждала загадки тролля, ощущая, как холодеют от ужаса ноги.

– Отворю хлев, выпускаю стадо белых овец. Только овцы те до крови жадны, – прозвучало через стекло, и девушка снова непроизвольно вздрогнула, вызвав новый взрыв плача у Леннарта.

Стадо белых овец... Заставив себя успокоиться, Кая сразу определила, какой подвох задумал тролль. Конечно же, эта загадка ходила еще во времена ее детства. Только звучала немного по-другому: «Открою хлевец, выпущу белых овец». Кая набрала побольше воздуха и выпалила:

– Зубы! Это твои зубы!

Чудовище зарычало и со злостью стукнуло кулаком по земле.

– Мои зубы все равно доберутся до тебя, – прошипело оно. «Хорошо же. Сейчас я тебе устрою,» – мстительно подумала Кая.

– Взглянешь – заплачешь, но краше его нет. Что это?

Тролль озадаченно хрюкнул и обхватил голову лапами. Девушка удовлетворенно наблюдала, как глаза чудовища блуждали из стороны в сторону, зловещий голодный огонь в них поугас и превратился в тусклое болезненное мерцание. «Тебе будет тяжело произносить это слово, если догадаешься,» – подумала Кая. – «Потому что это солнце. А ты ненавидишь солнце.»

Она вновь посмотрела на Леннарта. Малыш был измотан и тяжело дышал, устав от собственного крика и плача. Кая покачала его, в пол-уха слушая, что происходит за окном.

Троль все еще молчал. Молчал он и через полчаса, ни звука не проронил и спустя час. Все это время они сидели, разделенные толстой бревенчатой стеной – сказочное лохматое чудовище и молодая девушка с ребенком на руках. Кая ощущала, как сильно затекла спина, но она не могла заставить себя пошевелиться и отвести взгляд от зловещего силуэта в оконном стекле. Что, если он уйдет и вернется следующей ночью? И будет приходить после каждого заката? И если ему очень быстро надоест эта дурацкая игра? Ведь ничто не мешает этой громадине одной левой расплющить их домишко и попросту вытащить обоих наружу.

– Что-то не позволяет тебе это сделать... – прошептала Кая, чувствуя, как горят от усталости веки. – Но почему?

Она все же не хотела знать ответ. Пусть все остается так, как есть. У них все еще есть шанс, и они могут им воспользоваться, надо только придумать загадку получше, которую не сможет распутать это кошмарное существо.

А троль все молчал и мрачно сопел, поблескивая глазами в едком свете луны. «Глупое уродливое создание...» – со злостью и отвращением подумала девушка, разглядывая неровный силуэт его косматой головы. – «Ты ни за что не догадаешься, что это солнце. Солнце, твоя смерть.» Солнце... Кая вдруг поняла, что на горизонте медленно просту-

пает светлая полоса. Рассвет. Осталось совсем немного!

Она вдруг ощутила прилив радости и силы. Если заставить этого монстра дотянуть до рассвета, возможно, удастся его уничтожить. Превратить в камень – в старых легендах именно так заканчивал любой тролль, встретившись с солнечными лучами.

Он просидел, наверное, почти два часа, пытаясь найти отгадку. Это жадное существо совсем не думает об опасности и рассчитывает получить их до рассвета. Он упрям и глуп, и надо еще сильнее подначить его, поняла Кая. Заставить ждать до последнего, заставить продолжать попытки до самого рассвета. Но риск велик. Ведь чудовище может передумать и просто разнести их дом...

– Этого не случится. Все будет хорошо. Все будет хорошо... – как заклинание повторила Кая и крикнула: – Сдавайся! Ты, уродливая тварь!

Тролль поднял голову и злобно заклокотал. Он не мог с ней говорить, ведь любое слово воспринималось бы как ответ. Кая смотрела ему прямо в глаза, и видела в них слепую ярость и жажду крови. Оно хотело растерзать их, и теперь точно не успокоится, пока не добьется своего. Чудовище вдруг ослабло и обернулось, поглядев на медленно бледнеющее небо. Его мерзкое тело вздрогнуло, словно от тяжелого удара.

– Солнце... Говорят, оно краше всего на свете, – выдавил из себя он и вновь глянул в окно. Теперь его лик был еще

ужаснее и чудовищнее. – Хитрая дрянь. Я достану тебя из твоей норки.

Он хотел разрушить дом, но не мог с собой ничего поделаться. Это была какая-то магическая и безумно абсурдная штука – игра в загадки являлась для тролля чем-то большим, нежели просто развлечением. Каким-то странным ритуалом, который он не мог прервать, если уже начал. Ведь ничто не мешает ему подняться на ноги и ударить по стенам.

Пасть монстра разинулась, и из нее донесся чудовищный по силе рык. Кая зажмурила глаза и почувствовала, как жальсь от ужаса сердце.

– Два раза рождается. Один раз умирает, – просипел тролль и придвинулся вплотную к окну. Девушка с трепетом разглядывала его зубы – вблизи они были гораздо больше, чем казалось изначально.

Два раза рождается, один раз умирает. Что это может быть? Кая ощущала, как цепенеет от усталости тело. Руки казались каменными изваяниями – они затекли от тяжести Леннарта, который все так же беспокойно хныкал.

Девушка с тоской посмотрела в сторону горизонта. Светлая полоса на границе земли и неба стала больше и насыщенной, и теперь напоминала огромную серебристую кайму. Нужно тянуть время. Тролль сказал, что можно размышлять над ответом сколько угодно, и сам просидел в раздумьях не меньше двух часов. А значит... Кая глубоко вздохнула, чувствуя успокоенность. Значит можно молчать до самого рас-

света, пока не покажется солнце. Чудовище в любом случае уйдет и не будет ждать, пока свет прикончит его.

Точно читая ее мысли, тролль пророкотал прямо в окно:

– Думай, дитя, ищи ответ. Я приду и завтра, и в другую ночь, пока наша игра не закончится. Тебе никуда не деться. Я заберу тебя...

«Никогда!» – едва не крикнула в ответ девушка и с ужасом одернула себя. Два раза рождается один раз умирает... На этот раз она не знала, что загадал тролль. Усталость вновь навалилась на нее неподъемным чугуном, и она почувствовала, что стоит закрыть глаза – сон сразу же накроет ее с головой.

Кая покачала Леннарта и с усилием повела плечами, пытаясь размять застывшие мышцы. Тролль вдруг встал и исчез из поля зрения. Девушка с беспокойством поглядела в окно, пытаясь найти его. Чудовище осматривало дом, его гулкие шаги раздавались у задней стены, затем сбоку, потом монстр вновь промелькнул в окне, закрыв бледнеющую луну. Два раза рождается, один раз умирает... Ей надо срочно найти отгадку, иначе первое же ее слово будет считаться отгадкой. И на следующую ночь монстр придет и попросту разнесет их жилище, потому что она проиграла и дала неверный ответ.

Шаги снаружи стихли. Перестало доноситься и хриплое дыхание, похожее на шелестение осенних листьев. Кая и не заметила, как тишина постепенно убаюкивает ее, и она едва не выронила брата, погружаясь в дремоту. Испуганно встре-

пенувшись, она вскочила на ноги и вновь выглянула в окно, ощущая тугие удары собственного сердца где-то у самого горла. Тролля нигде не было. Неужели чудовище ушло? Девушка беспокойно задышала, боясь поверить в свое предположение. Наверное, ему наскучило ждать, и он решил прийти завтра. Или, может быть, испугался близкого рассвета. Тишина была давящей и угнетающей. Со двора не доносилось ни единого звука. Кая едва не решилась приоткрыть дверь и выглянуть наружу, как вдруг увидела в оконной раме странную тень, отбрасываемую откуда-то сбоку, со стороны одной из бревенчатых стен дома. Приглядевшись, она узнала знакомые очертания и размеры – такую тень мог отбрасывать только чудовищный ночной гость. Спустя секунду в окно всплыла уродливая голова – монстр украдкой заглядывал в дом, пытаясь увидеть, что делает девушка. Он притаился и ожидал, когда она захочет выйти, чтобы проверить, не покинул ли он двор. От этой страшной уловки у Кай внутри все оборвалось. В этот момент она отчетливо поняла, что чудовище не оставит своих попыток их заполучить, и если все не кончится этой ночью, то будет продолжаться до бесконечности, пока монстр не добьется своего.

Она по-прежнему не знала ответ на его загадку. Ему все же удалось застигнуть ее врасплох, и это обстоятельство гложило ее. Все, что она сейчас может – это ждать рассвета и надеяться, что жадность тролля окажется сильнее осторожности, и он не успеет убраться до первых солнечных лучей.

Рассвет неуклонно приближался, но все же был еще далек. Кромка у горизонта становилась уже золотистой. Девушка вновь уселась перед окном и задумчиво уперлась взглядом в светлеющее небо. Она не могла даже вообразить, что может дважды родиться, но умереть один раз. Может быть, бабочка? Сначала она живет в виде куколки, потом сбрасывает старый покров и обретает крылья. То есть рождается два раза.

Кая уже почти решила ответить, как вдруг увидела небольшую птичку, севшую на траву перед домом. Тролль неуклюже попытался ее схватить, и она упорхнула, издав испуганный крик. Птица... Появляется на свет как яйцо, затем рождается еще раз, вылупляясь... Ну конечно!

Кая заметалась между двух вариантов. Так бабочка или все-таки птица? Ошибаться было нельзя. Но, так или иначе, ей придется сказать ответ. Поэтому надо выбирать. Девушка всхлипнула и взглянула на Леннарта, беспокойно ворочавшегося в пеленках. Всего одним неверным словом она может убить их обоих...

Тролль нетерпеливо расхаживал перед домом туда-сюда. Его движения походили на поведение громадной гориллы – время от времени он опирался на длинные ручищи, висевшие почти до самых ступней.

Кая замерла возле окна, ожидая, когда он обратит на нее внимание. Ей не терпелось освободиться от этого груза, перестать бояться произнести хоть слово, опасаясь, что тролль

услышит и в мгновение ока сметет их жилище с лица земли.

– Дважды появиться на свет может птица, – громко сказала она. Грудь сдавило, и ей на секунду почудилось, что тролль улыбается. Но эта гримаса была маской отчаянья и гнева. Чудовище взревело так, что зазвенели оконные стекла и посуда у топчана. Его огромные кулаки, словно молоты, ударяли по земле, он крушил двор, снес деревянный забор и одним махом сравнял с землей сарай, от которого осталась только груда обломков.

Неожиданно Кая вспомнила про юношу, в которого была влюблена пару лет назад. Это был высокий и сильный парень, сын местного рыбака, помогавший своему отцу строить новую лодку для промысла. Кая часто приносила ему еду, пока он работал, и с трепетом ждала, когда его благодарные глаза остановятся на ее лице. Несмотря на свою силу и природную статью, он был скромен и учтив, и почти никогда не заговаривал с ней ни о чем – очевидно, очень стеснялся ее. И тем ужасней было несчастье, которое произошло с ним позапрошлой осенью. Вместе со своим отцом он пытался спустить лодку на воду, и одна из массивных деревянных опор обломилась, превратившись в громадный заостренный кол. Спустя секунду она завалилась в сторону парня и пробила ему голову. Кая стала невольной свидетельницей этого кошмара. Девушке тогда показалось, что ее сердце треснуло, точно фарфоровая чаша. Она смотрела на кровь, забрызгавшую борт лодки, на несчастного рыбака, беспомощно вопив-

шего от горя...

– Что разбивается, но никогда не падает? – прокричала она, чувствуя, как по щекам текут слезы. Она была уверена, что чудовище никогда не сможет разгадать эту загадку. Каким бы ужасным ни был тролль, он совсем ничего не знает о человеческом сердце. О том, что оно может разлететься вдребезги, но его нельзя уронить.

Монстр злобно глядел на нее. Девушке казалось, что под его ужасным взглядом вот-вот начнет плавиться стекло.

– Ты не отгадаешь, – спокойно сказала Кая. – И никогда не получишь нас.

Тролль сопел и взрыхлял когтями холодную землю. Он был не на шутку взбешен, и девушка вновь начала опасаться, как бы он не плюнул на уговор о загадках и попросту не вытряхнул их из-под крыши. Но он вновь замер, с рокотом втягивая воздух уродливым отвисшим носом.

Рассвет был уже совсем близко. Небо стало еще бледнее, и солнце вот-вот должно было высунуться из-за горизонта. Тролля было пора убираться восвояси, но он упорно сидел и пытался придумать ответ на загадку девушки. Слишком уж сильно хотел он заполучить ее и младенца. Жадность и ярость ослепляли его, и он все еще верил, что сумеет достать их из бревенчатых стен дома. Луна становилась все более блеклой и прозрачной, небо приобретало оттенок легкой лазури, почти такой же ясной, как глаза Каи. Девушка считала мгновения и ждала, когда с горизонта прольется спаситель-

ное алое зарево.

Чудовище беспокойно оглянулось и огласило двор громким воплем, полным ярости и досады. Сейчас он рисковал, страшно рисковал, и мог погибнуть в любой момент. Однако желание поквитаться с хитрой девчонкой было все же сильнее, и он продолжал упорно думать, стиснув тяжелую голову громадными лапищами.

Пробежали первые едва заметные блики, и тролль снова завопил, перепуганный приближением восхода.

– Упрямая тварь! – закричала на него Кая. – Тебе все равно ничего не получить!

У монстра оставалось всего несколько мгновений на то, чтобы сказать ответ и загадать свою загадку – и продлить это сумасшедшее соревнование до следующей ночи, поставить девушку в трудное положение, поставить ее на грань ошибки.

– Это лед... Речной лед! – из последних сил взвизгнул он.

– Неправильно! Это сердце! Сердце! – завопила девушка.

Глаза тролля разрослись и стали похожи на огромные черные штольни, внутри которых собралась клубящаяся бездонная темнота. С горизонта проскользнули багровые отсветы, которые озарили лес и медленно, но неуклонно растворили едва заметные сумерки. Чудовище замерло, как вкопанное, и зачарованно глядело на взбухающий над землей огненный глаз, распространявший вокруг себя золотой свет, такой желанный для любого живого существа. Тролль нико-

гда не видел солнца, и теперь, поглощенный этим прекрасным зрелищем, показался совсем безобидным и каким-то глупым. Кая удивилась, как могло нагнать на нее страху это жалкое существо, при свете дня похожее на комок свалявшейся шерсти со здоровенным шершавым носом. Лучи солнца проскользнули по нему, кожа его сделалась серой и мгновенно потемнела, и вот перед домом стоял уже не тролль, а огромный камень, только издали напоминающий ночного монстра. Кая судорожно дышала, не веря своим глазам. Ей удалось перехитрить и победить упорного уродца, хотя она до последнего не верила в это. А что было б, если бы монстру удалось уйти? Если бы он оказался не таким глупым и прожорливым, а просто подождал бы следующей ночи и заявился вновь?

Девушка почувствовала головокружение и опустилась в кресло. Солнечные лучи озарили светом лицо маленького Леннарта, который мирно дремал у нее на руках.

В океан

Дейзи Томпсон стояла на палубе огромного океанского лайнера и с опаской глядела вниз, на толпу провожающих, заполонившую причал. Отсюда они казались крошечными, не больше игрушечных солдатиков, и Дейзи испытала смешанное чувство восторга и страха, поражаясь, насколько огромен корабль, на котором ей предстоит отправиться в плавание. Опираясь на поручни, все еще пахнущие свежей краской, мисс Томпсон оглядывала скопление народа, сгрудившееся за причальным ограждением, и искала среди сотен лиц свою подругу Мэри. Еще совсем недавно она не могла и вообразить, что отправится через Атлантику на огромном пассажирском пароходе. По правде сказать, Дейзи ужасно боялась воды, и поэтому подобное путешествие становилось для нее настоящим испытанием. Мисс Томпсон была очень молода и впечатлительна, поэтому океан казался ей бесконечной пугающей стихией. Кроме того, Дейзи безумно боялась кораблекрушений, особенно после газетной статьи, прочитанной несколько месяцев назад. Там рассказывалось о крушении судна «Берлин», которое разломилось надвое во время шторма. Из ста сорока девяти человек спаслось всего пятнадцать, и эта ужасная трагедия буквально потрясла юную мисс Томпсон, накрепко засев в ее сознании.

Ей предстояло почти неделю провести в открытом море,

не видя суши и созерцая только свинцовые волны и бесконечную высь неба. Корабль, на котором она отправлялась, был великолепен – огромный роскошный лайнер, похожий на целый город, поражающий воображение своими размерами. С таким величественным судном не могло произойти ничего страшного и, казалось, никакая угроза не может быть для него серьезной. Но глубоко внутри Дейзи боялась, что ее страх оказаться в воде посреди бескрайнего океана воплотится в реальность.

Она старалась одергивать себя и положительно воспринимать выпавшее ей приключение. Отец купил ей билет во второй класс – великолепные условия для молодой девушки, отправляющейся в длительное путешествие. Кроме того, ей грело душу другое обстоятельство – она будет обучаться в одном из крупных нью-йоркских университетов. Ее будущее постепенно становилось сказочным – обучение у лучших профессоров, жизнь в большом городе, целая плеяда возможных перспектив... Мисс Томпсон зажмурилась и вновь открыла глаза, вдыхая свежий морской ветер и окидывая взглядом тысячи рук, размахивающих разноцветными платками и шляпами. Верхняя прогулочная палуба, на которой она сейчас стояла, была настолько высоко над водой, что, казалось, будто она находится на веранде какого-то огромного замка, тянущегося вверх, к самому небу.

Пароход издал протяжный гудок, возвещающий, что плавание начинается. Мисс Томпсон ощутила нешуточное вол-

нение. Пока она была рядом с причалом и видела землю, людей и другие корабли, она чувствовала себя спокойней. Теперь же гигантская махина под ее ногами пришла в движение и неуклонно поползла вперед. Это было странное ощущение, Дейзи казалось, что палуба, на которой она стоит, выскальзывает куда-то в сторону. Девушка вцепилась руками в поручни и потрясенно следила за сотнями лиц на причале, калейдоскопом проплывающими мимо.

Их огромный корабль начал свое путешествие. Любопытство и ощущение причастности к чему-то особенному переполняло мисс Томпсон изнутри, но вместе с тем в душу с новой силой закрадывался страх моря. Громадный лайнер, словно титанических размеров кит, заскользил в показавшейся вдруг необычайно узкой гавани, оставляя позади себя славный морской порт Саутгемптон. Дейзи смотрела вниз, на множество других кораблей и пассажирских пароходов, пришвартованных возле пирса, и поймала себя на мысли, что они выглядят смешными и нелепыми, словно бы игрушечными. Матросы с этих суденышек, в свою очередь, смотрели на их гигантский плавучий город, задрав головы и восхищенно раскрыв рты. Интересно, каково это, видеть столь прекрасное творение человеческих рук в движении? Дейзи вспомнила свои ощущения, когда только подъехала к причалу и впервые увидела воочию этого исполина. Ее разум, кажется, не смог целиком воспринять эту махину, и она запомнилась ей частями. Больше всего – громадными дымо-

выми трубами и сотнями окон, отсвечивающих на утреннем ярком солнце.

И тут что-то привлекло ее внимание. Краем глаза Дейзи увидела, как один из пароходов, мимо которого они проплывали, стал будто бы ближе. Поначалу она не придавала этому особого значения, но когда пассажиры, стоящие рядом, удивленно забормотали, она с ужасом заметила, что тот пароход неуклонно накреняется в их сторону и словно бы притягивается к гигантскому борту.

–Что происходит? – изумленно проговорил кто-то рядом. Пароход у причала слегка повернуло и повело к массивному корпусу их лайнера, продолжающего неторопливо скользить по водной глади. Раздались странные хлопки, заставившие сердце мисс Томпсон сжаться от испуга. До нее дошло, что это лопались швартовы – толстые канаты, которыми тот пароход был привязан к причалу. Теперь она четко видела их – они взвились вверх, словно чьи-то огромные щупальца. Пароход потащило напрямиком к борту, над которым она стояла, и Дейзи вдруг ясно осознала, что сейчас произойдет нечто очень страшное.

Люди на прогулочной палубе испуганно загалдели. Кто-то встревоженно вскрикнул, и этот звук, словно плеть, ударил девушку по ушам. Не успело начаться ее сказочное путешествие, а она уже угодила в жуткую передрагу, от которой мурашки бежали по коже! Пароход продолжал скользить напрямиком в бок их великолепного лайнера, его корма, точно

гигантский таран, готовилась нанести свой сокрушительный удар. Время словно притормозило свой ход, и мисс Томпсон сумела различить на палубе парохода лихорадочно мечущихся людей, очевидно, матросов, пытающихся сделать хоть что-то, чтобы предотвратить столкновение. Дейзи подробно разглядела этот пароход – он хоть и выглядел гораздо меньше их роскошного исполина, но, тем не менее, был достаточно большим, с тремя дымовыми трубами и высокими мачтами, похожими на длинные стилеты.

Он становился все ближе и ближе, и девушка приготовилась к худшему. Она уже в панике обдумывала, что делать, когда столкновение состоится, но прямо перед бортом лайнера пароход замер, словно напорвшись на невидимую стену.

–Буксиры! – послышалось во взволнованном гомоне, стоящем на палубе, и Дейзи вправду скоро увидела их – крошечные кораблики, каким-то немислимым образом сумевшие уберечь здоровенное судно от катастрофы. Очевидно, они сопровождали их лайнер и сумели быстро подоспеть на помощь. Все еще не понимая, чем в итоге кончится эта внезапно возникшая передрыга, мисс Томпсон во все глаза смотрела вниз, ощущая, как неистово колотится от страха сердце.

Буксиры, словно маленькие погонщики, тянущие за поводья слона, утаскивали пароход от их лайнера, значительно сбавившего ход и практически остановившегося. Дейзи видела, как он медленно, точно нехотя, отдаляется, дюйм за

дьюмом отползая на безопасное расстояние. Она все еще не могла поверить, что видела все это своими глазами. Мисс Томпсон была слишком молода, поэтому произошедшее казалось ей чем-то чуть ли не мистическим.

Спустя несколько секунд она увидела, как другое судно, еще один крупный пассажирский пароход, потащило в их направлении. Даже отсюда, с верхней палубы, было видно, как натянулись стальные канаты, которыми он был пришвартован к пирсу. Когда они медленно проходили мимо, Дейзи была почти уверена, что инцидент повторится, потому как второй пароход был более крупным и тяжелым. Но судно удержалось у своей пристани, хотя и плясало на воде, как игрушечный кораблик, и Дейзи вновь пробрала ледяная дрожь при одной только мысли о том, чем могли кончиться оба эти происшествия.

Люди на причале все еще продолжали махать платками и кричать слова прощания, но девушка смотрела лишь на пристань, где ютились другие корабли. Подсознательно она ждала, что еще одно судно сорвет со швартовов и потащит к их огромному борту, но лайнер спокойно прошел мимо, вызвав лишь легкое волнение на воде. Они медленно выходили в открытое море. Солнце лениво отблескивало на водной глади, а чайки, словно белые тени, парили то тут, то там, крича тонкими пронзительными голосами.

Люди начали постепенно расходиться по каютам. Дейзи все еще стояла у поручней, пытаясь уложить в голове уви-

денное. Это было действительно жутко, и она испытала какой-то особенно глубокий, животный испуг. Даже такая машина, как их прекрасное судно, легко оказывается в опасности, и она отчетливо ощутила это.

– Возьми себя в руки, – прошептала мисс Томпсон сама себе, пытаясь расслабиться. Да, пожалуй, она слишком впечатлительна для океанского путешествия. Люди вокруг, конечно, тоже выглядели испуганными, но быстро переключились и уже шутили над случившимся происшествием. Кое-кто даже спорил, сильно ли пострадал бы их лайнер от столкновения и отменили бы в случае аварии рейс.

– Знаете, мисс, я думаю, это плохое предзнаменование, – сказал вдруг кто-то ей в самое ухо. Дейзи едва не подпрыгнула от испуга и обернулась. Рядом с ней стоял уже немолодой мужчина с большой трубкой и вислыми темными усами, чем-то напоминавший моржа. Он внимательно глядел на нее, и Дейзи стало почему-то неуютно.

– Что, простите? – переспросила она.

– Я говорю, что это плохое предзнаменование, – незнакомец выпустил дым изо рта и нахмурился. – То, что случилось в порту.

– Вы правда так думаете? – робко проговорила девушка.

Мужчина кивнул и затянулся еще. Некоторое время он молча глядел на плещущиеся волны, а затем добавил:

– Вы любите жизнь?

– Что? Да, конечно, – непонимающе заморгала мисс

Томпсон.

– В таком случае, сойдите с этого корабля в Шербуре. Если мы туда доплывем, я это сделаю.

Дейзи ошарашенно глядела на мужчину. Он продолжал с серьезным видом смотреть куда-то вдаль и попыхивать своей трубкой. Девушка пыталась понять, шутит ли он, но, судя по всему, незнакомец вовсе не шутил. Может, он увидел, как она испугалась и решил подтрунить над ней? Да нет же, нет и намека на какую-то издевку.

– Глупости, – наконец, проронила она. – Мы в абсолютной безопасности. Мне кажется, нам не о чем волноваться. Я вообще не могу представить, что может угрожать такому огромному судну, как наше.

Ей показалось, что она больше убеждала себя, чем его. Незнакомец лишь покачал головой и отвернулся, всем видом давая понять, что не собирается продолжать разговор. Дейзи постояла у перил еще некоторое время, пытаясь успокоиться. Слова этого странного человека сильно задели ее. Она смотрела на флегматичное море, плескающее свинцовыми волнами. Да, первый день путешествия начался как нельзя более насыщенно, и для того, чтобы переварить все это, понадобится время.

На следующий день, когда их пароход стоял на якоре возле Шербура, сияя многочисленными огнями, Дейзи со своими чемоданами отплывала от него прочь на маленьком вспо-

могательном судне, отправленном из порта для погрузки пассажиров и доставки почты. Провалившись всю ночь без сна и накрутив себя до невозможности, она все-таки решила последовать совету того незнакомца и сойти в ближайшем порту. Главным ее аргументом были даже не вчерашние события у пристани, а факт того, что она не сможет спокойно пережить путешествие через океан. Ей казалось, что она сойдет с ума от страха. Мисс Томпсон понимала, какой скандал ее ожидает дома, но все равно не могла ничего с собой поделать. Она была трусихой и не могла не признать этого.

Тех, кто решил сойти в Шербуре, было не очень много – около десяти человек. Дейзи пыталась отыскать среди них того самого мужчину с трубкой, но так и не смогла его заметить. Когда их маленькое суденышко проходило позади кормы величественного лайнера, мисс Томпсон в последний раз бросила на него взгляд. Все-таки им нельзя было не восхищаться. Он был прекрасен – изящный, сверкающий, словно нечто сказочное, пришедшее откуда-то из другого мира. Иногда ей казалось, что человек вообще не способен создать нечто подобное – невероятно красивое и столь колоссальное. Его овальная корма нависла над ними, и Дейзи прочла название и порт приписки, нанесенные золотистыми буквами почти под самыми поручнями:

TITANIC

LIVERPOOL

Крошечный кораблик уносил ее все дальше, а она не от-

водила глаз, смотря на гигантские трубы и ослепительные огни, навсегда врезавшиеся в ее память.

По старой дружбе

Когда это случилось, Барри Клеменс успел лишь подумать: «Только бы не насмерть!» и зажмурил глаза, ощущая сильный удар и чудовищную инерцию, буквально рванувшую его из водительского кресла. В голове сильно гудело и звенело, как будто кто-то со всего размаху врезал его по макушке железнодорожной шпалой. На несколько секунд его сознание померкло, и он словно бы провалился в какую-то черную глубокую яму, но затем восприятие обострилось и звуки мощной волной хлынули со всех сторон. Что-то беспрерывно и назойливо пищало, шипел воздух, выходящий, очевидно, из-под разбитого капота, а совсем рядом кто-то стонал и всхлипывал. Осознание медленно, словно индевеющая на морозе сосулька, обретало форму, и Барри наконец вспомнил, что кроме него в автомобиле находились его жена Рут и приемная дочь Карла.

Клеменс коротко выдохнул и завозился словно застигнутое врасплох насекомое, которое тыкает пальцем любопытный мальчуган. Рут... Он завертел головой, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь кровавую пелену, застилавшую его глаза, и с удивлением обнаружил, что способен двигать конечностями. Барри медленно поднес руки к глазам и стер алые брызги с век и ресниц, затем судорожно заморгал, стараясь прояснить взор. То, что он увидел, заставило его серд-

це зайтись испуганным трепетом. Корпус его универсала был перекошен, подушки безопасности не сработали, Рут лежала лицом вниз, уткнувшись лбом в приборную панель, а Карла скорчилась на полу под сиденьями и плакала.

– Милая... Тебе больно? – спросил он у девочки, но та не ответила, продолжая хныкать и прятать лицо в ладонях. Он осторожно тронул ее за плечо, и она испуганно глянула на него, слегка приподняв окровавленное личико.

– Жива... – выдохнул Клеменс и тут же переключился на жену, лежащую неподвижно, но издающую глухие стоны. – Рути?

Она слегка шевельнулась и вновь замычала, тяжело вдыхая воздух.

– Рути... Давай я тебе помогу... – он потянулся к ней и вскрикнул, чувствуя, как давит на грудь ремень безопасности. – Черт...

Барри завозился с пряжкой, безуспешно дергая изувеченный замок. Рут приподнялась и попыталась осмотреться, тяжело ворочая головой. Ее лицо тоже было окровавлено, багровые ручейки стекали по светло-русым волосам и капали вниз, на белое платье.

– Рути! – Барри издал отчаянный вопль и выдрал замок из пазов. Получив, наконец, свободу от сжимающего его ремня, он вновь потянулся к жене и осторожно взял ее за плечи. – Ты в порядке? Где болит?

– Что случилось? – Рут, похоже, была в состоянии грогги

и не до конца осознавала происходящее. Ее мутные глаза блуждали по разбитому лобовому стеклу без всякой мысли.

– Руты... Скажи мне, где-нибудь больно? – вновь спросил Клеменс, торопливо оглядывая ее с ног до головы и пытаясь определить наличие новых повреждений. Но, к счастью, ничего страшного он не обнаружил. Синяков и переломов не было, руки и ноги жены, за исключением нескольких ссадин, были чистыми и невредимыми.

– Барри... Что с Карлой? Карла! – Рут снова издала долгий протяжный стон и попыталась повернуть голову. – Все гудит... Кажется, у меня сотрясение...

– Лежи смирно, – приказал Барри, ощущая вину за то, что совсем позабыл про приемную дочь. Да, он сначала осмотрел именно ее, но осмотрел слишком бегло, успокоив себя тем, что девочка жива. Вдруг у нее какая-то серьезная травма? Она ведь плакала. Клеменс мысленно выругал себя и осторожно прикоснулся к плечу Карлы.

– Эй... Малышка... Как ты?

Она уже не плакала, лишь хлюпала носом и затравленно блестела темными глазами.

– Все хорошо. Мама цела?

– Да, детка. У тебя что-нибудь болит? Руками и ногами можешь пошевелить?

– Да. Нога немного болит. Кажется, я ее вывихнула.

«Только не это...» – с тревогой подумал Барри и попытался развернуться, чтобы лучше разглядеть Карлу. – Ты смо-

жешь сесть? Можешь двигаться?

– Да, могу. Если резко не двигать ногой, то все в порядке.

– Карла? Девочка моя, все будет хорошо! – подала голос

Рут.

Клеменс попытался открыть дверцу, и с первого раза у него не вышло – все переклинило и не желало сдвигаться с места. Только когда он врезал по исковерканной железке ногой, она, наконец, поддалась. С трудом двигаясь и чувствуя, как ноет все тело, Барри вылез из покалеченного автомобиля и смог оценить весь масштаб случившегося.

Они ехали по загородной дороге, ведущей к шоссе на Уотфорд. За спиной мрачнела громада Лондона, который напоминал гигантскую серую стену. Над головой стальным настилом висело пасмурное сентябрьское небо, делавшее краски ярче, а воздух – прозрачным, как хрусталь.

Он столкнулся с кем-то лоб в лоб. И им сильно повезло – универсал Клеменса хоть и был похож на кусок жеваной фольги, второй автомобиль пострадал куда больше и напоминал грудку мусора. Барри не помнил, из-за чего именно все случилось. В голове крутилось только одно – старый седан слетел на встречную полосу и устремился прямо на них. Кажется, Клеменс успел вывернуть руль и слегка отвести автомобиль в сторону, но удар все равно получился сильным.

Он увидел на асфальте оторванное боковое зеркало и поднял его. Из отражения на Барри смотрел мужчина с худым окровавленным лицом, которое, ко всему прочему, было

изуродовано кривыми шрамами, расползающимися из уголков рта. «Улыбка Глазго» или, как ее еще называют, «улыбка «Челси». Старая травма Барри, полученная еще в девятых, когда он частенько ходил на футбол. Клеменс болел за «Арсенал», и как-то раз неудачно повстречался с фанатами «аристократов» – тех самых болельщиков «Челси», любящих уродовать людей кредитными карточками, которые вбивали в рот жертве, оставляя глубокие раны на щеках. Личная жизнь после этого была под вопросом – кому нужен уродец с разорванным ртом? Барри очень комплексовал по этому поводу и несмотря на то, что жениться ему все-таки удалось, он каждый раз болезненно глядел на свое отражение.

Сейчас он напоминал себе ожившего покойника из дешевого фильма ужасов. Если в таком виде выйти на улицу ночью, можно изрядно напугать прохожих. Барри отбросил зеркало и зашагал к расплюсченному седану, чувствуя, как отдает болью шея. Он ожидал увидеть все, что угодно и был абсолютно уверен, что водитель не пережил это столкновение – слишком уж сильно досталось машине. Но дойти он так и не успел – его окликнула Рут.

– Барри! Скорее сюда!

Он обернулся и заковылял назад. Рут и Карла уже выбрались из универсала и сидели на краю обочины. Девочку рвало, а жена обеспокоенно высматривала Клеменса, сама напоминая беспомощного подростка.

– Карла? Тебе дурно?

Барри приблизился и присел рядом, морщась от боли. Карла исторгла новую порцию рвоты и обессиленно привалилась к Рут, вздрагивая всем телом.

– У нее шок, – прошептала женщина, глядя ее по голове. – Мы вылезли из машины, она увидела второй автомобиль, кровь, и ей стало плохо.

– Как ее нога?

– Немного опухла. Это и правда похоже на вывих. В остальном все хорошо. Ты как?

– Я нормально, – Барри попытался улыбнуться. – Ты выглядишь плоховато. Голова кружится?

– Есть немного. Нужно вызвать скорую, но я не могу найти свой мобильник. Твой у тебя?

Клеменс рассеянно пошарил по карманам, но они оказались пусты.

– Нет, – виновато проговорил он. – Наверное, остался в машине.

– Что с водителем? – Рут кивнула в сторону разбитого сидана.

– Не знаю, я еще не успел посмотреть. Черт... Пойду попробую поискать воду для Карлы. И телефон.

– Мимо не проехало ни одной машины, – покачала головой Рут. – Сегодня все против нас.

– Главное мы выжили, – бросил Барри, хромая к универсалу.

Телефон Рут был разбит вдребезги, свой он и вовсе не

нашел. С водой тоже пришлось повозиться – бутылка улетела в район багажника, и Клеменс хорошенько попотел, прежде чем сумел ее достать. Когда он вернулся, Карла выглядела немного получше, но все еще была бледной.

– Твоему мобильнику крышка, – Клеменс разочарованно вздохнул. – А свой я так и не сумел найти. Там все перевернуто вверх дном... Меня до сих пор трясет.

– Меня тоже, – тихо ответила Рут.

– Пойду гляну, что с тем парнем. Думаю, он не выжил.

Рут кивнула.

– Я никого не увидела. И не слышала ни звука. Наверное, мы единственные, кто уцелел.

Барри вновь побрел к раскуроченному седану. Ему страшно хотелось покурить, руки дрожали, сердце по-прежнему билось где-то в районе горла. Однако осуществить свое желание он не мог – бросил ради Рут несколько лет назад. Иногда она была жестка с ним, а однажды во время одной из ссор выпалила: «И кому ты такой нужен, кроме меня?» Она имела ввиду, конечно же, его изуродованное лицо. Кому-то эти шрамы могли показаться brutальными, но только не Клеменсу. В глубине души он все еще оставался юнцом, лежащим с окровавленным ртом в одной из подворотен и с ужасом пытающимся осознать, как же ему жить дальше.

Но все же он любил ее. Она была, разумеется, не первой красавицей, но очень симпатичной – светло-русые волосы, серые глаза и аккуратные губы, изящно превращающиеся в

привлекательную улыбку. Пусть их семья не была идеальной – она бесплодна, он изуродован, но во всяком случае, у них был ребенок, которого оба искренне считали родным.

Седан выглядел совсем плохо. Он напоминал раздавленную консервную банку, по которой прошла подошва великана. Все было в крови – очевидно тот, кто находился внутри, был размазан по салону. Клеменс не имел никакого желания приближаться к раскуроченной машине. Больше всего он сейчас жалел, что не нашел мобильник – ему очень хотелось, чтобы поскорей приехала скорая и забрала их отсюда.

И тут он услышал стон. От неожиданности Барри вздрогнул. Кто-то все-таки выжил! Он замер и прислушался, словно не веря собственным ушам. Вновь чье-то стенание и хрип. Да, внутри есть живые люди. С трудом волоча ноги, Барри засеменил к обломкам. Если кто и выжил, то, должно быть, находился в тяжелом состоянии. Судя по звукам, человеку было очень плохо, и Клеменс испытал ужас, вообразив, что может стать свидетелем чьей-то агонии.

В металлическом клубке покореженных частей он разглядел мужскую фигуру, свернувшуюся, точно эмбрион.

– Рут! Здесь кто-то живой! – крикнул Барри и, содрогаясь от волнения, попытался дотянуться до незнакомца, прижатого искореженными стойками.

Судя по виду, это был мужчина среднего возраста, постарше Барри, и, очевидно, изрядно пьяный – до Клеменса дошел запах алкоголя. В голове тотчас вспыхнула яростная мысль –

этот ублюдок чуть не убил их несколько минут назад! Барри сжал кулаки и приказал себе успокоиться. Что ж, как бы там ни было, жизнь уже наказала этого идиота. Клеменс потерял только машину, а этот парень, возможно, вот-вот расстанется с жизнью.

Рут и Карла уже были рядом. Девочку все еще трясло, и не смотря, что пару минут назад ее выворачивало наизнанку, она решилась подойти поближе и посмотреть на эту ужасную картину.

– Карла, детка, отойди в сторонку. Тебе опять станет дурно, – потребовал Барри, но она покачала головой.

– Я буду с вами.

Клеменс вопросительно глянул на Рут, и та едва заметно кивнула, как бы подтверждая, что в случае чего закроет ладонью глаза девочке.

– Не смотри сюда, – попросил он Карлу и попытался добраться до водителя седана. Тот все еще стонал и едва заметно двигал головой.

– Сэр? Сможете дать мне руку? – сказал Барри водителю, и тот повернулся к нему. Скользнув взглядом по его лицу, Клеменс потрясенно застыл. Этого попросту не могло произойти.

Лицо водителя показалось ему до ужаса знакомым. Это был мерзкий привет из прошлого, заставивший его желудок свернуться в комок. Может быть, он все же ошибается... Барри искренне надеялся, что ему показалось, но когда

окровавленный незнакомец протянул к нему дрожащую пятерню, все стало очевидно. Кисть руки украшала татуировка льва в окружении букв «СФС». Эту эмблему было невозможно с чем-либо спутать. Перед глазами Клеменса возник темный дождливый вечер, мокрый асфальт тротуара, ведущего от стадиона «Хайбери» в жилой квартал и злобные физиономии четырех парней, преградивших дорогу и нахально напивавших с нескольких сторон.

Особенно ему запомнился один из них, с длинными волосами и свернутым в сторону носом, явно сломанным когда-то чьим-то сильным прицельным ударом. Остальные звали его Рики, и он был самым неуправляемым в той компании.

Это был темный сентябрьский вечер, накрывший Лондон проливным дождем. Барри Клеменс, тогда еще двадцатилетний парень и страстный болельщик «Арсенала», отправился на «Хайбери», чтобы понаблюдать за знаменитым лондонским дерби между «канонирами» и «аристократами». В итоге вышла боевая ничья – 3:3, интрига была настолько сильна, что до самого финального свистка не было понятно, кто же в итоге победит. Барри это результат разочаровал, и, толпясь в очереди на выход, он хмуро прокручивал в голове моменты игры, досадуя на то, что «Челси» все-таки удалось сравнять счет на девяностой минуте.

Погруженный в свои мысли, он не заметил, как за ним

увязалось несколько парней в синих шарфах. Они преследовали его до тех пор, пока он не отдалился от стадиона и не углубился в узкие лондонские улочки. Здесь-то они и настигли Клеменса.

Прилетел удар сзади, затем несколько пинков в живот, и Барри обнаружил себя лежащим на земле, окруженным со всех сторон хихикающими фанатами «синих». Почему они выбрали его? Все просто – Барри шел один, выглядел не слишком внушительно, для подобной шпаны такие как он – настоящий подарок. Капли дождя заливали лицо, солнечное сплетение ныло, страх сковал Клеменса настолько, что внутри все свернулось в отчаянной судороге.

– Кто у нас здесь? – насмешливо проговорил один из хулиганов. – Никак болельщик красных дерьмоедов?

– Чувак, вы же не с «Ливерпулем» играли, – зачем-то брякнул Барри и тут же получил ногой в лицо. Ублюдки захохотали.

– Слушай, а он ведь дело говорит, – прошипел другой. – Ты у нас юморной, да?

Еще один пинок, на этот раз в бок, почти по почкам. Барри взвыл, а шпана снова захихикала, как стайка гиен. Один из них, длинноволосый, со сломанным носом, схватил Клеменса за грудки и подтянул к себе. Барри успел заметить эмблему «Челси», вытатуированную на его кисти – лев и буквы «CFC».

– Что, не повезло сегодня, ублюдина? – спросил волоса-

тый. – Почти выиграла, но немножко обгадилась под конец. Тебе мама не говорила, что ходить на футбол одному опасно?

Барри смотрел ему в глаза и понимал, что внутри этих зрачков нет ничего человеческого. Наверное, взгляд бойцовской собаки был в разы осмысленнее, чем у этого отморозка. В темной глубине глаз паренька со сломанным носом было только одно – желание причинять страдания. Клеменс осознал это настолько четко, что ощутил, как отнимаются от ужаса ноги. Он чувствовал себя тряпичной куклой в руках этой твари.

– Что парни, проучим мальчугана? – ядовито оскалился волосатый, оглядываясь на своих дружков.

– Давай вытряхнем у него бабки, Рики.

– Это потом. Для начала – распишем его рожицу, чтобы отбить желание болеть за дерьмовые клубы. А ну, снимай, – он дернул за красно-белый шарф, повязанный вокруг шеи Барри. Он был очень дорог Клеменсу – подарок покойного отца.

–Пусти... Отдай, мразь! – закричал Барри, вцепившись в шарф обоими руками.

Рики отпустил его, и, отступив чуть назад, со всего размаху врезал Клеменсу кулаком в лицо. Все почернело перед глазами Барри, и он, словно мешок, рухнул на асфальт, разжав пальцы и навсегда потеряв свою реликвию. Волосатый безглаголиво подобрал шарф, за тем бросил его в грязь и как

следует утрамбовал ногами.

– Ну что, цыпа, ты готов к операции? – хищно спросил Рики, нависая над Клеменсом. Все плыло перед глазами Барри, а в голове выло так, словно ей только что сыграли в футбол.

– Когда-нибудь настанет день, и я тебя уничтожу, – прошептал Клеменс, но ублюдок со сломанным носом этого уже не слышал. Он что-то достал из кармана и поднес к лицу Барри.

– Открой рот, – приказал Рики.

Клеменс дернул головой, но еще одна мощная оплеуха расслабила его лицевые мышцы, и челюсть сама поползла вниз. Рики попытался засунуть ему в рот что-то острое, больно резанувшее по уголкам губ. «Кредитная карточка,» – понял Барри. – «Он хочет распороть мне рот.»

Когда карта оказалось между его губ, Рики вновь отошел на шаг назад. Клеменс попытался вытолкнуть ее изо рта, но не успел. По лицу прилетел удар грязной подошвы, и рот раскроила нестерпимая боль.

И теперь он был перед ним. Пронзенный каким-то металлическим штырем, уже располневший, обрюзглый, но все тот же ублюдок, распоровший ему щеки кредитной карточкой. Свернутый набок нос, который можно узнать из тысячи, но главное – пустые глаза. Две дыры, исторгающие что-то незримое и омерзительное. Ну и конечно же, лев и буквы на руке. Такой татуировки Барри больше нигде не видел.

– Дорогой? – голос Рут прилетел словно бы из-под слоя ваты.

Клеменс почувствовал, как внутри все начинает леденеть. Но уже не от страха. Потрясение прошло, и ему на смену пришла ослепляющая ярость. Как долго он мечтал найти этого ублюдка, как он мучался, глядя в зеркало и ненавидя собственное лицо. Какой же странной бывает жизнь – иногда она подкидывает такие штуки, после которых ты готов поверить во что угодно. В судьбу, злой рок, карму или другую чепуху.

Вот он, Рики. Теперь он лежит и медленно умирает, истекая кровью. Пьяный выродок, который когда-то изуродовал Клеменсу лицо, а спустя пятнадцать лет едва не убил его семью. Он лежит и тянет к нему руку, ту самую руку, которая в девяносто шестом году засовывала в рот Барри кредитную карточку.

– Милый? Что с тобой? – Рут была серьезно обеспокоена, и, похоже, даже слегка напугана. Как выглядел Барри со стороны? Сейчас это было не важно. Важно было только одно – он, наконец, нашел. Судьба вернула должок, и не воспользоваться этим было бы преступно.

– Убери ребенка, – словно не своим голосом проговорил Клеменс.

– Зачем? Барри, что ты там увидел?

Клеменс не ответил. Он подошел поближе к раздавленной машине и внимательно взгляделся в ворох покорженно-

го металла. Какая-то длинная железка пронзала живот Рики чуть выше пупка. Барри вытянул руку и коснулся нее.

В глазах стареющего подонка что-то мелькнуло. Может, он тоже узнал Барри? Скольких мальчишек он покалечил своей кредитной карточкой? Помнит ли он хотя бы одного на лицо?

Клеменс приблизил свое лицо к Рики.

– Ну что, цыпа, готов к операции? – прошептал он.

Рики вздрогнул. Кажется, он все же узнал его. Рука с татуировкой льва дернулась и поползла к нему. Барри покрепче ухватил железку, утопающую в животе Рики, и вдавил ее еще глубже, глядя прямо в его бездонные глаза.

– Барри! Что ты делаешь?! – закричала Рут. Но Клеменс даже не обернулся. Он все смотрел и смотрел в обезумевшие черные глаза, которые запомнились ему на всю жизнь.

Идеальная жена

Это был август, холодное утро, наполненное неясными тенями и едва заметными солнечными бликами. Джек Апсон стоял у зеркала и краешком глаза посматривал на циферблат старых массивных часов, заполняющих прихожую размеренным тиканьем. Большая резная стрелка медленно переползала к цифре «одиннадцать». Джек неторопливо затянул узел галстука, поправил борта пиджака и осторожно пригладил волосы. Его лицо тронула чуть заметная улыбка, напоминающая едва уловимый луч солнца, на секунду разрезающий густые локоны дождевых облаков.

Двор встретил его зябким ветром и уже начинающими желтеть кронами деревьев. Джек брел по дорожке прогулочным шагом, глубоко вдыхая прохладный воздух. Утро постепенно перетекало в полдень, все сильнее расцветивая улицу, точно кто-то оживлял черно-белую постаревшую фотографию. Заблестели бампера и диски машин, искристые фонтанчики для полива, спицы детских велосипедов во дворах. День разгорался все сильнее и, казалось, не предвещал ничего дурного. Мир виделся яркой картинкой, пахнущей свежими красками и отдающей чарующей новизной...

Гроб с телом Виктории Финкс замер над глубокой могильной ямой, похожей на темный зев. Лицо мертвой бы-

ло блестящим, жирным и напоминало восковую маску. Девушка казалась высушенной изнутри, словно скукожившаяся оболочка, словно сброшенная змеиная кожа. Джек перевел взгляд на Зака, сгорбившегося над телом и утирающего слезы, сбегавшие по небритым щекам. Этот прекрасный день, эти краски и разливающаяся свежесть были всего лишь горьким фоном для Зака Финкса, хоронившего в этот день жену.

Апсон наблюдал за церемонией, прячась в толпе. Смотрел, как люди подходят и прощаются с этой пустышкой, с немым куском плоти, которое всего два дня назад было молодой живой женщиной. Очередь к гробу была длинной, и Джек решил, что ему тоже стоит подойти к покойной и сказать пару символических слов. Ветерок трепал ее безжизненные волосы, напоминая, что когда-то они так же развевались, обрамляя румяное личико молодой симпатичной девушки.

Люди вокруг не произносили ни слова, только лишь шевелили губами и скорбно опускали глаза, промокая платочками опечаленные лица. Джек подошел к гробу, взглянул на Викторию, и вдруг на его губах вновь начала проклевываться та самая улыбка, которая заняла свое место еще утром, и теперь настойчиво пыталась прорваться наружу, игнорируя правила приличия. Он подумал... В этот момент он осознал свое превосходство, понял, насколько он далек от этого горя и всех невыносимых проблем, проникающих в дом вместе со смертью. Апсон в последний раз бросил взгляд на

лицо Виктории, похожее на глиняный слепок, мертвое и искаженное, лишенное всякой человечности. Его веки удовлетворенно прикрылись, и он отошел от гроба, с неудобством осознавая, что люди вокруг могли заметить его улыбку и воодушевленный взгляд.

Зак был бледен и слаб, напоминая собой пустую, едва заметную тень, теряющуюся в солнечном свете августовского дня. Он волочился рядом с Джеком, с трудом переставляя худые ноги, обутые в дорогие ботинки.

– Знаешь... Я не приложу ума, как мне жить дальше... – проговорил он, всхлипывая и копаясь в карманах в поисках носового платка.

– Сколько ей было лет? – бестактно спросил Джек, совершенно не задумываясь о том, насколько сильно мог ранить собеседника этот вопрос.

– Двадцать восемь... – Зак осунулся еще больше и теперь напоминал старую свалывшуюся простыню, скрученную в узел. – Мы поженились всего два года назад... Как же это мало... Я ведь даже не успел осознать, каким богатством владел, понимаешь?

– Придется искать силы, – Апсон похлопал его по плечу. – Жизнь ведь не останавливается на одном месте, верно?

– Да, наверное... – он еще раз всхлипнул и перевел на Джека свои наполненными слезами и завистью глаза. – Как там Эмили?

– Эмили? Она в порядке, – Джек удовлетворенно кивнул. – Послушай, Зак... Я понимаю, что тебе очень нелегко, но... Надо продолжать жить дальше. Викторию уже не вернешь. Что бы ты не делал – она уже там, на небесах, а ты все еще здесь, в мире живых. И с этим придется смириться.

– Я знаю... Я все прекрасно знаю... Просто ведь... – Зак сглотнул слюну и поднял на него полные слез глаза. – Просто это так мучительно...

– Я прекрасно понимаю, каково тебе, – Апсон вздохнул, хотя внутри него все светилось от удовлетворения. – Давай-ка пойдем в дом и выпьем. Тебе станет немного легче, я уверен.

– Да, пожалуй... – Финкс кивнул, и оба направились во двор, по подъездной аллейке, засыпанной все еще зелеными, но уже помертвевшими листьями.

Телефонный звонок разорвал тихое течение солнечного апрельского утра. Джек сидел на веранде и раскуривал сигару, наблюдая за кучерявыми пушистыми облаками, принимающими сотни разных форм, неторопливо плывущими куда-то в неведомые, сокрытые дали. Дребезжание звонка было настойчивым и громким, словно человек на другом конце провода знал, что Джек не хочет вставать с кресла и поднимать трубку.

Эмили бесшумно возникла у задних дверей и, облокотившись о косяк, тихонько проговорила:

– Джеки, телефон.

– Я знаю, милая.

Она улыбнулась, сверкнув своими небесно-синими глазами.

– Лентяй... Когда-нибудь я устрою тебе взбучку.

– Значит, я все-таки нарвался, да? – Джек вытащил изо рта сигару и улыбнулся в ответ.

Телефон продолжал надрываться, и Апсон со вздохом вернулся в дом.

– Алло. Да, привет, Стэнли. Что? Погоди, как... – он округлил глаза. – Серьезно? Но ведь вы всего-то полтора года женаты... Стэн... Это ужас... Совсем недавно Зак, теперь ты... – пальцы Джека скрутили телефонный провод. – Да, конечно... Очень соболезную. Завтра, в двенадцать? Хорошо... Крепись, приятель.

Трубка упала на рычаг. Джек стоял и почему-то глупо улыбался, словно ему сообщили какую-то забавную новость.

– Кто это? – легкий голос Эмили ветерком промчался по комнате и проник в его уши.

– Это мой бывший сокурсник, Стэнли Грин. У него умерла жена.

– Что?..

– Они прожили всего полтора года. Всего лишь полтора года и...

– Из-за чего она... ушла?

Джек облизал губы.

– Сердечная недостаточность.

– В таком возрасте?

– Это нормально, Эми. В наше время возраст не является препятствием для тяжелых болезней.

– Так что же ты... Опять поедешь на похороны?

– Конечно. Разве я могу бросить Стэнли?

– Нет, милый.

– Ну вот. Ты же все понимаешь, крошечка.

Он подошел к ней и поцеловал в щеку.

– В нашей жизни столько неприятных моментов... Но надо уметь преодолевать это. Верно?

– Да, милый.

Джек улыбнулся и прильнул к ее губам.

Он вновь брел по тропинке, ведущей от коттеджа к дороге. Деревья были как никогда изумрудны и свежи, воздух пах весенней теплотой и первозданной новизной. Совсем скоро этот запах сменится на горький смрад от свежей разрытой земли, в которую должны опустить лакированный гроб, зловеще блестящий в солнечных лучах...

Джек и Стэн медленно шагали возле кладбищенских ворот. День был ярким, но безмолвным, точно картинка с телеэкрана, у которой отключили звук. Апсону подумалось – как внезапно приходит горе, как оно безжалостно и бесчувственно к окружающему миру. Все вокруг может петь и благоухать, а ты являешься самым несчастным человеком на

свете, которому нет дела до красот и изысканных красок. В такие моменты все настраивается против тебя, и ты ощущаешь, как любая деталь очерняется и становится синонимом личного горя.

– Никогда не думал, что это случится. Она ведь была так молода, Джек... – Стэнли был похож на оглушенного болванчика, ничего не видящего перед собой. Его глаза источали пустоту, точно две дешевых стекляшки. Он делал механические шаги, будто бы нащупывая землю.

– Я знаю, дружище... Но ничего нельзя изменить. Тебе придется принять это.

– Принять?.. Я завидую тебе, Джек. Ты столько лет был одинок. А потом у тебя появилась Эмили. И у вас все хорошо, как в сказке... Неужели так бывает? – глаза Стэна наполнились слезами. – Прости меня... Я несу какую-то чушь, и совсем не хочу тебя обидеть, просто...

– Все в порядке, – Апсон примиряюще улыбнулся, ощущая, как грудь наполняется удовлетворением. – Никто не может представить, как тебе сейчас тяжело, Стэн.

– Ты прав... Мне безумно... Безумно плохо... – Грин рыдался, словно ребенок, всхлипывая и содрогаясь всем телом.

Джек вышел из машины и размеренно зашагал к дому, слушая отзвук подошв от мощеной дорожки. День клонился к закату, медленно затухая и превращаясь в темное скопле-

ние сумерек, пожирающих солнечные лучи. Апсон прошел через веранду и замер на пороге, глядя на застывшую фигуру Эмили. Она склонилась над комнатным растением, сжимая в руке лейку. Ее лицо было скрыто тенями, разбегающимися по комнате.

– Опять за старое, – покачал головой Джек. Несколько секунд он разглядывал ее, затем улыбнулся и двинулся в гостиную.

Дом был пустой и холодный, но это его не смущало. В комод он нашел ящичек со странными длинными проводами, похожими на клубок пестрых змей. Апсон вернулся на веранду и подошел к Эмили.

Ее глаза были неподвижны и глубоки, точно два осколка блестящего хрустала. Он разглядывал ее – идеальные черты лица, тонкие изящные руки, неподвижные бледные пальцы с аккуратными ногтями, чуть спадающие на лицо темные волосы, слегка подвижные легким сквозняком.

– Пора проснуться, девочка, – проговорил Джек, приблизившись к ней вплотную и стягивая с ее спины блузку. Легкий щелчок – и между лопаток Эмили открылся небольшой паз с двумя портами. «Зарядка энергетической батареи» – было написано над одним, «Подключение к операционной системе» – гласила вторая табличка.

– Опять разрядилась... Я ведь говорил тебе, Эми – следи за собой. Но ты, как всегда, не слушаешься... – он со вздохом подсоединил провод к первому входу и воткнул его в ро-

зетку. В груди девушки что-то зажужжало. Апсон улыбнулся еще шире.

– Знаешь, почему я всегда останусь счастливым? Почему я так радуюсь, хотя мои друзья не находят себе места от горя?

Эмили молчала, все так же неподвижно замерев над цветком.

– Потому что ты всегда будешь жива, моя хорошая. Мне никогда не придется закапывать тебя в землю. Выбирать для твоего тела гроб. Начинать все сначала. Никто из них не подозревает, что ты совершеннее всех. Они не подозревают, кто ты на самом деле. Мне достаточно лишь... Достаточно лишь всего... – Джек прервался и разразился радостным, наполненным счастьем хохотом.

– Батарея заряжается, – прогудел механический голос из живота Эмили, и тут же она моргнула, словно очнувшись.

– Ох... Кажется я... Кажется я задумалась на секунду... – девушка выпрямилась и удивленно окинула взглядом цветок. – Милый, ты уже вернулся?

– Только что зашел домой, но пришлось решить маленькую проблему.

– Что случилось?

– Ты опять забыла про батарейку...

– Прости. Совсем вылетело из головы, – ее глаза наполнились яркими искрящимися огоньками, и Джек страстно поцеловал ее, крепко сжимая в объятиях.

Под шепот колосьев

Колосья мягко шелестели, точно огромный серовато-бежевый океан. Их сухие головки с легким шепотом соприкасались друг с другом, повинаясь прохладному вечернему ветерку. Кори Лоуренс осторожно шагал в этом шуршащем море и задумчиво глядел на закатное солнце, устало погружающееся за горизонт.

«Еще один день,» – пронеслось в его голове. – «Сгорел, как спичка. Так они и улетают – один за другим, один за другим... Как же глупо...» Он едва чувствовал маленькую тропинку, виляющую среди плотных стеблей колосьев. После длинной рабочей смены ноги слушались с трудом, и напоминали вареные макароны. Последние несколько месяцев вечера были неизменны – огромное пшеничное поле, длинная узенькая дорога и розовато-красный солнечный шар, угасающий, как гигантская лампочка. Жизнь не имела особого смысла – только изнурительная работа, заполнившая все существование и превратившаяся в бесконечную каторгу. Лоуренс пытался бежать от самого себя. Причиной – конечно же – была женщина. Его бывшая жена, Клэр. То, как они расстались, он, наверное, будет помнить до конца жизни. После всего произошедшего Кори не нашел ничего лучше, как пить с утра до ночи, и единственным, что могло вытащить его из этой ямы, была работа. Отец устроил его на медеплавильный

завод под Риверсайдом, и теперь Лоуренс не видел белого света и впарывал, впарывал и еще раз впарывал. Плюсов в итоге все же было больше – у него не осталось время на дурные мысли, выпивку и сожаления. Лишь по вечерам былая хандра начинала вновь затягивать Лоуренса в свое болото, но сил на то, чтобы горевать, совсем не осталось. Он лишь машинально прокручивал все произошедшее в своей голове, как старую видеозапись.

В тот день Клэр как обычно должна была поехать на съемки – она работала моделью и фотографировалась для популярного в Риверсайде журнала «Passion». Кори привык к профессии своей возлюбленной и прекрасно знал, что откровенных фотосессий его жена никогда не делает. Чаще всего сеты ограничивались демонстрацией новой одежды или, в крайнем случае, модных купальников. В основном же Клэр фигурировала в рекламных зарисовках, красивых пейзажах или каких-нибудь рекламных постерах. Он всегда доверял ей, да и она, как казалось, не давала никаких поводов, чтобы усомниться в себе. Однако в тот поганый день все перевернулось с ног на голову. Кори тогда хотелось думать, что это просто дурной сон, который вот-вот кончится.

Поздно вечером ему позвонил один приятель, живущий в Маунтевилле, и сказал, что видел, как его жена с каким-то парнем поднялась в квартиру по соседству.

– Я не хотел бы тебе этого говорить... Но он ее лапал, – эту фразу Лоуренс тоже запомнит на всю жизнь.

Клэр никогда не уезжала по работе в Маунтевилль и думала, что там никому не попадется. Но жизнь, как известно, штука весьма подлая. Кори примчался к дому своего приятеля и когда поднялся в квартиру, которую тот ему указал, то подумал, что начинает сходить с ума. Клэр ублажала молоденького незнакомца, и в ее облике не было ничего от той Клэр, на которой он был женат почти четыре года. «Это ведь происходит не в первый раз,» – пронеслось в его голове. – «Твоя жена приходила домой оскверненной. Использованной. А ты ничего не знал.»

Лоуренс тряхнул головой, пытаясь прогнать это чудовищное воспоминание. Может, когда-нибудь ему удастся от этого избавиться. Колосья тихо шумели, переливаясь золотистыми волнами. Где-то далеко урчал двигателем автомобиль. Кори вдохнул прохладный вечерний воздух и почувствовал, что успокаивается. Рано или поздно он победит все это и начнет жить заново. Нужно больше стараться, чтобы не свалиться обратно в пропасть.

Поле почти закончилось. Впереди чернела ухабистая дорога – здесь часто проезжали грузовики с завода или пикапы местных фермеров. Кори всегда не любил этот участок маршрута. Здесь было настолько грязно, что ноги начинали утопать в склизкой почве по щиколотку.

Сумерки медленно окутывали пшеничное поле, и вскоре видимость упала почти до нуля. Лоуренс достал сигарету и зашлепал по грязи, задумчиво уставившись в темноту. Заур-

чал еще один автомобильный двигатель, на этот раз совсем близко, и Кори с неприязнью подумал о том, что нужно поскорей убираться с дороги, чтобы не получить в спину шлепок грязью.

Дальше снова шла пшеница, на этот раз мертвая и сухая. Колосья похрустывали и приставали к липким подошвам. Лоуренс погрузился в свои мысли и не сразу обратил внимание, что свет автомобильных фар уперся ему в спину, становясь ярче с каждой секундой. Через мгновение по ушам дал злобный грохот двигателя, и Кори едва не проглотил от испуга сигарету. На каком-то животном инстинкте он метнулся в сторону и шлепнулся в пыль, в ужасе осознавая, что несущийся позади автомобиль едва не переехал его. Черный рычащий силуэт промчался мимо, но тут же круто развернулся и мгновенно выудил Лоуренса из вороха сухих колосьев яркими снопами света, бьющими из фар.

Это был старый спортивный «Понтиак», на каких раньше любили ездить всякие крутые ребята в кожаных куртках и черных очках. Его приземистая морда была забрызгана грязью, а слепящие фары казались двумя здоровенными глазами, жадно пялящимися в темноту.

– Эй! Совсем с ума сошел? – крикнул Кори, но тут же пожалел о своих словах. Из машины показались две фигуры, и чем больше он в них вглядывался, тем больше ощущал, как внутри начинает стремительно холодеть.

Это были крепкие мужчины в черной одежде, по виду

– явные амбалы. В несколько шагов они оказались рядом, и Лоуренсу удалось разглядеть и лица – уродливые, насуспенные, точно высеченные из скалы. Это были совершенно чудовищные физиономии, похожие на гипертрофированные рожи каких-нибудь сказочных орков или гоблинов.

Уродцы схватили его за шиворот и играючи поволокли к машине. Лоуренс чувствовал себя тряпичной куклой – настолько они были сильны.

– Что вы делаете? – попытался пропищать он, но тут же получил болезненный тычок в зубы.

– Заткни рот! – рявкнули ему в ухо.

Щурясь от чувствительного удара, он попытался разглядеть их, и тут до него дошло, что физиономии, показавшиеся ему поначалу страшными лицами, на самом деле – резиновые маски. Тут ему стало по-настоящему жутко, и ужас сковал его настолько, что ноги сами собой подвернулись, и он рухнул на землю.

– А ну-ка вставай, дерьмо! – его сильно пнули в бок, после чего знатно добавили кулаком по затылку.

– А-а! Помогите! – завизжал Лоуренс, ерзая в грязи.

– Заткнись, я тебе сказал! – еще один мощный удар, на этот раз почти в полную силу. Кори на несколько секунд провалился в темноту, а когда сознание начало вновь возвращаться, обнаружил, что его вновь куда-то тащат.

– Ч-что вы делаете? – взвизгнул он. – Отпустите меня!

– Если не заткнешь пасть, я переломаю тебе все пальцы! –

прорычала одна из масок и снова пнула его, на этот раз по ребрам.

В следующую секунду его беспомощное тело подхватили и подбросили, точно мешок с тряпьем. Лоуренс хотел закричать, но вместо этого что было сил прикусил нижнюю губу – ему не хотелось получить новую оплеуху. Пространство вокруг внезапно сузилось и стало темным и тесным. Когда ему удалось поднять глаза, то он увидел нависающую над собой крышку багажника и две отвратительные маски, под которыми поблескивали злобные внимательные глаза.

– Надо бы его связать.

– Нечем, ты что, забыл?

– Ладно... Тогда вырубай его. Только не сильно. Иначе сразу отбросит копыта.

– Н-нет... Пожалуйста... Что я сделал? Что вам нужно? – всхлипнул Кори.

Пудовый кулак прилетел ему прямоком в челюсть, и весь мир в один момент исчез, уступив место бездонной темноте.

– ...не вполне похож. Глаз совсем заплыл. Да и лицо все в крови. Вытри ему рожу.

– Еще чего? Может, ему еще молочка налить?

Лоуренс медленно возвращался в действительность. Перед глазами все плыло. Он неуклюже замотал головой и почувствовал, как над правым глазом разливается болезненная тяжесть. Все лицо ныло. Кори выдохнул и попытался поше-

велить руками, однако у него ничего не вышло. Конечности совершенно не слушались, и все что он мог – это хватать ртом воздух и обессиленно мычать.

– Он очнулся, – его схватили за шиворот и снова куда-то потащили.

– Н-не надо... – почти шепотом умолял Кори. – Хватит, пожалуйста...

Вверху было звездное небо, высокое и чистое, похожее на темный бархат с рассыпанными осколками хрусталя. Откуда-то веяло приятной прохладой и свежестью. Река, понял он. Они хотят сбросить меня в реку.

– Парни... Подождите... – Лоуренс попытался повернуть неподъемную голову.

– Ну что, вот ты и допрыгался. Как тебя там? Фрэнк? – один из верзил посмотрел на него через прорези глазниц своей страшной маски. – Сколько миллионов ты перевел из компании? Тридцать? Хотел стать богатыньким?

– Вы о чем? Я не...

– Заткнись. Ты сам знаешь, о чем идет речь. Можешь не пытаться квакать, это бесполезно. Всегда поражаюсь вам, бе-долагам. Неужели вы думаете, что никто не сумеет взять вас за жабры? – второй детина достал револьвер и упер его дуло в лоб Лоуренса.

– Я не тот, о ком вы говорите! Клянусь! Я простой рабочий! – из последних сил проблеял Кори, чувствуя, как рот наполняется кровью из разбитых губ.

– Да уж конечно. А я тогда – Джеймс Хэтфилд, – хмыкнул дубина с револьвером и с щелчком взвел курок.

– Нет, правда! Клянусь! У меня есть пропуск с завода. В... В кармане... Посмотрите... – пищал Лоуренс, дрожа, словно лист. – Я никакой не Фрэнк! Не Фрэнк!

Громилы переглянулись.

– По описанию подходит. Невысокий, светловолосый, в темной куртке. И на лицо тоже вроде он.

– Да он заливает, – тот, что с револьвером, покачал головой. – Когда к башке приставлен ствол, они начинают такое нести, что диву даешься.

– Посмотрите... В кармане... Я Кори Лоуренс... Слышите? Я ни в чем не виноват... Просто шел домой... – выплевывал слова их пленник, все сильнее вжимаясь в землю.

Здоровяк с револьвером деловито нырнул в карманы Лоуренса, и спустя несколько секунд в его руке возникла небольшая пластиковая карта, напоминающая водительское удостоверение. Кори показалось, что прошла вечность, пока громила изучал ее своим тяжелым, точно чугунная гиря, взглядом.

– Черт, облажались... Это не он, – верзила отбросил пропуск, и его глаза недобро блеснули.

Второй великан подхватил карточку и тоже внимательно ее изучил, после чего выругался и запустил ее в реку.

– Вот это пролет... И что теперь с ним делать?

– Отпустите меня, пожалуйста... Ребята, я ведь даже лиц

ваших не видел...

– Ага, еще чего. Ты тут же побежишь к легавым. Нет, друг, это исключено.

– За что? Что я сделал? Я ведь не знаю кто вы. Не знаю, как вы выглядите. У меня все болит. Я... Я... Я просто хочу домой.

Детина с револьвером задумчиво поглядел на него.

– Серьезно... Парни. Я никому не скажу. Я очень хочу жить, понимаете? Меня бросила жена, я пытаюсь начать все заново и...

Лоуренс залился слезами, со смятением и ужасом осознавая, как же он сейчас жалок.

– Н-не надо этого делать... Я вас умоляю... Просто отпустите меня. Вы ведь знаете мое имя. Знаете, где я работаю. Что вам стоит найти меня и прикончить, если я солгал?

Громилы переглянулись.

– Черт, он похож на кусок дерьма. Давай просто сбросим его в реку, пусть немножко поплавает.

– Не надо! Пожалуйста! Не делайте этого! – Лоуренс завизжал как поросенок, и один из детин с неприязнью пнул его.

– Заткни пасть!

– Поехали отсюда. Считай, что тебе повезло, сопля. Лежи, отмокай. Если вздумаешь заявиться в полицию – можешь считать себя трупом. Мы тебя из-под земли достанем, не сомневайся, – тот, что с револьвером, хлопнул своего приятеля

по плечу, и они торопливо зашагали прочь. Взревел двигатель, Кори услышал, как тяжелый автомобиль увозит прочь его мучителей.

Первые несколько секунд он не мог поверить, что остался жив, и что рядом нет этих ужасных амбалов, которые, как ему казалось, одним взглядом были способны заставить человека обмочиться. Лоуренс лежал и просто смотрел на небо, не веря тому, что с ним произошло. Почему именно он? С кем они его перепутали? Что они сделают с тем бедолагой, которого на самом деле искали?

– О-ох... – он с трудом перевернулся на живот и попытался встать. Руки почти не слушались, и он с минуту пыхтел, как черепаха, барахтаясь на земле. Наконец, ему удалось подняться. Мутнеющим взглядом Кори обвел окружающий его пейзаж, и понял, что оказался где-то в районе реки Ривер-Холл. До Риверсайда несколько миль. Сумеет ли он пройти хотя бы сотню ярдов?

Его мысли прервал знакомый звук двигателя. Булькающий и клокочущий рев. Темноту распоролли яркие пятна фар, и Лоуренсу показалось, что он вот-вот сойдет с ума. Они возвращались.

– Нет... Нет... – на негнущихся ногах он заковылял к реке, понимая, что не успеет пройти и пятидесяти шагов, прежде чем снова попадет в лапы этих кровожадных дикарей в масках. Свет фар стал нестерпимо ярким, и черный «Понтиак», это громадное неповоротливое чудовище, под-

резал его и перекрыл дорогу своим массивным замызганным корпусом.

Лоуренс рухнул на землю и попытался из последних сил отползти подальше. Из автомобиля показались знакомые черные силуэты, и через секунду они вновь были рядом.

– Я же говорил, что он все еще здесь.

– В-вы же обещали... Сказали, что отпускаете меня, – пропищал Кори.

– Мы передумали, – громила вытянул руку с револьвером и нажал на спуск.

«Скайхок»

Это был самый необычный «Скайхок», который видела Шерли Ортиз. С белоснежным фюзеляжем и ярко-оранжевыми крыльями. Они были ядовито-кричащие, похожие по цвету на чищенную морковь и очень четко выделялись на фоне унылого пейзажа.

– Странная окраска, – проговорила Шерли. – Никогда такой не встречала.

– Да, самолет очень необычный, – ответил ее спутник, Эдвин Такер, помощник местного шерифа. – Нам пришлось с ним повозиться, и не один раз.

– Я слышала, что с ним какие-то проблемы. Но никто не говорил ничего конкретного.

– Да, потому что история на самом деле не очень приятная, – Такер поморщился, словно сомневаясь, стоит ли продолжать разговор. – Я надеюсь, Вы не относитесь к категории впечатлительных людей?

– Я? – Шерли фыркнула. – Я летаю на одноместных самолетах. Дважды пересекала Мексиканский залив. Я похожа на впечатлительную девицу?

Такер слабо улыбнулся и недоверчиво поглядел на нее.

– Я знаю, что Вы хороший пилот, мисс Ортиз. Именно Вас мне рекомендовали, и поэтому мы сейчас здесь.

– Тогда в чем проблема?

Ветер развеивал темные волосы Шерли, блестящими волнами спадавшие по плечам. Она была наполовину мексиканкой – слегка смуглой, черноглазой, но чертовски хорошенькой. Многие мужчины из летной школы выстраивались очередями на ее инструктажи. Один взгляд молодой Ортиз делал из них самую настоящую отбивную.

Вот и сейчас она кинула свой коронный взгляд пантеры на Такера, но тот, похоже, совсем не поддавался ее чарам. Он лишь озадаченно поправлял фуражку и поджимал губы.

– Эта машина с дурной репутацией, – процедил он нехотя. – И почти никто не соглашался перегнать ее из Маунтевилля.

– Даже так? – приподняла брови Шерли.

– В ней погибло два человека, и оба при странных обстоятельствах. Если Вы не хотите знать больше, я не буду рассказывать подробности.

– Рассказывайте все. Мне все-таки лететь на этой штуке несколько сотен миль.

Такер глубоко вздохнул и глянул вперед, на постепенно приближающийся «Скайхок» с пылающими оранжевым крыльями.

– Этот самолет поступил в авиапарк Маунтевилля восемь лет назад. Экземпляр достаточно старый, был переведен из Ньюпорта, и, как было известно на тот момент, инцидентов с ним никаких не происходило. Однако позже выяснилось, что документы были переделаны, и эта крошка имела про-

исшествия с летальным исходом. Однако при каких обстоятельствах – загадка, раскопать почти ничего не удалось. Хотя выглядит он очень хорошо, и когда его переводили в Маунтевилль, механики были в восторге – краска свежая, приборы в порядке, никаких проблем с мотором и оперением. Он числился несколько лет как тренировочный самолет, затем какой-то парень слетал на нем разок в Шексвилл. Все было вроде бы нормально, но на обратном пути пару раз отказывал двигатель, и «Скайхок» поставили на ремонт. После этого произошел первый случай. Местный пилот, Дерек Харпер был найден мертвым внутри его кабины. Самолет готовился к вылету, и вот-вот должен был отправиться в Дитти-Холл. Его нашли сидящим в кабине, с руками на штурвале. Он умер от мозгового кровоизлияния. После этого «Скайхок» не летал еще два года. Около пяти месяцев назад он должен был быть передан в управление летной школы Айброкс-Сити, в четырехстах милях северней. Пилот, который должен был его перегонять, залез в кабину, не выходил на связь, а позже был найден внутри мертвым. Самолет стоял на взлетно-посадочной полосе, на том самом месте, где вы сейчас его видите. Парень застрелился, его мозги покрывали почти все стекло боковой дверцы. Он просто залез в кабину, посидел там немного и пальнул себе в висок. Хотя отклонений у него не наблюдалось, и человек регулярно проходил комиссию пилота.

Шерли вновь приподняла брови и совсем по-другому по-

смотрела на самолет, на котором ей предстояло лететь.

– Так что, как видите, у этой машины дурная репутация. Она любит мертвецов, – хмыкнул Такер. – Как я говорил в начале моего рассказа, есть сведения, что эти два трупа не единственные. Этот несчастный самолет пинают из штата в штат, потому что с ним происходит какая-то дрянь. И Вам, мисс Ортиз, придется тоже оставить свой след в его истории. Надеюсь, Вы долетите туда, куда предписано.

«Скайхок» был уже совсем близко. Его состояние было на удивление отличным. Борта буквально мерцали от свежей белой краски. Крылья, казалось, окутаны пламенем – таким ярким был их цвет. Хвостовое оперение было окрашено в красный и синий, а на вертикальном стабилизаторе желтели буквы «А.М.» – «Авиапарк Маунтевилля».

– Самолет выглядит великолепно, – тихо проговорила Шерли. – Как новенький.

– Да, верно. Он всегда таким был, – Такер напряженно поглядел на нее. – Мисс Ортиз, сделайте одолжение – доставьте эту машину в...

– Бриттхолл, – подсказала девушка.

– Да, в Бриттхолл. И возвращайтесь домой. Будьте очень осторожны, прошу Вас. Мы будем поддерживать связь с Вашим диспетчером. Удачи, Шерли.

Он улыбнулся и зашагал назад, в сторону оставленной у аэродрома машины. А Шерли обернулась и вновь поглядела на «Скайхок». Он выглядел просто потрясающе. Совершен-

но новый самолет, красивый, завораживающий. Орtiz поправила рюкзак на плече и осторожно приблизилась к нему.

Черные лопасти винта, слегка поблескивающие на тусклом утреннем солнце. Отливающее синевой стекло кабины – с защитным слоем от ярких лучей и бликов. Сверкающие хромом ручки на дверцах. Шерли приложила руку к белоснежному борту и ощутила холодный дюралюминий, обжигающий льдом, как арктическая снежная глыба.

– Ты мне нравишься, – прошептала она. – У нас с тобой все получится, верно?

Шерли открыла дверцу и отметила про себя, что звук петель на удивление тихий – никакого скрипа или скрежета. Все идеально смазано, будто самолет только-только прибыл из сборочного цеха. Внутри все тоже было шикарно. Добротные кожаные сиденья. Чистая приборная доска. Отсвечивающий черным матовый штурвал. Орtiz забралась в кабину и вытащила из рюкзака ключи от двигателя, выданные ей ранее Такером. На них был странный брелок в виде глазного яблока, вырезанный, очевидно, из кости. Сердце забило быстрее, когда ей вспомнилось, что на месте, где она сидит, умерло несколько человек. Последний застрелился. Шерли внимательно оглядела салон, но не нашла даже крохотного кровавого пятнышка. Все было идеально чисто.

– Наверное, здесь все хорошенько отдраили, – сказала она сама себе, чтобы прервать гнетущую тишину. – Ну что ж, приступим.

Она включила приборную панель, завела хищно зарокотавший двигатель и одела наушники с микрофоном. С показаниями все было в порядке – масло, топливо, давление в пневматической системе. Чем больше она задумывалась о том, что рассказал ей Такер, тем сильнее в ее душу закрадывалось беспокойство, перерастающее в стойкое ощущение страха. Но она старалась прогнать жуткие мысли и попыталась полностью сосредоточиться на подготовке к полету.

– Диспетчер, это «Скайхок» пять-два-ноль. Разрешите занять взлетную полосу, – сказала Шерли в микрофон и осторожно прикоснулась к штурвалу. Двигатель работал ровно и без перебоев, корпус самолета мерно вибрировал, передавая мощь мотора через все ее тело. В наушниках по-прежнему было тихо, и девушка несколько раз щелкнула тумблером радиосвязи.

– Диспетчер, это «Скайхок». Алло, кто-нибудь на связи?

В этот момент самолет сам покатил вперед, к взлетной полосе, и Шерли в ужасе отдернула руки от штурвала.

– Эй! Меня кто-нибудь слышит? Диспетчер!

Самолет все так же мерно катился по покрытию полосы, затем осторожно завернул, словно кто-то управлял им с пульта дистанционного управления.

– Что за чушь? – Шерли вцепилась в штурвал и попыталась его повернуть, но он был неподвижен и, казалось, намертво приварен к стойке. То же самое касалось всех остальных приборов – педалей, ручек, переключателей – все отка-

зывалось работать. Она тщетно попыталась сбросить обороты двигателя, отключить питание аккумулятора – бесполезно. Тормозить тоже не вышло.

– Да что это такое? – взвизгнула Ортиз и дернула за ручку дверцы. Наглухо заперто.

А «Скайхок» между тем вырулил на взлетную полосу и начал разгоняться. Шерли завизжала что есть мочи, но ее крик перекрыл громкий рев набирающего обороты двигателя. Самолет оторвался от полосы и взлетел, все выше задирая нос. Ортиз в ужасе глядела наружу сквозь синеватые стекла кабины. Аэродром Маунтевилля уплывал от нее, уменьшившись сначала до размера кухонной разделочной доски, а затем и вовсе почти до сигаретной пачки. Мозг отказывался верить в происходящее – самолет сам взлетел, сам унес ее в небо, и теперь неизвестно, куда он направляется. Она ничего не может с этим поделать, она замурована, заточена здесь. Чертов «Скайхок» одушевлен, он живет своей жизнью и пожирает людей, теперь она в этом уверена.

– ПОМОГИТЕ!!! – изо всех сил заорала Шерли в микрофон, но ответом все так же была тишина. Двигатель мерно гудел, самолет поднимался все выше, к плотным облакам, окутавшим бледно-голубое небо. Ортиз металась из стороны в сторону, колотила по панели, но с тем же успехом можно было бы биться головой о стену в надежде проломить ее. Надо было сказать Такеру, что она слишком впечатлительная и отказаться от полета. Не надо было вообще приближаться к

этому самолету, зная, что в нем погибали люди.

И тут неожиданно она очутилась снаружи. Потоки холодного воздуха били ей в лицо, волосы трепал стремительный ветер, свистящий в ушах, а сама она свободно болталась в воздухе, кубарем падая вниз. С трудом ей удалось развернуться и поймать взглядом удаляющийся самолет – на его брюхе виднелась чернеющая дыра. У него провалилось днище, свербила мозг ужасная мысль. У него провалилось днище, и теперь ты падаешь вниз, пристегнутая к пилотскому креслу. С огромной скоростью мчишься к земле и меньше, чем через минуту превратишься в груды переломанных костей. Шерли в ужасе глядела на медленно приближающуюся землю и пыталась осознать, что сейчас она умрет. Это больно? Она успеет почувствовать боль? Конечно, успеет. У тебя сломаются почти все кости, но ты, возможно, умрешь не сразу. Возможно, будешь лежать несколько минут и страдать, глядя на торчащие наружу обломки собственных конечностей...

– Нет, я не хочу... Не хочу... – прошептала она, видя как растет в размерах земля. Она все ближе, все ближе... Еще несколько секунд... Шерли завизжала и зажмурила глаза.

Такер задумчиво курил, разглядывая оранжевые крылья «Скайхока». Самолет окружала желтая лента с надписью «Не подходить!», а рядом туда-сюда расхаживал следователь округа Мэнни Голдуин.

– И как вы ее нашли? – спросил помощник шерифа, выпуская изо рта табачное облако.

– Мы нашли ее в кабине. Она сидела за штурвалом, в наушниках, ключ от двигателя был вставлен в замок. Видимо, приготовилась к взлету. Диспетчер пытался связаться с ней несколько раз, но ответа так и не получил. Он видел, как вы шли к самолету, как ты вернулся назад, а она залезла в кабину. И на этом все. Никаких позывных. Через несколько минут он связался с охраной. И они обнаружили ее внутри, с открытым ртом и выпученными глазами. Уже холодную, – сказал Голдуин, остановившись рядом и устало глядя на Такера.

– То есть выходит, что она умерла через несколько минут после нашего с ней разговора?

– Да. Вскрытие показало, что у нее случился разрыв сердца. Как от сильного испуга. Может, девочка переволновалась. Не знаю, зачем ты рассказывал ей эти страсти про покойников. Хотя... Она такая молодая, ей было всего двадцать пять, – Голдуин нахмурился и покачал головой. – Уму непостижимо...

– Чертов самолет надо порезать на металл, – сказал Такер, сделав последнюю затяжку. – Не знаю как ты, Мэнни, а я начинаю верить во всякую дребедень вроде той, что у каждой машины есть душа. У этой, – он ткнул пальцем в «Скайхок». – Не просто душа. А воронка. Надо избавиться от него. Я больше не подойду к этому самолету и на сотню ярдов.

Такер развернулся и пошел прочь. Голдуин проводил его взглядом, затем посмотрел «Скайхок». «Теперь я, возможно, буду ненавидеть оранжевый цвет до конца жизни,» – подумал он, глядя на яркие крылья.

Семь минут

Дождь накрапывал все сильнее, превращаясь в подобие мерзкого холодного душа. Тед Эванс в очередной раз глянул на часы и решил, что через пять минут стоит возвращаться домой. На такой погоде долго не простишь – пробираться начинает по полной. Не хватало еще подхватить простуду в самом начале осени. Тогда медным тазом накроется не меньше недели, а это – совершенно недопустимый сценарий. До начала холодов остается всего ничего, поэтому каждый теплый день на счету. Даже вот такой, с мерзким промозглым дождиком.

Тед глубоко вздохнул и еще раз всмотрелся в циферблат. Девятнадцать-двенадцать. Так, в пятнадцать минут точно нужно отсюда уходить. Это уже ни в какие ворота не лезет. Он достал из кармана сигарету и попытался прикурить, пряча лицо за поднятым воротником куртки. Почему девушки так любят опаздывать? Причем настолько чудовищно, что порой начинаешь сомневаться в наличии совести у женской половины населения. Самое смешное – слушать придуманные отговорки. Я не успела на автобус. У меня сломался каблук. Забыла деньги и пришлось вернуться. Ну или совсем уж наглые – я красилась. Я забыла. Я решила тебя позлить. Да, такое он тоже слышал. Интересно, насколько у него хватит терпения? Месяц? Два? Чутье подсказало Эвансу, что следу-

ющее опоздание будет последним, и он снова станет свободным парнем без камня на шее под названием «отношения».

– БУ! – кто-то напрыгнул на Теда сзади, и от испуга он выронил из пальцев сигарету. Сердце скакнуло куда-то в район подбородка, словно его подбросили хорошим пинком.

– Да ты чуть в штаны не наделал! – это была она – Мари Бенсон, та, из-за кого он мокнет здесь под дождем уже почти четверть часа.

– Блин, ты совсем сдурела, – Тед почувствовал, что злится, но любое стороннее переживание исчезало и сменялось благоговением при взгляде на лицо Мари. Она была наполовину азиаткой – восточные черты делали ее чрезвычайно хорошенькой. Чуть раскосые, зеленовато-карие глаза, очень аккуратное овальное личико, слегка припухлые манящие губы, темные волосы, стриженные под соблазнительное «каре на ножке» – от этой девушки было попросту невозможно оторвать взгляд.

– У тебя такое смешное лицо, когда ты испуган. Похож на ягненка, – девушка захихикала и полезла обниматься. – Ну ладно, не злись. Я соскучилась.

– Ага. И поэтому опоздала почти на пятнадцать минут, – Тед надул губы, но внутри уже совсем оттаял. Еще бы – когда к тебе лезет с объятиями такая красотка, о любых обидах забывается моментально. – Что на этот раз?

– Все банально. Из-за дождя возник затор. Там, кажется, небольшая авария на шоссе. Ну не хмурься, – она чмокнула

его в щеку.

– Ладно, будем считать, что я поверил, – Эванс легонько коснулся кончика ее носа. – Врушка.

– Я не врушка, – Мари оттолкнула его и полезла в сумочку за зонтом. – Черт, у меня сейчас на голове будет бардак. И плащ совсем промок.

Плащ на ней был просто шикарный – кофейного цвета, подчеркивающий талию и главное – коротенький, при движении словно невзначай приоткрывавший бедра. «Повезло же тебе старик,» – подумал Тед. – «Об нее ведь и глаза сломать можно, честное слово.»

– Симпатично у тебя, – Мари оглядывала книжные полки, пока Тед возился с компьютером. – Ты раньше был ботаником?

– С чего это ты взяла?

– Много заумных книжек. Парапсихология... Лингвистика... Обалдеть, – она ухмыльнулась. – Может, ты и сейчас ботан?

– Ага. Я вообще-то в книжном раньше работал, если ты забыла.

– Ох, точно. Прости, – Мари фыркнула.

Да, они ведь встречаются меньше месяца. Она и дома-то у него впервые – до этого они только гуляли по выходным или ходили в кино. Но сегодня прогулка накрылась из-за дождя. Эванс решил рискнуть и не прогадал – Мари согласи-

лась пойти к нему, а значит, шансы на хороший вечер повышаются на несколько пунктов.

– Что-то ты долго копаешься, – девушка подошла к нему сзади и хлопнула по заднице. – Увалень.

– Я не увалень, – Тед удовлетворенно заулыбался. Шлепки по заднице – это очень хорошо. Все движется в правильном направлении. Главное не торопить коней. – У меня на жестком диске есть только старое кинцо. Любишь что-нибудь из старенького?

– Не особо. А что именно у тебя там?

– Да всякий треш из эпохи VHS. Хотя, погоди... О, есть «Мгла». По Стивену Кингу. Смотрела?

Мари покачала головой.

– Нет. Я не фанатка Кинга.

– Блин, что, правда не видела «Мглу»? Это же шедевр, а не фильм! Очень крутое кино.

– Ну тогда включай свою «Мглу», – Мари по-хозяйски плюхнулась на диван и вытянула перед собой ноги. На ней было коротенькое красное платье с тонкими ляпочками, постоянно падающими с плеч. Она ведь нарочно так оделась, верно? Да, должно быть, так и есть. Хотя разве она знала, что он пригласит ее к себе? Эванс пожалел о том, что не начал встречаться с ней раньше. Посмотреть бы, как эта цыпа ходит летом, когда нет плаща.

– Ладно, я за попкорном. Подождешь минутку?

– Вперед, – она шутливо махнула рукой и заулыбалась.

Тогда хватило минут на двадцать. Сидеть рядом с такой девицей и не чувствовать жжение в штанах – надо быть просто чемпионом по самоконтролю. Сначала он ненавязчиво приобнял ее за плечо. Она приткнулась к нему и уперлась головой в его шею. Эванс легонько провел пальцами по ее плечу – ляжки на месте не было, она в очередной раз соскользнула, а Мари так и не вернула ее на место. Наверное, специально.

Во время сцены с туманом, обволакивающим полный народ универмага, Тед осторожно пустил в ход другую руку, и она плавно переползла на бедро Мари. Главное не переборщить. Эванс чувствовал, как лупит кровь в висках и дрожат пальцы, пока он аккуратно проводил ими по округлости ее стройной ноги. Девушка делала вид, что ничего не происходит, а он все смелел, ерзая ладонью сначала над коленом, а затем у внутренней поверхности бедра.

– Ну что за говнюк, – она не выдержала и повернулась. – Ручонки отрасли? – и тут же поцеловала его, настолько страстно, что Теду стало понятно – цель достигнута. Надо грамотно подсесть рыбку, и дело в шляпе.

В ход пошла тяжелая артиллерия – он дал волю рукам и принялся лапать ее настолько свободно, будто для него это была давно облюбованная территория. Мари и не думала сопротивляться. Более того, девица расслабилась и всецело отдала себя на растерзание, прилипнув к его губам. Тед чув-

чувствовал такое блаженство, что, казалось, вот-вот умрет от удовольствия. Не каждый день тебе удастся потрогать такую девочку. А тут еще и все бонусы – она явно не собирается тормозить, и запал, судя по всему, у нее ого-го.

Мари слегка отстранилась назад и расстегнула молнию платья на спине. Одно движение – и она осталась перед ним в нижнем белье. Эвансу показалось, что его вот-вот хватит инфаркт. Он попросту не верил. Раньше о таком можно было только фантазировать, а теперь фантазии стали реальностью. Мари набросилась на него как кошка. Похоже, она сама была заведена похлеще него.

Тед уже ничего не соображал. Лишь торопливо сдирал с нее белье и сопел, точно загнанный секач. Его буквально трясло и раздирало, словно в лихорадке. Его подруга лишь удовлетворенно улыбалась и сверкала темными глазами. Промелькнула мысль, о том, что эта штучка не так проста, как кажется. Слишком уж вольготно она себя чувствует и раскованно держится. Ну и пусть. Неужели ты думал, что такие, как она, являются скромняшками, берегущими себя для одного-единственного? Плевать, сегодня день большого куша, и об остальном думать попросту не хочется.

– Эй, погоди секунду, – она соскочила с него и зашуршала в сумочке. – Я кое-что хочу сделать.

– Ч-что? Что не так? – Тед чувствовал себя как астматик, у которого отобрали кислородный баллон. Он настолько увлекся, что не мог переключиться на что-либо другое.

– Все хорошо. Просто решила сделать кое-что необычное. Это наш первый раз, так? – она игриво поглядела на него. В отсветах поблескивающего монитора ее тело казалось просто неземным. – Поэтому хочу, чтобы он нам запомнился. Смотри...

Она показала ему какую-то маленькую коробочку, похожую на пачку сигарет.

– Что это?

– Свечи. Маленькие. Такие раньше использовали во Франции, в публичных домах. Такая свеча горит семь минут, и это означало длину сеанса. Посмотрим, насколько растянется наш сеанс, а?

Она вновь улыбнулась, и Тед почувствовал, что вот-вот растечется по дивану, как растаявший шоколад. Ну и девица... Просто с ума сойти. Если бы ему раньше кто-то сказал, что у него будет нечто подобное – он бы ни за что не поверил.

– З-зачем... Это как-то... Пошло, – проблеял он, сам не понимая, что говорит.

– А мне так нравится, – Мари подмигнула ему и в два прыжка очутилась рядом с ним. – Хочу, чтобы было пошло.

Тед обхватил девушку руками и приник к ее губам. Он ощущал себя гранатой, из которой выдернули чеку и которая должна рвануть с минуты на минуту.

Эванс вывалился из автобуса и тяжело побрел в сторону дома родителей. Отец позвонил и попросил помочь с его ста-

рым универсалом, который снова не желал заводиться. Все бы ничего, но Тед чувствовал себя попросту изможденным. После сегодняшнего приключения возникало чувство, будто он пробежал десятикилометровый марафон. Болели бедра, ноги, спина и все, что ниже живота. Эванса не покидало предчувствие, что после еще одной такой встряски он сможет передвигаться исключительно ползком.

Тучи рассеялись, и закат во всю сиял розовато-малиновым заревом. На улице было свежо и легко, будто кто-то очистил весь воздух в округе и дополнительно насытил атмосферу кислородом. Тед шлепал по лужам, и на его душе было настолько легко, что он, казалось, сейчас улетит в облака, точно наполненный гелием шарик. В голове было пусто. Присутствовало только одно чувство – всепоглощающее удовлетворение. Было бы неплохо сейчас опрокинуть стаканчик виски, но вместо этого придется ковыряться в гараже до полуночи.

Дома был только отец. Он смотрел телевизор с безучастным видом, и, судя по звукам, в этот раз Эванс-старший созрел до просмотра канала ужасов.

– Привет, пап, – Тед сбросил кеды и вошел в гостиную. Отец обернулся и кивнул.

– Решил вот телевизор посмотреть. Столько каналов, а крутят сущую ерунду. Думал, найду что-то стоящее, – Эванс-старший потер щетину на подбородке. – Фух, Тедди, ты не желаешь пропустить стаканчик?

– С радостью. Голова что-то болит сегодня весь день. Наверное, из-за погоды, – соврал Тед. Ведь болели у него совершенно другие места. Но складывалось все пока просто прекрасно – вот и появилась возможность опрокинуть стаканчик-другой, как он и хотел.

Отец направился к бару, устало опираясь на длинный диван, протянувшийся почти через всю гостиную.

– Да, у меня тоже голова кругом с утра. Тяжелый денек выдался.

– Что-то случилось?

Отец Теда работал в местном полицейском управлении и постоянно рассказывал такие вещи, от которых волосы становились дыбом. Убийства, грабежи, изнасилования... Нелегкая работа. Например, не так давно его приятель, офицер Мейсон, своими глазами видел, как на шоссе разбилась молодая девушка. Гнала как ненормальная и превратила свой автомобиль в лепешку. Видимо, сегодня тоже случилось нечто из ряда вон, раз отец решил выпить. Обычно он переносит все стоически.

– В округе объявился какой-то новый псих. Ищем уже второй месяц. Он то притихнет, то снова дает жару.

– Псих?

– Ага. Каких только сумасшедших сейчас нет, – Эванс-старший извлек из бара бутылку виски «Четыре всадника» и пару стаканов. – Иногда прямо диву даешься. Всегда кажется, что человек уже достиг предела насилия. Но это

не так. Наверное, людской природе вообще не свойственно иметь какие-то тормоза.

Он плеснул виски в каждый из стаканов и протянул один Теду.

– В общем, в пригороде Риверсайда завелся маньяк. И убивает изобретательно – почерк определить трудно. Не стесняется ничем. Порой использует самые обычные предметы, например, подушку. А самое главное – нет предпочтений. И женщины, и мужчины. А следов найти не удастся. Прямо как в кино. Хотя сейчас смотрел ужастики, – отец кивнул на телевизор. – И не понял, чего там бояться. Другое дело, когда выезжаешь на труп – вот там точно фильм ужасов. Ведь бывает, что и конечности отрезаны, и тело изуродовано. Жуть берет...

Тед отхлебнул виски и с удовлетворением почувствовал, как спиртное согревает желудок.

– Не понятно еще и то, какого пола этот убийца. Хотя криминалисты говорят, вроде женщина. Кое-что как будто бы на это указывает. Не помню, правда, что именно, я сегодня так замотался, что уже про все забыл. Сегодня нашли еще одну жертву. На этот раз возле Маунтевилля. Недалеко, кстати от шоссе, где твоя квартира.

– Да ну?

Эванс-старший покачал головой.

– Единственное, что оставляет после себя этот сумасшедший, или сумасшедшая – свеча.

–Что?

Тед поперхнулся выпивкой. Перед его глазами все потемнело, а ноги превратились в свинцовые болванки.

– Маленькая такая. Величиной с палец. Такие, кстати, раньше использовали проститутки, чтобы замерять время. И вот на каждом месте преступления – такая свечка. С помощью нее и вычисляем, что это его работа. А так посмотришь – и не поймешь, что орудует один и тот же человек.

Тед почувствовал, что ему становится плохо.

– Я щ-щас, – он встал с кресла и наощупь дополз до туалета, с трудом сдерживая приступ рвоты.

Агент Фрост

Брайан заглянул в комнату дочери и несколько секунд наблюдал за тем, как она лениво листает комиксы, словно не видя того, что изображено на страницах. Он нащупал во внутреннем кармане бутылку скотча и виновато спросил:

– Джуди... Я вернулся. Мама дома?

Девочка слегка повернула голову и слабо улыбнулась. Она была хорошенькой – веснушчатой, с большими зеленоватыми глазами, а ее забавный каштановый хвостик на затылке всегда умилял Брайана.

– Да. Кажется, она на кухне.

Брайан вздохнул и снова пощупал бутылку.

– Как себя чувствуешь? Кушала сегодня что-нибудь?

Она кивнула.

– Все хорошо, пап.

Брайан знал, что она лгала. Но не потому, что хотела его обхитрить, а лишь для того, чтобы не расстраивать. Джуди была сильной девочкой, и он бесконечно удивлялся, насколько же крепкая психика у его дочери. То, что она увидела пару недель назад, способно покалечить рассудок любому взрослому, а восьмилетняя девочка, кажется, справляется со всем без посторонней помощи. Он ни разу не видел ее плачущей или капризничающей в последние дни. Она стала лишь чуть более молчаливой и замкнутой, но в остальном

ее поведение осталось прежним – она так же ходила в школу, смотрела мультфильмы и играла с подружками. Да, что-то внутри нее надломилось, и Брайан чувствовал это. Больше всего он уважал дочь за ее нестигаемость – он прекрасно понимал, как ей плохо и какое потрясение она испытала, но при этом девочка изо всех сил старалась не расстраивать родителей и поддерживать устоявшийся порядок вещей, являющийся спасительным мостиком из этого кошмара, внезапно обрушившегося на их семью.

Две недели назад ее старшего брата, Тима, сбил здоровенный «Кадиллак». Это случилось буквально возле дома, у подъездной дорожки, когда они с Джуди шли в магазин за комиксами. Все произошло на глазах у девочки – в одно мгновение Тим, идущий рядом, у края тротуара, просто исчез. Через секунду она услышала ужасный чавкающий звук, мерзкий хруст, и, обернувшись, увидела, как из-под колес громадной машины вылетело что-то бесформенное. То, что несколько мгновений назад было ее братом. Громадный автомобиль перемолол его тело и превратил в тряпичную куклу, грузно шлепнувшуюся на асфальт. Когда Брайан выскочил на улицу, ему показалось, что вся дорога залита кровью – ее было столько, словно с неба пролился алый дождь. От лица его двенадцатилетнего сына не осталось ничего, какая-то каша, и все это видела Джуди, она неотрывно смотрела на весь этот чудовищный спектакль от начала и до самого конца. Слышала животные крики родителей, видела, как они не

могут подойти к Тиму, как мать вырвало при виде трупа и как она упала в обморок.

Брайан вновь прокрутил все это в голове и почувствовал, что перед глазами снова начинается темнеть.

– Ладно, я пойду к себе. Если хочешь, чуть попозже поиграем с «Лего».

Джуди кивнула, все так же безучастно разглядывая страницы. Он направился на кухню, и никого там не обнаружив, решил проверить гостиную. Его жена, Мерил, лежала на диване и крепко спала. Ее лицо было все так же заплакано, и, казалось, что-то неуловимо изменило ее черты. В свои тридцать пять она уже угасла, потеряв девичью утонченность и грацию. И то и другое исчезло две недели назад, когда тот «Кадиллак» проехал мимо их дома. Наверное, Мерил наглоталась снотворного, чтобы просто отключиться и несколько часов ничего не чувствовать. В последнее время она постоянно так делала, и Брайан уже всерьез переживал за ее здоровье.

Сам же он утешался бутылками «J&V». Брайан стал пить так много, что зачастую ничего не помнил. Каждый вечер проходил одинаково – бутылка, слезы, беспомыслие. Он приходил в комнату сына, разглядывал его вещи, играл на его ноутбуке в «Секретного агента Фроста». Это была любимая игра Тима, последний раз он запускал ее как раз перед тем, как отправиться в ту злополучную прогулку за комиксами. Брайан понимал, что нужно жить дальше и что дочь не

должна становиться жертвой родительской слабости, но горе прибавало его к земле, как гигантский булыжник.

Мерил все так же спала внизу – она была в отключке, как минимум, до утра. Джуди... Брайан надеялся, что Джуди спит. Едва контролируя себя, он спускался по лестнице, держась обеими руками за перила. Ступеньки словно выпрыгивали из-под ног и постоянно ныряли из стороны в сторону, отчего Брайану казалось, что он спускается по движущемуся эскалатору.

Он снова шел в комнату сына, сам не понимая зачем. Это было что-то вроде ритуала, который он постоянно проделывал, не задумываясь о смысле исполняемых действий. Наверное, от этого ему было немного легче. Брайан ввалился в комнату, окинул ее мутными глазами и сел на кровать, задумчиво разглядывая постеры на стенах. Здесь была «Лара Крофт», космодесантник из «Doom», какой-то странный парень в очках и с монтировкой, имени которого Брайан не знал. Это место умерло вместе с Тимом – это чувствовалось буквально кожей, и все, что находилось сейчас в комнате, вся мебель и вещи были уже чем-то чужим. Он посмотрел на ноутбук – недавно купленный, с черной матовой крышкой, и первой его мыслью было: «Нужно выставить его на «eBay». Но затем он по привычке подошел к столу и раскрыл его, понимая, что еще долго не сможет уснуть.

Джуди проснулась мокрой от пота, чувствуя, как внутри все дрожит. Она хотела закричать, но стиснула зубы и лишь тихонько застонала. Ей что-то снилось, что-то ужасное, ускользающее из разума со змеиным проворством. Там был Тим. Это все, что она могла вспомнить.

Ее часто мучили кошмары после того рокового дня. То, что она видела, надломило ее разум, как стекло, однако Джуди была еще слишком маленькой, чтобы это осознать. Она лишь отдаленно понимала, что с ней что-то не так, но не могла точно сказать, какие именно изменения случились в ее голове.

Наверное, она стала больше бояться окружающего мира. В частности, автомобилей. Теперь с ней на всю жизнь было это клеймо, и она с трудом верила, что сможет подойти к какой-нибудь машине ближе, чем на пятьдесят метров. Джуди хорошо помнила тот ужасный автомобиль с темно-лиловыми боками, огромными колесами и хромированным задним бампером.

Но самым худшим воспоминанием был Тим. Его изуверческое тело, лежащее на асфальте. Самым страшным было даже не то, что его туловище и конечности вдруг стали пугающе гибкими, словно бы резиновыми, и неестественно вывернулись под какими-то невообразимыми углами. Самым кошмарным было его лицо, точнее, его отсутствие. Она никогда не думала, что у человека может исчезнуть лицо и вообще с трудом понимала, что это такое – изуродован-

ный труп. Джуди помнила отвратительно блестящую красную массу на том месте, где у Тима раньше были глаза, нос и рот. Все остальное было привычным – волосы, уши, знакомый подбородок. Но вот лицо... Будто бы кто-то взбил его миксером, превратив в вишневое желе.

Тим снился ей почти каждый день. Чаще всего это были какие-то отрывочные видения, и она ничего не могла воспроизвести после пробуждения, но помнила только одно – старший брат был там, в этом кошмаре. Джуди боялась заходить в его комнату, сама не зная почему. У этого страха не было какой-то конкретики, просто она знала, что этого не стоит делать, что там – плохо. Перед ее глазами все еще стоял закрытый гроб, в котором хоронили Тима, и она в тот момент думала, что там внутри, под крышкой, на шелковой подушечке лежит эта ужасная безликая голова с кровавой кашей вместо лица...

Джуди всхлипнула и услышала собственные рыдания, словно доносящиеся откуда-то со стороны. Она медленно приподнялась и вгляделась во мрак, пытаясь успокоиться. Сегодня перед сном она слышала, как отец спускался в комнату Тима и играл на его компьютере. Играл в ту отвратительную игру про парня в черном костюме, которую так любил ее брат. Джуди несколько раз видела происходящее на экране и еще до смерти Тима испытывала к ней отвращение. Теперь же она вообще не могла смотреть на кровь и убийства, ее внутренности скручивал какой-то чудовищный

неконтролируемый спазм. И еще этот мерзкий чвкающий звук... Джуди точно не знала, в какой момент игры он раздавался, но почему-то догадывалась – так звучит пуля, прошивающая чей-то череп. В этой игре надо было убивать людей, и скорее всего, она была права в своем предположении. С таким же звуком «Кадиллак» переехал Тима. Она отчетливо помнила это отвратительное чавканье.

Тут она что-то услышала. Какое-то легкое клацание, словно кто-то постукивал по столу каким-то пластиковым предметом. Джуди села на постели и замерла, пытаясь определить, откуда идет непонятный звук.

Дверь в комнату была открыта, и девочка поняла, что это доносится откуда-то снаружи. Из комнаты Тима. Наверное, отец все еще сидит перед его компьютером. Ей было очень страшно, и она вновь залезла под одеяло, словно оно могло ее как-то защитить. А вдруг это не отец? Вдруг это Тим сидит там за столом и пялится безликой головой в монитор ноутбука?

Джуди потрянула головой, отгоняя ужасное видение. Нет, так нельзя. Такого не бывает. В комнате сидит папа и больше никого. Никаких призраков, никаких чудовищ. Вновь что-то клацнуло, на этот раз громче, и Джуди сообразила, что это хлопает крышка ноутбука. Да, отец действительно был в комнате Тима.

– Па-ап! – позвала она и осторожно спустила босую ногу на пол. – Это ты?

Легкое мужское покашливание и бормотание. Ну конечно, он там. Джуди выбралась из постели и крадучись приблизилась к черному, как бездна, дверному проему. Стоит ли идти туда? Наверное, отца не нужно сейчас трогать. Джуди интуитивно понимала, зачем он спускается в комнату Тима и проводит там по нескольку часов. Он скучает по нему и никак не может привыкнуть к тому, что ее старшего брата больше нет. Она тоже скучала и тоже любила Тима, но...

Но то ужасное окровавленное месиво вместо лица пугало ее настолько сильно, что внутри все леденело, точно от порыва арктического ветра.

– Папа... – прошептала Джуди, словно бы прикидывая, стоит ли еще раз звать отца. Она осторожно прошла вперед, к соседней комнате и заглянула в нее. Внутри было пусто. Абсолютно никого, только едва мерцающий лунный свет, сочащийся через стекло. Девочка почувствовала, как страх когтистыми лапами обхватил ее нутро. Что же это было? Призрак Тима?

Вновь раздался щелчок, и Джуди увидела, как крышка ноутбука сама по себе приподнялась и вновь захлопнулась. Точно что-то толкало ее изнутри. Это опять кошмар, подумала Джуди, глядя, как ноутбук раз за разом пытается открыть сам себя, но ему словно не хватает сил. Она несколько секунд стояла и смотрела на клацающую крышку, не осознавая, сон это или реальность.

И тут из-под крышки что-то показалось. Джуди изо всех

сил всматривалась в полумрак, и в лунном свете ей удалось различить пальцы в кожаной перчатке. Из ноутбука вылезала... рука. Она словно изучала покрытие, на котором оказалась, прощупывая пространство вокруг себя. Джуди эта рука показалась знакомой. Несколько судорожных движений, и из-под полузакрытой крышки ноутбука показался рукав из темной облегающей материи. Ну конечно! Точно так же выглядели руки у героя любимой игры Тима агента Фроста!

Нет, это какой-то бред, она точно спит. Джуди похлопала себя по щекам, и на секунду ей показалось, что рука пропала. Однако, проморгавшись, она поняла, что видение не исчезло и более того, конечность стала длиннее и уже начала цепляться за стоящий рядом стул.

Девочка развернулась и бросилась назад в свою комнату. Сердце колотилось где-то глубоко внутри, словно бы на сотни метров далеко. Агент Фрост решил вылезти из ноутбука Тима и убить ее. Эта мысль показалась ей одновременно абсурдной и в то же время донельзя правдоподобной. Еще больше ее пугало то, что под его маской с приборами ночного видения окажется точно такое же окровавленное месиво вместо лица, как у брата.

Джуди захлопнула за собой дверь, подперла ее стулом и бросилась под одеяло. Она закуталась в него с головой и замерла, в ужасе прислушиваясь к каждому шороху. Даже сквозь стену и закрытую дверь она слышала шуршание руки, которая упорно выбиралась наружу, ощупывая путь цепки-

ми жесткими пальцами.

Джуди проснулась на полу возле двери. Несколько секунд она хлопала глазами, пытаясь понять, где находится, а затем в ужасе подскочила, словно кто-то стегнул ее током. Неужели она начала ходить во сне? И неужели все, что случилось ночью, было сновидением?

Она вспомнила черную руку, медленно выползающую из-под крышки ноутбука. В память ясно врезались тонкие швы на перчатках, облегающих крючковатые пальцы. Ей удалось припомнить и то, как она закрыла за собой дверь и подперла ее стулом, прежде чем броситься в кровать. Сейчас дверь была открыта, а стул стоял на своем обычном месте.

Джуди на цыпочках двинулась к комнате Тима. Дрожа, словно осиновый лист, она пыталась вспомнить еще хоть что-то, что помогло бы определиться – было ли все случившееся реальностью? Девочка осторожно заглянула в дверной проем и обнаружила, что ноутбук исчез со стола.

– Ты уже проснулась? А я хотела тебя будить, – голос матери, внезапно прозвучавший над ухом, заставил ее вздрогнуть.

– Мне приснился сон. Про компьютер Тима, – проговорила Джуди.

Мать едва заметно всхлипнула.

– Я знаю, как тебе тяжело, малышка, – проговорила она. – Нам всем тяжело. Папа забрал его сегодня на работу. Он ре-

шил продать его кое-кому... Нужно постепенно избавляться от вещей, как бы больно это ни было.

Джуди испытала облегчение. Конечно же ей приснилась та рука, как вообще можно было принять это за правду? Она еще раз вспомнила скрюченные черные пальцы и содрогнулась.

– Пойдем, милая, – мать легонько подтолкнула ее в спину. – Тебе пора собираться в школу. Нужно продолжать жить, иначе можно сойти с ума, думая о плохом.

Джуди отправилась в комнату переодеваться. Она чувствовала себя так, будто ее пропустили через блендер. Неужели она ходит во сне? Как она вообще оказалась на полу? Или она настолько вымоталась, что даже не сумела доползти до кровати?

Она вошла в комнату и глянула на свой туалетный столик. На нем была их с братом фотография – они оба улыбались, прижавшись друг к другу. «Бедный Тим, как мне будет тебя не хватать...» – подумала Джуди и почувствовала, как по щекам бегут слезы.

Что-то привлекло ее внимание. Что-то черное, лежавшее на белоснежной постели. Джуди пригляделась и ощутила, как сердце обрывается, точно его отхватили коротким и резким ударом серпа. На простыне лежала черная кожаная перчатка. С тонким швом вдоль пальцев, аккуратная и прочная. Такую мог бы носить, пожалуй, какой-нибудь секретный агент.

Колодец у белого леса

Стив Роузи сидел у подъездной дорожки и задумчиво поглощал виски прямо из горла. Это был вечер пятницы, мрачный октябрьский вечер с необычайно ярким и каким-то кровавым закатом, похожим на разбрызганное вино. Стив чувствовал себя вымотанным и абсолютно пустым – работа совсем доконала его, и теперь он частенько увлекался выпивкой, порой абсолютно чрез меры. Его должность не позволяла пьянствовать – все-таки шерифу округа не подобает постоянно ходить с перегаром. Но нервы Роузи уже не выдерживали.

В прошлом месяце его дочь Лав получила арматурой в живот. Девушка чудом осталась жива – железный штырь прошел совсем рядом с жизненно важными органами. На нее напали какие-то отмороженные ублюдки и попытались ограбить. Конец чудовищной арматурины был заточен и слегка загнут на манер гарпуна – вытащить эту штуку самостоятельно не представлялось возможным. Лав каким-то чудом доползла до дома и вызвала скорую. Стив в тот день был на работе и узнал обо всем лишь спустя пару часов после происшествия, когда случившееся дошло до полицейского участка. Нападение на его дочь стало апофеозом совершеннейшего кошмара, который происходил последние несколько месяцев в Маунтевилле.

Все полицейское управление попросту гудело, как растревоженный улей. Бесконечные хулиганские нападения, изнасилования и целая куча бытовых убийств – такого не было очень давно, еще с восьмидесятых. А вчера ему на стол положили папку с фотографиями, глянув на которые, он покрылся мурашками. На снимках был запечатлен изуродованный труп, выловленный в одном из колодцев возле Белого леса. Тело пострадало просто чудовищно – очевидно, что его сначала покалечили, а потом пытались расчленить. Убийца не оставил никаких следов, и единственное, что можно было о нем сказать – он обладал просто сумасшедшей физической силой. Стив никогда не видел, чтобы живого человека так переломали. Несчастный на фотографиях словно побывал в мясорубке.

– Эй, все пьешь?

Стив выронил бутылку и подпрыгнул от неожиданности.

– Стивен, ты в порядке?

Это был мистер Гривз, его сосед. Он был уже почти стариком и всегда носил потертую ковбойскую шляпу – представить его без этого головного убора было просто невозможно. Они знали друг друга, наверное, лет двадцать, с тех самых пор, как Роузи переехал в Маунтевилль.

– Я чуть зайкой не стал, – Стив улыбнулся и протянул руку. – Как ваши дела?

– Да вот грузовик опять сломался. Я уже устал с ним возиться. На самом деле рухлядь рухлядю, а избавляться все

равно жалко.

– Сколько ему? Лет тридцать есть?

– Около того. Я покупал его в шестьдесят четвертом. Выносливая была машинка, но постепенно превращается в мусор. Нужно съездить на стоянку подержанных автомобилей, может, там себе что-нибудь найду.

– А как насчет нового пикапа? Я слышал, в Японии сейчас делают превосходные внедорожники.

– Да зачем мне эта Япония, сынок? Я ненавижу компьютеры и электронику. Это ведь полное дерьмо. Нет ничего лучше, чем старая добрая механика. Как там твоя Лав?

– Ей легче. Врач сказал, что все могло быть намного хуже. Швы уже сняли. Но она боится выходить из дома.

Стив вздохнул и наклонился за оброненной бутылкой, из которой вылилось почти половина оставшегося содержимого.

– Да, совсем что-то люди вокруг с ума посходили... – мистер Гривз покачал головой. – Давай-ка ты завязывай с выпивкой. Лучше от нее все равно не станет.

– Да что-то навалилось все, – Стив отхлебнул еще. – Хочется немножко расслабиться, а все никак не могу. Даже виски особо не берет. Вроде немного подержит – и все, отпускает. Почти не пьянею, только голова гудеть начинает.

Мистер Гривз ухмыльнулся.

– Ну, значит, и правда пора заканчивать. Знаешь, какую вещь я усвоил? Для выпивки нужно свое время и место. Ина-

че она теряет весь свой шарм.

– Может быть, – Стив невесело улыбнулся. – Тут еще вчера новое дело подкинули.

– Что-то серьезное?

– Да не то слово. Какого-то парня порвали на куски и побросали в большой каменный колодец у Белого леса. Я видел фотографии. Это просто... Просто какой-то ужас...

– Возле колодца? – мистер Гривз удивленно приподнял брови. – Вот это да...

– Бывали в этих местах?

– Я там вырос. Может, знаешь, возле Белого леса было небольшое поселение, Дайлвуд. Тогда еще Маунтевилль был крошечным, а Риверсайд напоминал маленький пригород.

– Надо же, – Роузи пораженно вытянул губы трубочкой.

– Какие-нибудь зацепки остались?

– Нет. Особо никаких. Ни следов, ни отпечатков. Еще предстоит сделать химический анализ, может быть, после этого что-то прояснится, – Стив допил свой виски и поставил бутылку на землю. – Одно могу сказать точно – тот, кто все это сделал, был настоящим монстром. Он переломал несчастному все кости и вырвал несколько суставов. Наверное, какой-нибудь бывший спортсмен. Может, даже военный. В наше время полно психов, и меня это начинает пугать все больше.

– Да уж, это верно, – мистер Гривз поправил шляпу и задумчиво поглядел на Роузи. – Знаешь, мне вспомнилась

одна история... Из детства. Я не особо люблю ее рассказывать. Она очень... – он замолк, подыскивая слово. – Непонятная. Странная. Спустя время, подобные вещи воспринимаешь как наваждение, хотя при этом осознаешь, что все случилось наяву, с тобой.

Гривз достал сигарету и с глубокомысленным видом нагнул шляпу на лоб.

– Это было лет пятьдесят назад. Тогда Белый лес был намного больше, чем сейчас, да и росло там столько видов деревьев, что в пору было заводить для этой местности отдельный ботанический справочник. Мы жили почти вплотную к лесу, и знаешь, это было довольно опасно. Частенько гризли шарили прямо во дворе нашего дома, и моему отцу приходилось постоянно держать ружье наготове. Он был заядлым охотником и часто брал меня с собой в лес, поэтому я не боялся местного зверья и сам кое-чему научился. Поселение у нас было маленькое, и мы с соседскими мальчишками шарили везде, где только можно. За нами никто особо не присматривал, да и время было такое, что за детьми не требовалась повышенная опека, как сейчас. Нам не нужно было искать развлечения, они сами находили нас, стоило только выбежать за порог дома.

Все свое детство я провел с друзьями – нас было всего четверо, остальные мальчишки и девчонки из нашего поселения были либо старше на несколько лет, либо находились в грудном возрасте. Это была самая настоящая банда, пусть

и маленькая. Мы слыли сущими оторвами – я, Харви – сын пекаря, Нолан (его отец был лесорубом) и Ринго, мексиканец, очень горячий и неумный парень, наш вожак. Чего мы только не вытворяли, а сколько раз наши отцы надирали нам зад – перечислить невозможно. Все шло хорошо до одного сентябрьского денька. Это было великолепное утро – ясное и чистое, словно кристалл. Мы собрались чуть свет, и к восходу солнца уже ошивались возле леса. Природа была безумно красива – я до сих пор жалею, что не умею рисовать. Пейзажи, которые открывались нашим глазам, выглядели просто восхитительно. Эти множественные красно-оранжевые кроны, похожие на пожар или на целые россыпи переливающихся рубинов... – мистер Гривз ненадолго умолк и выпустил дым через потресканные губы. – Огромные стволы деревьев, величественные, будто колонны... А ты – всего лишь маленький мальчишка, и все кажется тебе таким новым, прекрасным, ярким. И мы ничего не боялись, как я уже говорил. Ни зверей, ни всякой шантрапы, которая тогда шастала везде, где только можно.

В то утро мы все решали, куда пойти, и Ринго предложил добраться до колодца. Он уже тогда там был, этот самый колодец. До него было минут десять пути, если срезать через лесную просеку. Не знаю, зачем мы туда пошли – придумать себе занятие у нас так и не вышло, а перечить Ринго никто не хотел. Он напоминал вихрь – дикий, взрывной, с ним всегда ощущаешь себя верхом на пороховой бочке. Связывать-

ся с ним всегда было себе дороже – можно получить в глаз от порывистого мексикашки. Но мы все его уважали, хоть частенько и не разделяли всей этой резкости и экспрессии.

Возле колодца было холодно, как в могиле. Он сам напоминал здоровенное каменное надгробие – высокий и серый, точно скала. Мы подошли и заглянули в него – черный зев, бесконечный, точно бездонная пропасть.

Харви спросил:

– Как думаете, у него есть дно?

– Конечно, есть, – уверенно ответил я. – Там внизу вода. Просто внутри темно, и поэтому ее не видно.

– А вдруг дна нет? Вдруг земля провалилась, и вся вода ушла еще глубже, на сотни и сотни миль? – фантазер-Нолан всегда пытался выдумать какие-то совершенно несусветные теории, но его никогда никто не слушал.

– Давайте проверим, – Ринго взял небольшой камень и подошел к самому краю. – Слушайте, когда будет плеск.

Он разжал пальцы, и кусок булыжника полетел вниз, в черноту. Он исчез в одно мгновение, будто колодец проглотил его, подобно громадной пасти. Мы стояли и ждали, когда же он упадет в воду, а он все не падал и не падал, из темноты не доносилось ни звука. Мы простояли так несколько минут, и Ринго удивленно покачал головой:

– Похоже, там внизу и правда ничего нет.

– Не может такого быть, – уперся Харви. – Люди же берут из него воду.

– Можно проверить только одним способом, – Ринго вытащил из кармана моток веревки. – Я спущу вниз какую-нибудь ветку, и мы посмотрим, намокнет ли она.

Мы нашли толстый сук и примотали к нему конец веревки, после чего Ринго принялся осторожно спускать свое импровизированное устройство для замера в колодец. В веревке было не меньше десяти ярдов, и этого должно было хватить, чтобы нащупать дно или водную гладь. Беда состояла в том, что у колодца тогда не было рукоятки, по которой спускалось ведро, в противном случае мы бы не мучились с этой веревкой.

И тут Ринго с недовольством задергал свое длинное удило, отступая от края, чтобы случайно не улететь вниз.

– Кажется, я за что-то зацепился. Веревка застряла, – он дергал ее на себя, но тщетно. Возникло ощущение, что кто-то внизу схватил ее и держит, не отпуская. Он рванул ее на себя еще пару раз, и тут его глаза округлились от ужаса. Надо сказать, что этого мексиканского мальчишку было трудно чем-либо напугать, и если уж он действительно чего-то боялся, то это было и вправду нечто из ряда вон.

– Что-то тянет веревку, – прошептал он.

– Что? – Харви подался к нему, и Ринго заорал во всю глотку:

– ЧТО-ТО ТЯНЕТ МОЮ ВЕРЕВКУ!

А потом удилище дернулось с такой силой, что он не устоял на ногах и улетел вниз, в эту ужасную шахту. Что-то рва-

нуло за веревку и стащило его. Он заорал откуда-то снизу, а потом сразу умолк. Прямо в один миг, будто его придушили.

Мистер Гривз посмотрел на Стивена как-то по-особенному. Роузи стало не по себе от этого взгляда.

– У меня до сих пор мурашки от этой картины. Мы стояли и тупо смотрели вниз, в темноту. Потом начали звать его, орать что есть мочи, в надежде, что он отзовется. Но Ринго мы больше не слышали. Никогда. Полицейским мы сказали, что он сам туда упал. Подумали, что нам никто не поверит. Кто же мог сидеть в колодце и дергать за веревку, утаскивая детей вниз? Тем не менее, его так и не нашли. Ни следа. Просто ничего.

Гривз достал вторую сигарету и прикурил.

– Вот поэтому мне и стало не по себе от твоей новости, Стивен. Я, конечно, до сих пор не могу объяснить себе, что это было. Но надеюсь, что сейчас в этом колодце сидит не то создание, которое утащило вниз Ринго.

– Ну и истории у вас, мистер Гривз, – Роузи поежился и покачал головой. – Может, он сам поскользнулся и провалился туда случайно?

– Нет, веревку кто-то утащил. Я помню это очень ясно. Да такое и не забудешь. Ладно, хочешь верь, хочешь нет, а вам надо плотнее заняться этим колодцем, ребята, – Гривз похлопал его по плечу и улыбнулся. – Ну, мне пора, Стиви. Надеюсь, не напугал тебя своими байками?

– Да нет, вы очень здорово рассказываете, – Роузи улыб-

нулся. – Вам в пору мемуары писать.

– Может и займусь этим, если будет время. Ну, бывай, – Гривз пожал ему руку и неторопливо зашагал к своему дому. Стивен глубоко вздохнул и пожалел, что не прихватил с собой еще одну бутылку.

Те, кто остался

Наш маленький городок все больше напоминает заброшенное поселение из какого-нибудь фильма про постапокалипсис. Народу стало гораздо меньше, автомобилей по дорогам ездит считанное количество, а магазинов осталось буквально штук десять. Ну, ничего удивительного в этом нет, ведь наш городишко, как говорил мой дедушка, находится на краю мироздания, и поэтому любой его житель при первой возможности старается уехать в какое-нибудь более перспективное место с хорошим рынком работы и комфортными условиями для жизни.

Ну а такие, как я, всегда остаются на своем месте. Знаете, эдакие пни, которые очень трудно выкорчевать, разве что только бульдозером. Почти все мои знакомые живут в других городах – переехали, вырвались кто куда, главное, подальше отсюда, а я все здесь, и, наверное, никуда уже не денусь. Почему я не хочу следовать их примеру? Ну, во-первых, я не люблю большие города. Всю эту суету, лишнюю беготню и прочие прелести крупных городов. Ненавижу большие транспортные развязки, плотные автомобильные потоки, фастфуды на каждом углу и реки народа. Может, я и сумел бы привыкнуть, но пробовать что-то не хочется. Во-вторых, меня и так все устраивает. В том месте, где я работаю, нет лишней головомойки, все спокойно и привычно, жизнь

течет своим чередом. Да и денег мне хватает. Дело в том, что я живу один, мне не нужно никого кормить, кроме себя, быт у меня скромный – высокая зарплата была бы в тягость, потому что я, пожалуй, не знал бы, куда девать эти деньги. Ну и в-третьих – старые раны. Моя жена умерла несколько лет назад, и больше у меня никого нет. Скорбь уже утихла, уступив место пустоте, и вновь обустраивать личную жизнь я не намерен. Детей нет, так что я остался один как перст, переживать не за кого. Вот и получается – я полностью соответствую месту, где живу. Оно умирает, а вместе с ним и я. Потихоньку состариваемся и приближаемся к концу и забвению.

Но если вы думаете, что я унываю, то это зря. На самом деле, жизнь здесь похожа на эдакий сонный паралич. Все неторопливо, размеренно, постепенно и словно бы нехотя. Так и мы, горожане – еле волочимся по жизни, перетекаем из одного дня в другой и больше ни в чем не нуждаемся. Очень важная вещь, которую здесь можно найти – покой. Какое-то глухое умиротворение, похожее на гулкую тишину в старом заброшенном доме. Здесь нет ничего лишнего, ничего, что может беспокоить или тревожить. Просто тишина и пустота. Красивые, но печальные пейзажи, медленно угасающие улочки и превращающиеся в пустые коробки дома.

Иногда кажется, что в таком месте, как это, никогда не случится что-то примечательное. В последние годы здесь так и вовсе все застенолено. Но впечатление полностью обман-

чиво – нет-нет, да и происходят вещи, нарушающие привычное тихое течение повседневности.

Когда я иду на работу – а я добираюсь именно пешком – то мои мысли не заняты почти ничем, кроме созерцания окружающего пейзажа. По пути встречаешь парочку машин, неторопливо ползущих куда-то по медленно трескающемуся и превращающемуся в ухабы асфальту, видишь знакомые домишки, безмолвной чередой тянущиеся далеко вперед, образуя одну из крайних улиц, разглядываешь зеленеющие поля, простирающиеся западнее и уползающие вперед, кажется, к самому горизонту. Утром, после рассвета, и вечером, перед закатом, этот вид становится еще более необычным и притягательным. В один из таких обыкновенных дней, любясь местными видами и поглядывая на небо, тускло прикрытое пеленой облаков, я привычно шагнул на дневную смену. Мое место работы, конечно, может показаться немного мрачным, но снаружи оно все же гораздо симпатичнее, чем внутри. Я работаю на местном водохранилище, и его старые корпуса, похожие на большие облезлые ящики, стали мне практически родными.

Внутри все, как я уже упоминал, гораздо хуже, чем снаружи. Куча сырых помещений, везде ржавчина, запах мокрого гниющего железа, грязи и размякшей штукатурки. Но ко всему, как говорится, постепенно привыкаешь. Особенно если учесть, что работа здесь – не бей лежачего. Трубы хоть и старые, но пока держатся – прорывов не было, наверное,

пару лет. Хотя, скорее всего, это связано с тем, что напор воды не очень сильный. Народу у нас осталось не так много, поэтому нагрузка на коммуникации не слишком большая.

Тот самый день оказался началом самой дурной полосы за последние годы. Мерное неторопливое течение моей жизни было нарушено, и я долго не мог прийти в себя после того, что произошло. А произошло нечто крайне неприятное – у моего старого друга и коллеги, Стивенсона, умерла дочь. Что именно там случилось, я так и не понял, да и сам он мне, естественно, подробно ни о чем не рассказывал. Стивенсон был просто убит горем, и в тот утро, когда я пришел на дневную смену, он уже сидел в раздевалке. На него было страшно смотреть – он не плакал, ничего не говорил, но при одном взгляде на его лицо становилось понятно, что случилось нечто непоправимое. Я не смогу, наверное, описать словами, как выглядит человек, который теряет что-то самое дорогое и бесценное. Кто-то словно выдергивает из него невидимый стержень, на котором все держится, и человек превращается просто в тень, с пугающе пустыми глазами и бледной кожей, похожий на безжизненную восковую фигуру.

В то утро он ничего мне не сказал. Ни поприветствовал, даже не кивнул. Попросту не увидел меня. Я пытался было что-то спросить, но он молчал, сидя на лавочке возле шкафчика и не поворачивая головы. Его подбородок как-то странно мелко подрагивал, точно у него во рту находился маленький вибромоторчик. Лишь потом, отправившись к резерву-

арам, я узнал от остальных о том, что случилось. Сначала я хотел разыскать его и утешить, но потом подумал, что делать этого не стоит. Не нужно трогать человека в такой сложный момент, особенно когда ему нет дела ни до чего вокруг.

Дочь Стивенсона уехала из нашего города пару лет назад куда-то в центр штата. Он не хотел ее отпускать, даже вроде бы скандалил с ней на этой почве. Он растил ее один, и поэтому отъезд единственного родного человека был для него чем-то очень болезненным и травмирующим. После того, как она все же уехала, Стивенсон стал выпивать. Не очень много, но раз в неделю стабильно приходил в единственный приличный местный бар. Я иногда составлял ему компанию. Мы сидели, болтали ни о чем и опрокидывали по несколько стопок. Никто не напивался до беспамятства, просто, наверное, это стандартная ситуация для одиноких мужчин, разменявших пятый десяток. Когда тебе за сорок, жизнь становится тусклее и печальнее, особенно при осознании того, что молодые годы безвозвратно прошли.

Не сказать, что он превратился в какую-то тряпку, когда она переехала. Просто, я думаю, что-то надломилось у него внутри. Возможно, Стивенсон ощутил, что все потеряло смысл. Он говорил, что хотел поехать за ней и поселиться где-нибудь неподалеку, но она была против. Якобы хотела пожить свободной, взрослой жизнью. Я могу понять Стивенсона – молодая девица уезжает за сотни миль и не хочет видеть рядом с собой отца. Разве это приятно? Мне бы, навер-

ное, такое тоже не понравилось. А еще мне кажется, что он сильно боялся, что с ней что-нибудь случится. В этом большом, уютном городе, где он не сможет помочь и защитить.

И, конечно же, он подозревал, что она занимается там чем-то не вполне хорошим, раз не хочет, чтобы он жил рядом. Может быть, снимается в порно? Или занимается проституцией? Или вытворяет еще что-нибудь отвратительное, что не считается у современной молодежи зазорным?

Чуть позже я узнал, что ее убили. Об этом мне, естественно, тоже рассказали на работе. Сплетни разлетаются быстро, как зараза. Но я не особо этому верил, потому как слухи – очень ненадежная штука, и выдумки в них гораздо больше, чем реальных фактов. Сам Стивенсон ничего не рассказывал, он вообще ни с кем толком не общался. И мне, если честно, было без разницы, как это произошло, факт оставался фактом – человек потерял самое дорогое, что у него было.

Мне было за него реально страшно. Он настолько перестал быть похожим на себя, что иногда мне казалось, что это другой, незнакомый мне человек. Стивенсон, конечно, и раньше был не шибко многословным парнем, но теперь он вообще ничего никому не говорил. Он постоянно уходил куда-то в безлюдное место, чтобы его никто не видел, а так, как водохранилище было достаточно большим и многоуровневым, сделать это было несложно.

Теперь, когда я ходил на дневную смену по утрам, в моей голове прокручивалась немая сцена, в которой я застал его в

тот самый день – Стивенсон сидит в раздевалке один-одинешенек, похожий на большую безжизненную куклу, смотрит в одну точку и не двигается, только едва подрагивает его щетинистый подбородок. Я вспоминал его темные пустые глаза – в них не было ничего, они напоминали черные дыры от пуль. Ассоциативный ряд с тем роковым днем буквально преследовал меня каждое утро. Да и вообще, это событие выбило меня из колеи, точно Стивенсон был мне каким-то родственником. Неужели мы настолько привыкли к размеренному течению жизни, что любое будоражащее событие способно выбить почву из-под ног?

Может быть, так оно и было. Во всяком случае, ко мне это точно относилось. Не сказать, что я был слишком чувствительным человеком, но в последние годы любой негатив извне заставлял меня нервничать и испытывать острое беспокойство. Любое беспокойство в наших краях лечилось одинаково – с помощью виски. Я, однако, не перегибал палку, хоть и стал выпивать немного чаще, а вот Стивенсон начал пить почти каждый день. Он умудрялся делать это даже на работе, но никто его в этом не упрекал. В нашем мельчающем городишке почти все друг друга знали, так что ребята с водохранилища прекрасно понимали его состояние. Но чем ему можно было помочь? Увольнять его, конечно же, никто не собирался. С тем же успехом можно было просто его пристрелить – в его состоянии это означало окончательный финал всего. Хотя, я думаю, и сейчас для него уже наступил

полный финал. Мы старались быть с ним обходительны и почти никогда не делали ему замечания по поводу пьянства. Он таскал бутылку в своем комбинезоне, даже не пытаясь ее спрятать. Просто доставал из кармана и прихлебывал.

К счастью, он не совершал никаких ужасных поступков в таком состоянии. Более того, это никак не сказывалось на качестве его работы. Я всегда опасался, что он перепьет и окончательно загнется. Его запой длился, наверное, недели две. Все это время он вел себя абсолютно одинаково – раньше всех приходил на работу, пил до самого конца смены (обычно в день у него уходило по трехсотграммовой бутылке, хотя иногда он приносил и поллитровую), позже всех уходил, а во время рабочего дня старался находиться где-нибудь подальше от людей.

На фоне всего этого произошло еще кое-что, буквально ударившее обухом по моей отвыкшей от потрясений психике. Как-то раз, когда я пришел на ночную смену, он снова сидел в раздевалке возле своего шкафчика, и это опять навеяло мне неприятные ассоциации. Он вновь был со своей поллитровой подружкой – ее горлышко торчало из бокового кармана его рабочего комбинезона. Я поздоровался с ним и отправился переодеваться, краем глаза наблюдая, что он будет делать дальше. Стивенсон кивнул, достал бутылку, сделал маленький глоток, а затем направился ко мне.

– Слушай... – он подошел еще чуть ближе и неуверенно остановился. – Ты не видел возле резервуаров ничего подо-

зрительного?

– Что? – я обернулся и непонимающе поглядел на него. В нос сразу ударил перегар – кажется, он дышал бы им даже в том случае, если бы бросил пить, настолько он вьелся в его легкие.

– Кого-нибудь постороннего, я имею ввиду. Не видел?

Я даже не знал, что ответить. Он смотрел на меня абсолютно осмысленно, хоть его глаза и блестели от легкой хмельной пелены.

– Нет. Ты что, засек кого-то?

– Вроде того, – он как-то странно глянул на меня, словно проверяя, серьезно ли я с ним говорю. – Если увидишь, дай знать, ладно?

– Ага, – я вновь отвернулся к шкафчику и подумал, что стоит поговорить с начальником бригады. Кажется, стариной Стивенсоном стоит заняться вплотную. Мы долго закрывали на это глаза, но, видимо, наступил момент, когда его нужно отправлять на лечение. В противном случае он долго не протянет.

В тот же день я решил приглядывать за ним, стараться не упускать из поля зрения и посматривать, чем он там занимается. Стивенсон постоянно проверял резервуары с водой, причем в основном аварийные – старые, с неисправной системой подачи, либо попросту непригодные для хранения воды. Ближе к концу смены он подошел ко мне и спросил:

– Ты что, караулишь меня?

– Приглядываю за тобой.

– Зачем? Думаешь, в воду упаду? – он невесело хмыкнул. – Я хочу тебе кое-что рассказать. Но вот не знаю, стоит ли. Ты мне не поверишь.

– Почему?

– Потому. Я подумаю. Знаешь, странные вещи какие-то происходят. Я думаю, что еще не совсем с ума выжил, хоть и пью днями напролет.

– Поверю. Что случилось?

Но он покачал головой.

– Потом. Надо кое-что проверить.

Я отправился к Элису Хэммонду, нашему старшему, и рассказал про Стивенсона. Рассказал поверхностно, но добавил, что с его состоянием надо что-то делать. Что парень совсем сопьется. И если мы будем смотреть на это сквозь пальцы, нас всех можно будет обвинить в убийстве. Элис покивал головой и согласился с моими выводами. Пообещал, что свяжется с центром реабилитации. Но я слабо в это верил. У нас в городе уже нет таких центров. А из другого конца штата вряд ли кто-то поедет сюда ради одного пациента.

На следующее утро Стивенсон подошел ко мне, когда я осматривал резервуары. В этот раз он был без бутылки, но от него все так же разлило виски. Он приблизился и, настороженно оглядевшись, проговорил:

– Ты сильно занят?

Я сразу же развернулся к нему.

– Как себя чувствуешь? Все хорошо?

– Нет, все паршиво. Зачем задавать глупые вопросы? – он раздраженно поморщился. – Мне хреново.

– Может, пора себя в руки взять, дружище? – я укоризненно посмотрел на него. – Ты нам еще нужен. Надо завязывать. Хотя бы постепенно.

– Не собираюсь я завязывать, – он нахмурился. – Хочу спросить тебя об одной штуке. Ты тоже их видел?

Мне стало не по себе. Я понимал, куда идет этот разговор. Кажется, Стивенсон окончательно допился.

– Ты о ком?

Он посмотрел на меня со злобой, которая перетекла сперва в смятение, а затем в беспокойство.

– В общем... Я часто бываю возле резервуаров. Особенно возле старых. И около недели назад я стал замечать там кое-что.

Он сглотнул слюну, словно у него пересохло в горле.

– Это, в основном, пустые резервуары, как ты знаешь. И в них я заметил каких-то маленьких животных. Сначала я подумал, что это собаки. Ну знаешь, они, бывает, забираются в тепло. У нас же тут не особо надежная кладка, есть много дыр. Но потом понял, что это не собаки.

Он замолчал на несколько секунд, а я смотрел на него и чувствовал буквально физическую боль от его слов. Старый

добрый Стивенсон. Сколько мы живем бок о бок? Сколько работаем вместе? Я помню времена, когда это водохранилище было новеньким. Я помню времена, когда этот городишко был промышленным и здесь проходили рабочие фестивали, а народу было столько, что приходилось перекрывать дороги во время их проведения.

– Это какие-то карлики, или что-то вроде того. Я не знаю. Никак не могу понять. Сначала они меня не замечали, и я за ними наблюдал. А потом стали понимать, что я подсматриваю за ними, и начали прятаться в большой бак возле резервуара. Он совсем пустой, и, мне кажется, они залезают именно туда.

– Карлики? – спросил я, слыша свой голос как будто бы издалека.

– Они похожи на маленьких уродцев. Ростом не больше пятилетнего ребенка. Такие жуткие, с шишками на головах... – Стивенсон посмотрел на меня пустыми глазами. – Я же не идиот, правда? Только я их вижу? Ты ведь ничего такого не видел? Ничего?

Мне было по-настоящему больно на все это смотреть. Видеть, как человек, которого ты знаешь много лет превращается вот в это. В безумную оболочку, которая только выглядит как твой старый знакомец. И самое страшное во всем этом – он стал таким не просто по дурости. Он не смог победить горе, которое оказалось гораздо сильнее него.

– Я не видел, – проговорил я, с трудом сдерживая подка-

тывающий к горлу комок. – Стивенсон, старик, ты же понимаешь, что это такое?

– Ага, – он кивнул, и я увидел, что по его щекам заскользили струйки слез. – Все я понимаю. Что я, дурак?

Он пошел было прочь, но затем остановился и снова посмотрел на меня.

– Просто я думал... Может ты все-таки их видел.

Тем же вечером мы шли домой вместе. Я решил его дождаться. Стивенсон был не против. Он уже был хорошенько пьян, и разговорить его было делом не сильно сложным. Я решил не касаться нашей последней беседы и начал издали.

– Ну что, хоть немного легче? Хотя бы самую малость?

Он посмотрел на меня как на идиота.

– Нет, конечно. Совсем не легче. Или ты думаешь, что за две недели мне полегчает?

– Нет, не думаю. Я надеялся, что хоть спиртное помогает.

– Не помогает. Только хуже. Все становится хуже. Не замечаешь? Все.

– Да. На самом деле, наверное, это так. Наш городишко так точно умирает. С каждым годом все больше и больше пустых квартир.

– А вспомни, как все было. Как мы жили. Буквально десять-пятнадцать лет назад. Когда Тина была маленькой... – он на секунду прервался, словно ему кто-то резко отключил

звук. Тиной звали его дочь. – Мы строили какие-то планы. У нас были семьи. А что сейчас, а?

Мы шли по полутемной улице, шаркая ботинками по тротуару. Часть фонарей не горела, а свет от оставшихся был мутным и блеклым. Огоньки домов медленно проступали в темноте, и почему-то в тот вечер мне показалось, что их стало еще меньше, чем раньше.словно за день уехала половина города, и осталась лишь жалкая горстка таких как я и Стивенсон.

–Посмотри на это, – он развел руки в стороны. – Я старался всего этого не замечать. Знаешь, жил потихоньку и думал, что все как-то образуется. Думал, что перееду поближе к Тине и все станет не таким муторным. Но теперь и Тины нет. И ничего нет. Зачем тогда это все? Кто-то мне скажет, мол, какой ты слабак, у тебя все еще впереди! Уезжай из этого болота, найди себе женщину, попробуй начать все с нуля! А я им вот что скажу – у вас когда-нибудь была семья? Были дети? Вы знаете, каково это – потерять их? Потерять вот этого человечка. Которого ты растил пол жизни, в которого ты вкладывал, на которого надеялся? А? Вы знаете, что это такое?

Он разошелся не на шутку. Я давно не видел его таким разговорчивым и уже тем более не мог представить, что он способен на такой спич.

– После всего этого уже ничего не нужно. Потому что это не перекрыть ничем. Может, в двадцать-тридцать лет это

возможно, но не в нашем с тобой возрасте. Мне очень плохо. И я стал видеть всякую хрень... – он всхлипнул и вытер глаза тыльной стороной ладони. – Я уже ничего не понимаю. Не понимаю, что происходит. Не понимаю, что вообще творится вокруг.

– Я знаю, что тебе никак нельзя помочь, старина. Но надо хотя бы начать бросать пить. Ты же сам понимаешь, что это перебор. Надо продолжать как-то карабкаться. Как-то держаться на плаву.

– Ну и кому это надо? – он устало посмотрел на меня. – Кому вообще мы нужны? Ты вот сам подумай. Пройдет еще лет десять-пятнадцать. Мы станем дедами и будем медленно подыхать в полном одиночестве. Некому будет даже вытереть нам зад, понимаешь? Ты хочешь дожить до этого возраста?

Я не знал, что ему ответить. Но, может, он открыл мне глаза на кое-что. Мы действительно находились в полной заднице. И из нее не было выхода. Мы на самом деле были отработанным материалом. Все мы, кто не хотел отсюда уехать. Надо было думать о переменах раньше. Сейчас уже поздно.

Стивенсон не вышел на работу на следующий день. Парни из ночной смены рассказывали, что видели его после полуночи, он ошивался возле резервуаров и сказал, что забыл кое-что сделать. Элис отправил к нему домой шерифа, и очень скоро мы узнали, что Стивенсон повесился в собствен-

ной гостиной. Это так потрясло всех нас, что никто не мог работать. На самом деле, в глубине души я был уверен, что именно так все и закончится. Что он умрет от передозировки спиртного, либо покончит с собой. У него была белая горячка. Он видел галлюцинации, которые, уверен, усиливались. И скорее всего, больше остального на него давило то, что он послушался дочь и не поехал с ней против ее воли. Не смог защитить ее.

В конце дня я чувствовал себя так, будто меня отмузузили палками. Известие о смерти Стивенсона окончательно добило меня. Я ожидал, что должно что-то произойти, но вместе с тем был глубоко шокирован случившимся. Но еще больше я оторопел, когда нашел на верхней полке в своем шкафчике клочок бумаги, который не приметил утром. На нем была одна-единственная фраза, нацарапанная, вне всякого сомнения, рукой Стивенсона:

«Я все-таки утопил этих сукиных детей.»

– Твою-то мать... – пробормотал я и бросился к резервуарам. Путь был неблизким – старые емкости располагались в соседнем корпусе, и пока я до них добирался, в боку начало колоть, а дыхание окончательно сбилось. Как я и ожидал, Стивенсон заполнил водой один из старых резервуаров, самый аварийный, с дырявым днищем и неисправной системой выпуска. Это означало, что все коммуникации подтоплены, но разбираться со всем этим предстоит ночной смене. Я мог сделать лишь одно – сбросить воду.

Старый погнутой вентиль с трудом поддавался, однако по хлопьям ржавчины на полу было понятно, что им недавно кто-то пользовался. И этим «кто-то» был, конечно же, Стивенсон. Меня ужасало, в какой яме он оказался. Видимо, наш разговор его окончательно добил. Я почему-то был уверен, что, излив душу, он хоть немного успокоится. Однако я сам находился в настолько пришибленном состоянии, что не был способен здраво рассуждать. Он словно передал мне часть своей горечи, и я тоже стал задумываться о разных нехороших вещах, которые лучше гнать из головы.

– Что же ты наделал, Стивенсон... – пробормотал я, наблюдая за тем, как уходит из огромного резервуара буро-зеленая мутная вода. Она была абсолютно грязной и темной, точно болотной. Я представлял, что сейчас делается внизу с коммуникациями. В этом огромном бассейне была куча дыр, и, если бы я не спустил воду, которая, к слову, продолжала прибывать, пока я не перекрыл главный насос, она так и лилась бы еще несколько часов.

Я ждал достаточно долго, около сорока минут. Скорее всего уже пришла ночная смена, но сюда кто-то дойдет не раньше, чем через полчаса, а то и через час. Мне на ум вновь пришли слова Стивенсона про уродцев, найденных на дне бассейна. Что он там говорил? Они прячутся в большом баке, а значит, он пустил через него воду, которая вышла в резервуар, отрезав им все пути к отступлению и лишив возможности сбежать. Это было по-настоящему ужасно. Эта вы-

ходка была действительно дикой, и я очередной раз поразился, насколько сильно сдала психика моего давнего приятеля.

Но когда вода спала сильнее, начала сдавать уже моя психика. Сначала я увидел какие-то странные выпуклости, торчащие из мутной воды, но затем, когда бассейн был почти осушен, моим глазам открылось нечто совершенно невообразимое.

Вдоль стен резервуара замерло несколько десятков фигурок. Теперь я понял, почему Стивенсон спутал их с собаками. Они были небольшими, по размеру не крупнее ретривера или небольшой овчарки.

Их головы были бугристыми, словно бы покрытые огромными отвратительными бородавками. По всей видимости, их тела пробыли здесь почти целый день – они вздулись и слиплись между собой, застыв в скрюченном положении. В нос мне ударила отвратительная вонь – гниль, перемешанная с совершенно невыносимым запахом сырости и затхлости.

Хазард

Мне было всего семь лет, когда мы с мамой переехали в Хазард. Любому, кто увидит этот городок впервые, покажется, будто он попал на край мироздания – в нем не было никаких достопримечательностей, кроме грязных улиц и старых машин. Наше предыдущее место жительства производило не лучшее впечатление, но мы не имели другого выхода. К тому времени мама и я уже четвертый год пытались скрыться от моего отца – этот сумасшедший пытался добиться того, чтобы мать лишили родительских прав. Я ненавидел его. Сколько себя помню, он всегда напивался и бил маму. С малых лет я мечтал ему врезать, но вместо этого только получал от него крепкие оплеухи. Постоянный страх и бессилие что-то изменить сделали из меня хилого и слабого ребенка, который не мог хоть сколько-нибудь постоять за себя.

Помню свой первый день в школе Хазарда, «Сент-Гроув». Кучка местных оборванцев встретила меня поблескивающими настороженными взглядами своих маленьких смоляных глазок. В тот же день я впервые получил по носу от Чарли Хаггера, задиристого сына директрисы, который терроризировал меня все последующие десять лет.

С соседями коттеджа нам тоже не особо свезло. Справа жил пьянчуга Дагги – он постоянно приставал к моей матери, когда она возвращалась с работы. Слева – семья Кат-

черов, которые почему-то сразу нас невзлюбили. Мисс Катчер без конца выдумывала про нас какие-то сплетни и байки. Например, однажды я пришел в школу и узнал от одноклассников, что моя мать, оказывается, переспала с половиной нашего квартала. Или ужасный случай в продуктовом магазине, когда продавец гаркнул на весь отдел, тыча на меня пальцем: «Я точно знаю, что с этим мальчишкой что-то не так! Этот сукин сын украл у меня из кассы мелочь, пока я отходил!»

Одним словом, мое детство вышло серым и блеклым, как старая черно-белая фотография. Последующие семь лет я жил, словно робот – каждый день начинался и заканчивался одинаково. Ни друзей, ни единомышленников, ни веселых игр со сверстниками. Только отвратительная опостылевшая школа, пустой хмурый дом, прогулки возле реки и мрачные вечера, коротаемые мной за книгой или прослушиванием любимых кассет.

Но три года назад в моей жизни появилась Мэри. Она пришла в наш класс осенью, в дождливый день, по колено испачканная в грязи. На ней был глупый ядовито-желтый дождевик и старый фермерский комбинезон, похожий на штаны от допотопного скафандра. Поначалу она вовсе не показалась мне симпатичной. Ее волосы, собранные на затылке вдохлый хвостик, были невымытыми и отдавали жирным блеском. Худенькие плечи, слегка ссутулившая хрупкая спина. Она была дочерью торговца старыми машинами и тоже вы-

зывала у всех неприязнь. Так же, как и я.

Не знаю, что сблизило нас, разных по темпераменту и наклонностям. Она – тихая и послушная, спокойная, словно легкий прохладный бриз. И я – внешне замкнутый и молчаливый, но внутри обиженный на весь мир, агрессивный и жестокий. Я думаю, первой нашей общей чертой было то, что мы оба являлись отшельниками, людьми не от мира сего. Теми, кто так и не смог привыкнуть к этой стае местных сплетников и лицемеров. Теми, кого постоянно обижали и высмеивали.

Мэри жила неподалеку, всего лишь на другой стороне улицы. Мы частенько пересекались по дороге в школу. Сначала она спрашивала про то, кто в классе самый задиристый и от кого лучше держаться подальше. Потом просила занять для нее место в столовой во время ленча, но у меня никогда не получалось выполнить ее просьбу. Всегда приходил Чарли Хаггер и кричал:

– Ричи, дохлая маменькина дочка! Зачем это ты сел своей ослиной задницей на два стула? Занял место для Мэри-тощей-прошмандовки? А ну-ка, давай попробуем сделать это вместе!

Затем он прыгал на стол и начинал топтать его своими здоровенными грязными подошвами.

...По-настоящему мы стали друзьями в тот день, когда мама заставила меня повесить антенну на козырек перед окна-

ми второго этажа.

– Ричард, ты единственный мужчина в нашем доме, – сказала она, держа в тонких пальцах сигарету. – Нужно привыкать делать трудную работу. Я же не могу полезть туда сама, верно?

– Мам, я боюсь упасть оттуда и переломать себе ноги, – кисло ответил я, понимая, что отвертеться мне не удастся.

Она затянулась и сердито дохнула дымом мне в лицо.

– Что за глупости ты говоришь? Возьми вон ту раздвижную лестницу в гараже и приступай.

– На ней болтаются все винты. Она вот-вот развалится.

– Ну так затяни их! – мать сделала еще одну затяжку и послала новую порцию дыма из уголка рта. – Ты становишься похожим на своего отца. Он тоже боялся любой работы в доме.

После таких слов мне обычно хотелось застрелиться. Я поплелся в гараж, почти полчаса ковырялся со старой ржавой лестницей, буквально рассыпающейся на части, потом взял антенну и вышел в прохладный осенний вечер, загребая носками башмаков желтый ковер листьев.

Путь на козырек, покрытый скользкой черепицей, был долгим и нервным. Лестница шаталась и норовила развалиться, несмотря на то что я подтянул на ней все крепежные винты. Пару раз я чувствовал, как она слишком сильно изгибается под моим весом. Когда мне удалось достигнуть краев облезлой черепицы козырька, всю спину покрывал жирный

слой пота, похожий на прокисший куриный бульон. Наконец я осторожно нашарил участок покрытия, где вместо черепицы были доски, и принялся осторожно взбираться, пытаясь не уронить антенну из дрожащих рук.

Я едва успел повиснуть на этом злополучном козырьке, потому что произошло то, к чему все, собственно, и шло – лестница не выдержала моего цыплячьего веса и развалилась, превратившись в ржавый мусор. Каким-то чудом мне удалось перепрыгнуть на козырек, и теперь я напоминал бездомного кота, который залез на высокое дерево и не знает, как же теперь спуститься.

Я глянул вниз и увидел Мэри. Она стояла среди пожухлых листьев и, запрокинув голову, глядела на меня.

– С тобой все в порядке, Ричи?

Я обернулся и убедился, что окно второго этажа слишком высоко, чтобы я мог до него добраться. Любая попытка допрыгнуть кончится тем, что моя нога попадет на черепицу и я улечу вниз.

– Да. Вот только я, кажется, застрял.

Я думал, что она засмеется. Но вместо этого Мэри сказала:

– У моего отца есть лестница. Я позову его, хорошо? Сможешь потерпеть несколько минут?

– Да... Конечно. Спасибо тебе огромное.

Весь вечер мы провели возле реки. Гуляли и разговаривали о том, что наболело внутри. У нас обоих не было себе-

седника, который смог бы выслушать и поддержать. Пожаловавшись друг другу на плохую школу, злобных сверстников и непонимание родителей, мы нашли общую точку, которая положила начало этой странной истории.

Река была свинцовой и темной, как гигантский поток ртути. Солнце устало проглядывало между теснящимися деревьями, окрашивая листья в еще более золотой и горячий оттенок. Мэри облокотилась на тоненькую липку и скрестила руки на груди. Спустя три года она превратилась в красавицу – от той неказистой худощавой девочки не осталось ничего. Теперь каждый день передо мной было изящное хрупкое личико с чувственными серыми глазами, на которое хотелось смотреть вечно и безотрывно. Она полюбила платья из легкой материи – наверное, догадывалась, что это подчеркивает ее потрясающую фигуру. Каштановые волосы все так же были собраны в хвост, но теперь эта небрежная прическа только прибавляла ей шарма.

Я осторожно потрогал разбитую губу и скривился. Мэри сдула со щеки сбившуюся прядь и с тревогой поглядела на меня.

– Ричи, тебе не стоило связываться с Хаггером, – она вздохнула и укоризненно покачала головой. – Он же соберет целую ватагу и поколотит тебя.

Я сплюнул кровавыми слюнями и опустил голову.

– Когда-то же надо было дать ему отпор. Он лупил меня

десять лет кряду. И мне это безумно надоело, – обиженно ответил я. Да, в моем представлении реакция Мэри должна была быть другой – она, к примеру, могла поблагодарить меня за то, что я ее защитил.

Эта заварушка произошла после ленча. Чарли Хаггер, как и всегда, старался быть в центре внимания. Но теперь его цель немного поменялась – если раньше он просто любил показывать окружающим, насколько крут, то теперь единственным его желанием было обратить на себя внимание Мэри, которая теперь затмевала любую девушку нашего выпускного класса.

Как и обычно, его главной мишенью являлся я. Сам факт того, что Мэри держится именно со мной, а не с ним, заставлял его пустые озлобленные глаза темнеть от ненависти. В этот злополучный день Чарли с утра был на взводе, и когда мы выходили из столовой, он толкнул меня с такой силой, что я вылетел через дверной проем, словно пробка из бутылки с шампанским.

– Эй, Ричи! Почему ты не смотришь по сторонам, костлявый педик? Захотел подражаться? – закричал Хаггер, удовлетворенно слушая гогот своих дружков.

– Чарли, может быть, ты исчезнешь? Если кто здесь и педик, то это ты, – вдруг разозленно бросила ему Мэри.

Хаггер повернул к ней свое перекошенное лицо. В этот момент он начисто забыл о своей симпатии и перенес всю ярость на девушку. Когда его оскорбляли, он мог думать

только о том, как сделать собеседнику побольнее.

– Твой папаша пытался втюхать мне старый «Форд», у которого разваливается коробка передач. Давно не видел такого наивного осла, – по-змеиному прошипел он.

Мэри швырнула в него книгой, и попала точнехонько по его коротко остриженной голове. Хаггер вскрикнул и дернулся, словно через него пропустили разряд в сотню вольт.

– Ах ты мразь! – заорал он и бросился на нее. Видимо, в этот момент у него окончательно сорвало крышу. Словно разъяренный бык Чарли врезался в девушку и сбил ее с ног. Глядя на то, как Мэри падает и ударяется затылком о жесткий паркет, я почувствовал, как глаза застилает красная пелена. Буквально за пару секунд я оказался рядом с Чарли и что было сил заехал ему кулаком по лицу. Бить как следует я никогда не умел, но надо признать, тот удар вышел что надо. Я тут же выбросил кулак во второй раз, но теперь удача была от меня далека – получилось смазано и совсем слабо.

– Посмотрите-ка! Педик научился драться! – скорее потрясенно, чем злорадно проорал Чарли, резко и быстро нанося мне ответный удар. В отличие от меня, у него с этим все было в порядке, и через пару мгновений я начал чувствовать, как стремительно тяжелеют бровь и губа.

– Ну, давай, иди сюда, ты, инвалид чертов! – визжал Хаггер, брызжа кровавой слюной. Но я не торопился делать выпад. Было очевидно, что в открытом бою против него у меня нет шансов. Оставалось уповать только на свою изобре-

тательность и удачу.

Долго ждать подходящего момента не пришлось – Чарли размахнулся и попытался прикончить меня одним ударом, а я в этот момент инстинктивно сместился в сторону и, собрав в комок всю ненависть, врезал ему под дых. Хаггера словно выключили из розетки – с несколько секунд он стоял, неуклюже ссутулив спину, а затем рухнул на пол.

– Р-ричи... Гнилой ты уб-блюдок... – прокряхтел он, ловя ртом воздух.

– Ты не ушиблась? Все хорошо? – словно не своим голосом спросил я, наклонившись к Мэри.

– У тебя кровь... – тихо ответила она, поспешно одергивая задравшуюся юбку, мигом скрыв промелькнувшие было аккуратные бедра.

Теперь, устало сидя на пне и глядя на лениво плескающуюся реку, я начал осознавать, что действительно излишне много геройствовал. Ну, теперь уже плевать. Главное одно – Хаггер получил по заслугам, и эта мысль вызывала у меня невероятное удовлетворение.

– Может, пойдем домой? Я здорово проголодался. И хочу спать, – проговорил я бесцветным голосом. Мэри улыбнулась, подошла поближе и погладила меня по волосам.

– Идет, Ричи-стальной кулак. Приходи сюда вечером, после девяти. Хочу посмотреть на закат.

– Заметано, – я встал с пня и улыбнулся ей в ответ.

Мэри пытливо глянула на меня своими чарующими серо-

ватыми глазами и неожиданно поцеловала в щеку.

– Сегодня ты мой герой, Ричард, – добавила она, а ее теплый взгляд говорил: «Я знаю, ты хотел, чтобы я это сказала.»

Закаты в Хазарде были очень необычными. Все вокруг словно бы подчеркивало, что это место забыто и погружено в изматывающую рутину жизни. Солнце садилось очень медленно, омывая этот маленький городок настоящей волной кроваво-алого сияния.

Мэри сидела на берегу и водила тонкими пальчиками по воде. На ней было замечательное черное платье в горошек, заставляющее глаза буквально приклеиваться к ее талии и всему, что находится ниже.

– Как твое лицо? Хоть немного легче? – она обеспокоенно посмотрела на меня, оторвав взгляд от причудливо поблескивающей реки.

– Нормально. Ерунда, – отмахнулся я, усаживаясь рядом. Мэри опустила веки и покачала головой.

– Ты даже не обработал рану над бровью... Завтра наверняка распухнет.

Я поднял камешек и запустил его в воду.

– Жду не дождусь момента, когда можно будет уехать из этого города, – проговорил я, наблюдая, как река становится багровой от растекающегося по лесу заката. – Столько лет сумрака... Пора начинать новую жизнь, как ты считаешь?

– Да. Я тоже хочу уехать. Ну, ничего, в следующем году

мы закончим школу и можно будет срываться куда глаза глядят, – Мэри мечтательно улыбнулась и ткнула лбом в мое плечо. – Давай поступим в Нью-Йоркский Университет Права? Как ты на это смотришь?

– Было бы круто, – сердце часто-часто билось в моей груди, когда я обнял ее за талию и прижал к себе.

– Скоро все изменится, – ее указательный палец прочертил невидимую линию на моей щеке и уперся в губы. – Вот увидишь.

– Я верю, – моя рука была словно каменной. Я чувствовал под платьем ее нежную кожу, ее тепло разливалось по моей ладони и заставляло душу трепетать, словно в лихорадке.

Закат медленно мерк и превращался в сумерки. Мы так и сидели почти до самой ночи, разговаривая о всякой чепухе и восхищаясь красотой солнца, неспешно исчезающего за горизонтом. А когда темнота начала медленно накрывать дрожащие верхушки деревьев, Мэри попросила проводить ее до дома.

– Как-то жутковато становится, не находишь? – поежившись проговорила она.

– Да, я думаю, пора отсюда уходить, – я медленно встал и приобнял ее за плечи.

Меня разбудил какой-то странный грохот. Сначала я даже не мог понять, откуда берутся эти резкие сокрушающие слух звуки, и лишь спустя несколько секунд осознал, что кто-то

настойчиво барабанит в дверь.

– Черт... Это еще кто? – пробурчал я, нехотя слезая с постели. Часы показывали семь-двадцать один. Холодный пол неприятно обжигал ноги, пока я плелся к двери. Тот, кто был снаружи, не переставал стучать.

– Твою мать... Уже иду! – выругался я, возясь с замками.

Когда я, наконец, открыл дверь, сон и раздражение в секунду вылетели из моей головы. На пороге стоял полицейский в зеркальных очках и угловатой фуражке.

– Ричард Марксон? – стальным голосом спросил он.

– Да. Что-то случилось?..

Первой моей мыслью было то, что все это подстроил Хаггер. Его мать являлась директрисой школы и могла найти управу на кого угодно, в том числе, потянув за нужные ниточки в полицейском управлении. Но, как оказалось, Чарли был здесь ни при чем.

– Мне нужно задать тебе несколько вопросов. Это очень важно.

– А... что, собственно, произошло? – опять проблеял я, разглядывая в свое отражение в очках полицейского.

– Сегодня ночью пропала твоя подруга, Мэри Лайбер. По моим данным, вы вчера вечером гуляли у реки, так?

– Что? – эта фраза была для меня, словно пудовая оплелуха.

– Вчера вечером она ушла на прогулку и не вернулась. Вы были вместе?

– Но я... Я проводил ее до дома. Мы вернулись почти в одиннадцать...

Коп снял очки и сердито посмотрел на меня. У него были усталые, иссеченные капиллярами темные глаза.

– Сынок... Она не возвращалась домой. Ее отец поднял на уши весь пригород.

– Но как же так... – в моей голове творился настоящий хаос. Такого не могло быть. Я же помню, как проводил Мэри до калитки ее собственного дома. И она пообещала позвонить мне утром...

– Что вы там делали, Ричард? – взгляд копа стал тяжелым и мрачным. Неужели он думает, что я мог что-то с ней сделать?

– Мы просто гуляли, сэр. Возле реки. Только и всего, – мой голос дрожал, как у малыша, который впервые вышел рассказывать стихотворение перед классом.

– Ты точно проводил ее до дома? Видел, как она вошла?

– С-сэр... Я клянусь вам, – меня начало мелко трясти.

Полицейский покачал головой.

– Этого не может быть. Просто не может быть. А ну, впусти-ка меня. Где мать? – он решительно оттолкнул меня и протиснулся в дверной проем.

– Что... Что вы делаете?

Я хотел коснуться его локтя, но он одним резким движением сгреб меня за шиворот и подтянул к себе.

– Лучше признайся сам, сынок. Что ты сделал с этой де-

вушкой?

– Н-но... Но я ничего не делал... Клянусь вам! – мой перепуганный голос походил на жалкое овечьё бляенье.

Коп улыбнулся, кивнул и потащил меня вглубь дома.

– Где твоя комната? Живо веди.

Мы поднялись на второй этаж, и все это время он держал меня за шкурку как паршивого кота. Мне нечего было скрывать, я хорошо помню, как вернулся домой и лег спать. Как могло произойти так, что Мэри не заходила к себе домой? Я ведь четко видел, как она возилась с ключами и открывала замок.

Полицейский бегло осмотрел хлам, царивший возле моей постели, и глаза его неожиданно сузились, превратившись в две маленькие амбразуры.

– Ах ты сукин сын... – прошипел он, схватив мою майку. – Как ты объяснишь это? А? Как ты можешь это объяснить?

Я с ужасом увидел, что моя фирменная тенниска бейсбольной команды «Рейнджерс Фоллз» заляпана кровью. Испещрена темно-бурыми брызгами, будто кто-то использовал ее в качестве передника, разделывая мясо.

– Я не знаю... Я ничего н-не пойму...

Сердце колотилось так, что я буквально ощущал лупящий в виски пульс.

– Скажи честно, что ты сделал с бедной девочкой? – тихо, но угрожающе спросил полицейский.

– Сэр... Я не помню... Я помню только то, что мы верну-

лись из леса домой... И я проводил ее до крыльца... – ужас сковал меня настолько, что в этот момент я, наверное, походил на бледную мраморную статую.

Коп стащил с пояса наручники и с щелчком распахнул их отдающие серебром клешни.

– А сейчас мы пойдем к реке, и ты покажешь, где она, – сказал он, медленно и неуклонно надвигаясь на меня.

Сразу после заката

– Ну что, слабо? – спросил Федор, маниакально оглядывая Любку Мичурину, особое внимание уделяя глубокому декольте девушки. Да, Люба была очень хороша – высокая, стройная, с длинными каштановыми волосами.

– Он противный. Горький-горький, – Любка сморщила нос, глядя на бутылку, которой ей тыкал в лицо Федор.

– Это коньяк, дурочка. Самая классная вещь, – заверил Федя. – Отказываться от такого – все равно что деньги в огонь кидать. Правда же, Саш?

– Само собой, – кивнул Сашка Громов, его друг и по совместительству еще один воздыхатель Любки, который, как несложно догадаться, имел на нее свои виды.

Мичурина кокетливо ухмыльнулась и посмотрела на Федора. Эта усмешка воздействовала на него хлеще любого алкоголя – погружаться в эти голубые глаза, слегка мутные и какие-то странно притягательные, было настоящим наслаждением. Хоть Любка и была деревенской, красота ее казалась чем-то изысканным и необычным. Она явно выигрывала у любой городской пиголицы, которые, в основном, напоминали расфуфыренных кукол.

– Балабол ты, Золотов, – сказала она Федору и вырвала у него из пальцев бутылку. – Спорим, быстрее меня окосеешь?

«Ага!» – торжествующе подумал Федька, жадно всматри-

ваясь в ее красивое широкоскулое лицо. В аппетитные, манящие губы. – «Значит, вот оно как!»

– Ты серьезно? – он демонстративно фыркнул, стараясь выглядеть как можно более беззаботно.

Любка сделала несколько мощных глотков и скривилась.

– Фу, ну и дрянь... – она страдальчески поморщилась и прикрыла рот рукой.

– Что, передумала спорить, а, Люб? – ехидно спросил Сашка, забирая у нее бутылку. – Эх ты, хвастунишка.

Он сам немного отпил, но не кривился – коньяк и вправду был хороший. Эту бутылку у своего деда умыкнул Федор, и сделал это намеренно, так как хотел раскрутить Мичурину на нечто серьезное. Он притащил коньяк на вечернюю прогулку, и зная озорной и азартный характер Любки, решил накачать девчонку спиртным, чтобы облегчить себе задачу. Саша Громов такой подставы от друга не ожидал, впрочем, Золотов, возможно, надеялся, что Любки хватит на обоих.

Они сидели возле недостроенного кирпичного здания, уютно расположившись на паре бетонных плит. Сентябрьский вечер из нежно-розоватого постепенно становился красным и тягучим, как неохотно тлеющее пламя. Мичурин поправила подол своего платья в цветочек и изящно сложила ножки на краю плиты – это, скорее всего, получилось у нее само собой, потому что Любка явно не умела показушно манерничать. Федор смотрел на нее и размышлял – зачем она пошла с ними гулять на эту заброшенную стройку? С

двумя парнями, с которыми знакома всего несколько недель. Чего она ждала от них? Может, ей просто нравилось с ними общаться? Или она хочет выбрать кого-то из двоих, но пока присматривается? «Главное по пьяному делу не навалить дров,» – подумал Золотов. – «И не устроить с Сашкой мордобой. Из-за девки...»

Они с Громовым были друзьями еще со школы – вместе закончили, вместе поступили в училище. Были, что называется, друг за друга стеной. Любку подцепили как раз в ПТУ – девушка приехала из какой-то глуши учиться на медсестру. Федор точно не помнил, кто первый с ней заговорил. Они заметили ее на одной из перемен, когда выбегали на крыльцо покурить. Мичурина не курила, но тоже ютилась на крыльце со своими девчонками-однорупницами.

Любка оказалась очень бойкой и сноровистой дамой. Но самое главное – красивой, и эта красота была какой-то первозданной, естественной. У городских девчонок такого не было, они были как-то пустоваты и как казалось, слегка заносчивы. А вот Мичурина оказалась настоящей находкой – веселая, в меру скромная, но в то же время очень порывистая и эмоциональная. Без задней мысли общается с двумя оболтусами, которым было нужно, вне всякого сомнения, только одно. Но, может, она была слишком наивная? Или просто верила в людей?

И сидит здесь с ними, пробует алкоголь и ничего не боится. Непуганая, не знающая до конца городских реалий. Фе-

дор окинул взглядом ее стройные ноги, затем его глаза поползли вверх, выше, к талии, к груди, и когда он готовился заглянуть в ее голубые глаза, Громов ткнул ему в лицо бутылочным горлышком.

– На, держи, а то я что-то увлекся, – сказал Сашка и утер рот рукой. – Уф, хороший коньяк. Мичурина, попробуй получше. Может, распробуешь.

– А ты не фамильничай. Не в ЗАГСе, – показала язык Любка.

Золотов глотнул коньяка и засопел – спиртное обожгло язык и раскаленной струей устремилось к желудку.

– На, – он отдал бутылку Мичуриной. – Твоя очередь.

Любка взяла коньяк, придирчиво осмотрела горлышко, а затем вытерла его краем подола платья.

– Обслюнявили все... – брезгливо сказала она и, запрокинув голову, приникла к бутылке. – О-ох...

В этот раз она не кривилась, а лишь томно выдохнула. Федор завозился и почувствовал, что готов наброситься на Мичурину – настолько она была классной. Девушка вытерла губы тыльной стороной изящной ладони и глянула на Золотова. Как тому показалось – игриво и даже как-то развязно.

– Кайф, – она усмехнулась и бросила бутылку Громову. Тот испуганно метнулся вперед, точно вратарь за мячом, и бережно подхватил драгоценный сосуд.

– Ты чего? – с нотками обиды в голосе спросил он. Любка засмеялась.

– Намочил штанишки? – весело спросила она.

– Эх Мичурина... Дура ты, – печально констатировал Сашка, делая глоток.

– Сам дурак, – парировала Любка. – Раз обзываешься, я вне очереди, как пострадавшая.

Она вырвала у него коньяк и вновь хлебнула.

«Как бы сделать так, чтобы она выпила побольше...» – мелькало в голове Федора. Он все еще надеялся, что план удастся реализовать. Мичурина пока не выглядела охмелевшей, и Золотов все больше удивлялся этой барышне.

– Пойдемте-ка пройдемся, – он спрыгнул с плиты и потянулся. – Разомнемся маленько.

Любка хлебнула еще и отдала бутылку Золотову. Троица тихонько двинулась вперед, к темнеющим впереди многоэтажкам, похожим на огромные прямоугольные зубы.

Закат медленно переливался в окнах домов, сверкая яркими всполохами. Полуживые дворики утопали в багровом свечении и становились похожими на какие-то сюрреалистичные картинки, созданные из расплесканной яркой краски. Потянуло прохладным ветерком – солнце почти скрылось за неровной линией горизонта.

– Не мерзнешь? – спросил Сашка у Мичуриной. Та отрицательно мотнула головой.

– Не-а. Наоборот, даже жарко.

Золотов поглядел на ее легкий силуэт, на это трепещущее от ветра платье, под которым так явно было очерчен моло-

дой изящный стан. Эх, Мичурина, Мичурина... Что же ты делаешь.

Они молча шли по дворам, сливаясь с накатывающими теньями. Бутылка с коньяком почти опустела. Парни пытались начать разговор, но каждая беседа превращалась в их диалог, а Любка помалкивала, глядя на них с усмешкой.

— А что там? — спросила она, когда их маленькая компания миновала массивные коробки многоэтажек. Мимо змеилась ухабистая дорога, а чуть дальше простирался погружающийся во тьму пустырь, на котором угадывались какие-то маленькие силуэты, окруженные металлическим забором.

— Кладбище, — ответил Громов. — Тут уже, считай, край города. Дальше домов нет.

— Близковато к жилому району.

— Да не то слово, — подключился к разговору Федор. — Наверное, не особо приятно видеть из окна похоронные церемонии.

Любка хитро глянула на парней и выхватила у Золотова бутылку с остатками выпивки.

— Может смотаемся туда, а? — предложила она.

— Нафига? — недоуменно спросил Сашка. — Чего там делать? Темнеет уже.

— Боятесь? — взгляд Мичуриной стал еще ехиднее.

— Ну вообще жутковато там, да, — согласился Золотов. — Тем более на ночь глядя. Я вообще не большой фанат кладбищ.

– Вот вы даете, – усмехнулась Мичурина. – Чего такие трусливые? Я вообще около погоста жила. Родительский и пару соседних домов чуть ли не возле оград стояли, и ничего.

– Ну молодец, что сказать, – буркнул Саша.

– М-да, – Любка сделала пару глотков и поставила опустевшую бутылку на землю. – Тру-сиш-ки.

Алкоголь явно сделал свое дело. Федька всмотрелся в нее, в ее захмелевшие глаза и подумал, что рыбку нужно понемногу подсекать.

– Ну пойдем, ладно, – согласился он, бросая косой взгляд на Громова. Тот пожал плечами. – Пощекочем нервы.

Федор приобнял ее за талию и потянул вперед. Любка хмыкнула и убрала его руку.

В надвигающихся сумерках кладбище смотрелось особенно мрачно. Последние солнечные лучи скользили между силуэтами надгробий, делая их все более зловещими. Кладбищенская ограда выглядела неважно – местами покосившаяся, кое-где даже завалившаяся в сторону. Складывалось ощущение, что за этим местом уже давно никто не ухаживает.

– Я думала городские кладбища выглядят получше, – сказала Любка, скользя любопытным взглядом туда-сюда. – Какое-то все заброшенное...

– Да у людей денег нет, – мрачно сказал Саша.

Со стороны дороги послышался рокот двигателя. Что-то

массивное проскользило мимо, на несколько секунд выхватив из полутьмы лица ребят ярким светом фар. Это был какой-то громоздкий автомобиль, кажется, внедорожник. Урча, он скрылся между могилами где-то в глубине кладбища.

– Кого это принесло под ночь? – удивленно спросила Любка.

– Да мало ли, – неопределенно повел плечами Федор. Он первым прошел сквозь кладбищенские ворота и направился к ближайшей аллее с могилами.

Надгробия, как ни странно, были недавними. Некоторые из них выглядели массивно и представляли из себя чуть ли не монумент. Золотов взгляделся в надписи на камнях. «Перетури́н Илья Степанович. 1963-1995. Покойся с миром.» Из-за расплзающихся сумерек было тяжело что-либо рассмотреть, но Федор различил изображение плечистого мужчины в кожаной куртке, размещенного на надгробии почти в полный рост. «Братки,» – догадался Федор. – «Местные бандиты.»

– Это кто такие? – послышался сзади голос Мичуриной.

– Криминальные элементы. Они любят пафос, – сказал Громов. – Вот, смотри, совсем недавние. «Заманов Руслан Эльдарович. 05.12.1970-19.12.1995.» «Бузарин Владимир Николаевич. 20.02.1972-10.06.1996.» Этого, получается, всего три месяца назад шлепнули.

– Смотри, и венки еще свежие, – Федор кивнул на ворох цветов, поднимающийся над одной из могил. – Да, жуть...

– Гляди сколько их, – Громов махнул рукой вперед. – Наверное, вся аллея состоит из таких. Безвременно почивших, так сказать. От свинцовой инъекции.

Федор и Люба фыркнули.

– Слышь, Люб, а тебя братки не клеили? – спросил Саша.

– Нет. Пока что нет, – Мичурина брезгливо поморщилась. – Я с такими дел не вожу.

– Они тебя и спрашивать не будут. Поверь, с такими сразу захочешь общаться, особенно когда в бок упрутся пистолет или нож, – заверил Золотов.

– Ой, идите вы, – отмахнулась Любка и слегка покачнулась. Выпитый коньяк начинал сказываться все сильнее. Девушка отбросила назад растрепавшиеся на ветру волосы и нетвердой походкой направилась в темноту. Где-то неподалеку вновь заурчал мотор, и два пятна фар проползли в сторону ворот, а затем вновь воцарилась тишина.

Надгробия были почти не видны во все более сгущающемся сумраке. Мичурина ушла куда-то вперед, а Саша и Федор плелись следом, пытаясь разглядеть могильные камни. Золотов обнаружил, что когда попал сюда, в самую гущу мертвых, безмолвно замерших где-то внизу, под землей, внутри начало проклевываться весьма странное и даже слегка пугающее чувство. Любопытство. Ему хотелось прочитать все надписи, разглядеть все фотографии, уцепиться хотя бы за самый краешек жизни людей, от которых остались лишь безмолвные камни и холмики земли. Он словно оказался в

огромном архиве, среди сотен каталогов с именами и датами, в которые было так интересно погружаться. Но темнота портила все планы – почти ничего нельзя было разглядеть. На какое-то время он забыл и про Мичурину, и про плетущегося рядом Громова, и про ледяной ветер, заставляющий содрогаться. Он разглядывал холодные молчаливые камни, и один из них впечатлил его больше остальных. Это было крошечное надгробие из белого мрамора, с надписью, отчетливо виднеющейся даже в полумраке: «Олечка Хабанина. 02.09.1994-18.09.1994.»

– Совсем крошка... – едва слышно прошептал Федор и поежился. Ему стало настолько неуютно, что в какой-то момент он захотел просто исчезнуть отсюда. Плевать на Любку, на все остальное, лишь бы оказаться подальше от этого места.

– Мичурин! Ты куда делась? – позвал Громов.

– Смотрите! – донесся из темноты азартный голос.

Друзья двинулись на его звук и очень скоро обнаружили Любу, застывшую напротив невысокого домика, стоящего чуть в стороне, возле ограды. Кажется, они забрели куда-то вглубь кладбища, в его более заброшенную часть. Федор заметил, что травы здесь было явно больше, чем на центральных аллеях, а некоторые из надгробий покосились или вовсе рухнули вниз.

– Что это такое? – захмелелая девица указала на домик и подбоченилась, глядя на своих спутников. Ее глаза поблес-

кивали в темноте, и Золотов очередной раз поймал себя на мысли, что ему не так уж и хочется остаться с Мичуриной наедине. Куда больше он хотел домой, в кровать.

– Да шут его знает, – ответил Громов. – Может, какой-то склад. Или хозяйственная каморка.

– Вы чего такие ссыкуны? – с какой-то недоброй интонацией воскликнула она, и Федор отметил про себя, что Мичурина начинает его раздражать, несмотря на свою привлекательность. То ли по пьяному делу в ней просыпалась хабалка, то ли она всегда была такой, удачно маскируясь под тихоню.

– А ты что, самая смелая? Коньяка нахлесталась, и море по колено? – насмешливо спросил Сашка. – Давай, слазь туда. Проверь, что там.

Любка с вызовом глянула на него. Ее глаза мутно поблескивали, и Золотову показалось, что она вот-вот сорвется и попросту обматерит и его, и Громова.

– Да, посмелее некоторых. Трудно с вами, – она тряхнула копной волос и повернулась к домишке, темнеющему впереди.

– Люб, это кладбище. Тут нельзя так, – проговорил Федор.

– Да ладно тебе, – уже более непринужденно ответила Мичурина и обернулась к нему. – Федь, пойдешь со мной? Не бросишь же меня?

– Все вместе пойдем, – Золотов подавил желание все бросить и увязаться за ней. Он повернулся к Сашке и получил от

того благодарный взгляд. – Только темно, не видно ничего.

Когда он приблизился к Мичуриной, та схватила его за руку и крепко сжала. «Сама боится,» – подумал Федор. Они зашагали к домику, ежась от порывов холодного ветра. Вблизи он казался совсем ветхим – что-то вроде сарая для инструментов. Темнота становилась все более плотной, но глаза уже привыкли к сумраку, и Федор заметил, что дверь сарайчика не заперта.

Дверная створка была чуть отворена, и Золотов приоткрыл ее еще немного пошире. Они шагнули внутрь, в непроглядный мрак и замерли, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть.

– Ай! Что это? – пискнула Любка, обо что-то споткнувшись.

– Осторожней! – шикнул на нее Федор, вглядываясь в темноту. Ничего различить ему так и не удалось, поэтому парень опустился на корточки и принялся ощупывать то, что находилось на полу.

Его нутро буквально съежилось, и он едва не завопил. Его руки нащупали ледяную человеческую кисть, затем рукав, затем метнулись вверх и коснулись холодного лица, жесткого и словно бы вырубленного из дерева.

– Р-ребята... – прошептал он, трясаясь, словно в лихорадке. Его дрожащие пальцы продолжали шарить по полу, и спустя несколько секунд обнаружили еще одно тело, лежащее в какой-то липкой луже.

– Что там? – спросила Любка, и Золотов дернул ее вниз.

– Вот! Потрогай! – его сиплый голос обрывался, точно Федору не хватало воздуха.

Мичурина завизжала. Она тоже нашарила. Видимо, нащупал тела и Громов, потому что послышался его удивленный возглас. Золотов пытался осмыслить произошедшее, но разум отказывался подчиняться. Был только слепой ужас, накрывший сверху, словно душное тяжелое одеяло. Откуда здесь взялись трупы? Судя по всему, они были свежие, сегодняшние. Кто их сюда приволок? Мысли метались туда-сюда, одна страшнее другой, но в какой-то момент Федор сумел выудить самую правильную. Тот автомобиль, который въезжал на кладбище, когда они только пришли. Огромный черный внедорожник. Кто обычно ездит на таких машинах? Зачем такой здоровенный джип мог приехать сюда на ночь глядя?

Золотов еще раз присел и вновь ощупал лежащее на полу тело. Труп был явно одет в пиджак. Да, вот борта, вот галстук... Пальцы вновь вляпались во что-то густое и мокрое. Скорее всего, это был какой-то бизнесмен. Или «коммерс», как сейчас модно говорить. Или кто угодно еще, вставший на пути у местных бандитов.

– Трупы! Трупы! – верещала Любка, вертясь на месте, как волчок. – Мама! Помогите!

– Закрой ты рот! – испуганно рявкнул на нее Федор. – Саш! Валим отсюда! Слышишь?

Громов уже вывалился наружу, его выпученные глаза ошалело отблескивали в свете меланхолично мерцающей луны. Золотов вытолкал Мичурину вслед за ним, а затем выскочил и сам. Пальцы по-прежнему сохраняли ощущения этой ледяной кожи, которой он касался несколькими секундами ранее. Кожи мертвецов. Все постепенно вставало на свои места – вот где оказываются трупы со всевозможных разборок и перестрелок, о которых так много рассказывают.

Любка рыдала и тряслась, словно в припадке. Она вцепилась в Золотова, как клещ, и, кажется, не собиралась отпустить.

– Домой... Пойдемте отсюда... Пожалуйста... – всхлинула она.

– Ты же была смелая, – попытался пристыдить ее Сашка, но девушка тут же вспылила.

– Да иди ты! Идите оба на хрен! Зачем я вообще с вами пошла?

– Еще и мы виноваты, – буркнул Громов.

– Валим отсюда, – Федька вырвался из цепких любкиных рук. – Саш, давай двигай. Мало ли кто еще сюда заявится.

Они стремглав бросились вперед, не разбирая дороги. Неслись, перескакивая через оградки, спотыкаясь и поскользываясь на траве. Произошедшее все еще казалось каким-то сюрреализмом, не укладывающимся в привычную картину мира. Золотов мысленно выругал себя за коньяк – если бы он не пытался спить Любку, ничего этого бы не случилось.

Кто же знал, что она такая дурная?

Откуда-то из тьмы вынырнул длинный оранжевый отсвет, резанул по глазам и превратился в яркое, ослепляющее пятно. «Фонарик!» – догадался Федор и почувствовал, как подводит от страха живот.

– Эй! – крикнул кто-то зычным голосом. – А ну стой!

– Не останавливайтесь! – заорал Золотов. – Бегите!

Он так быстро мчался вперед, что ему почудилось, будто ноги вот-вот оторвутся от земли. Луч фонарика плясал где-то позади, все такой же яркий и ошеломляющий. В какой-то момент Федору показалось, что они начали отрываться, но по ушам резанул вопль Мичуриной.

– Отстань! Помогите!

– Федя! Любку поймали! – закричал откуда-то сзади Сашка, и в груди Золотова все оборвалось. Свет фонаря все так же бил в спину, и Золотов обернулся, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в его слепящем белом сиянии. Совсем рядом, в каких-нибудь нескольких шагах он увидел темную фигуру, прижимающую к себе Любку. В ярких лучах фонарика было невозможно определить, кто это.

– Убери руки! Не трогай! – повизгивала Мичурина, но незнакомец держал ее крепко. Она трепыхалась в его объятиях, словно котенок.

– Вы кто? – спросил Федор, жмурясь и прикрывая глаза рукой.

– Сторож, – голос незнакомца был хриловатым и глухим,

точно он говорил через стекло. – Вы чего тут забыли, ребятаки?

– Мы гуляли, – брякнул Сашка.

– Гуляли? А что, больше нет мест, где можно погулять? – наигранно удивился сторож.

– Подвыпили немного. Заплутали, – сказал Федор, пытаюсь разглядеть человека с фонариком. Все, что ему удалось различить – незнакомец был невысокий, коренастый и, кажется, совершенно лысый. Его глаза недобро поблескивали в полутьме, и в них, точно маленькие огоньки, отражались отсветы фонаря.

– Тише, тише, – обратился сторож к Любке. – Не кричи. Заплутали, значит, да?

– Ага, – подтвердил Золотов, прикидывая, сумеют ли они вдвоем с Сашкой одолеть этого маленького крепкого человечка.

– Ну вот что, ребята, – послышался шорох, и Федор с ужасом увидел, что из темноты на него смотрят дула двуствольного ружья. Фонарик погас, и в глазах запрыгали темно-синие пятна, похожие на громадных лохматых пауков. – Пора бы вам отсюда уйти подобру, поздорову. Тут хозяева очень нервные, – одной рукой человечек прижимал к себе испуганно сопящую Мичурину, а второй ловко управлялся с двустволкой. – Они не любят, когда лезут в их дела.

– Так мы не лезли. . . – попытался возразить Сашка, но сторож прервал его.

– Чш-ш-ш, тихо. Давайте-ка, молодежь, идите домой, ладно? А мы с девочкой пойдем чаю попьем. Правда ведь? – он почти любовно посмотрел на Мичурину, и та сжалась, содрогаясь от страха.

– Отпустите ее!

– Пацаны, давайте по-хорошему, ладно? – игривая интонация мгновенно улетучилась из голоса невысокого человека. – Не трону я вашу девку. Просто посидим, пообщаемся. Старших подождем.

– Каких еще старших?

– А таких. Если сами не свалите, пойдете назад в сарай. И ночевать там будете, – угрожающе сказал сторож, и эти слова хлестанули Федора, как кнут. – Все понятно?

– Ага, – пискнул Сашка.

– Ну вот и хорошо. А теперь, кругом, шагом марш, – человек приподнял ружье. – Давайте, давайте, парни.

– Федя, не уходи, – пискнула Любка.

– Мы не уйдем, – дрожащим голосом сказал Федор.

Звякнули взводимые курки.

– Мальчик, ты что думаешь, я шучу? – рыкнул сторож. – Давайте, я сказал! Или тоже со старшими хотите поговорить?

– Пойдем, – прошептал Сашка и потянул друга за руку. Они, спотыкаясь зашагали прочь, буквально спиной ощущая наставленные на них стволы ружья. «Так нельзя. Так нельзя,» – металось в голове у Федора, но он понимал, что вер-

нуться они не могут. Шутки кончились. Это был вооруженный человек, который видел, как они попали в тот сарайчик, набитый трупами. Что он хочет сделать с Любкой? «Подождем старших». Эти слова пугали его больше всего. Значит, должны приехать братки. Не хотелось и думать, что они могут вытворить с Мичуриной.

Сашка остановился и оглянулся, пытаясь различить во тьме силуэт сторожа, но ничего не увидел. Мрак был слишком плотным, угадывались лишь очертания могильных камней и заостренные пики оградок.

– Он еще стоит? – спросил друга Федор, сам почему-то не решаясь обернуться.

– Не вижу. Кажется, ушел.

– Не пойду! Не надо! – послышался откуда-то издали тонкий испуганный голос. Любка. Человечек с ружьем ее куда-то тащит.

– Блин, Мичурина... Что ж нам делать? – Федор, наконец, остановился и тоже попытался различить что-либо в плотной темноте, накрывшей кладбище.

– Чего мы поперлись-то? – досадливо проговорил Сашка. – Надо было дать ему в зубы, да и всех делов.

– У него ружье было. Забыл, что ли?

– И что. Вдруг оно разряжено было?

– А если бы пальнул? – Золотов покачал головой. – Нет, Саш. Тут без шансов. Мало ли, что у него в башке. Да и потом, он знал, что мы залезли в этот домик. Значит в курсе

всех дел, которые здесь происходят. Может, он же эти трупы и закапывает потом.

– Куда же он Любку-то потащил?

– Куда-куда... Ты не догадываешься?

Сашка засопел от бессильной злобы.

– Может, в милицию пойдем?

– Пока мы ходить будем, он из нее мочалку сделает, – Федор стиснул зубы. – Блин, как школьников нас шугнул.

– Ну что, домой предлагаешь идти?

– Нет, надо искать его. И Мичурину забирать.

– Так ты же сам сказал – ружье у него. Вдруг и правда шмальнет?

Федор тяжело посмотрел на него.

– Ну а что, предлагаешь бросить ее? Он ее щас там... Ну ты понял... – Золотов опустил голову. – Не надо было вообще сюда идти. Послушали эту дуру. Теперь нам же боком и вылезает.

Сашка сплюнул и нервно провел рукой по волосам.

– Блин, ссыкотно мне к нему соваться.

– Надо хотя бы попробовать. Саш, а если братки и правда приедут? Они же ее по кругу пустят.

Громов удрученно кивнул.

– Да, это точно.

– Так что пойдем, порыскаем. Может, найдем его. Если что, в милицию побежим.

Ночью кладбище выглядело на редкость жутко. Здесь присутствовало что-то незримое, тяжелое, заставляющее внутренности сплетаться в дрожащий комок. Казалось, что здесь буквально клубится черная энергия, вязкая, как болотная жижа. Над землей появилась какая-то странная белесая дымка – то ли туман, то ли некое подобие пара. Ощущалось, что это место не имеет ничего общего с раскинувшимся где-то вдалеке городом, словно это был некий изолированный остров, существующий в иной плоскости бытия.

Федор и Саша плутали между могил, содрогаясь от неприязни и пробирающего до самых костей холода. Больше всего хотелось оказаться подальше отсюда, подальше от этого ужасного сарайчика с мертвыми телами, безмолвно темнеющего где-то неподалеку. Подальше от ледяных силуэтов памятников и крестов, всплывающих из мрака. Подальше от мерзкого человечка с ружьем, утащившего куда-то Любку.

Когда в стороне, где-то в направлении ограды, замерцал огонек, Федор был близок к отчаянию. Он практически смирился, что Мичурину они больше не увидят. Золотов заметил этот маленький, едва различимый в сумраке отблеск света, и сначала подумал, что ему кажется. Или что это какой-то автомобиль едет вдалеке и мерцает фарами.

Но нет, светлячок был неподвижен. Он буквально цеплялся за глаз, прорываясь через все больше сгущающуюся темноту.

– Смотри, – Золотов указал на поблескивающий огонек. –

Совсем рядом.

– Пойдем, – Сашка устремился бегом, то ли желая согреться, то ли из-за чувства нервозности и боязни, которое делало обоих напряженными и взвинченными.

Они помчались вперед, к этому слабо мерцающему пятнышку, и вскоре оно постепенно начало расти, превращаясь в бледно-оранжевый прямоугольник.

– Окно! – воскликнул Золотов. Неужели они набрали на сторожку этого отморозка с ружьем? Ведь где-то ему нужно ночевать и размещаться. Да и не мог он далеко утащить Любку. «А вдруг он посадил ее в машину и куда-то увез?» – промелькнула пугающая мысль, но Федор отмел ее.

– Неужели оно? – с сомнением спросил Саша.

– Не знаю. Какая-то лачужка. Я думаю, это его сторожка. Смотри, вон и забор.

Федор не мог определить, в какой части кладбища они находятся. Он вообще ничего не мог сказать наверняка – казалось, что они ходят кругами по этой тьме, бесконечной и засасывающей, словно гигантский зев. Все, что им попадалось на пути – надгробия, которых, как складывалось ощущение, было бесчисленное множество. Будто бы все жители Земли внезапно умерли, а они вдвоем ходили среди этих захоронений, которым не было конца и края.

Когда они приблизились к этому бледному прямоугольничку, распространяющему слабый рыжеватый свет, стало понятно, что это действительно маленький домишко, в ко-

торых обычно ютятся сторожа или любой другой персонал, присматривающий за кладбищем. Он был совсем небольшим – наверное, не крупнее продуктового киоска или средних размеров трансформаторной будки. Сашка метнулся к окошку, но заглянуть внутрь ему не удалось – за стеклом были плотно задернуты занавески.

– Глянь, никого рядом нет? – сказал Федор, пытаясь различить какой-либо транспорт рядом с домиком. Он все еще боялся, что приедут бандиты, и тогда Любке уже нельзя будет помочь. Но никаких машин не было – к домишке, очевидно, нельзя было подъехать, так как за ним виднелся накренившийся металлический забор.

– Вроде пусто, – отозвался Громов. – Ну что, заходим?

– Ага.

Золотов обшарил темные стены в поисках дверной ручки. Какой-то звук привлек его внимание. Весьма знакомый звук, доносившийся изнутри.

Легкое постанывание. Глубокий вздох и еще один стон, глухо пробивающийся через стены крошечного домишки.

– Она там, – вынес вердикт Федор. – Слышишь?

– Да, – сглотнул Сашка. – Он ее, кажется, уже того...

Золотов нащупал дверь и кивнул. Следующим движением он рванул ее на себя и метнулся внутрь.

То, что он увидел, заставило его замереть с открытым ртом. Перед ним была маленькая комнатушка, грязная и захламленная, словно в ней обитал бродяга. На полу валялось

ружье, чуть дальше стоял столик, на котором приглушенно светилась керосиновая лампа. А еще чуть в стороне располагался то ли диван, то ли тахта – было трудно разобрать из-за пляшущих теней и слабого освещения.

На нем сидела Любка. Полулежала, вытянув ноги и запрокинув голову назад. Над девушкой сторбилась уже знакомая фигура – Золотов узнал сторожа, стоявшего возле Мичуриной на коленях. Чем больше Федор вглядывался, тем хуже ему становилось – платье у Любки было спущено почти до живота, открывалась аккуратная грудь, практически идеальная в бледно-лиловом свете. Сторож держал одну рукой, а по второй скользил длинным языком. Глаза у Мичуриной были закрыты, и каждые несколько секунд она издавала тихий, но полный наслаждения стон. Золотов пялился на эту шокирующую картину, растянувшуюся и застывшую, как стоп-кадр.

И тут сторож повернул к нему голову. Облизал свои губы темным, чрезмерно подвижным языком. Его глаза были похожи на два маленьких спичечных огонька, чарующе и зловеще тлеющих в полумраке. В его рту что-то было. Что-то длинное и заостренное.

Зубы. Длинные кривые зубы, выпирающие наружу.

Последняя бутылка воды

Интересно, что чувствует человек, держащий в руках последнюю бутылку воды на планете? Осознавая, что эта емкость – отрезок его жизни и единственная оставшаяся влага в миллионах километров. Понимая, как мало осталось ему жить и как быстро опустеет пластиковый сосуд с такой необходимой жидкостью, которую мы не привыкли экономить. О чем будет думать этот человек в последние часы жизни? Какими будут его мысли?

Нара глубоко вздохнула. Наверное, разум еще не привык и не адаптировался к тому, что произошло. Может, она до конца не осознает ситуацию и не хочет принимать все, чтобы не слететь с катушек? Может, это какой-то защитный механизм? Девушка перевела взгляд на полуторалитровую бутылку воды из саморазлагающегося пластика, венчающую кучу хлама, разбросанного по полу. Так о чем же будет думать человек, имеющий последнюю бутылку воды на целой планете, огромной планете, сухой и мертвой от полюса до полюса? Нара не могла ответить на этот вопрос. Вероятно, она могла бы порассуждать на эту тему, находясь где-нибудь далеко отсюда, в безопасности. Она могла бы фантазировать об этом увлеченно и абсолютно расслабленно, зная, что ей не грозит опасность.

Но человеком с последней бутылкой воды была она са-

ма. С последними полутора литрами спасительной влаги в одиноком и холодном космосе. Зачем Нара вообще задумалась об этом? Пыталась понять, как себя вести, что делать? А что здесь можно сделать, в этой безвыходной ситуации? Когда она, одинокая двадцатидвухлетняя девушка, зажата в маленьком обломке исследовательского корабля, ждет смерти и не имеет возможности позвать на помощь? Ничего.

НИЧЕГО. Короткое слово, похожее на лезвие перочинного ножа. Такое же острое и беспощадное. Нара чувствовала, что должна сорваться, должна кричать и биться о стены единственного уцелевшего отсека и рвать на себе волосы от ужаса и безысходности. Но она была странно спокойна, точно все это случилось не с ней, а с кем-то другим, и она лишь наблюдает за всем происходящим со стороны. Может, до нее все же не дошло, что она уже не жилец? Или она не до конца понимает, что такое страх смерти?

Девушка обессиленно зажмурилась. Она раздумывает над тем, что может быть в голове у человека, который оказался в схожей ситуации. Страх? Паника? Возможно. Попытки спастись? Тоже подходит, но только в том случае, если есть хоть какая-то возможность для спасения. У нее такого шанса нет – обломок корабля, внутри которого она находилась, приземлился на Марсе, абсолютно пустынной и мертвой планете. Нара не понимала, каким образом отсек остался цел после падения. Может быть, потому, что на Марсе меньше сила притяжения? Или ей просто повезло?

Хотя вряд ли это можно было назвать везением. Их корабль, «Резолюшн», просто разнесло на кусочки. Нара была в отсеке измерительных материалов, когда это произошло. Никто не успел ничего понять – все случилось мгновенно. Грохот, удар, все переворачивается с ног на голову, и она болтается в крошечной комнатухе, ударяясь о потолок, стены и пол, которые ежесекундно менялись местами. Как она себе ничего не сломала? Уже потом, после приземления, Нара поняла, что двери отсека заклинило намертво и выбраться она не сможет. Кислорода тоже хватит ненадолго, может быть на день-два. На «Резолюшене» была аварийная система запаса кислорода в каждом отсеке на случай внезапной разгерметизации, поэтому какое-то время она еще сможет дышать. Но воздух рано или поздно кончится, и ей в любом случае крышка. Все, что у нее осталось – разбросанные по отсеку мелкие вещи, обломки измерительной аппаратуры и бутылка воды, оставленная кем-то из команды.

Помещение было перевернуто вверх ногами, и Нара теперь находилась на потолке. Толстенное стекло иллюминатора не пострадало, но из него было видно только темно-бурый марсианский грунт и кусочек бледно синеющего неба. «Даже здесь, на Марсе, оно синее,» – подумала девушка и попыталась дотянуться до бутылки с водой. Тело отозвалось ноющей болью. Ее розовый облегающий костюм был порван сразу в нескольких местах, точно его покромсали ножницами. На правом бедре начала запекаться выступившая кровь – она

все же умудрилась обо что-то пораниться во время чудовищной карусели, в которую угодил обломок с ее отсеком. Темно-зеленый форменный нагрудник тоже пострадал – один из наплечников почти отвалился и болтался на паре швов, эмблема звездного флота смялась так, будто ее сжали пассатижами, а бейдж с надписью «Лейтенант Нара Бернс» переломило пополам. Нара смахнула светлую прядь со щеки, стиснула зубы и подползла к бутылке чуть ближе. Единственная бутылка воды на всем Марсе. Единственная вода, которую можно пить.

Пальцы мисс Бернс коснулись бутылки и на этом силы закончились. Девушка застонала и поняла, что в данную секунду не способна даже на то, чтобы поднести бутылку ко рту. Нужно полежать еще несколько минут и накопить энергию в мышцах. Теперь ей спешить некуда, и она может валяться сколько угодно. Вернее, сколько хватит кислорода. Как же все-таки уцелел ее отсек? Не разгерметизировался, не разбился при ударе о планету. Да и сам удар был не очень сильный. Этот отсек будто легонько спланировал, а не рухнул камнем вниз. Что же произошло? Почему погиб «Резолюшн»? Слишком много вопросов, на которые она не знала ответа.

Да и все это сейчас не имело особого значения. Случилось то, что случилось, и она не могла ничего изменить. Только одна мысль резала ее, словно лезвие – она обречена на медленную смерть. Все, кто был на «Резолюшене», скорее всего,

погибли мгновенно, а вот она... В глубине разума еще теплилась надежда на спасение. Была вера в какое-то маленькое чудо, наподобие того, которое уже с ней случилось и благодаря которому она пока что жива. Но здравый смысл перечеркивал все попытки уцепиться за мысль о спасении. Да, их безусловно будут искать и уже ищут, так как пропала связь. Но найдут ли ее обломок, такой крошечный на этой огромной планете? Будут ли прочесывать Марс в поисках выживших, понимая, что их быть не должно? Если ее обломок и обнаружат, то к тому моменту закончатся и кислород, и вода. А ведь ей придется еще и испражняться прямо здесь, в отсеке, потому что другого места попросту нет. Нара скривилась от этой мысли и почувствовала, как к горлу подступает ком.

Она открыла глаза и посмотрела на бутылку с водой. Во рту пересохло, и девушка уже очень хотела пить, но понимала, что нужно экономить жизненно необходимую влагу. «Только чуть-чуть промочить рот,» – пообещала сама себе Нара и протянула руку к бутылке. Ее глаза перебежали на датчик кислорода на запястье. «Норма» – гласила надпись, и это ее успокоило. Бернс поднесла бутылку к лицу и повернула крышку. Вода была прохладной и до безумия приятной на вкус, но Нара вовремя остановилась, сделав маленький глоток и усилием воли заставив себя убрать горлышко подальше от губ.

Теперь ей казалось, что без переломов все-таки не обошлось. Слишком сильно болели конечности и спина. Сил по-

прежнему не было, и Нара чувствовала себя разбитой и выпотрошенной изнутри. «А что, если так и не получится окле-маться?» – с тревогой подумала она. Ее веки опустились и перед глазами возникли образы родителей. Что будет с мамой и папой, когда им сообщат, что их дочь погибла во время исследовательского полета? Сейчас, когда с экранов радаров пропала метка «Резолюшена», там, на Земле, наверное, понимают, что при любой серьезной аварии выжить практически невозможно. Космос беспощаден и мертв, любая оплошность влечет за собой гибель.

Нара вспомнила, как они отцом гуляли по центральной площади Эшвуда, ее родного города, и как, увидев здание Объединенной Аэрокосмической Корпорации, она сказала:

– Хочу летать на звездолете!

Отец улыбнулся и покачал головой.

– Чтобы служить в космофлоте, нужно быть сильным, смелым и целеустремленным. Туда идут те, кто не боится никаких трудностей.

– Я ничего не боюсь! – гордо выпятила нижнюю губу Нара, и отец громко засмеялся.

– А как тогда быть с мисс Делвуд, к которой тебе идти в пятницу лечить зубки? Кто у нас главный трусишка?

Нара скривилась. Она ужасно боялась стоматологов, но сейчас не могла ударить в грязь лицом.

– Спорим, что я больше никогда не буду бояться ходить к мисс Делвуд? – выпалила она, чувствуя, как начинает ко-

лотиться сердце.

– Хорошо, идет, – отец взлохматил ей макушку. – Значит, будем космолетчиками?

– Да! Я буду самой смелой! На всем-всем свете! – крикнула Нара. – И меня возьмут на звездолет!

В небе ласково светило солнце. Теплый летний день казался ей красочной яркой картиной, насыщенной буквально осязаемой свежестью и новизной. Наверное, детские образы и не могут быть другими – только похожими на иллюстрацию, нарисованную сочными акриловыми красками. Это было так здорово, так приятно, и казалось, что все это будет всегда – беззаботность, родные люди рядом, безопасность и уют. Она действительно стала летать на космических кораблях. Но разве кто-то мог знать, чем все это обернется? Что детская мечта станет путевкой на тот свет?

Мисс Бернс глухо застонала. После мыслей о родителях ей захотелось плакать. Она представила, каково сейчас маме и папе. Что с ними? В каком они состоянии? Маму запросто может хватить инфаркт от такой страшной новости. Как они теперь будут жить дальше? В голову полезли новые воспоминания, уже не такие радужные. Ссоры с матерью и отцом, мерзкий эпизод с переездом из родительского дома – тогда Нара ужасно с ними поругалась. Наговорила кучу гадостей, потому что ее раздражало, что ее считают слишком юной и несамостоятельной. А сколько еще раз она их обижала из-за своей глупости?

Нара и не заметила, как от слез намок ворот ее костюма. Она беззвучно плакала, чувствуя себя настолько одинокой и потерянной, что это невозможно было выразить словами. Только короткими глухими рыданиями, которые становились все тише и тише, и вскоре превратились в неуверенные всхлипы. Вытерев щеки тыльной стороной ладони, мисс Бернс вновь подтащила к себе бутылку и сделала маленький глоток.

В отсеке царила почти крошечная тьма. Нара попыталась доползти до иллюминатора, но сил хватило лишь на то, чтобы немного приподняться на локтях. Да, она определенно что-то сломала. Болело все, но девушка никак не могла понять, что именно пострадало больше всего. Руки и ноги она вроде бы чувствовала. Может, позвоночник? Эта ужасная мысль заставила ее еще раз хлебнуть из бутылочного горлышка. Нет, только не это. «Но какая разница?» – прошептал здравый смысл. – «Тебе все равно конец. Как и кислороду в твоём чудом уцелевшем отсеке.»

Мысли переключились на другой, еще более страшный лад. А что, если начнется пыльная буря? На Марсе это постоянное явление, и скорость ветра здесь больше, чем во время любого самого чудовищного земного урагана. Что будет с ее обломком? Ее будет мотать внутри как букашку, и она уже совершенно точно переломает себе все, что только можно. И пускай ей в любом случае не суждено было выбраться отсюда – сознание само цеплялось за жизнь, хваталось за лю-

бую соломинку и не желало мириться с поражением. Она не хотела погибнуть таким страшным способом. Она никак не могла поверить, что скоро умрет.

Но снаружи было тихо. Датчик на запястье стал мигать желтым, и это означало, что кислорода уже меньше половины. Ее время стремительно таяло. Нара подумала о своем бывшем бойфренде из летной школы – Френки Эдмонсе. Как он там, интересно? Какая у него будет реакция, когда он узнает о ее гибели? Наверное, это все-таки его зацепит. Они встречались полтора года, и это было прекрасным временем. В какой-то момент Наре казалось, что мужчины идеальнее, чем он, не существует. У них все было так здорово – прогулки, пикники на природе, уютные домашние вечера за просмотром кино. Что еще можно хотеть? Но потом все как-то сошло на нет. И дело было вовсе не во Френки. Нара со стыдом сознавалась себе, что он попросту ей надоел. Наверное, был слишком предсказуемым. Слишком хорошим и понятным. Ее пугала перспектива рутины и однообразия. Мисс Бернс всегда хотела приключений, ее неумная натура не желала принимать постоянство и размеренность. Скорее всего, именно поэтому ее потянуло в космический флот. Ведь она могла закончить какой-нибудь гражданский университет и спокойно работать, например, инженером. Но это было слишком плоско. Слишком неинтересно. Звезды и путешествия, полные опасности – вот что ей требовалось.

Именно сейчас, лежа скрюченной в разбитом отсеке, На-

ра поняла, каким же капризным ребенком она тогда была. Как жестока бывает эта жизнь – очень быстро отбирает то, что не ценишь. Она не ценила ни родителей, ни бойфренда, ни дружбу, ничего. Что у нее осталось, кроме грандиозных планов и пустых мечт о чем-то великом и незабываемом? Бутылка воды – вот что у нее осталось. Бутылка воды и несколько часов кислорода.

Мисс Бернс вспомнила день, когда бросила Френки. Она поступила гадко – он все еще пытался за ней ухаживать, подарил дорогое вино, которое ей нравилось. Френки был очень милым парнем, но она так быстро охладела к нему, что даже не понимала, насколько по-свински себя ведет. В тот последний день она лишь вяло отмахивалась и обещала, что перед следующим вылетом точно скажет, смогут ли они продолжать встречаться. Он так бесил ее своими попытками поговорить, своими щенячьими глазками, полными отчаяния, что она готова была дать ему пинка. Дома, назло ему, она вылила бутылку прекрасного итальянского вина в раковину. Сделала это из вредности, всем своим существом показывая презрение к такому нудному балбесу, как Френки. Сколько бы сейчас она отдала за ту бутылку вина... Нара с горечью поджала губы. Ей было так стыдно, так плохо, что хотелось кричать. Но сил для этого не было. Тело болело, в горле постоянно пересыхало, и она снова отхлебнула воды.

Дышать становилось все труднее. Датчик медленно краснел, постепенно приближая ее к концу. Нара чувствовала

себя все хуже, боль становилась пульсирующей и обжигающей. Ей казалось, что у нее жар, но когда она трогала лоб вспотевшей от страха ладошкой, он был холодным. Девушка все чаще пила воду – жажда мучала ее гораздо сильнее, чем прежде. Глядя на постепенно пустеющую бутылку, мисс Бернс вспомнила книгу о морских путешественниках, прочитанную несколько месяцев назад. Главные герои решили пересечь Тихий океан на паруснике, но угодили в лапы пиратов. Их бросили на шлюпке посреди бескрайних волн, без еды, пищи и весел. «Что чувствовали эти люди?» – думала Нара, перелистывая страницу за страницей, даже не подозревая, что ей предстоит оказаться на их месте. Теперь-то она точно может сказать, каково им было.

А каково, интересно, сейчас жителям Африки? Этого несчастного континента, который вот уже больше сотни лет страдает от нехватки воды и ресурсов. Чем больше рос прогресс, тем хуже там становились дела. Все эти ролики с целыми районами, превратившимися в выжженую пустыню... Испуганными и изможденными лицами людей в лохмотьях, вынужденных выживать в нечеловеческих условиях... Вынужденных сражаться за каждую бутылочку воды... Нара с трудом втянула воздух в легкие и поняла, что бредит.

Чего бы ей хотелось сейчас? Мисс Бернс знала ответ. Увидеть Землю. Самый родной уголок в этом чудовищном пустом пространстве, именуемом космос. Просто посмотреть на нее хотя бы несколько секунд. Она, должно быть, неверо-

ятно красивая. С голубой дымкой океанов, золотистой нитью мерцающих городов, с белыми, похожими на маленьких барашков, клубами облаков... Датчик заморгал красным и Нара устало закрыла глаза.

Она совсем не догадывалась, что в этот момент буквально в паре сотен метров от ее обломка приземлился корабль с эмблемой космического флота на борту.

Домушник

Дом на Парк-стрит 12 должен был стать для Хельстрема последним шансом. Он схватился за это дело, ни секунды не раздумывая, и слепо верил в то, что сумеет воспользоваться выпавшей возможностью на все сто. Когда у тебя нет денег, нет перспектив и проблемы с копами – падать дальше уже некуда. Особенно если ты до этого был профессиональным домушником и больше ничего не умеешь делать в этой жизни.

Хельстрем занимался кражами уже несколько лет. За это время он настолько поднаторел, что какое-то время умудрялся жить на широкую ногу, позволяя себе хорошие автомобили и походы в казино. В своем волчьем окружении, где с каждым «компаньоном» нужно держать ухо востро, Хельстрем протянул дольше всех. Большую часть его, если можно так выразиться, коллег либо подстрелили, либо отправили в тюрьму. Лишь он со своим звериным чутьем и обостренным нюхом на опасность умудрился остаться целым и невредимым.

Однако с годами его способ заработка превратился в сплошную игру в кошки-мышки. Он скитался по городам, пытаясь найти место потише, но полиция становилась настоящей проблемой даже в захолустье. У Хельстрема складывалось ощущение, что копы буквально появляются из воздуха

за его спиной, словно заранее зная, где он окажется. Делая все аккуратно и не оставляя следов, он все же умудрился пару раз засветиться, и теперь его вполне себе целенаправленно вели. Безусловно, у полиции не было точных данных о его имени, не было фоторобота, но его почерк они знали отменно. Не так давно он напоролся на засаду и с ужасом осознал, что за его шкурой шла нешуточная охота. Пришлось залечь на дно, и этот вынужденный простой продлился очень долго. Деньги быстро кончились, а учитывая азартный характер Хельстрема и его любовь к покеру и рулетке, никакой финансовой подушки не было и в помине.

О работе Хельстрем даже не помышлял – он никогда не занимался чем-либо другим, кроме воровства. Работа в его представлении означала окончательный крах свободы и хоть какой-то надежды. Он терпеть не мог быть зависимым от чего-либо, однако не осознавал, что тяга к кражам – самая большая зависимость, убивающая его, подобно наркотику.

Поэтому когда всплыл вариант с домом на Парк-стрит, Хельстрем вцепился в него, точно коршун. Информация об этом доме пришла совершенно неожиданно – когда Хельстрем сидел на улице и пил дешевый виски, который стибрил из фургончика, доставляющего продукты в местный магазин. Денег не было уже ни на что, даже на еду, поэтому ему приходилось рисковать и воровать все, что плохо лежит. Он понимал, что долго так не протянет, и его отчаянье становилось все более глубоким.

В этот день ему казалось, что он в абсолютном тупике. Даже начали закрадываться непривычные и хлещущие, точно кнуты, мысли о том, что он лишь жалкий бездельник, воришка, трус и никчемный болван. Пару раз в голову заскочили совершенно сумасбродные идеи о том, чтобы остепениться, найти работу и попробовать жить нормальной жизнью. Чего только не делает с человеком спиртное! Хельстрем хотел было выбросить бутылку, но передумал – внутри было еще больше половины, а украсть новую порцию он был уже не в состоянии. Во дворике дома, где он снимал комнату, сновало множество народу, и среди многочисленных разговоров натренированное ухо Хельстрема выхватило один очень важный, который зажег в его душе искорку надежды.

– Мэри что-нибудь узнала?

– Нет, слава Богу, нет.

– А вдруг там живет кто-нибудь из ее подруг?

– Не думаю. Хотя черт его знает... Райончик, вообще, очень тихий. Хоть и новый. Там живут, в основном, молодые парочки. Дебора тоже не так давно была замужем. Но сам понимаешь, такие как она долго не могут жить в браке.

Смешок, перешедший в ехидное хихиканье.

– Смотри не перегибай палку, Том. Можешь попасться кому-нибудь на глаза.

– Все под контролем. Я уже обшарил там всю округу. Соседей, к счастью, совсем не видно. Они то ли уехали куда-то, то ли еще что. Там возле ее коттеджа один-единственный

дом. Выглядит вполне опрятно. Но все равно заметно, что там никого давно не было. Хотя внутри вроде как есть мебель. Я подходил к забору, пытался заглянуть внутрь через окна. Ну ты знаешь меня, Бобби, я всегда все проверяю. Мало ли кто там может жить.

– И?

– Тишина. В квартире есть вещи, обставлен интерьер, но хозяйева, похоже, отправились в отпуск или еще куда-то. Чего-то особого я там не разглядел – помешали шторы, но все равно понятно, что никого нет дома.

– А что говорит твоя Дебора?

– Она живет там не так давно, меньше месяца. Говорит, что жилье дешевое, поэтому и выбрала этот район. Знаешь, ей вообще пофиг на все, кроме секса. Так что мы разговариваем только на соответствующие темы.

Вновь смешки и булькающий гогот. Хельстрем весь превратился в слух. Он даже не повернул голову в сторону собеседников, машинально прикладываясь к горлышку бутылки и делая маленькие глотки, обжигающие язык.

– Я хотел тебя попросить, Бобби. Не мог бы ты заехать за мной через пару дней? Сегодня я отправляюсь к ней, и после выходных мне нужна будет эвакуация.

– Ну ты и жук... Ладно, заеду. Блин, Том, зачем так рисковать? Мэри тебе яйца оторвет, если узнает. Или во сне придушит.

– Не узнает. Надеюсь... Мэри уже тридцать два, а Деборе

всего двадцать четыре. Если бы ты видел ее сиськи...

– Ладно, заткнись. Какой там адрес?

– Парк-стрит одиннадцать.

Хельстрем мысленно поставил себе в памяти раскаленное клеймо в виде этой последней фразы. Парк-стрит одиннадцать... Значит, соседний дом, о котором шла речь – двенадцатый. Вот он, шанс, который выпал как счастливый номер в лотерее. Раз в том доме никого нет, то можно попробовать его обнести. Как там сказал этот парень? «Выглядит вполне опрятно»? Это еще лучше. Значит точно есть, чем поживиться. Надо быть очень, **ОЧЕНЬ** осторожным. И да, это может быть очередная ловушка копов. Но он ведь как следует выждал, так ведь? Обезопасил себя, ушел на дно. Может, они отпустят поводья и позволят ему разжиться деньжатами? Они ведь не могут преследовать его вечно.

Пан или пропал. Либо он сорвет куш (ну или хотя бы найдет хоть что-нибудь, что позволит ему удержаться на плаву), либо полиция возьмет его и все кончится. Сейчас ему было все равно. Все, что было внутри Хельстрема – непоколебимая решимость. Он устал сидеть без денег. Он не хотел идти работать. Ему нечем было платить за жилье. Ему было плевать на последствия.

Он соскучился по своему любимому занятию.

Дом на Парк-стрит 12 действительно выглядел опрятно. Даже в полуночной темноте, белея крашеными стенами и по-

блескивая новенькими стеклопакетами. Он явно не был заброшен – трава на лужайке перед домом хоть и не была идеально ровной, но совершенно точно носила следы недавней стрижки. Дворик тоже был в хорошем состоянии, несмотря на островки сухих листьев, шуршащих под окнами и на площадке перед крыльцом.

Все эти детали говорили только об одном – хозяева оставили дом на продолжительное время, скорее всего куда-то уехали. Хельстрем обожал такие домишки. Для него они были настоящей кладезью – можно разжиться и вещами, и деньгами, и одеждой, если повезет. Единственное, что волновало Хельстрема – копы. Почему-то ему казалось, что засада ждет его в каждом втором проулке. Может быть и в этот коттедж посадили группу захвата, специально заманивая его, чтобы сцапать на месте преступления? Хельстрем начал колебаться. Не лучше ли поискать какой-нибудь другой вариант? Но здравый смысл тут же отмел эти панические мысли. Он же слышал об этом доме в случайном разговоре. Это произошло совершенно спонтанно, исключительно потому, что он сидел возле входа в подъезд и слушал болтовню местных. Так что никакой преднамеренной западни здесь быть точно не могло.

Собравшись с духом, Хельстрем скользнул к дому. Осторожно перелез через забор, словно тень прошмыгнул к окнам и попробовал разглядеть, что находится внутри. Почти все шторы были задвинуты, но свет не горел. Сквозь стек-

ло можно было различить хорошо обставленный интерьер и множество вещей. Да, домик действительно был настоящим кладом. Мысленно ухмыльнувшись, Хельстрем несколько раз обошел дом, облазил двор, словно ищейка, пытаясь заподозрить хоть какой-то подвох и тщательно наблюдая за окружающей обстановкой.

Однако все было тихо. Никаких подозрительных намеков. Безмолвный район, темные окна соседних домов – была глубокая ночь, и, скорее всего, местные жители отправились спать. Можно было начинать работу. На небе не было видно ни луны, ни звезд, и это опять же играло на руку Хельстрему, делая его практически незаметным в ночном сумраке.

Совершив для верности еще один рейд вокруг дома, он принялся возиться с замком входной двери. Темнота была не только его другом, но и врагом – видимость была практически нулевой, и приходилось делать все на ощупь. Пользоваться фонарем по понятным причинам он не мог, поэтому оставалось надеяться лишь на выработанную за много лет сноровку. Замок оказался несложным – всего пару минут, и раздался греющий душу щелчок, сообщающий о том, что путь внутрь свободен. Осторожно приоткрыв дверь так, чтобы она не скрипнула, Хельстрем скользнул в открывшуюся щель и дождался, пока глаза привыкнут к еще более густому, чем снаружи, мраку.

Прихожая напоминала черную пещеру, уходящую куда-то вглубь земли – темнота была настолько плотной, что, каза-

лось, ее можно резать ножом. Хельстрем осторожно двинулся вперед, изо всех сил вглядываясь во тьму. Из черноты выплывали мутные силуэты мебели, и нащупав шкаф, он торопливо распахнул его створки. Несколько курток и платьев. Хельстрем достал из кармана маленький тусклый фонарик и осветил на свисающую с вешалок одежду. Ничего интересного, хотя на обратном пути можно будет что-нибудь выбрать. Он двинулся дальше, через маленький холл, заканчивающийся лестницей, ведущей на второй этаж. Вправо и влево уходили небольшие коридорчики, в конце которых белели комнатные двери. Хельстрем решил сначала закончить с первым этажом, а затем отправиться на второй.

И пока он решал, в какую из двух комнат отправиться, мертвую тишину нарушил какой-то неясный звук. Хельстрем замер и весь превратился в слух. Он судорожно пытался различить хоть что-то в плотной, словно вата, тишине. Да, определенно что-то было. Какой-то едва заметный шорох. Снова какое-то шепуршание, доносящееся сверху. Хельстрем приподнял голову и попытался разглядеть, что находится выше. Лестница уходила сначала вверх, потом забирала влево, а чуть выше начинались деревянные перила, растворяющиеся во мраке. Еще один звук, похожий на легкие шаги, а затем тихий женский голос, от которого у Хельстрема все съежилось внутри.

Да, он был в доме не один. Вот это прокол! Хельстрем pokrылся потом и почувствовал, как шумит в ушах кровь.

Вновь женский голос, негромкий, но отчетливый. Слов было не разобрать, но стало совершенно ясно, что его обладательница находится совсем недалеко, в какой-то из ближних комнат второго этажа.

Внезапно голос затих. Хельстрем сглотнул и оглянулся в сторону прихожей. Заметили ли его? Он ведь совсем не шумел. Но включал фонарь. Как он мог так засыпаться? И в этот момент со второго этажа послышался скрип открываемой двери. Сейчас кто-то выйдет к лестнице и увидит его.

Хельстрем шмыгнул в темноту, словно мышь. Стараясь ступать как можно тише, он прокрался в прихожую и торопливо засеменил к выходу. Даже отсюда он услышал, как хлопнула на втором этаже закрываемая дверь, и, подгоняемый ужасом, он выскочил из дома и, не разбирая дороги, бросился наутек.

Оказавшись дома, Хельстрем пожалел, что у него не осталось выпивки. Видимо, он стал терять свое чутье и навык. Иначе как объяснить такой прокол? В этот раз все сложилось совсем не так, как нужно. У него, конечно, и раньше бывали неудачи, но он не переживал их так тяжело, как эту. Ему казалось, что его заметили – кто-то вышел из комнаты на втором этаже, и может быть, успел его увидеть. Хотя на нем и была маска-балаклава и лицо его точно никто не мог разглядеть, сам факт попытки взлома будет для полиции хорошим пинком. Теперь они будут намного внимательнее, а это зна-

чит, что снова придется сидеть тихо и никуда не соваться. Для Хельстрема это означало то, что скоро ему придется ночевать на улице, ведь он и так сильно просрочил выплату за съём жилья.

Утром он чувствовал себя еще более паршиво. Его раздражало абсолютно все, даже бормочущее новости радио. Голодный, обозленный и раздавленный, Хельстрем ощущал себя пороховой бочкой, которую бросили в огонь. В любую секунду он был готов взорваться, и в какой-то момент ему захотелось швырнуть радио об стену. Его остановило только то, что все вещи в этой комнате ему не принадлежали.

– ...Только что поступили данные о том, что прошлой ночью было совершено жестокое убийство. Житель пригорода Эшвуда устроил настоящую бойню в своем доме, зарезав жену и двоих детей. Глава семейства действовал крайне жестоко, нанеся своей супруге более тридцати ударов кухонным ножом и перерезав горло детям, спящим в своих кроватях. Его тело было найдено в гараже, где он повесился на садовом шланге. Напомним, это уже второй похожий случай за последние два месяца – в августе этого года еще один житель Эшвуда, проживавший по адресу Парк-стрит 12 застрелил своих домочадцев из дробовика двенадцатого калибра, после чего покончил собой. Мотивы убийства так и не установлены. Криминалисты продолжают прорабатывать различные версии, среди которых...

Хельстрем застыл, мигом забыв о своей злобе и раздраже-

нии. Внутри у него все сжалось, как от сильного спазма. Как же сильно он ошибался, полагая, что хозяйева куда-то уехали. Но кто же там был? Может, дом уже выставили на продажу? И, возможно, туда уже кто-то заселился? Все может быть. Хельстрем вскочил с дивана и принялся одеваться. Он захотел еще раз все проверить.

Днем этот дом выглядел совсем иначе, нежели в ночном сумраке. Хоть он и казался достаточно ухоженным, при тщательном рассмотрении становилось понятно, что в нем уже давно никто не живет. Хельстрем не мог увидеть ночью, что стекла слишком пыльные, будто их много дней никто не протирал. В темноте было не так заметно, что жухлые листья заполонили почти весь двор, и было абсолютно ясно, что ни одна живая душа не появлялась здесь, как минимум, с начала осени.

Хельстрем подошел ближе и заглянул через забор. Грязные дождевые разводы на белых стенах. Мелкие бумажки и полиэтиленовые пакетики, приставшие к газону и медленно трепещущие на ветру. Но главное – то, что он не заметил ночью – скомканная лента с надписью «Не подходить! Место преступления!», валяющаяся в куче сухих листьев.

Курьер из Манхэттена

Кевин Уэттс проснулся от противного дребезжания телефона. Спросонья ему показалось, что кто-то схватил огромный колокол и принялся неистово звонить ему прямо в ухо. Звук был просто невыносимым – он врывался куда-то в подкорку мозга и заставлял все нутро вибрировать.

Уэттс сел на кровати и с трудом разлепил веки. Телефон продолжал трезвонить.

– Что за ублюдок... – прошипел Кевин и стащил трубку. – Алло?

– Уэттс! Мать твою! Ты где?

Кевина словно ударило молнией, и весь сон мгновенно вылетел из головы.

– Мистер Шон? Извините... Я уже... Уже обуваюсь, сэр. Готовлюсь выходить из дома.

Его перепуганный взгляд метнулся к часам на стене. Десять минут девятого! Он опоздал на работу почти на час. Мистер Шон вчера велел прийти в половину восьмого, так как накопилось очень много заказов. Вот это лажа! Надо же было так влететь! Кевин проглотил ком в горле и представил, что его ждет по прибытию в офис.

– Врешь! Я по голосу слышу, что ты только что шары разлепил! Ублюдок! Я же просил – быть в офисе к половине восьмого! Ты что, тупой? У нас почти две сотни заказов на

сегодня! Две сотни, придурок!

– Да, сэр, я помню. Пожалуйста, извините меня. Я уже выхожу.

В трубке послышалась еще более сильная ругань. Мистер Шон, очевидно, отчитывал еще кого-то, подвернувшегося под руку.

– В общем, слушай меня, Уэттс. Если тебя не будет на работе через десять минут, считай, что пришло время записываться на биржу труда. Понял?

– Да, да, сэр. Конечно. Я буду мчать пулей.

– Пулей... Я бы тебе в башку пулю засадил, урод...

Пошли короткие гудки. Трясаясь, словно лист, Кевин соскочил с постели и помчался в ванную. У него было меньше десяти минут, чтобы проехать два квартала и добраться до офиса курьерской компании «Грет энд Бэлл».

Через пять минут он уже мчал на своем старом «Кадиллак Эльдорадо», проскакивая светофоры и прикидывая, сколько штрафов сегодня словит. Наверное, на выходе из офиса его уже будет ждать полицейская квитанция, прижатая дворником к лобовому стеклу. Ладно, плевать, главное не вылететь с работы. А к этому он был близок как никогда. Промчавшись казавшиеся бесконечными два квартала, он с визгом затормозил возле офиса и пинком распахнул автомобильную дверцу.

Несколько ступенек, лифт... Он мял в руке форменную кепку и постоянно глядел на часы. Десять минут вышли. Как

он умудрился проспать? И почему не сработал будильник? Времени разбираться во всем этом не было – он выскочил из дома, даже не позавтракав, и теперь в животе предательски скребло. Да, парень, теперь тебе не скоро удастся заморить червячка, денек ожидается бешеный.

Кевин вылетел из лифта и помчался в офис. Мистер Шон сидел в своем кресле и с угрюмым видом разбирал накладные.

– Наконец-то, Уэттс. У меня для тебя приятные новости. Сегодня ты будешь работать до девяти.

– До девяти? – почти простонал Кевин.

– Да, именно, малыш, до девяти часов вечера. В следующий раз будешь вовремя отрывать свою пустую башку от подушки и своевременно приезжать на работу. И еще – я вычитаю у тебя из зарплаты пятьдесят баксов. За твои пропущенные пятьдесят минут рабочего времени.

Кевин стиснул зубы и приказал себе успокоиться. Да уж, ну и денек. Удар за ударом. И во всем он виноват сам – если бы не собственная беспечность, все было бы хорошо.

– Сегодня возьмешь тридцать адресов.

О нет, только не это... Тридцать адресов! Тут придется не до девяти, а до ночи бегать.

– Но почему, сэр?

– Потому что твои коллеги – Филлипс, Хагги и Трент не резиновые. Они приехали сегодня вовремя и уже забрали свою норму. Надо быть справедливым, малыш. Неужели ты

думаешь, что я позволю своим работникам дрыхнуть сколько им вздумается? Хочешь что-то возразить?

Конечно хочу, долбаный ты урод. Нельзя одновременно бить по деньгам и устраивать переработку. Я ведь всего лишь опоздал. Никого не убил, не переспал с твоей женой и не нагадил тебе в утренний сэндвич. Нельзя так обращаться с людьми!

Все это Кевин хотел выкрикнуть в лицо мистеру Шону, но вместо этого сжал кулаки и набрал как можно больше воздуха в легкие. Считай до четырех – вдох. Снова до четырех – выдох. Спокойно, брат, нужно просто потерпеть. И все будет хорошо. Верно?

– Я не возражаю, сэр, – выдавил из себя Кевин.

– Ну вот и здорово. Возьми накладные, бегом на склад и начинай работать. И попробуй только не сделать все до конца дня.

Уэттс сгреб ненавистные бумаги и направился к лифту. Похоже, сегодня, действительно придется посидеть на голодном пайке. Он не успеет не то, что поесть, но и в туалет сходить. Главное не торопиться и не вляпаться еще в какую-нибудь историю. Да, пускай сегодня он переработает, зато получит хороший урок. И все-таки, почему не сработал будильник? Может, сломался? Кевин хорошо помнил, как перед сном выставил сигнал на семь утра. Ладно, теперь это уже не так важно. Остается только терпеть.

На складе все уже было готово. Кладовщик нафарширо-

вал его маленький рабочий фургончик целой кучей посылок, и теперь Уэттсу предстоял марафон по Нью-Йорку длиной в день.

Утро было солнечным и ярким. Золотистые лучи плясали на хроме бамперов, литых колесных дисков и велосипедных спиц. Кевин пробежался взглядом по списку адресов и решил начать с самых ближайших. Если он будет делать все грамотно, то, может, удастся выкроить время на маленький обеденный перерыв.

Уэттс решил начать с небольшой юридической конторы, расположенной через пару тройку улиц. Туда нужно было отвезти фарфорового орла. Удивительно, но дорога заняла у него почти двадцать минут – из ниоткуда организовался затор, и он уже подумал, что попал в хорошую пробку.

Коробка с орлом была достаточно крупной. «Что же там за орел такой?» – подумал Кевин, осторожно вытягивая ее из фургончика. – «Главное его нечаянно не уронить по пути.» Когда он подходил к входной двери, откуда-то сверху раздался чудовищный грохот. Словно что-то взорвалось прямо над головой, у самого лазурного купола неба. Завыли сигнализации, послышались крики. Уэттс испуганно обернулся, пытаясь определить, откуда пришел этот непонятный громopodobный шум.

То, что он увидел, настолько шокировало его, что он едва не выронил коробку со своей хрупкой ношей. Один из двух гигантских небоскребов – зданий Всемирного торгового

го центра – был похож на исполинский факел. Громадный огненный шар от взрыва расползлся по его верхней части, похожий на медленно разрастающееся новое солнце. Взрыв? Теракт? Что это? Люди останавливались и задирали головы вверх, разглядывая небоскреб, такой привычный и обыденный для местного пейзажа, словно бы стоявший здесь испокон веков. Сквозь ясную небесную синь темными разводами поплыли густые клубы дыма, пугающе увеличивающиеся в размерах и напоминающие вытянутые грозовые тучи.

– Что это? Боже... Что произошло? – закричала какая-то женщина.

– Билл! Там мой Билл! – заголосила еще одна, и скоро вся улица наполнилась дикими воплями, сливающимися в один протяжный стон ужаса.

Кевин едва нашел в себе силы, чтобы поставить коробку на землю.

– Это был гражданский самолет?

– Да! Кажется, пассажирский лайнер...

– Боже, я не верю!

Лайнер? Уэттс оторопело хлопал глазами и никак не мог переварить эту информацию. То есть в башню Всемирного торгового центра врезался пассажирский самолет? Как такое возможно?

Это был самый безумный день в жизни Кевина. Происходящее казалось настолько сюрреалистичным, что он отказывался это принимать. Дрожащими руками он поднял короб-

ку и медленно зашагал к входной двери юридической конторы.

Проехать дальше было трудно. Люди выходили на улицу, заполняли тротуары и обочины, пытаясь разглядеть, что же происходит наверху, в объятном пламенем здании торгового центра. Кевин так и не понял, что на самом деле произошло – кто-то говорил, что в здание врезалась ракета, кто-то – что самолет. Небоскреб пылал и чадил темным дымом, который зловещим хвостом уползал куда-то в сторону океана. Кевин заставил себя отвлечься от этого жуткого зрелища и пробежал глазами по бумагам. Следующий адрес – Авеню Харсбери, двенадцать. Совсем неподалеку. Он повернул руль и направился к перекрестку, мигающему светофорами. Какой-то странный звук привлек его внимание. Очень знакомый звук, и от того еще более пугающий. Кевин глянул вверх через ветровое стекло и увидел пассажирский самолет, летящий на небольшой высоте – вряд ли превышающей пятьсот метров. Этот странный гул – звук мощных авиационных двигателей, эхом отдающийся от стен тысяч зданий Манхэттена. Самолет летел в сторону башен-близнецов.

– Нет... – прошептал Уэттс, не веря своим глазам.

Темный силуэт лайнера вошел во второе здание торгового центра, словно нож в масло. Вновь раздался чудовищный грохот, гулким раскатом прокатившийся по улицам. Вновь взвыли сирены, раздались крики, а вторая башня торгового центра, как и первая, окуталась огненным ореолом и темны-

ми клубами дыма.

Сердце лупило в груди Кевина как сумасшедшее, когда он подъезжал к Авеню Харсбери, ничего не видя перед собой и вцепившись в руль онемевшими пальцами. В это было невозможно поверить. Раз за разом он прокручивал в голове эту ужасную картину – силуэт пассажирского самолета, гудящий турбинами, врезается в гигантский небоскреб и исчезает в клубах пламени. Это было похоже на какой-то дурной сон.

– Авеню Харсбери, двенадцать... Так... Что тут у нас? – бормотал Кевин, пытаясь вернуть самообладание. Он с десятков раз пробежал взглядом по бумагам, прежде чем нашел нужную строчку. Что же происходит? Апокалипсис? Как такое могло произойти, что пассажирские самолеты врезаются в высотные здания? До такого может додуматься разве что законченный псих. Сколько же людей погибло... Неужели это не конец? Что будет дальше?

Уэттс вывалился из фургончика и зашарил в багажном отделении. Ему была нужна небольшая коробочка с сувенирной статуэткой. Вокруг гудели автомобили и сновал перепуганный народ. Все стояло на ушах. Люди побросали все свои дела и с ужасом глядели вверх, на горящие башни.

Кевин нашел коробку и торопливо зашагал по улице, то и дело наталкиваясь на ошарашенных прохожих. Вот он, дом двенадцать. Квартира номер три, первый этаж. Перед тем, как зайти в дом, он еще раз оглянулся на дымящиеся небоскребы. Они были совсем рядом, в нескольких кварталах, и

было отчетливо видно, как на этажах пляшут языки пламени. Больше всего сейчас ему хотелось все бросить и бежать куда-нибудь подальше, чтобы не видеть всего этого кошмара. Он никак не мог понять, что происходит. Неужели началась война? Или, может, конец света? Или еще что похуже? Пилоты в один момент обезумели и решили направить свои машины на небоскребы? Может, и правда послать к черту эти посылки и отправиться домой? Уэттс помял в руках коробку и представил лицо мистера Шона. Ему скорее всего, плевать. Что бы ни случилось – даже если бы к статуе Свободы спикировал космический корабль и десантировал на Нью-Йорк орды пришельцев, он все равно бы сказал: «Развози чертовы посылки! Или я вышвырну тебя как паршивого кота!». Нет, нужно продолжать работать. Если станет совсем плохо, если случится что-то еще, более ужасное (хотя нечто более ужасное в данный момент представлялось с трудом) – он бросит все и драпанет куда подальше.

Уэттс глубоко вздохнул и зашел в подъезд. Квартира номер три располагалась почти у самого входа. Кевин постучал в дверь и нервно забарабанил пальцами по коробке. По ту сторону двери было тихо – похоже, никто не собирался отзваться. Уэттс постучал еще раз, более громко и решительно. Открылась соседняя дверь и из проема показалась пожилая женщина, испуганно разглядывающая Кевина.

– Мэм... Я из службы доставки. Вы не знаете, в квартире номер три кто-нибудь есть? Там проживает мистер... э-э...

– Уэттс бросил уточняющий взгляд в квитанцию. – Патрик Доммер? У меня для него посылка.

Старушка покачала головой и всхлипнула.

– Он там.

– Мэм?

– Он в башне, – она указала рукой куда-то в сторону улицы, и Кевин почувствовал, как по телу пробежала дрожь.

– О Боже...

– Он работает в Южной башне. Клерком, – по ее щекам побежали слезы. – Сынок, что же происходит? Что же творится?

Уэттс снова уставился в квитанцию. Патрик Доммер. Он сейчас там, в этом горящем небоскребе. С трудом переставляя ноги, Кевин вышел на улицу и встал на тротуаре, вновь направив взгляд на два дымящихся исполинских силуэта. Люди выглядывали из окон, вылезали из машин и как зачарованные глядели туда, где сейчас полыхало пламя и творился самый настоящий ад. В голубое небо, меркнувшее от темно-серых клубов дыма, мрачными вымпелами уходящих куда-то вдаль и окрашивающих горизонт пепельным цветом. Все это похоже на какую-то сумасшедшую фантазию, сюжет кошмарного фильма про апокалипсис. Неужели такое бывает на самом деле?

Патрик Доммер. Надеюсь, ты меня слышишь. Пожалуйста, выбирайся оттуда. Надеюсь, ты все еще жив и спасешься из этого адского пекла. Уэттс повторял это как заклинание,

глядя на Южную башню. Я должен отдать тебе твою посылку. Я хочу отдать тебе ее лично в руки.

И в этот момент Южная башня вздрогнула и начала стремительно оседать вниз, уменьшаясь и превращаясь в гигантское облако пыли.

Gentle

Lagoon

Солнце заливало своим светом дощатый пол бунгало, превращая его в большое белое пятно. Утренняя свежесть уже почти ушла, уступив место полуденной духоте. Пожалуй, именно сейчас, в ясную хорошую погоду, стоит сделать то, что довлекло почти год и заставляло сердце съеживаться в маленький мечущийся комочек.

Ханна глубоко вздохнула и взглянула в окно. Пляж был идеальным – мягкий светлый песок, ленивые волны океана, омывающие побережье, поблёскивающие на солнце и манящие своим вкрадчивым шепотом. Неужели именно сегодня она сделает это? Сумеет ли вообще подойти к воде? Или отложит борьбу со своим страхом на неопределенный срок? Она специально приехала сюда, как только выдалось свободное время, и отступить сейчас означало слабость и капитуляцию. Она не имеет права быть тряпкой.

Девушка приподнялась со стула и поглядела на свой костюм для серфинга. Да, все тот же костюм, оставшийся с предыдущего раза. Того самого злополучного дня, когда ей показалось, что она вот-вот потеряет рассудок. Рядом был и

ее сапборд – покарябанный, тоже немного пострадавший, но все еще сохранивший качества, необходимые для того, чтобы успешно оседлать волну. В груди в очередной раз резануло, и она вновь засомневалась. Надо ли ей это? Чем все может закончиться? Будет ли ей спокойней, если она снова подвергнет себя опасности? «Но ты должна. ДОЛЖНА,» – сказала она сама себе и поняла, что выбора нет.

Ханна посмотрела на себя в зеркало – испуганная девушка с шикарной копной огненно-рыжих волос, тревожным взглядом зеленых глаз и симпатичным лицом, усыпанным веснушками. Почему-то ей все время казалось, что с ее внешностью произошло нечто необратимое, будто бы она утратила какую-то важную часть, неотъемлемо присутствовавшую ранее. Ханна делала акцент именно на общем образе – она стала какой-то не такой. Может быть, смотрит как-то иначе? Или утеряна неуловимая яркая женственность, свойственная молодым привлекательным девушкам?

Она повернулась к костюму для серфинга и взяла его в руки. Что сказал бы Эд, если бы увидел ее? Наверное, похвалил бы за смелость и сказал что-нибудь про «шикарные ножки». Ханна улыбнулась и окончательно решила. Солнце за окном становилось все ярче, заполняя бунгало своими обжигающими лучами. «Высокое солнце – это хорошо. Значит, будет хорошая видимость,» – подумала девушка, натягивая на себя гидрокостюм. Он ей нравился, этот очень симпатичный костюмчик, с короткими рукавами и штанинами. Эд го-

ворил, что она выглядит в нем просто сногшибательно.

Ханна подошла к сапборду и взяла его под мышку. Больше ее ничего не держало, и теперь можно было отправляться. Она вновь посмотрелась в зеркало, покачала головой и направилась к выходу.

Пляж «Джентл Лагун» в этом году выглядел пустующим. Ханна где-то слышала, что госфинансирование в этих краях снизилось, благодаря чему местный курортный городок начал постепенно увядать. Многие гостиницы и развлекательные заведения закрылись, пляж почти не обслуживался, а судя по пустой спасательной вышке, посетители сами должны были справляться с возникшими опасностями.

Ханна вновь подумала о том, стоит ли осуществлять задуманное. Это было опасно и безрассудно. После предыдущего заплыва она поклялась себе, что больше никогда не подойдет к воде. Но глубоко внутри она понимала, что обманывает саму себя. Ее неуправляемая натура, слишком непокорная, как сноровистый конь, требовала реабилитироваться. Не желала признавать свою слабость и отступать даже там, где это было разумно. Наверное, когда-нибудь это вылезет боком. Может быть, даже сегодня.

Продолжая мучаться сомнениями, Ханна шагала к пляжу, глядя на перекатывающиеся возле побережья волны. Они отсвечивали на солнце своими лазурными спинами и словно бы приглашали поближе, приманивали, заставляя любовать-

ся на себя, не отрывая глаз. Девушка не заметила, как слегка ускорила шаг и глубоко вдохнула океанский соленый воздух.

Она поняла, что даже соскучилась по океану. Все же в нем было что-то магическое, завораживающее. Ханна чувствовала, что в этих волнах заключено что-то древнее и прекрасное, как само мироздание. Она ощущала себя такой крошечной по сравнению с этой огромной массой воды, похожей на громадный живой организм, чутко реагирующий на окружающий мир и постоянно находящийся в движении.

Однако, когда Ханна наступила на мокрый песок, в животе что-то болезненно дернулось, словно невидимая рука резко рванула за внутренности. Она нерешительно остановилась, и теплая вода омыла ее ступни, шурша пеной. Девушка воткнула в песок свой сапборд и поглядела вниз, на голые бедра. Левое бедро было красивым, изящным и плавным, а правое покрывали уродливые шрамы, похожие на следы от хаотичных ударов ножом. Каждый раз, когда она глядела на эти отметины, по телу пробегала дрожь. Она глядела на них и тогда, в бунгало, перед зеркалом. Глаза сами останавливались на этих багровых штрихах, пересекающих когда-то аккуратное и округлое бедро.

Девушка посмотрела на плещущийся океан и перед ее глазами возник Эд. Возник тот самый день – кстати, очень похожий на сегодняшний, тоже солнечный и приятный. Они вдвоем бегут к воде, шлепая по мокрому песку босыми ступнями. К тому моменту они уже пару лет занимались серфин-

гом и приезжали сюда каждые каникулы.

Эд освоил сапборд еще будучи мальчишкой. Когда они начали встречаться, он очень много рассказывал Ханне о том, как это круто – поймать волну. Часто говорил о том, какие ощущения охватывают тебя, когда оказываешься один на один с океаном. Девушка ни разу не была на большом побережье и не держала в руках доску для серфинга, но когда они впервые приехали сюда, поняла – теперь это захватило и ее. Первое время она боялась открытой воды и старалась не заплывать слишком далеко, однако стоило научиться стоять на сапборде, и страх ушел сам собой.

А во время следующей поездки Ханна сумела оседлать свою первую волну. Тогда она испытала настоящий катарсис – это было нечто неопишное, не сравнимое ни с чем. Время словно бы замедляется в несколько раз, а ты скользишь по воде, идеально проплываешь по изгибу волны, ощущая, как солоноватые брызги и свежий морской воздух обдают лицо.

В тот день казалось, что все складывается очень хорошо. У них было прекрасное настроение и им не терпелось поскорее отправиться на пляж. Эд, кажется, даже не позавтракал. И теперь, мчась к воде с такой поспешностью, будто следом гнался полицейский наряд, оба испытывали воодушевление и сладостную эйфорию, ощущая, как ополаскивает ноги теплая океанская вода.

– Я первая! – закричала Ханна, радостно плюхаясь на свой сапборд и загребая руками зеленоватые гребешки волн.

– Дамы всегда вперед, – ухмыльнулся Эд и тоже бросил свою доску на воду. – Посмотрим, остался ли у тебя навык. А то мало ли, вдруг мне придется вылавливать тебя, как в прошлом году.

– Заткнись, – шутливо огрызнулась Ханна и брызнула в него водой. – Я скоро буду делать все получше тебя.

– Самонадеянность – очень полезная штука, – парировал Эд и в несколько гребков нагнал ее. – Догоняй, хвастунишка.

Они быстро поплыли вперед, подальше от берега, туда, где океан скручивал свои гребни на манер бараньих кудряшек. Все, что их сейчас интересовало – хорошая волна, упустить которую было равносильно поражению.

Вода была почти прозрачной и блестела на солнце, как россыпи изумруда. Яркие всполохи мелькали по ней то тут, то там, будто кто-то расплескал по волнам расплавленное золото. Далеко впереди срез воды стал чуть выше, и она поползла вверх, превращаясь в продолговатую горбинку, растянувшуюся почти на сотню метров. Эд торопливо греб к ней, и Ханна поняла, что он готов оседлать свою первую волну.

– Подожди меня! – пискнула она, пытаясь нагнать его, но Эд скользил вперед, как торпеда. Через несколько секунд он уже стоял на своей доске, а еще через пару мгновений прокатился по склону набегающей волны, лихо прошмыгнув под закручивающимся гребнем. Ханна досадливо шлепнула руками по воде, но все же продолжала наблюдать, как он мчит-

ся на своем сапборде. Эд мастерски держал равновесие и гарцевал на доске, управляясь с ней так легко, словно она была продолжением его тела. Волна оказалась не слишком большой, но он сумел использовать ее на сто процентов, совершив впечатляющий вираж и не упав в воду.

– Круто! – восхищенно крикнула Ханна и помахала ему рукой. Он махнул ей в ответ и тоже что-то прокричал, но девушка не услышала его из-за шумящих волн. Пора бы и ей показать класс. Ханна продолжала грести вперед, вглядываясь в поблескивающую воду. Нужно не упустить следующую волну и вовремя встать на доску.

Однако она действительно подрастеряла навык. Следующую волну девушка тоже пропустила, не успев доплыть и разочарованно бултыхаясь в океанской пене, которая опять оттащила ее назад вместе с валом воды, примчавшимся навстречу. Эд, к слову, тоже не сумел прокатиться, плюхнувшись с доски в самом начале. Ханна злорадно хихикнула, глядя, как он барахтается, пытаясь ухватиться за сапборд. К следующей волне она успела и почти смогла под нее подстроиться. Все началось очень здорово – она даже встала на доску и начала скольжение, но сапборд выскочил из-под ног, и Ханна улетела вниз головой в воду, провалив уже третью попытку.

Отплевавшись и подтянув к себе доску, она выругалась. Похоже, придется изрядно потренироваться. Ханна понимала, что такие вещи не получаются сразу и иногда приходит-

ся пробовать по десять раз, чтобы добиться хотя бы одной успешной попытки. Она вновь легла на сапборд и вытерла лицо, пытаясь сфокусировать взгляд. Эд плыл назад, и через минуту был уже рядом, встревоженно разглядывая ее.

– Ты как, в норме? – спросил он, отфыркиваясь от воды.

– Да, все нормально, – она улыбнулась. – Пока мало что получается.

– Ничего страшного, я тоже не блещу мастерством, – Эд успокаивающе похлопал ее по руке. – Вначале повезло, а теперь летаю с доски вверх ногами. Сейчас сделаем еще несколько заплывов и станет полегче.

Он хищно оглядел ее и покачал головой.

– Как ты шикарно смотришься в этом костюме... Может, снимешь его? Без него будет еще лучше.

– Извращенец, – фыркнула девушка, и слегка покраснела. – Хватит рассматривать, глаза поломаешь.

Эд улыбнулся и попытался схватить ее за лодыжку, но она увернулась. Солнце нежно пригревало сверху, океан был такой теплый и приятный, что двигаться больше не хотелось. Они лениво покачивались на воде, лежа на своих досках, и наслаждались полуденными лучами. Внезапно что-то стукнулось о ногу Ханны, и она одернула ее, встревоженно пытаясь разглядеть хоть что-нибудь через водную толщу. Не успела она ничего подумать, как в ногу вновь что-то врезалось, а затем боль пронзила ее, словно тысячи раскаленных жал. Девушка коротко взвизгнула, осознав, что ее сдернули с дос-

ки одним мощным рывком. Сквозь брызги и парализующие волны паники Ханна попыталась рассмотреть, что именно на нее напало, но все, что ей удалось увидеть – черный продолговатый силуэт, похожий на перевернутую моторную лодку.

Внезапно ее прекратили волочить по воде, и она смогла вынырнуть. Все, о чем сейчас могла думать Ханна – это нарастающая боль, разрывающая всю нижнюю часть тела. «Это была акула...» – пронеслось в ее голове, пока она пыталась удержаться на плаву. – «Боже, она откусила мне ногу...» Девушка попыталась нащупать свою конечность и в порыве ужаса никак не могла понять, насколько сильно пострадала нога. Но все вроде бы было на месте. Ханна с ужасом обнаружила, что барахтается в огромном кровавом пятне, которое становилось все больше с каждой секундой.

– Эд! Эдди! – закричала она, крутя головой и ища взглядом своего парня. Она почти сразу увидела его – он молотил по воде кулаком, пытаясь удержаться на сапборде.

– Ты в порядке? – крикнул он. – Я ее отогнал!

– Где она? – взвизгнула Ханна, ощущая, что совсем не может двигать покалеченной ногой.

– Не знаю... Где-то рядом! Я сумел хорошенько ей врезать, когда она в тебя вцепилась.

Ханну вновь парализовал ужас, еще более глубокий и безотчетный, чем раньше. Сейчас эта тварь вновь будет атаковать, ведь кровь для нее – яростный сигнал к нападению. Содрогаясь от страха, она попыталась влезть на свою доску, но

соскользнула.

– Эдди! Сможешь подплыть ближе? – дрожащим голосом позвала она.

– Не паникуй! Слышишь? – Эд уже греб к ней. – Главное – без паники!

Ханна смотрела, как он приближается. Тело само собой съеживалось и содрогалось – девушка ожидала нового нападения в любую секунду. Кое-как она все-таки вскарабкалась на свою доску, но это не давало ей никакого преимущества, ведь акула может сожрать ее вместе с сапбордом даже не поперхнувшись. Разум рисовал ей огромного монстра как в фильме «Челюсти», но на поверхности не было видно грозного плавника, кружащего словно стервятник вокруг своей жертвы. Эд подплыл к ней почти вплотную, когда из воды вылетело оно. Да, это без сомнения была акула, но она во все не походила на белую. Ханна успела разглядеть округлую морду, темное туловище и пасть, буквально набитую заостренными кривыми зубами. Тварина таранила своим рылом Эда и в мгновение ока утащила его под воду. Лишь мелькнули его белесые ноги, а затем бурлящая океанская поверхность вновь разгладилась.

– Эдди! – хотела завизжать Ханна, но лишь потрясенно заскулила, не желая верить своим глазам. Эд исчез и больше не появлялся. Девушка оглядывалась, пытаясь увидеть хотя бы маленький силуэт, хоть что-нибудь, похожее на Эда. Но видела только плескающие волны и пенную лазурь океана.

Может быть, он все-таки выплывет? Может, ему все же удалось спастись?

Дальше Ханна почти ничего не помнила. Каким-то чудом она добралась до берега, и все это время ее преследовала лишь одна мысль – сейчас это чудовище настигнет меня. Нога кровоточила, и Ханна оставляла за собой бурый след, которым могли заинтересоваться и другие хищники.

Но она доплыла. Она понятия не имела, откуда взялась акула и почему об этом не предупредила береговая охрана. Они ведь должны отслеживать подобные вещи и не пускать людей в воду в случае опасности. Ханна никак не могла понять, почему они с Эдом были такими легкомысленными и не подумали о том, что сильно рискуют, плескаясь каждый день в океане. Ведь как известно, человеческая натура очень странная штука – пока не происходит беда, мысль о ней даже не приходит в голову.

Эда она больше не видела. Его тело так и не нашли, но установили, что это была тигровая акула, которая заплыла в этот район в поисках пищи. Нрав тигровых акул был одним из самых жестоких в подводном мире – эти твари пожирали все, что попадало в предел их видимости, даже пластмассу, металл и резину. А Ханне повезло – она отделалась лишь сильным укусом и несколькими десятками швов. Лежа в госпитале, девушка все время ловила себя на мысли – почему акула атаковала именно Эда? Ведь из ноги Ханны шла кровь и, казалось бы, хищника должно было привлечь именно это.

Но так или иначе, Эдди спас ее. Сначала отбил – ведь именно из-за него акула отпустила ее, а затем, так получилось, принес в жертву самого себя, пытаясь успеть к ней.

Ханна всхлипнула и открыла глаза. Тот кошмарный день пронесся перед ее глазами как видеозапись, которую насильно включили и заставили посмотреть. Она вновь стояла на том самом пляже, в том самом костюме и с тем самым сапбордом. И как знать, может в воде ее вновь ждет та самая акула...

«Пусть только попробует,» – подумала девушка, проводя пальцами по рыбацкому ножу, пристегнутому к поясу. Она должна была вновь попытаться поймать волну. Ханна чувствовала, что если не сделает этого, то не сможет простить себе слабость. Она была обязана продолжить увлечение Эда, должна была делать это за него. И должна была раз и навсегда разрушить свой страх, который мешал жить последний год.

Набрав побольше воздуха в легкие, Ханна двинулась к океану.

Машина с цветами

Первый раз Одри увидела эту машину в день, когда рассталась с Ричардом. Она сразу привлекла ее внимание, хотя и стояла в маленьком закоулке возле дома, в котором раньше размещались мусорные баки. Был солнечный день, все блистало красками и светилось летним благоденствием, но Одри было так плохо, что она думала – еще немного, и наступит конец всему. Только что оборвалась ее главная путеводная нить – человек, которого она безумно любила, сказал, что не хочет быть рядом. Просто так, без особой причины, как ей поначалу показалось. Все произошло как-то обыденно и слишком легко. Ричард не стал особо объясняться, а лишь давил на то, что не любит ее и не может больше переступить через себя.

Как же так могло случиться? Одри рыдала на лавочке возле дома, глядя на благоухающий летний двор и не видя перед собой абсолютно ничего, кроме черноты. Человек, который бегал за ней почти год, заваливал цветами, рисовал для нее картины – внезапно говорит, что не любит и больше не может мучать себя? Одри считала себя весьма привлекательной девушкой и не могла поверить, что он нашел кого-то лучше. Более того, за ней всегда увязывались парни – она была очень эффектной, миниатюрной, сероглазой и светловолосой, правильные черты ее личика заставляли многих од-

нокурсников таять, словно мороженое под лучами палящего солнца. Нет, дело было явно не во внешности. А тогда в чем же? Была ли Одри стервой? Совсем нет. Она любила Ричарда, готовила ему вкусности, в постели все тоже было очень неплохо. Что еще нужно современному мужчине? Закатывала скандалы? Нет. Была меркантильной зазнобой? Тоже мимо. Что же тогда не так? Почему полгода назад он притащил ей букет из пяти сотен роз и помолвочное кольцо, а сегодня утром сказал, что не может находиться рядом? Цветы... Она заприметила небольшой автомобиль возле старого закутка в самом конце их улицы. Поначалу она не поняла, что это именно машина, потому как ничего подобного никогда до этого не видела. Автомобильчик был маленьким, что-то вроде «Фольксваген Жук», и из его открытого капота, салона, дверей и окон торчали целые охапки цветов.

Одри почувствовала, как в груди поднимается новая волна рыданий и громко всхлипнула. Она никогда не сможет смотреть на цветы. Слишком большая ассоциация, особенно если учесть, сколько их приносил ей Ричард... Машинка в подворотне поблескивала красными боками. Даже сюда долетал сладкий аромат цветущих бутонов. Кто, интересно, такое придумал? Наверное, какой-нибудь горе-донжуан вроде Ричарда, желающий устроить настоящее шоу. Одри почувствовала, как слезы бегут по щекам и стекают по подбородку обильным ручьем. Если она не уйдет домой и просидит здесь еще хотя бы минуту, пляясь на эти охапки зелени, торчащие

из пузатой машины в подворотне, то точно сойдет с ума.

Когда она вышла вечером покурить на крыльцо (в тот день она оживила свою старую студенческую привычку и купила «Мальборо») автомобиля с цветами уже не было. Ричард уехал к брату в Маунтевилль на свадьбу – не правда ли символично? Она стояла в сумерках, давилась крепким табачным дымом, плакала и разглядывала мерцающие окошки домов. Неужели ее парень оказался лживым уродом и попросту ее обманывал? Не может же человек ни с того, ни с сего разлюбить девушку, ради которой он готов был на все, что угодно. Объяснение здесь было только одно – он нашел кого-то на стороне. Ей не оставалось ничего другого, кроме как съехать на другую квартиру, ведь это жилье принадлежало Ричарду. Оставаться и видеть его она больше не могла.

На следующий день Одри уже сидела на чемоданах и ожидала такси. Ричард, возможно, будет рад, что по приезду в квартире стало пусто. Ей в любом случае придется убираться, поэтому чем быстрее она это сделает, тем лучше. Одри, конечно, успела привыкнуть к этому дому. Ночью ей так и не удалось уснуть, и она добила почти всю пачку сигарет. С утра девушка выглядела ужасно – мешки и синие круги под нижними веками и красные белки глаз, будто вместо табака она всю ночь курила травку. Когда подъехало такси, у нее вновь началась истерика, словно она только сейчас осознала, что все кончено.

Одри тянула два своих больших чемодана и хныкала, как

первоклассница. Пока она спустилась по лестнице вниз, казалось, прошла целая вечность. У выхода ей попался мистер Болдуин – очень милостивый старичок с первого этажа, который прожил здесь с момента постройки дома.

– Доброе утро, Одри, – поздоровался он, поправляя свою неизменную клетчатую фуражку. – Ты что, уезжаешь?

– Здравствуйте, мистер Болдуин. Да, я больше здесь не живу.

– Девочка, почему ты плачешь? – он подошел ближе и протянул ей носовой платок. Одри опустила на пол тяжелые чемоданы и вновь почувствовала, как слезы стремительным потоком льются по щекам.

– Мы с Ричардом расстались... И мне придется искать новое жилье.

– Вот так дела... – старик покачал головой. – Бедняжка... Давай-ка я помогу тебе донести чемоданы.

– С-спасибо, сэр... – Одри снова громко всхлипнула и промокнула глаза платком.

– Да уж, денек сегодня выдался неважный... – вздохнул мистер Болдуин. – Ты слышала, что стряслось ночью?

– Нет.

– Помнишь мисс Таффер из подъезда номер один? Высокая брюнетка, которая любила ходить в коротких платьях?

– Да, конечно помню.

– Ее утром нашли со вскрытыми венами. Представляешь? Молодая девочка убила себя.

– Серьезно? – Одри изумленно приподняла брови. Элли Таффер была старше нее всего на несколько лет и постоянно меняла мужчин как перчатки. Она была очень красивой и хорошо зарабатывала. Одри всегда казалось, что эта женщина живет в свое удовольствие и даже не могла представить, что она способна на такое. «Тоже несчастная любовь. Другого объяснения быть не может,» – с грустью подумала девушка и еще раз всхлипнула.

– Что же с молодежью творится... – мистер Болдуин осторожно положил чемоданы Одри в багажник такси. – Всегда не могу уложить в голове подобные вещи... Не переживай, милая. Ты настоящее чудо. Красавица, каких поискать. Слышишь? У тебя все будет хорошо.

– Спасибо Вам огромное, – Одри нашла силы улыбнуться. Старик погладил ее по голове и открыл дверцу машины. Через несколько минут она уже ехала в другой конец Риверсайда, все так же роняя слезы.

Второй раз она увидела машину с цветами спустя почти год. Судьба сыграла с Одри злую шутку – теперь она работала в свадебном салоне. Кто бы мог подумать! Она ни за что не согласилась бы на подобную работу, но зарплата была настолько серьезная, что Одри плюнула на все и переступила через себя. Поначалу ей было очень тяжело. Расставание с Ричардом сказалось на ее нервной системе, и некоторое время она даже регулярно выпивала, причем помногу. Однако, спустя определенное время, внутри что-то сломалось, и ее

боль превратилась в подобие заиндевевшего ледника – теперь она была глуха к любым романтическим чувствам. За Одри ухлестывало сразу несколько человек из салона, но она очень грамотно их отшивала. Жить одной ей теперь нравилось – хорошие деньги позволяли не думать ни о чем, кроме собственных удовольствий.

И когда она снова увидела тот самый «Фольксваген» с цветами, торчащими из всех отсеков, ей стало не по себе. В груди что-то болезненно кольнуло, и она вспомнила тот солнечный летний день, когда Ричард сказал, что не хочет ее больше видеть. Одри нахмурилась и заставила себя вновь похоронить это всплывшее из глубин разума воспоминание.

Автомобиль, начиненный цветами, стоял достаточно далеко от входа в салон, на другой стороне улицы возле оживленного перекрестка. Одри увидела его совершенно случайно, когда переходила дорогу, спеша на работу. Ее что-то очень сильно пугало в облике этой маленькой машинки. То ли эти огромные, непропорциональные букеты, торчащие из всех окон, капота и багажника, то ли то, что цвет ее корпуса был ярко-алым, выделяющимся на фоне бледного асфальта. То ли мысль, точившая ее мозг, словно червь – кому и зачем нужно набивать машину цветами и оставлять ее в разных местах? Что это значит? Какой-то акт проявления чувств? Романтический жест? Одри остановилась на ступенях крыльца и еще раз взгляделась в красный автомобиль, зловеще замерший на другом конце улицы.

В тот день последними клиентами была замечательная пара – очень красивая брюнетка и статный парень с крупным волевым подбородком. Они смотрелись вместе просто великолепно. Одри все больше нравилась ее работа – видеть счастливые лица людей доставляло куда больше удовольствия, чем обдумывание собственных проблем. Они долго подбирали платье, и когда Одри вышла их проводить, то увидела, что машина с цветами исчезла.

– Мисс, спасибо за платье! – невеста буквально светилась от счастья. Ее кавалер открыл переднюю дверь бордового внедорожника, на котором они приехали, и помог своей возлюбленной забраться в салон.

– Это Вам спасибо! Будьте счастливы! – Одри помахала своим клиентам и дождалась, пока их машина тронется. Перед тем, как вернуться в салон, ее глаза сами собой вернулись к месту, где стоял красный «Фольксваген». «Надеюсь, я больше его не увижу,» – подумала она, дергая ручку входной двери.

Одри плюхнулась на большой кожаный диван и устало прикрыла глаза. Всколыхнувшиеся воспоминания оставили после себя неприятный осадок. Она не хотела возвращаться к ним, но один вид этой машины с букетами навел на нее необъяснимую тоску. Сразу захотелось курить – она продолжала баловаться этим время от времени, боясь, что пристрастие к табаку станет постоянной привычкой. Как-то раз она даже срывалась и дымила без перерыва почти месяц, но во-

время остановилась. «Табак делает тебя старше,» – всегда говорила она себе, хотя, впрочем, какая теперь разница? Ей все равно никто не нужен. Стоит ли строить из себя красотку как и раньше?

Входная дверь открылась и в салон заглянула миссис Луис – продавщица из соседнего магазина антиквариата. Ее лицо было изумленным, а в глазах стоял неподдельный испуг.

– Одри, к вам подъезжал бордовый джип?

– Да. Вот, буквально десять минут назад. А что?

– Выйди на улицу, дорогая. Посмотри, что стряслось...

Боже...

Одри почувствовала, как начинает колотиться сердце. Она вскочила с дивана и выбежала на крыльцо. На другом конце улицы стояло сразу несколько машин скорой помощи, а перекресток перекрыли полицейские. Тот самый бордовый внедорожник, на котором несколько минут назад уехала замечательная пара, валялся на боку... возле места, где стоял автомобиль с цветами.

– Какой-то кошмар... – миссис Луис прикрыла рот рукой. – Получается, они отъехали от тебя и попали в аварию?

– Выходит, что так... – Одри ощутила дурноту и схватилась за поручни крыльца. – Они живы?

– Не знаю, дорогая. Надеюсь, что да. Какой ужас...

За оставшееся время рабочего дня Одри выкурила почти полпачки сигарет. Когда перед ее уходом пришел уборщик, мистер Смит, она спросила его, не знает ли он что-нибудь

о жуткой аварии на перекрестке в противоположном конце улицы. Мистер Смит сказал, что погибла молодая пара, которая ехала на внедорожнике. В них на большой скорости влетела спортивная машина. Одри почувствовала, как внутри все оборвалось. Она ведь пожелала им счастья, когда они садились в автомобиль... Это было жутко. Но еще более жутким был тот факт, что все это случилось точно в том месте, где стояла цветочная машина. Одри хорошо запомнила ее местоположение – как раз там, рядом с перекрестком.

Теперь она только и делала, что выискивала этот «Фольксваген», набитый цветами, и когда ей попадались сведения об аварии со смертельным исходом, всегда спрашивала, не видел ли кто до этого поблизости странный автомобиль с ворохом цветочных букетов. Однако кроме нее эту машину больше никто нигде не видел. В конце концов, Одри потихоньку начинала считать себя сумасшедшей.

Она с особым вниманием относилась к автомобилям красного цвета, особенно небольшим, и поймала себя на мысли, что ненавидит цветы. Поэтому, когда к ним в салон однажды заявила молодая рыжеволосая дама с огромным букетом роз, Одри передернуло, словно вместо цветов она увидела целый клубок змей.

Девушка оказалась довольно легкомысленной. Она долго порхала между свадебными платьями, но так ничего и не выбрала, не выпуская из рук свой огромный букет и периодически его нюхая.

– Извините, я, наверное, не буду ничего брать. Вообще-то, я уже заказала платье, но для подстраховки решила посмотреть еще.

Одри вежливо улыбнулась.

– Смотрите на здоровье. Если что-то понравится, говорите.

Девушка еще раз припала лицом к своим розам и блаженно зажмурилась.

– Ох, как же я люблю этот аромат... Мой жених подарил мне это сегодня утром. Принес в постель. Мне никто никогда не приносил в постель такой огромный букет цветов! – она засмеялась. – А сегодня, когда я ехала из Маунтевилля по шоссе, на одном из поворотов увидела маленькую машинку, буквально набитую цветами! Они торчали из салона и из багажника! Первый раз такое вижу. Интересно, не там ли он покупал мне букетик?

Одри показалось, что ей со всего размаху дали пощечину. Она не могла поверить в услышанное. Неужели... Неужели кто-то видел эту машину кроме нее?

– Эй, что-то не так? Все в порядке? – рыженькая озабоченно поглядела на нее, и Одри с опозданием осознала, насколько сильно изменилась в лице.

– Э-эм... Я тоже видела эту машину. Около полугода назад.

– Да? Здорово, правда? Выглядит очень романтично. Свежие букетики, красота. Да и машинка хоть и старая, но

смотрится неплохо. Наверное, какой-нибудь старичок-садовод продает цветы и делает неплохой бизнес.

Рыжеволосая девица продолжала хихикать, а Одри через силу улыбалась, ощущая себя душой. Может, она все себе на выдумывала? С чего она вообще взяла, что эта несчастная машинка сеет зло? Из-за своих личных неприятных ассоциаций, напоминающих о расставании с любимым человеком? Из-за того, что по злomu совпадению жуткая авария случилась на том самом месте, где был припаркован этот нафаршированный цветами автомобиль?

Когда девушка с букетом вышла, Одри машинально проследила за ней. Рыжеволосая гостя села в красный «Порше» и стремительно стартовала, завизжав покрышками. Цвет ее автомобиля очень напоминал тот цветочный «Фольксваген», но все же у маленькой машинки он был ярче и сочнее. На следующее утро она увидела по телевизору репортаж с риверсайдского шоссе, рассказывающий о девушке, разбившейся ночью на красном «Порше Каррера». Все произошло на глазах у патрульного по имени Мейсон, дежурившего неподалеку от места произошедшей трагедии. Когда показали фотографию рыжеволосой девушки, приходившей вчера с букетом цветов, Одри выронила кружку с кофе и почувствовала, как все внутри леденеет.

– Это случилось на главном повороте перед Риверсайдом, самым опасным и крутым. По нашим данным, автомобиль погибшей девушки шел со скоростью сто восемьдесят миль

В час...

«А сегодня, когда я ехала из Маунтевилля по шоссе, на одном из поворотов увидела маленькую машинку, буквально набитую цветами!» – вспомнила Одри слова девицы с букетом. На повороте... Все понятно. Теперь отрицать очевидное было глупо – поворот, скорее всего, был тем самым, на котором девицу через несколько часов нашла смерть. Сначала перекресток, теперь поворот... Одри вспомнила мисс Таффер, которая жила в подъезде номер один. Который находился как раз возле закутка, где в первый раз появилась эта машина с цветами.

Следующая встреча с красным «Фольксвагеном» стала для Одри последней. Это был один из немногих солнечных дней уходящей осени. На улице было зябко, но это не мешало Одри регулярно выскакивать из салона, чтобы покурить. Баловство все-таки переросло в привычку, и девушка уже ничего не могла с этим поделать. Красное чудовище поджидало совсем рядом, на парковке между салоном и соседним магазином антиквариата. Оно появилось совсем недавно – пятнадцать минут назад парковочные места были пусты. Когда она увидела машину, то ощутила, что сердце провалилось куда-то совсем глубоко, в район желудка. Утреннее солнце зловеще поблескивало на серебристых ободках фар, почти скрытых под обильным слоем зеленых стеблей.

Одри сжала в пальцах сигарету и почувствовала, как под ногти набивается табак. Десяток метров – и она окажется

совсем рядом с этим зловещим автомобилем. Зловещим – без всякого сомнения. Одри была абсолютно уверена в том, что странная машина каким-то образом сеет, либо предупреждает беду. Нужно уходить отсюда. Зайти в салон, закрыть дверь и больше не выползать сегодня на улицу. Неужели машина приехала за ней? И когда Одри приблизится к парковке, кто-то слетит с дороги на большой скорости и превратит ее в фарш.

Сама не понимая, что делает, девушка зашагала вниз по ступенькам и приблизилась к кроваво-красному «Фольксвагену». Ноги словно бы сами несли ее вперед, и она нисколько этому не сопротивлялась. Через несколько мгновений Одри уже тянула руку к одному из букетов, торчащему из открытого бокового стекла. И тут ей в нос ударила вонь. Смерд был ужасающим, и ее едва не вывернуло. Тут же откуда-то из глубин разума всплыли воспоминания о том, как она сидела на лавочке в день расставания с Ричардом и впервые увидела эту машину. Тогда от нее шел цветочный аромат, и она казалась абсолютно обыкновенным автомобилем. Одри почувствовала спазм и отшатнулась. Складывалось ощущение, что под этими горами цветов разлагается труп. «Если я подойду еще ближе, мне конец,» – подумала она и каким-то сверхусилием заставила себя попятиться.

Когда она добралась до крыльца, ей почему-то вновь захотелось закурить. Неужели она смогла бы стоять напротив этой чудовищной машины с цветами и делать затяжку за

затяжкой? Вонь теперь чувствовалась и отсюда. Зеленея от ужаса, Одри открыла дверь салона и ввалилась внутрь, мысленно обещая себе, что больше ни за что не выйдет наружу. Она плюхнулась на свой любимый кожаный диван и закрыла глаза, пытаясь прийти в себя. В носу все еще стоял этот ужасающий привкус гнили, пробирающийся до самого мозга. Ее снова скрутил приступ невыносимой тошноты, и Одри еле поползла до туалета.

Еще несколько минут она потратила на то, что умывала лицо холодной водой и отплевывалась. Уши заложило, словно ватой, а к мерзкому зловонию в носу добавился отвратительная горечь от желудочного сока, которая обычно остается после рвоты.

– Эй! Кто-нибудь есть? – услышала она голос из главного зала.

– Черт... – Одри глянула в зеркало. Она была похожа на привидение – бледная, со смытой косметикой, ужасными кругами вокруг глаз.

– Алло-о! Салон работает?

Она торопливо вытерлась бумажными салфетками и поспешила на рабочее место. То, что она увидела, снова скрутило ей желудок и отозвалось тупой болью в животе. У витрины со свадебными платьями стоял Ричард. «Нет, только не это,» – подумала Одри и изо всех сил сжала зубы, пытаясь сдержать новый приступ рвоты.

– Извините, я бы хотел... – он обернулся и тут же умолк.

Несколько секунд они пялились друг на друга.

– Так значит, ты теперь работаешь в свадебном салоне, – Ричард хмыкнул и покачал головой. – Да уж, веселая встреча. Ну, как дела, Одри?

Он подошел совсем близко и протянул ей руку, но она так и осталась стоять на месте, меряя его полным отвращения взглядом.

– Все хорошо. Ты что, решил жениться?

– Хорошо, говоришь? Что-то вид у тебя не очень.

– Немного приболела. Подыскиваешь себе платье? Кто жених?

Ричард натянуто улыбнулся.

– Смешно. Да, женюсь, и решил выбрать себе костюм. Я вижу, у вас есть хорошие пиджаки?

– Да, конечно, есть.

Одри вдруг пронзила совершенно безумная мысль, от которой подкосились ноги. Она с трудом подошла к своему рабочему столу и уселась на кресло, пытаясь унять трясущиеся колени.

– Ричард, можно спросить тебя кое о чем?

Он удивленно приподнял брови.

– Ты за рулем?

– Да. А что?

– Где ты оставил машину?

– Здесь, возле салона. Тут рядом антикварный магазин. И между зданиями есть что-то вроде парковки.

– Ты видел там автомобиль с цветами?

– Что? Нет, – Ричард отрицательно мотнул головой. – Эй, я что-то ничего не пойму...

– Мне нужно кое в чем удостовериться.

Ноги все еще плохо ее слушались, но Одри нашла в себе силы встать и подойти к входной двери. Глубокий вздох, поворот ручки, она оказалась на свежем воздухе. Девушка с трудом заставила себя повернуть голову в сторону парковки. Да, действительно, кроваво-красный «Фольксваген» исчез. На месте, где он стоял, сверкал на солнце небольшой новенький седан, очевидно, машина Ричарда.

Одри подобрала ему самый лучший костюм. Они почти не разговаривали, хоть он и пытался расспрашивать ее обо всякой ерунде. Но в ее голове сидело только одно – красная машина, набитая цветами, на место которой Ричард поставил свой автомобиль. И когда он попрощался и вышел, Одри была совершенно уверена, что видит его в последний раз.

У меня есть небольшой козырь

В тот день, когда все началось, у Джимми Хортонa намечалась самая удачная охота за последние месяцы. Он, словно койот, облазил половину пустыни Нью-Остина, шел по следу сутками напролет, чтобы, наконец, добраться до своей цели – шайки Пирсона, за головы которых давали больше двенадцати тысяч долларов. Их главарь, собственно, сам Эрл Пирсон, карточный игрок и убийца, гнусный тип, готовый подставить или обмануть любого, оценивался в восемь. Двое его приятелей – Нолан «Жирдяй» Паркер и Хьюго «Австралиец» Монро стоили по две. Хорошие деньги, которые позволят жить на широкую ногу несколько лет.

Джимми Хортон был уже немолод, и несмотря на весь свой опыт охотника за головами, сноровка начинала его подводить. Все чаще риски становились неоправданными, а руки были уже не столь быстры, как пять-десять лет назад. Сказывался и образ жизни, и выпитое спиртное, но Хортон верил, что еще сможет подзаработать на склоне дней.

Шайку Пирсона искали по всему Нью-Остину уже несколько месяцев. Негодяи появлялись то тут, то там, устраивали погром и смывались, ограбив и поубивав кучу народу. На их совести был и угон скота – с окрестных ферм регулярно пропадали лошади, и почерк был всегда одинаков. Обычно мародеры не оставляли живых, шпигуя свинцом лю-

бого свидетеля, будь то мужчина, женщина или ребенок. Одним словом, этим ублюдкам все было нипочем. Местные шерифы пытались сделать пару вылазок, чтобы поймать их, но это ни разу не обернулось чем-нибудь стоящим. В основном представители правопорядка лишь зазря гоняли лошадей по пустынным каньонам, а уж если нападали на след шайки, то обычно заканчивали лежа в деревянном ящике с пятицентовиками на закрытых веках.

Поэтому здесь была нужна, что называется, помощь профессионала. Награда привлекала толпы охотников за головами, но ни один из них не мог раздобыть головы злобных выродков, терроризирующих Нью-Остин. Хортон остановился в местной гостинице и совершенно случайно обнаружил объявление с космической суммой, которое его так заинтересовало. Он уже не обращал внимания на листовки, цена на которых была меньше цифры с тремя нулями. Джимми был нужен настоящий заработок, но он прекрасно понимал, какой ценой достанутся эти деньги.

Шериф скептически посмотрел на него и сказал о том, что Хортон уже седьмой смельчак в этом месяце, кто решился отправиться на поиски. Джимми лишь кивнул, мысленно порадовавшись тому, что слава о нем не докатилась до этих краев. Там, где он промышлял раньше, любой представитель закона знал его в лицо. Теперь же, когда Хортон путешествовал в поисках новых вызовов, его личность оставалась инкогнито, что очень помогало в поимке и убийстве беглых пре-

ступников.

Как опытный человек, Хортон решил начать поиск в самых глухих местах, а их в Нью-Остине было предостаточно. Несколько мелких шахт, пару заброшенных городишек – это лишь первое, что пришло на ум, когда он разглядывал карту. На самом же деле их лагерь мог быть где угодно, даже посреди прерий в маленькой палатке, и это делало задачу невероятно сложной. Чутье подсказывало Хортону, что самый верный способ – ждать, когда бандиты вновь себя проявят. По свежим следам их будет гораздо легче обнаружить.

Но обстоятельства сложились так, что ждать не пришлось. Он совершенно случайно натолкнулся на них, когда ехал из одного городка в другой и искал в поле место, где можно разбить лагерь. Их стоянка располагалась около двух небольших скал, прозванных местными Клыками Койота. В том, что это именно искомые бандиты, Хортон убедился почти сразу – в бинокль было отчетливо видно всех троих. Он сразу узнал Пирсона – усатого верзилу в десятигалонной шляпе и куртке с бахромой на рукавах – в точности такого же, как на портрете в объявлении о розыске.

Дело осталось за малым – подстрелить их и доставить тела в центральный офис шерифа. Хортон решил дождаться темноты и подойти к ним под покровом ночи. Чувства Джимми были двойственны – с одной стороны он радовался, что сумел обнаружить шайку, ведь они могли попросту слинять в

другой район и навсегда исчезнуть из этих краев, не получив возмездия; с другой его очень беспокоило то, как он будет расправляться с этими ублюдками, учитывая их кровожадный нрав. Действовать нужно наверняка, ведь любая ошибка может стоить жизни. Их трое, а он всего один, но его опыта хватило бы, наверное, на пятерых. Будучи моложе, Хортон подбирался к своим «клиентам» тихо, словно змея, и делал точные, жалящие выстрелы из своего револьвера. В этот раз он прихватил с собой нечто получше – новенький «винчестер», дальнобойную и очень меткую штуку, которая значительно облегчит задачу.

С наступлением темноты он скользнул к их лагерю, сливаясь с сумерками, точно пантера. Он готовился к короткой и разящей, словно кинжал, атаке. Нужно сделать всего три выстрела, очень точных выстрела, которые закончат главу под названием «Шайка Пирсона». Хортон верил в себя и свою сноровку, но что-то все равно заставляло его нервничать. Наверное, он боялся, что руки внезапно подведут его, ведь ему уже почти пятьдесят, а виски он выпил столько, что можно наполнить маленькое озеро. Стараясь гнать из головы лишние мысли, он приближался к костру банды Пирсона, внимательно наблюдая за своими жертвами. Они ничего не подозревали, сидя у огня, приглушенно о чем-то разговаривая и изредка хрипло посмеиваясь.

Хортон послунывил палец и подставил его ветру. Дуло с запада, и это было хорошо – движение воздуха почти по-

вторяло направление, в котором нужно сделать выстрелы. Джимми решил, что подходить ближе не стоит, и можно вести огонь с этой позиции. Он бесшумно снял с плеча ремень винтовки и прицелился в Пирсона, сидевшего лицом к костру и периодически заливавшего в горло какое-то пойло из мутной захватанной бутылки. Хортон выдохнул и нажал на спусковой крючок. Короткий грохот выстрела, и бутылка Пирсона лопнула, осыпав бандитов осколками, словно брызгами. Пирсон замер и медленно плюхнулся на спину, но прежде, чем он это сделал, Хортон перевел дуло «винчестера» на одного из двух оставшихся головорезов и послал вторую пулю. Даже отсюда было видно, как из шеи «Жирдяя» Паркера – а, судя по комплекции, это был именно он – брызнул фонтан крови, и, коротко вскрикнув, ублюдок шлепнулся на землю. Третий разбойник подскочил и бросился наутек, но тоже получил свинца, сразу в двойном количестве. На всякий случай Хортон сделал два выстрела, и, убедившись, что мчащийся во тьму силуэт бандита рухнул в пыль, удовлетворённо выдохнул. Затем быстро дозарядил потраченные четыре патрона и метнулся к костру.

«Жирдяя» он свалил наповал – из пробитой шеи хлестала кровь, как вино льется из прохудившейся бочки. К «Австралийцу» он решил подойти в последнюю очередь, и для верности навскидку пальнул по неподвижному телу еще несколько раз. Теперь он точно никуда не денется. А вот Пирсон его заинтересовал больше всего – глава шайки лежал

на спине, зажав рану на груди и все еще дышал, хрипя и повизгивая, как гиена. Хортон осторожно приблизился к нему, выставив перед собой оружейное дуло. Пирсон увидел его и закашлял кровью, пытаясь что-то сказать.

Хортон бегло осмотрел его и с удовлетворением убедился, что бывший глава шайки совершенно точно не жилец. Пуля пробила ему левую часть груди, наверняка разорвав легкое и, возможно, раздробив одно из ребер. Выжить с такой раной было нереально, но умрет он не сразу – еще несколько минут негодяй будет захлебываться кровью, и это обстоятельство грело душу охотника за головами. Такая мразь должна помучаться перед смертью, и пускать пулю ему в голову было бы слишком гуманным поступком. Хортон пригляделся и заметил револьвер с красивой резной рукоятью, торчащий у Пирсона из-за пояса. Он вытащил его и поднес к глазам. Вдоль ствола шла какая-то мелкая гравировка, а на костяной рукояти был искусно вырезан человеческий череп без нижней челюсти. Револьвер выглядел абсолютно новым, сталь на его барабане поблескивала холодным отполированным металлом.

– Это я заберу себе, – пробормотал Джимми и улыбнулся. Убедившись, что Пирсон теперь безоружен, он засунул пистолет в свою кобуру и направился к палатке бандитов.

Пошарив по вещам головорезов, Хортон нашел почти полторы тысячи долларов, патроны и съестные припасы. Внутри него все ликовало – задача была выполнена на от-

лично. Осталась лишь самая рутинная работа – погрузить тела на лошадь и отбуксировать их к шерифу. Он вышел из палатки и замер как вкопанный, потому что Пирсон стоял на коленях, вытянув вперед руки и пытался что-то сказать. Его глаза были выпучены, точно он увидел позади Хортона нечто ужасное.

– Р-ре-вольвер... – наконец удалось выдать ему.

– Что, братец? – повысил голос Хортон, притворяясь, что не расслышал.

– Н-не забирай его... Он н-не...

Прежде, чем Джимми успел подумать, его рука сама нырнула в кобуру,хватила револьвер и нажала на спуск. Из головы Пирсона вылетел кровавый снаряд, и тело шлепнулось на землю, точно мешок. Хортон зацокал языком и удовлетворенно глянул на свое новое оружие. Он совсем не думал добивать Пирсона, но, наверное, инстинкты оказались сильнее. А пушка сработала что надо – спуск мягкий, рукоять очень удобная. И как же быстро оно вылетело из кобуры! Идеальный инструмент. Хортон улыбнулся, вернул револьвер в кобуру и шумно выдохнул. Предстояла долгая и трудная дорога к шерифу.

Восход превращал прерии в красно-багряное море, размывая тени и наливая краской посеревшие силуэты скал. Хортон брел рядом со своей лошадью, тащившую на спине три бездыханных тела, курил и молча разглядывал горизонт,

становившийся все яснее и ярче. Впереди маячили все еще темные силуэты Бен-Тауна, ближайшего городка, продолжающего свою ночную дрему. Где-то впереди заскулил койот и зашуршало какое-то мелкое животное. Джимми споткнулся и едва не потерял равновесие, вовремя ухватившись за поводья лошади. Да, многочасовое пешее путешествие почти полностью отняло у него все силы, и теперь он едва тащился вперед, жалея о том, что нельзя сбросить трупы на землю и забраться в седло. Он перенервничал, был голоден и очень хотел выпить. До города оставалось около часа пути, и Хортон решил, что пора сделать привал.

Бен-Таун встретил его холодной утренней прохладой и блеклыми газовыми фонарями. Едва переставляя ноги от усталости, Хортон повел лошадь к зданию управления шерифа. Он был несказанно рад тому, что его путь, наконец, завершен. Скоро он получит свои деньги и уедет куда-нибудь в крупный город, может даже в Нью-Йорк. Там можно купить небольшой магазинчик и жить спокойно всю оставшуюся жизнь.

Помощники шерифа, сидевшие на крыльце и дымившие сигаретами, как по команде встали и смерили его тревожными взглядами.

– Мне нужен шериф, – разлепив сухие губы, сказал Хортон.

– Что это? – указал один из помощников на лошадь, груженую покойниками.

– Шайка Пирсона.

–Иди ты! – помощник усмехнулся, сплюнул на ступеньки и выбросил окурок.

– Да, это они. Позови главного, – нетерпеливо буркнул Хортон, чуя, как все больше гудят от усталости ноги.

Шериф Картер разглядывал побелевшие лица мертвецов и тщательно сверял их с портретами на объявлениях. Затем хмыкнул и покачал головой.

– Поверить не могу, Хортон. Как ты их нашел?

– У меня есть опыт, сэр, – ответил Джимми.

– Ты понимаешь, что ты убил волков, которые могли перетаскать все стадо? Знаешь, сколько народу они убили?

– Догадываюсь.

– Не догадываешься, – Картер радостно хохотнул и хлопнул Хортон по плечу. – Сынок, ты не представляешь, как долго эта заноза сидела в нашей жопе. Это была даже не заноза. А настоящий кол!

Он засмеялся еще громче, теперь уже во весь голос. Хортон вежливо, но натянуто улыбнулся.

– Меня интересует моя оплата, сэр. Как я смогу получить деньги?

– Ну, дружище, двенадцати тысяч на руках у меня нет, – ощерился Картер. – Но я сейчас выпишу государственный чек на твоё имя, и ты получишь их в банке в Армадилло. Может выпьем? Это надо отметить, сынок!

Против этого Хортон не возражал. Шериф отошел к своему столу, и через несколько секунд вернулся со стаканами и бутылкой. Затем торопливо налил виски себе, помощникам и Хортону и удовлетворенно проговорил:

– Ваше здоровье, мистер Хортон!

Джимми опрокинул стакан и почувствовал глубочайшее удовлетворение. Все получилось. Все его страхи о том, что сноровка подведет, что он не сумеет найти шайку и не получит деньги оказались лишь пустыми выдумками. Теперь он наконец-то заживет. От этой мысли Хортону сделалось так легко и весело, что он впервые за несколько дней заулыбался во весь рот.

И тут его правая рука скользнула в кобуру, выхватила револьвер и пальнула между глаз Картеру, снесла затылок первому помощнику и отправила свинец в глаз второму. Джимми словно ударило током, он завопил и с ужасом уставился на свою кисть в кожаной перчатке, сжимающую резную рукоять. Из начищенного ствола шел легкий дымок, и комнату заполнил запах жженого пороха и крови.

В ушах все еще стоял гром от выстрелов, и Хортон чувствовал себя, словно оглушенная динамитом рыба. Он попытался разжать пальцы, держащие револьвер, но вместо этого рука поползла вниз и ловким движением всунула оружие в кобуру. Джимми в ужасе смотрел на три распростертых тела служителей порядка и понимал, что теперь ему конец. Но самым страшным было даже не это, а тот факт, что он со-

вершенно не хотел стрелять по ним, у него даже в мыслях не было подобной дикости. Что-то словно заставило его это сделать, и он был лишь марионеткой, которая не в силах сопротивляться чужой воле.

Пальцы его левой руки разжались, уронив стакан, с грохотом разбившийся об пол. Хортон вновь оглядел трупы, как-то тихо и по-звериному взвизгнул и попятился назад, к двери. Наощупь он выполз к крыльцу и почти нос к носу столкнулся с женщиной, закутанной в длинную шаль. Она стояла возле лошадей и обеспокоенно смотрела на него.

– Что произошло, сэр? Я слышала стрельбу. Я живу здесь совсем рядом. Меня зовут мисс Картер, мой муж – здешний шериф. С ним все в порядке? – спросила она, с надеждой заглядывая ему в глаза. – Я так боюсь за него... В последние годы он сильно сдает. Сколько раз я говорила ему уходить со службы, но он не хочет.

Женщина печально покачала головой.

– Теперь каждый раз слыша стрельбу у офиса, я холодею от ужаса и выскакиваю на улицу, чтобы удостовериться, что он цел. Я знаю, это глупо и очень опасно, но я ничего не могу с собой по...

Прежде чем Хортон успел что-то сообразить, правая рука вновь скользнула к кобуре и выхватила револьвер. Джимми почти не чувствовал руку, она была словно онемевшей. Ей было невозможно управлять, и он мог лишь наблюдать за происходящим со стороны. Большой палец взвел курок, а

указательный нажал на крючок, и голова мисс Картер лопнула, как недозрелый арбуз. Джимми закричал и вновь попытался разжать пальцы, стискивающие рукоять с гравировкой черепа, и теперь ему это удалось. Поблескивающий револьвер упал на землю и легонько звякнул, словно обиженный таким обращением.

Как это произошло? Как он мог выстрелить в женщину? Что управляло его рукой? Хортон настолько захлестнул ужас, что ему показалось, будто у него вот-вот помутится рассудок. Он никак не желал воспринимать происходящее и отказывался верить, что его руками только что были убиты четыре невинных человека. Он вспомнил, как застрелил Пирсона, вспомнил то, что совсем не хотел этого делать, но рука словно на автомате сама скользнула в кобуру и выхватила пушку. Тогда он списал это на испуг и на инстинкт, потому как ждал, что раненый Пирсон, несмотря на свое тяжелое состояние, все-таки попытается что-нибудь предпринять. Но теперь же... Теперь он был уверен, что это было абсолютно не его желание. Словно револьвер сам захотел, чтобы его выхватили и нажали на курок.

Пирсон что-то пытался сказать ему перед смертью. Что-то про револьвер. Хотел о чем-то предупредить? Предостереечь? Или этот револьвер был его злобным продолжением, впитавшим ярость и человеконенавистничество своего хозяина, убивавшего с упоением?

Хортон ничего не понимал и не хотел понимать. В его го-

лове творился настоящий хаос, паника переполняла его рас-судок, и он совсем не знал, что ему теперь делать. Можно забыть про двенадцать тысяч, про все что он сделал, не факт, что ему вообще теперь удастся сбежать. Кто ему поверит? Кто вообще может вообразить, что револьвер сам заставляет хозяина стрелять в людей?

Привлеченные звуком выстрела, на улице стали появлять-ся первые горожане. Солнце медленно поднималось на блед-ном небосклоне, и очень скоро все увидят женщину с отстре-ленной головой, а затем, когда пойдут к шерифу, найдут там еще три трупа. Подгоняемый ужасом, словно кнутом, Хор-тон запрыгнул на свою лошадь и с силой пришпорил встре-воженное животное.

– Пошла! Пошла! – заорал он, краем глаза видя, как к рас-простертому у крыльца телу направляется кто-то из разбу-женных пальбой местных жителей.

Он скакал, наверное, часа два и чуть не загнал лошадь. Очувившись где-то посреди прерий, откуда не было видно ни одно поселение, он, наконец, остановился, сполз с седла и плюхнулся в пыль, все еще пребывая в состоянии глубочай-шего шока. Хортон до сих пор не мог поверить, что все это случилось именно с ним. Руки дрожали, как после недель-ного запоя, живот подводило, будто он съел что-то несвежее или заплесневелое. Он совершенно точно отдавал отчет в своих действиях и понимал, что не мог без причины убить

четверых человек. У него и в мыслях не было подобного. Это не могло быть наваждением, помутнением и чем угодно еще. Хортон всегда был здравым в своих рассуждениях и никогда не совершал опрометчивых поступков даже в пьяном виде. Что управляло его рукой? Что за сила жила в этом блестящем револьвере?

Хортон был счастлив, что оставил его там, у участка. Джимми с содроганием вспоминал, что вообще мог взять этот чудовищный предмет в руки. Из-за него Хортон потерял огромные деньги, которые с таким трудом заработал, а еще, скорее всего, получил репутацию сумасшедшего убийцы. Может быть, ему, конечно, и повезло – в городе еще были сумерки, народ не проснулся, и прохожих вроде бы не было. Но вдруг его видели? Вдруг успели запомнить? Если это так, то за его голову теперь назначена четырехзначная сумма, и он будет вынужден скрываться и бегать по всей стране.

От одной этой мысли Хортону стало так плохо, что он едва не разрыдался. Если его ищут, то нужно скорее уезжать прочь. Иначе могут догнать уже в ближайшее время, и тогда ему несдобровать. Но все тело ныло от усталости. Охота на шайку Пирсона и долгий пеший путь в Бен-Таун изрядно утомили его, а случившееся в участке шерифа окончательно отобрало все силы. Едва забравшись в седло, он вновь погнал лошадь вперед, и, найдя более-менее большой валун, за которым можно укрыться, снова сполз на землю. Забыв привязать лошадь, он по-змеиному скользнул под камень и

тут же провалился в сон, беспокойно вздрагивая и бормоча.

Первым, что он увидел, открыв глаза, был револьвер. Он лежал прямо у Хортона перед носом, словно кто-то заботливо положил его и тихонько ушел. Ствол все так же серебрился, а с рукоятки зловеще смотрел череп без нижней челюсти. Хортон взвизгнул и отскочил, точно кто-то бросил ему под ноги подождённую динамитную шашку.

Он сам нашел Хортона, и одному Богу известно, каким образом переместился из Бен-Тауна прямо к своему новому хозяину. Револьвер выглядел странно чистым, словно отполированным, без единого следа грязи, хотя несколько часов назад он валялся в пыли у офиса шерифа. Джимми больше не хотел к нему прикасаться и хотел метнуться к лошади, чтобы скорее мчаться прочь, но вместо этого подошел к оружию и поднял его с земли. Им вновь словно кто-то управлял. Правая рука бережно отправила пушку в кобуру, а затем контроль над конечностями опять вернулся к Хортону. Джимми всхлипнул и попытался достать револьвер, чтобы опять выкинуть, но не смог. Руки не подчинялись. Они выполняли любые другие действия, но когда дело касалось револьвера, пальцы не слушались.

Содрогаясь, точно от лихорадки, он влез в седло и медленно поехал в никуда. Он не знал, что будет делать дальше. Не знал куда теперь ему идти. Он боялся появляться на людях, потому что коварная вещица, несущая смерть, убивала

любого, кто появлялся в ближайших нескольких футах. Теперь Хортон начал догадываться, как именно стал убийцей Пирсон. Может, он тоже был в плену у этого револьвера? Ведь на его счету был и простой люд, и женщины, и даже дети. Неужели он тоже просто повиновался темной воле этого чудовищного оружия? Убивал налево и направо потому, что так хотел револьвер?

Тут в голову Хортона пришла еще одна мысль. А что, если Пирсону это еще и нравилось? Вдруг он упивался мощью своей находки и был счастлив от той силы, которую теперь имеет? Но его ли была это сила? Скорее всего нет. Теперь это была сила Хортона, и неизвестно удастся ли ему от нее когда-нибудь избавиться.

Когда впереди, в пыльной дымке показался дилижанс, рука Джимми сама скользнула к кобуре. Опять. Но в этот раз он не стрелял – неведомая сила покрутила его пальцами барабан, словно желая удостовериться, сколько осталась патронов. Левая рука сама собой залезла в патронташ и дозарядила оружие, а правая взяла пистолет на изготовку, большим пальцем взведя курок в боевое положение.

– Нет, нет, не надо, – зашептал Хортон и попытался вернуть контроль над руками. Но ничего не вышло. Дилижанс стал еще ближе, и Джимми разглядел, что в нем едет небольшая семья – две девочки, женщина и мужчина. Левая рука Хортона дернула за поводья, останавливая лошадь, а правая вытянулась вперед и ткнула револьверным стволом в сто-

рону приближающегося дилижанса. Сердце гулко стучало в груди Джимми, и ему казалось, что оно вот-вот лопнет от распирающего его ужаса. Экипаж поравнялся с Хортоном, кучер удивленно и испуганно посмотрел на него, а револьвер ожил, с грохотом посылая пули в каждого, кто находился в карете. Через несколько секунд дилижанс был похож на швейцарский сыр, а Джимми била дрожь, да так сильно, что он едва не вывалился из седла. Руки неторопливо поползли к патронташу, дозарядили револьвер и вновь убрали его в кобуру. Только после этого Хортон смог управлять ими снова. Он заорал во все горло, а лошадь под ним испуганно заржала и встала на дыбы.

Хортон проснулся от тяжелого пинка в бок. Он завертелся из стороны в сторону, но тут же замер, почувствовав, как в голову уперлось оружейное дуло. Джимми поднял глаза и обнаружил перед собой двух мужчин со значками законников. Один из них тыкал ему в лицо пистолетом, а второй стоял рядом и грозно разглядывал его из-под полей шляпы.

– Это он, – сказал первый. – Далеко не убежал.

– Чего вам надо, парни? – осторожно спросил Джимми.

– Не придуривайся, козел, – проговорил тот, что в шляпе. – Надеялся исчезнуть в пустыне, да?

– О чем речь? – холодея проблеял Хортон, прекрасно понимая, к чему они клонят.

– Ты перестрелял управление шерифа Бен-Тауна, – сказал

первый, с револьвером. – У нас есть свидетели, которые могут это подтвердить. Именно благодаря ним появилось вот это, – он вытащил из кармана объявление о розыске с портретом Хортона и целой в десять тысяч долларов.

«Много же за меня дают,» – подумал Джимми, разглядывая собственное изображение.

– Поэтому не дергайся и вытяни вперед руки. Твой путь закончен, мистер Хортон.

Джимми заглянул в лица законников и почувствовал, как в груди все оборвалось. Как же быстро его нашли! Значит кто-то и правда стал свидетелем сцены, развернувшейся около офиса шерифа. И, видимо, таких «счастливиц» было несколько.

Не успел Хортон хоть что-то понять, как его рука молниеносно метнулась к кобуре. Это произошло настолько быстро, что за ее движениями, наверное, невозможно было уследить глазом. В следующую секунду прозвучали два выстрела, практически слившиеся в один. Оба законника рухнули на землю, как тюки с сеном, а револьвер с черепом на рукоятке удовлетворенно дымился. Джимми буквально ощущал это удовлетворение оружия, точно оно имело душу.

А оно имело. Хортон был готов за это поручиться. У этой штуки были не просто пристрастия, она не давала никому притронуться к своему хозяину, уничтожая все на своем пути. Почему же тогда она не убила Хортона, когда он сидел в темноте и целился в Пирсона? Не почуяла его, потому что он

действовал скрытно и внезапно? Или потому что Джимми находился слишком далеко для точного выстрела и до него было не достать?

И почему револьвер не сработал, когда Хортон осматривал раненого головореза? Может, эта штуковина поняла, что старый хозяин умирает и нужно найти нового? Поэтому позволила себя забрать, чтобы напитаться новой кровью?

Вопросы роились в голове Хортонa как целый клубок расстроенных мух, но ответа не мог найти. Ясно было только одно – так просто от этого пистолета он не избавится.

Джимми толкнул створки калитки и шагнул в салун. Это было, пожалуй, самое злачное место в Армадилло. Но его это не особо волновало. Ему хотелось лишь выпить. Стараясь не обращать внимания на пьяные крики, вертлявых шлюх и шарахающийся туда-сюда народ, Хортон зашагал к барной стойке. Один из круглых стульев возле нее был свободен, и он устало плюхнулся на него.

Бармен, лысоватый мужчина с темными усами, недоверчиво глянул на Хортонa.

– Эй, ты бы не занимал этот стул, друг.

– Почему? – поднял брови Джимми.

– Это место «Ворюги» Дженсона. Местный отморозок, – бармен протер стакан и покачал головой. – Сделай как я говорю, друг. Тебе, что проблемы нужны?

– У меня есть небольшой козырь, – ответил Хортон и

впервые за пару дней улыбнулся. – Давай-ка налей виски. А лучше неси целую бутылку.

Школьный Робин Гуд

Рид Брукс ходил на матчи баскетбольной команды школы только для того, чтобы поглазеть на девиц из группы поддержки, а именно – на Келли Фокс. Она была из выпускного класса и встречалась с местным верзилой-недоумком Бобби Петерсоном, однако Рида это не слишком смущало. Пялиться на чирлидерш обожали все – многие парни из старших классов приходили на игру именно за этим, за что нередко получали трепку от переростков-выпускников, считающих, что все девушки школы принадлежат им. Да, красивых девиц в группе поддержки «Блю Джакетс Холл» было предостаточно, но Келли была особенной. Ее грация и пластика вызывали у Рида буквально животное желание, а вечная полуулыбка, не сходявшая с лица красотки, заставляла Брукса забывать обо всем.

Она была старше Рида на два года и казалась ему настоящей богиней. Кроме того, он часто видел ее вечерами в Центральном парке Риверсайда – манера поведения молодой мисс Фокс заставляла Брукса трепетать. О, если бы эта девушка принадлежала ему! Взрывная, ехидная, местами очень грубая, обожающая выпивку – все это казалось Риду, одному из самых проблемных учеников старшей школы, воплощением истинной мечты. Вместе они бы всех здесь поставили на уши! А то, что Келли немного старше – так это

еще круче. Когда с тобой встречается самая красивая девочка из выпускного класса... Любой мог бы о таком только мечтать.

Рид частенько околачивался вечерами на улицах Риверсайда и наблюдал за объектом своего поклонения. У него была хорошая компания таких же хулиганов, как и он сам. Пугать малышню и заниматься всякой ерундой было уже не интересно, потому Брукс старался подходить к поиску развлечений как можно более творчески. Одно из таких – напиваться вдрызг и драться с уродами из старшего класса. Разве не весело? Или курить травку до тех пор, пока перед глазами все не начинает плыть. Кайф – важное слагаемое хорошего времяпрепровождения. Без него мог существовать только один вид досуга – уличное воровство. Компания Рида занималась самым настоящим разбоем – отбирала телефоны, в том числе у взрослых, срывала женские сумочки, а несколько раз даже скручивала магнитолы. С копами было все просто: один раз попался – вылетел из школы. Поэтому Брукс и его компания были очень осторожны. Рид, кроме всего прочего, обладал еще и весьма неплохими для такого рода занятий внешними данными – низкорослый, коренастый, плотно сбитый. Не все выпускники хотели с ним связываться, потому что в драке Рид порой терял над собой всякий контроль.

Однако, создав свою компанию и вполне себе громкую репутацию, Брукс все же не имел доступа в тот заветный круг лиц, где вращалась Келли. Громилы из выпускного класса

недолюбливали его и считали повернутым из-за многочисленных передраг, в которые он влипал. При этом издеваться над ним никто и не пытался – себе дороже. Риск получить на орехи от целой кучи шестнадцатилеток во главе с Ридом был слишком высок.

Брукс очень долго ломал голову над тем, как же обратить на себя внимание Келли Фокс. Чтобы осуществить это желание, было необходимо внедриться в компанию старших ребят. Но это было легче сказать, чем сделать. Чтобы попасть на тусовку выпускников, нужно сотворить что-то из ряда вон, что-то такое, чтобы тебя зауважали. Но что? За что могут уважать его – хулигана, только перешедшего в старшую школу, имеющего репутацию сумасбродного задиры и мелкого вора?

Рид лениво развалился на лавке и наблюдал за тем, как разминаются чирлидерши «Блю Джакетс». Вместе с ним на трибунах было еще несколько человек – в основном старшеклассники. Возле девиц терлись и члены баскетбольной команды – пока что их было немного, всего пара-тройка человек. Не было лидера и главного центрового – Бобби Петерсона и его прихвостней – Кина и Дилана.

Брукс зевнул и поискал взглядом Келли, выскочившую из раздевалки в коротких шортах и спортивном топе. Она и другие девушки принялись отрабатывать танцевальные движения. С фантазией у них было явно туго, и в скором време-

ни стены спортзала стали содрогаться от ругательств – больше всех агрессивовала, само собой, Келли Фокс, раскрасневшаяся от злости как редиска. Рид улыбался, глядя на то, как девицы выясняют отношения. Нет ничего милее, чем смотреть за женскими разборками. Это всегда выглядит очень забавно и в то же время действует не хуже укола адреналина – вся эта экспрессия и всплески энергии могут завести не на шутку. Баскетболистов тоже весьма занимала эта перепалка, и они принялись громко свистеть и отпускать в адрес девиц грязные шуточки.

За всем этим весельем никто не заметил, как тихо отворилась входная дверь и в зал вошел Бобби Петерсон. Рид не поверил своим глазам – таким он его еще никогда не видел. Здоровяк-Бобби, один из самых крутых парней школы был похож на побитого бродягу. Одежда была разорвана и покрыта пылью – его явно повалили на земле и хорошенько отделали. Лицо так и вовсе выглядело отвратительно. Один глаз превратился в опухоль. Над бровью зияла длинная красная рана, из которой непрерывно струилась кровь, стекая вниз до самого подбородка и капая на измочаленную футболку.

– Эй, смотри... – один из «жакетов» наконец увидел Бобби и бросился к нему. Гвалт мгновенно стих, и все, кто находился в зале, замерли и уставились на Петерсона, которого, казалось, пропустили через блендер.

– Бобби... – Келли в ужасе взираала на своего бойфренда. –

Кто тебя так... разукрасил?

Петерсон сделал еще несколько шагов и шлепнулся на пол.

Рид приложил все силы, чтобы узнать, кто же так сильно отмутил Бобби-здоровяка. И ему удалось раскопать кое-что – как выяснилось, Бобби нагрубил местному наркобарыге, черному парню Филу Альварадо. Видимо, Петерсон не знал его, иначе никогда бы не посмел раззявить свой рот. Альварадо появился в Риверсайте недавно, и Рид был хорошо осведомлен о том, кто он такой. Именно у него Брукс вместе со своей компанией прикупал в последнее время дурь. Альварадо был очень мутным персонажем, и связываться с ним, как, впрочем, и с любым наркоторговцем, было себе дороже. Кроме того, Фил был черным, а все нигеры терпеть не могут, когда на них катят бочку беленькие мальчики.

У Альварадо была крутая машина – «Додж Челленджер». Ее было трудно не узнать – это черное тонированное чудовище с золотистым знаком доллара на капоте каждый вечер оглашало округу забористым ревом двигателя, унося своего хозяина на очередную охоту за деньгами. Рид очень часто видел этот автомобиль, видел, где Фил паркует его, как с ним обращается. И у него созрел план, как можно влиться в компанию Петерсона. Как можно попасть на выпускную вечеринку, куда пустят только избранных. Как познакомиться поближе с Келли Фокс. План был просто самоубийственным,

но в случае успеха он станет гарантированным VIP-гостем на выпускной пьянке старшей школы «Блю Джакетс Холл».

На следующий день он обнаружил Петерсона и его компанию на школьной баскетбольной площадке. Они постоянно здесь собирались после того происшествия с Филом – Бобби, видимо, боялся еще раз попасться ему на глаза, и кроме того, после побоев он скверно себя чувствовал. Брукс уверенно пересек пустующий школьный двор и зашагал в их сторону. Здесь были почти все – Кин, Дилан, девки-чирлидерши и, конечно же, Келли Фокс. Они пили пиво и о чем-то лениво переговаривались. Когда Рид подошел достаточно близко, компания, наконец, заметила его.

– Эй! Брукс! Вали отсюда! – крикнул Кин.

– У меня есть дело, – ответил Рид, продолжая приближаться.

– Вали, тебе сказано, – поддакнул Дилан и сделал вид, что хочет швырнуть в него пивную банку. Брукс лишь улыбнулся и продолжал идти к ним, пока не оказался совсем рядом, на расстоянии нескольких шагов.

– Тебе чего надо? – глухо проговорил Бобби, приподнимая заштопанную бровь. После той передраги ему наложили несколько швов, которыми он теперь очень гордился.

– Слышал, тебе надрал жопу Фил Альварардо, – негромко сказал Рид.

– Ах ты сука, – прошипел Петерсон, мгновенно вскакивая

на ноги. Вся компания с ужасом смотрела на них – после того инцидента с Филом любой, кто напоминал об этом Бобби, получал от него двойную дозу увечий.

– Ты хотел бы отомстить ему? – как ни в чем не бывало продолжал Брукс.

– Я тебе сейчас башку оторву, – Бобби явно ничего не хотел слышать и уже твердо вознамерился учинить над ним физическую расправу.

– Я знаю его. Живу неподалеку. У него есть черный «Додж». Мне удалось кое-что раздобыть.

С все той же хитрой улыбкой Рид достал из-за спины черный пакет и протянул его Петерсону.

– Что это? – он повертел в руках пакет и с сомнением глянул на Брукса. – Тебе все равно конец, малолетка. Не смотря на всю твою репутацию и прочее дерьмо.

– Загляни внутрь, Бобби, – вежливо попросил Рид.

Петерсон покачал головой и запустил в пакет руку. Наружу показалась дорогая сенсорная магнитола, золотистый значок доллара и бумажник.

– Это что... Из его машины? – пропищал Бобби, не веря своим глазам. – Вот этот знак доллара... Он у него был прикручен к капоту! Бумажник? Как ты умудрился спереть у него бумажник?

– Он был в бардачке, – все так же бесстрастно ответил Рид, ощущая, как все внутри начинает дрожать. Он вспомнил, как ночью пробирался во двор Альварадо и молился о

том, чтобы его никто не заметил. К счастью, сигнализации на машине не оказалось, чему Брукс несказанно удивился. Но, видимо Фил был настолько в себе уверен, что считал, будто никто не посмеет покуситься на его машину. Он был безалаберным парнем, и Рид в этом убедился, нашарив в бардачке бумажник и несколько сотен долларов. Внутри бумажника тоже были деньги, а главное – водительское удостоверение Фила. Обливаясь потом от ужаса, Брукс выкрутил магнито-лу и даже умудрился свинтить с капота знаменитый значок доллара. Подсознательно он был готов к тому, что Альварардо появится в любую секунду и попросту пристрелит его. Но все прошло гладко – и теперь у него был отличный шанс осуществить свой план до конца.

– Блин, это его права! Смотрите-ка! – Бобби засиял и вытащил из бумажника карточку с фотографией Фила. – Кажется, кому-то придется восстанавливать свое водительское удостоверение.

– Надо насрать на него, – сказал Кин, восторженно приплясывая рядом.

– Я скормлю его своей собаке, – сказал Петерсон. – Пускай она его потом высрет.

Вся компания дружно загоготала.

– Эй, да тут еще и бабки есть. А ты прямо Робин Гуд, – ухмыльнулся Бобби, продолжая потрошить бумажник. – А с чего такое почтение, Брукс? Мы с тобой вроде друзьями никогда не были. Зачем ты рисковал задницей, залезая в ма-

шину этого вонючего нигера?

– Я лез к нему в машину не за этим, – соврал Рид. – Я сначала вообще не увидел, что это его машина. Темно было. Только когда откопал бумажник, понял, чья тачка. Ну и решил отдать весь шмот тебе.

Петерсон смотрел на него с удивлением.

– Я ненавижу этого черномазого уроды. Он не имеет права обижать наших. Приехал сюда всего месяц назад и думает, что стал королем? Это неправильно. Я решил сделать вам небольшой подарок к выпуску, – улыбнулся Брукс. – Вы классные ребята. Я вас уважаю. Думаю, ты заметил это.

Бобби хмыкнул и оглядел своих друзей. Рид чувствовал, как намок от пота ворот рубашки. Сейчас все должно решиться, и, если его план провалится, он заставит Петерсона сожрать этот бумажник вместе с позолоченным значком доллара. Брукс украдкой глянул на Келли и обнаружил, что она заинтересованно разглядывает его, пожалуй, больше, чем остальные чирлидерши.

– О'кей, Брукс, будем считать, что ты удачно лизнул мою жопу, – Бобби засмеялся и шлепнул его по плечу. – Спасибо, чувак. Этот Альва... Как его там... Альварато – чертовски опасная тварь. Мы бы с ним точно не справились. А так – все гладко. Он, наверное, даже не догадается, кто ободрал его машину. Хорошая работа, Брукс. Раз уж такое дело, я приглашаю тебя на выпускной. Нам нужно нажраться всем вместе. Да и вообще, заходи, когда захочешь, выпьем пива.

Идет?

– Заметано, Бобби, – кивнул Рид, ощущая, как по телу разливается сладостная волна удовлетворения.

Пьянка на выпускной вечеринке старшей школы «Блю Джакетс Холл» была просто сумасбродной. Все это происходило в каком-то загородном доме, возле Белого леса. Рид никогда еще не видел столько спиртного на квадратный метр. Ужрались абсолютно все – и Бобби, и его дружки, и сам Брукс, который старался все ж таки держать себя в руках, и куча других непонятных людей, неизвестно каким образом попавших сюда. Здесь были друзья друзей, друзья подруг, подруги друзей, подруги подруг друзей и так далее, и так далее, и так далее. Развлечений была тьма – от самых невинных конкурсов, которые кончились с первым выпитым литром, до совершенно лютых вещей, наподобие бега голышом по двору и попыток спрыгнуть с крыши в бассейн. Рида приняли очень хорошо, но потом все так упились, что никому ни до кого не было дела. Все складывалось наилучшим образом для Брукса, который твердо вознамерился осуществить сегодня свою мечту Икс – переспать с Келли Фокс.

Она была невероятно пьяна и расхаживала в своем костюме чирлидерши. Сначала она держалась рядом с Бобби, но после того, как он уволок в туалет одну из ее подруг и пропал, начала шататься по всему дому и поглощать спиртное в совершенно космических количествах. Риду показалось, что

она была пьяна настолько, что даже не поняла, куда делся Петерсон. Она, кажется, просто про него забыла, и это был отличный шанс.

Рид выбрал самый большой пузырь виски и пристроился на одном из шезлонгов во дворе. Сначала Келли прошла мимо него, даже не обратив внимания, но через несколько минут, увидев в его руках почти нетронутую бутылку, все же приблизилась.

– Эй, это же ты... Парень, который обнес тачку черномазого. Брукс, верно? – сказала она заплетающимся языком, вглядываясь в его лицо.

– Меня зовут Рид, – он протянул ей стакан. – Коктейльчик не желаешь?

– Какой? – игриво хихикнула она.

Рид посмотрел на ее стройные бедра, едва прикрытые форменной короткой юбочкой. Перевел взгляд выше и вперился в глубокое декольте, попутно обнаружив, что под топом Келли нет лифчика.

– Собрал какую-то фигню у местных, – дрожащим голосом проговорил он. – Вот, яблочный сиропчик, кола, виски и... Немного текилы. И чуть-чуть водки. В общем, мне зашло. По башке бьет знатно.

Она расхохоталась и взяла у него стакан, опрокинув его залпом.

– О-о... Давно я так не напивалась... – Келли подошла к нему поближе и встала совсем рядом, слегка покачиваясь,

словно под ее ногами была пляшущая на волнах палуба корабля. Они смотрели друг на друга – Рид, невысокий бритоголовый мальчуган, похожий на вырезанного из дерева истукана, и она, темноволосая девица, выше его почти на полголовы, с темно-карими глазами и чувственными губами, постоянно складывающимися в нахальную улыбку.

– Ты смелый малый, – она взяла его за ворот рубашки и легонько потянула к себе. Брукс почувствовал, как его нутро буквально взрывается. Он был пьян, и хотел, чтобы дурман от спиртного накрыл его с головой.

– А ты просто чудо как красива, – брякнул в ответ Рид.

– Да? Значит, десятиклассникам нравятся выпускницы? Ты не боишься меня, а?

– Не-а. Я никого не боюсь, – ухмыльнулся Брукс и глотнул виски прямо из горла. Огненная волна промчалась вниз к его желудку и срикошетила в голову. Сейчас он мог решиться на все и понял, что время, похоже, пришло.

Келли выхватила у него бутылку и тоже глотнула. Ее глаза были мутными, но отдавали странным нездоровым блеском. Рид вдруг понял, что на пьяную голову эта девушка совершенно не умеет себя контролировать, более того – не хочет.

– Я тебя тоже не боюсь, Брукс. Ты классный.

Рид вытянул руку и обхватил ее ягодицы.

– Если бы ты знала, какая ты классная... – прошептал он. – Ты бы с ума сошла.

Она глотнула из бутылки еще несколько раз, а затем неж-

но провела пальцами ему по щеке.

– Ты ведь хочешь меня, правда?

Рид просто остолбенел. Все его внутренности горели, и он ощущал себя спичкой, которая вот-вот вспыхнет.

– Безумно, – прошептал он.

– Тогда пошли... – она уткнулась грудью ему в лицо. – Я разрешаю...

Все, что было дальше, Рид помнил с трудом. Они зашли в какую-то комнату, она спустила трусики – просто спустила, эти сводящие с ума белые трусики, которые Рид был готов сожрать, и он осуществил то, чего хотел так долго. Ему казалось, что он вот-вот умрет. Все было каким-то нереальным – и эта потрясная грудь, которую он свободно лапал, и длинные стройные ножки, которые обнимали его чуть выше поясницы, а главное – это ощущение погружения. Погружения в бездну бесконтрольного наслаждения, от которого, по его предчувствиям, с минуты на минуту должен был случиться сердечный приступ.

Следующее, что он помнит – как они валяются на полу, друг возле друга. Келли, кажется, пыталась присосаться к горлышку бутылки с виски, а он просто лежал и ни о чем не думал – все силы покинули его, была только усталость и какая-то странная легкость. Он уснул, а когда проснулся, было уже темно. Келли сидела на кровати и задумчиво курила. Снаружи все еще доносились пьяные вопли – очевидно, вечеринка продолжалась. Риду казалось, что его голова пре-

вратилась в тяжелый каменный валун. Он с трудом нашарил на полу какую-то бутылку и жадно приник к ней.

– Проснулся? – Келли повернулась к нему и выпустила дым из вытянутых в трубочку губ.

– Ага, – проблеял он, пытаясь прийти в себя.

– Никогда не думала, что пересплю с Ридом Бруксом. Я помню тебя еще по младшей школе. Такой злой и насуспенный карапуз, – она хихикнула. Рид понял, что она все еще пьяна.

– Ты об этом жалеешь?

– Нет, – она сделала еще одну затяжку. – Знаешь, встречаясь с таким козлом, как Бобби, будешь рад переспать и с собакой.

– Значит, я был где-то на уровне собаки?

Она покачала головой.

– Наоборот. Ты был лучше, чем Бобби и все те, с кем я спала последние пару лет.

– Даже так... – Рид удивленно заморгал. – А что не так у вас с Бобби?

– Он меня бьет, – лаконично ответила она. – Осенью у меня был выкидыш.

– Что? – прошептал Брукс.

– Я залетела от него в конце лета. Он психанул, начал орать на меня, что это я виновата. Что я не подумала о нас. Что он не готов заводить семью. И отлупил меня так, что я потеряла ребенка, – Келли закурила новую сигарету.

– Я видел, как он утащил в одну из комнат твою подружку, – тихо сказал Рид.

– Я знаю. Он трахает половину девчонок из класса. Все в курсе. И всем это нравится. Его дружки так и вовсе думают, будто это круто.

– А почему бы тебе просто не послать его?

– Знаешь... – она смерила его захмелелым взглядом. – Я и так многовато тебе рассказала.

– Келли... Я обчистил машину Фила для того, чтобы попасть на вечеринку и пообщаться с тобой. Думал... Думал, смогу тебя заинтересовать. А получилось даже больше, – он смущенно опустил глаза. Рид Брукс, ворюга и хулиган засмутился перед девчонкой. Если бы кто-то это увидел, то не поверил бы глазам.

Келли засмеялась.

– Серьезно? Неужели ты думал, что на трезвую голову я бы связалась с тобой?

Рид в ужасе замер, не веря собственным ушам.

– Ты, наверное, хуже Бобби. Раз воруешь чужие вещи для того, чтобы трахнуть чью-то девчонку. Хотя, нет. Бобби хуже. Эта мразь как-то раз перепоила меня и нафотографировала голышом. И теперь грозитя, что, если я от него уйду, расклеит эти фото по всему Риверсайду.

Она глубоко вздохнула, взяла бутылку виски и сделала неуверенный глоток.

– Думаю, тебе пора идти. Если кто-то нас увидит вместе

– нам обоим крышка.

Спустя несколько дней Рид сидел, спрятавшись в кустах у обочины, и разглядывал поблескивающую в свете луны машину Бобби Петерсона. Желтый «Форд Шелби» с открытым кузовом. Прекрасный автомобиль. Почему у всяких ублюдков всегда все по высшему разряду? Самые красивые машины, самые лучшие девушки? Брукс глубоко вздохнул и почувствовал, что почти на сто процентов решился.

Перед его глазами стояла пьяная Келли Фокс. Замечательная, красивая девушка, чью жизнь сломал этот чертов выродок. Он не просто издевался над ней, он ее испортил, превратил в жалкую шлюху, которая готова на все, лишь бы ее обнаженные фото не разлетелись по городу. Келли сказала, что он, Рид, хуже, чем Бобби. Возможно, так и есть. Но он никогда бы не стал и пальцем трогать женщину, ни при каких обстоятельствах.

Той ночью, когда была вечеринка, он и вправду отправился домой, и никто ничего не узнал. Никто не видел их вместе и уж тем более понятия не имел, чем они занимались. Но что-то внутри Рида надломилось, и теперь он попросту не мог спокойно жить. Испарилось похотливое влечение к Келли, испарилась какая-то осознанная мания обладать ее телом, осталась лишь отупляющая жалость и странное желание поскорей помыться под душем, словно он побывал в нечистотах. Вот так, очень легко, можно сделать из молодой

девушки тряпку. Уничтожить ее морально и физически. И она будет готова переспать с кем угодно. Как сказала Келли? «Будешь рада переспать и с собакой».

А Петерсону было хоть бы что. Он все так же жил, пил и продолжал портить девушек. Совсем молодых. Которым еще предстоит быть женами. Матерями. Брукс не мог понять, откуда в его голове берутся столь высокопарные мысли, но понимал, что думает в правильном направлении. В его силах прекратить все это. Всего пару манипуляций с тормозами отличной спортивной машины Бобби – и он уже никому не сломаёт жизнь.

Брукс коротко выдохнул, огляделся по сторонам и осторожно пересек дорогу, метнувшись к поблескивающему в лунном свете «Форду». Прощай, Бобби Петерсон, ты выпустился из школы, ты устарел и теперь главный здесь я. Иногда справедливость торжествует, даже в таком виде. Да, я подонок, который грабит людей, ворует вещи, но я никогда не буду таким подонком как ты.

Рид мысленно поблагодарил Бобби за то, что он припарковал машину у самой дороги, не удосужившись даже подогнать ее поближе к дому. Ее металл был холодным, как ледышка. Брукс еще раз хорошенько огляделся, пытаясь удостовериться, что его никто не видит. Ну что ж, пора приниматься за работу. Всего десять минут – и можно спать спокойно. Бобби любит лихачить, и поэтому первый же крутой поворот станет для него последним.

На следующий день Рида разбудил телефонный звонок. Поначалу он не хотел вставать и ждал, пока звонивший прекратит набор номера. Но вызов повторялся и повторялся.

– Если ты не заткнешься, я вышвырну тебя в окно! – буркнул он, и внезапно его словно стегнуло током. Вдруг это копы? Его кто-то видел вчера ночью? Брукс подскочил, словно ужаленный и торопливо схватил телефон.

Но звонили не копы, а один из его дружков, Говард. Чего ему надо с утра пораньше?

– Алло, – с облегчением сказал Рид, чувствуя, как колотится сердце.

– Чувак, ты не согласишься. Я сейчас такую картину увидел!

– Что случилось?

Наверное, он про Бобби. Неужели план сработал? Брукс затрепетал, ожидая продолжения разговора.

– Просто с ума сойти... Помнишь, ты ходил на вечеринку к выпускникам?

– Ага.

– Помнишь компанию Бобби Петерсона? И девок из группы поддержки.

– Да. Так что там?

– Прикинь... Сейчас иду по городу и вылетает тачка Петерсона. Ее все знают, такая желтая, с черными полосами на капоте. Не входит в поворот – и бэмс! – влетает на встречную полосу, прямо во внедорожник. Все всмятку. Кровища... В

общем, настоящий треш.

– Т-то есть, хочешь сказать, Бобби разбился? – деревянным голосом спросил Рид.

– Ничего подобного. За рулем была его девка. Та, которая тебе нравилась раньше. Помнишь, ты говорил? Келли. Келли Фокс. У нее, блин, голову оторвало нахрен. Она была одна за рулем, чувак. А Бобби приехал только что. Вот он вместе с копами сейчас прыгает вокруг этой горы железа. Насколько я понял, она оставалась у него на ночь, они поругались, и Келли решила свалить от него на тачке. Блин, вот это каша... Рид? Эй?

Брукс ничего не слышал. Он тупо смотрел в стену и чувствовал, как все внутри покрывается льдом.

Путешествие начинается

Хил Остин осторожно проехал от гаражных ворот к дороге и почувствовал, как в окно проник прохладный утренний ветерок. Он был свежим и бодрящим, точно студеная родниковая вода. Хил улыбнулся и осторожно повернул на полосу, ведущую к шоссе номер 022. Солнце медленно приподнималось из-за белоснежных домиков, выстроившихся далеко вперед длинной чередой. Его лучи становились все ярче и настойчивей, обещая впереди длинный жаркий день. Хил достал из бардачка свои «авиаторы» и сощурился, разглядывая дорогу, ярко отсвечивающую, точно золотистая река.

– Ну что, путешествие начинается? – он с ухмылкой повернулся к своей девушке Памеле, развалившейся на пассажирском сиденье. Пэм была просто очаровательна – наполовину латинка, со смуглой нежной кожей, глубокими карими глазами и очень милой и задорной улыбкой. Хил буквально таял, глядя на нее.

Пэм вяло кивнула и прикрыла глаза, откинув голову на спинку сиденья. Она еще явно не проснулась, и Остин ласково погладил девушку по щеке, с трепетом ощущая бархат ее кожи. Утро становилось все жарче с каждой минутой, солнце превращалось в громадный алый шар, напоминающий гигантскую раскаленную лампу. Хил задумчиво покрутил переключатель радио, пытаясь найти что-нибудь стоящее.

– С Вами станция «Пустынный койот», где крутят только настоящий рок-н-ролл! Если Вы едете куда-то далеко на повышенной скорости, то Вам точно подойдет наша музыка! Переключайте передачу, газ в пол и вперед! Шучу, конечно. На самом деле, ребята, соблюдайте правила дорожного движения. Это действительно важная штука. Будьте осторожны на дороге. Сами знаете – скорость опасная вещь.

– То, что надо, – Хил слегка убавил звук и покатил вперед.

Это было их первое путешествие с Пэм. Они познакомились не так давно – всего полгода назад. Он – молодой писатель, который издал первые пару романов, она – девушка-автомеханик, работающая в автосалоне собственного отца и по совместительству являющаяся его совладелицей. Эта пара возникла именно после посещения Хила автомастерской – увидев Пэм, он уже не мог оторвать от нее глаз и сделал все, чтобы девушка обратила на него внимание. Пэм была очень задорной и боевой, это чрезвычайно нравилось Остину, который обожал бойких девиц. Кроме того, она прекрасно разбиралась в авто и великолепно водила, что тоже производило весьма сильное впечатление. Памелу же заинтересовал гибкий ум и харизма Хила, который очень складно говорил и в целом был на редкость обаятельным парнем. Пэм иногда казалась грубоватой и была очень простой девушкой, без двойного дна и изысканных хотелок. Поэтому ее быстро затянул начитанный и веселый Хил – с ним она могла болтать целый день с утра до вечера и никогда не чувствовала

хоть малейшего напряжения. Кроме того, Остин буквально сдувал с нее пылинки – Пэм, воспитанная лишь отцом и привыкшая к строгости, витала на седьмом небе от обходительности своего нового бойфренда.

Они очень быстро притерлись друг к другу и уже не могли жить отдельно. Пэм переехала к нему, и, не смотря на упреки отца, перестала целыми днями пропадать в мастерской. Вместо этого они с Хилом наслаждались жизнью, а Памела с любопытством и благоговением наблюдала за тем, как Остин трудится над своим новым романом, поражаясь его умению создавать повествование буквально из воздуха.

Хил не любил долго нежиться в постели и уже в семь утра сидел за компьютером, набирая текст и пролистывая рукописные заметки. Пэм просыпалась чуть позже и, закутавшись в одеяло, приходила к нему и садилась рядом, молча глядя на то, как его пальцы бегают по клавиатуре. Впрочем, долго так просидеть ей не удавалось, потому что Хил сразу затаскивал ее себе на колени и начинал целовать. Он чувствовал себя очень уверенно и хотел стать еще лучше ради Пэм – его заработок уже позволял ни о чем не беспокоиться, но мечтой Остина был собственный дом на побережье. Первые гонорары позволили прикупить ему хороший ретро-автомобиль, такой, какой он давно хотел – черный «Додж Чарджер» 1969 года. Это был настоящий стальной зверь с почти четырьмя сотнями лошадиных сил под капотом, приземистый и стремительный. Хил приобрел его специально для

Пэм – он давно мечтал отправиться в небольшое путешествие по штату на суперклассной машине, чтобы почувствовать настоящую скорость на шоссе и насладиться свободой. Памела была только за, так как обожала быстрые автомобили и скоростную езду.

Для своего путешествия они выбрали конец лета – было не слишком жарко, но и не особенно прохладно, в самый раз для комфортной поездки. Четкого плана у парочки не было, цель преследовалась лишь одна – мчаться по шоссе, останавливаясь на ночь в дешевых мотельчиках, веселиться и по возможности выпивать пивка для пущего расслабления. Они были молоды и легкомысленны, и желали оторваться по полной. В их отношениях было больше страсти, чем здравого рассудка, поэтому ничто не могло их остановить.

Хил решил не раскалять двигатель и начал поездку неторопливо, не превышая скорость. Кроме того, Пэм еще дремала, и Остину не хотелось будить ее громким ревом восьмицилиндрового мотора. Утро медленно набирало цвет, играя бликами на хроме боковых зеркал «Чарджера» и на бамперах встречных машин. Небо начало светлеть и становилось все более ярким и лазурным, настолько чистым и сияющим, что глаза буквально растворялись в его бескрайней вышине. Дорогу было видно очень четко, и лишь вдалеке, почти у горизонта, сгушалось марево.

«Чарджер» легко рассекал воздух своим массивным носом и скорость словно сама собой ползла все выше и выше.

Хил не заметил, как стрелка на спидометре приблизилась к отметке «шестьдесят». Солнце поднялось под самый склон неба и начало уже хорошенько припекать, отражаясь от шоссе и ярко отсвечивая от стекол проскакивающих мимо автомобилей. Пэм, наконец, проснулась и озорно поглядела на Остина. Ее веселые карие глаза были очень томными – она еще не отошла от дремы и полусонная, с прядями вьющихся волос, спадающих на щеки, была просто бесподобна.

– Ну что, ускоримся немного? – она протерла глаза, широко зевнула и наградила Хила протяжным поцелуем в губы.

– Ага, – он удовлетворенно заулыбался. – Завтракать будешь? На заднем сиденье есть сэндвичи.

– Пока не хочу. Эй, почему так скучно? – она прибавила звук радио. По «Пустынному койоту» передавали «ZZ Top». – Вот, другое дело!

Памела еще раз зевнула, положила одну стройную ногу на переднюю панель, а вторую высунула в окно. Девушка подставила лицо холодному воздуху, гудящему снаружи и, блаженно прикрыв глаза, стала покачивать головой в такт музыке.

«Одари меня своей любовью,
Объятиями и поцелуями тоже,
Одари меня своей любовью,
Не унимайся, пока мы не закончим!»

«Чарджер» мчался все быстрее, рокоча мощным мотором. Это был настоящий кайф – классный автомобиль, отличная музыка, прекрасная погода и абсолютная свобода от всего, что только возможно. Они летели вперед и осознавали, что впереди еще полно времени и путешествие только набирает обороты. Куда их занесет? Как они проведут свой вечер? Каким будет завтрашнее утро? Эти приятные мысли были впрыском адреналина и энергии.

Они проскочили почти треть шоссе 022 и промчались мимо Маунтевилля. Солнце превратилось в раскаленный белый глаз, ослепляющий своим нестерпимым сиянием. Пэм на все лады расхваливала «Чарджер», и Хил гордо ухмылялся, слушая ее.

– Блин, всегда хотела прокатиться на «Додже» как в «Исчезающей точке». У папы раньше был «Форд Торино», он даже разрешил проехать на нем пару раз. Правда, я была еще совсем сопливая. Не оценила оказанную честь, – Памела хихикнула. – Потом, когда стала постарше и начала больше шарить в авто, мне дали опробовать «Мустанг». Эх... Я всегда хотела накопить на такую тачку, но сам понимаешь... С моим характером это трудно.

Хил с теплотой глянул на нее. Ему так нравился ее низкий хрипловатый голос. Она была такая притягательная, необычная и какая-то очень близкая, как будто он знал ее много лет.

– Ничего, вот закончу новую книгу, и мы с тобой замах-

немся на «Порше».

Пэм покачала головой.

– А «Чарджер» куда денем?

– Оставим. Будет свой автопарк.

– Глупости, – фыркнула Пэм. – Не выдумывай. Мне вообще все равно на чем с тобой кататься. Хоть на старом ведре.

Она ткнулась ему в плечо, а он с нежностью положил руку ей на бедро. Когда он слышал подобные слова, то чувствовал себя абсолютно счастливым. Что бы сказали на месте Памелы его бывшие подруги из колледжа? Наверное, попросили бы не только «Порше», но и «Феррари». Да, Пэм даст сто очков форы любой из этих городских дур.

Она не просто ездила ему по ушам, а действительно уважала его новый автомобиль как механик. Для нее было очень интересно познакомиться с этой машиной, и Хил был уверен, что в случае чего она вместе с ним будет ковыряться в мазуте и залезать в ремонтную яму.

Шоссе становилось все более оживленным. Мимо все чаще и чаще пролетали встречные машины, а вскоре Хилу пришлось обгонять несколько авто, плетущихся впереди. Они с Пэм обсуждали увиденный транспорт – постоянно попадались стоящие модели или интересные ретро-машины.

– Гляди, это тысяча восьмисотый «Вольво»! – кричала Памела, подскакивая на сиденье. – Посмотри! Блин, он же стоит кучу бабок!

Остин заворуженно оборачивался, отвлекаясь от дороги и

пытался разглядеть, куда показывает пальцем Пэм.

– Наверное, какой-нибудь коллекционер. Или сынок бизнесмена.

– Да, эта машина, наверное, стоит тысяч пятьдесят. Хотя, по-моему, она в не очень хорошем состоянии. Перекрасить бы точно не помешало.

– Ну все равно дорогая. Она же производилась в Европе. Представь – таможня, торговая наценка, транспортировка, обслуживание...

Через несколько минут уже Хил тыкал пальцем в окно.

– «Ленд Круйзер»! С рамой! Вот это махина!

– К нам однажды пригнали такой. Папа был в восторге. Эта штука огромная, как танк. С трудом заехала в ворота, – сказала Пэм, убирая с щеки волнистую прядь. – Представляешь, какой у него расход? Чтобы на таком кататься, нужно цеплять сзади цистерну с топливом.

Они засмеялись.

– Наверное, люди тоже оборачиваются на наш «Чарджер».

– Конечно. Наша тачка примечательнее, чем остальные.

Интересно, мы встретим хотя бы один такой же по пути?

Пэм поглядела в зеркало заднего вида.

– Вау, смотри-ка!

Хил поднял глаза и удивленно присвистнул. В отражении виднелся серебристый «Олдсмобиль» шестьдесят восьмого года, уже слегка потертый и какой-то неухоженный, но все равно выглядевший внушительно. В нем было что-то та-

кое, что присутствовало и в «Чарджер» – особый ретро-дух, кроме того, эти обе машины были внешне похожи.

– Машина улетная, но убитая, – оценила Памела. – Посмотри, отсюда видно, что он ржавый. И царапанный. Бедняга...

Она состроила жалостливую гримасу.

– Хозяин тебя не любит. А ведь машинка на многое способна. В ней, наверное, лошадей триста.

– А стекло, – обратил внимание Хил. – Какое-то матовое. Вроде как не тонированное, а все равно не видно, кто внутри.

– Либо какой-нибудь «ковбой» из Техаса, либо молодой пацан, урвавший хорошую, но разваливающуюся машину по небольшой цене.

– Может быть. Давай-ка прибавим газу. Вдруг он захочет с нами погоняться?

Пэм хмыкнула.

– Валяй. Только не слишком увлекайся, хорошо?

Хил кивнул и нажал на газ. По радио передавали «Rock it» «Motorhead» – эта песня как нельзя более кстати подходила для спринта. «Чарджер» зарычал и помчался вперед, словно торпеда. Однако «Олдсмобиль» не подхватил эстафету – его пошарпанный корпус становился все дальше и скоро пропал из виду.

– Да, похоже за рулем и правда какой-то дед, – разочарованно сказала Пэм. – Ну что, поищем какой-нибудь общепит? Я проголодалась.

Они сидели в придорожном кафе и уплетали гамбургеры. Хил чувствовал себя прекрасно от осознания свободы и возможности ехать куда заблагорассудится. Он поглядывал в окно на парковку и с интересом рассматривал подъезжающие автомобили и снующих туда-сюда людей.

– Многовато народу, – оценила Памела, чавкая картошкой-фри. – Я думала здесь потише. Ты вообще тут когда-нибудь бывал?

– Не-а, – покачал головой Хил. – Как, кстати, называется это заведение?

– «Кафе Чака». Первый раз о таком слышу. Не помнишь, как давно мы проехали Маунтевилль?

– Пару часов назад как минимум. Я думаю, мы уже на пути к Девенпорту. Тут много развилок, можем проехать через город.

– Нет, что-то мне не хочется. Не хочу в пробки, в кучу-малу... – Пэм сморщила нос. – Поехали по шоссе. До мотеля.

– Если бы мы еще знали, где ближайший мотель, – хмыкнул Хил. – Надо раздобыть дорожную карту.

– Сейчас спрошу на кассе. И заодно закажу еще один бургер, – подмигнула Пэм, вставая из-за стола.

– Кто-то решил растолстеть? – шутливо погрозил пальцем Хил.

– Да. Буду жирной, как свинья. И с разбегу напрыгну на тебя, чтобы раздавить, – она показала ему язык.

В ожидании девушки Хил вновь принялся блуждать взглядом по парковке. День вступил в ту часть, когда солнце стояло в самой высокой точке и выполняло роль лампы накаливания, обжигая все, что находится внизу. Машины отражали полуденные лучи своими бамперами, стеклами и зеркалами, создавая вокруг себя подобие светящегося ореола. Среди автомобильных корпусов Остин неожиданно приметил старый «Олдсмобиль», который они уже видели на дороге, с потертыми передними крыльями и ржавеющим бампером. Он был припаркован с краю, чуть в стороне от остальных авто.

Хил с интересом огляделся по сторонам, надеясь определить хозяина этой ретро-колымаги. Ему было очень любопытно посмотреть на владельца автомобиля и узнать для себя, как выглядит человек, рассекающий на убитом старом маслкаре. Но среди посетителей кафе не было кого-то особенно выделяющегося своим внешним видом. Никаких ковбойских шляп, кожаных курток или каких-то других нестандартных элементов гардероба. Все выглядели слишком буднично и как-то почти одинаково.

– Смотри, вон тот самый «Олдсмобиль». Помнишь? Мы его видели сегодня на шоссе, – сказал он вернувшейся Пэм. – Я пытаюсь понять, кто его хозяин. Но не могу определить. Никто не выделяется. Неужели на такой машине ездит совершенно обычный, непримечательный человек? Быть такого не может.

Памела тоже огляделась и покачала головой.

– Я почему-то думала, что на ней ездит какой-то старик.

Но тут ни одного пожилого посетителя. Погляди. Детишки, мамыши... Неужели за рулем старой развалюхи ездит тридцатилетняя мамочка со своим выводком?

Они захихикали и вновь окинули взглядом кафе.

– Похоже я так и буду мучаться этим вопросом, – разочарованно сказал Хил. – Ладно, черт с ним. Ты раздобыла дорожную карту?

– Ага, – Пэм достала ее из кармана и игриво шлепнула ей Остину по лбу. – До мотеля еще миль сто пятьдесят. Как раз успеем к вечеру.

– Отлично. Значит, теперь твоя очередь крутить руль, – усмехнулся Хил и нежно провел ей пальцами по щеке.

Пэм была лихачкой, и Остина это слегка беспокоило. Он, конечно, любил скорость, но глядя на то, как азартно щурятся глаза Памелы и как она пригибается к рулю, точно пантера, готовящаяся сделать бросок, внутри его груди начинало клубиться нехорошее предчувствие. Однако Пэм ни разу не дала повода усомниться в себе. Да, она любила ускоряться, но вела себя за рулем очень профессионально, и чего уж скрывать, обращалась с «Чарджером» гораздо более умело, чем Хил.

Выкатив с парковки кафе, они сразу же помчались с такой прытью, будто их преследовал целый полицейский наряд.

Пэм взяла сто двадцать миль и долго держала скорость, наслаждаясь ревом двигателя. Хил выкрутил музыку погромче и вдыхал полной грудью теплый воздух, мощным потоком врывающийся в боковое окно. Они летели вперед, словно ракета, грохоча мощным мотором и рок-музыкой, льющейся из динамика радио. Марево впереди становилось все более густым и переливчатым, точно пространство превращалось в дрожащее желе. Это было очень круто – бесконечный путь, высокая скорость, странное чувство оторванности от мира, когда можно ничем себя не отягощать и ни о чем не думать. Впереди только дорога и пляшущий горячий воздух. Памела перестала напряженно вглядываться в стелящееся впереди шоссе и расслабленно откинулась на сиденье, кажется, тоже проникнувшись этим настроением.

– Р-р-р-р-радио «Пустынный койот» сделает Ваш день лучше! Не верите? Посмотрите вокруг. Вы – да-да, вы, все, кто едет сейчас по шоссе в час пополудни. Жарко, пустынно, пыльно? Посмотрите, как плавится далеко впереди горизонт. Круто, правда? Именно для вас мы хотим поставить еще одну песню «Motorhead» – я знаю, вы все любите «Motorhead», потому что в этой музыке больше драйва, чем в восьмицилиндровом двигателе. Но еще больше «Motorhead» любим мы, поэтому сейчас для вас прозвучит песня «(We are) Road crew»!

– Эти ребята знают толк в музыке, – улыбаясь, сказала Памела. – Мой отец очень любит «Моторов». Давай-ка приба-

ВИМ ЗВУК.

Трек был действительно убойным и идеально подходил к пустынному пейзажу за окном. Хил достал сигарету и прикурил, вслушиваясь в стремительный ритм песни.

«Очередной город я оставил позади,
Очередной стакан – я совершенно пьян,
Очередная гостиница, не могу найти ее,
Очередной проход за кулисы для тебя,
Очередная граница, чтобы преодолеть ее,
Я гоню как маньяк,
Веду свой путь в ад и обратно,
Очередной номер, сумка с вещами,
Мы – дорожная группа!»

«Чарджер» превратился в стремительный силуэт, сливающийся с раскаленным воздухом. Можно было бесконечно смотреть на бескрайние поля, светло-голубое небо, такое высокое и ясное, на маленькие клочки облаков, словно приклеенных к лазурной выси. Дорога будет литься до самого заката, продолжаться, словно тянущаяся магнитофонная лента. Машин вокруг становилось все меньше и меньше. Впереди и позади не было никого – только они одни, с ревом летящие с огромной скоростью. Мерный рык двигателя начал убаюкивать Хила, и он не заметил, как задремал.

– Подъем, солдат! – его затормошили за плечо. Остин заворочался, приоткрыл глаза и увидел, как Памела с улыбкой смотрит на него, облокотившись на руль.

– Мы что, уже доехали? – сон никак не желал оставлять его, и он потряс головой, пытаясь прийти в себя.

– Нет, соня, еще нет. Бензин кончился. Мы на заправке. Покараулишь, пока я схожу на кассу? – она с любовью чмокнула его в губы.

– М-м-м... Может останешься и еще раз меня поцелуешь? – блаженно проговорил он, щурясь от удовольствия. Пэм улыбнулась и покачала головой.

– Нет, не останусь. Но поцелую, – она присосалась к его губам еще крепче и с неохотой открыла дверь. – Давай-ка просыпайся, ластена, твоя очередь рулить.

– Хорошо, – пока она не успела вылезти, он погладил ее по ноге. Пэм хихикнула, шлепнула его по пальцам и выскочила из машины. Хил зевнул, потянулся и пошарил рукой по заднему сиденью в поисках бутылки с водой. Его взгляд поблуждал по салону и уперся в зеркальце заднего вида, в котором он увидел старый побитый «Олдсмобиль», который они встречали на шоссе и возле кафе. Остин нахмурился и пригляделся повнимательнее. Да, это та самая машина, ошибки быть не может. Тот же серебристый корпус, тронутый ржавчиной, покрытый царапинами бампер и капот, испещренный мелкими выбоинами.

– Вот дела, – пробормотал Хил и вылез из машины. Солн-

це медленно уходило вниз и становилось багровым. До заката было еще пару часов, но вечерние лиловые лучи уже окрашивали все вокруг в более нежные и теплые тона. «Олдсмобиль» казался декорацией из фильма «Безумный Макс» – потрёпанный, но таящий в себе мощь и способный сорваться с места в долю секунды. Его матовое стекло отблёскивало в лилово-алых лучах, абсолютно непроницаемое и словно отражающее свет.

Хил приблизился к нему и рассмотрел поподробнее. Интересно, кто же катается на этой старой колыхаге? По виду ей точно требовался капитальный ремонт. Остин попытался заглянуть в салон, но через отражающие стекла ничего не было видно. Угадывались лишь контуры сидений и руля. Внутри явно было пусто. Хил положил руку на покрытый оспинами капот – он был холодный и грязный, словно машина стояла здесь давно.

– Блин... – Остин поморщился, глядя на свою испачканную ладонь. Что-то на земле привлекло его внимание, и прищурившись, он понял, что из-под днища «Олдсмобиля» вытекает темная масляная лужа.

– Охренеть, – Хил покачал головой и торопливо направился назад к «Чарджеру». Как эта машина вообще передвигается? Тот, кто на ней ехал, почти добил несчастную старушку. Раз потекло масло, значит есть и другие проблемы. Скорее всего, она звучит как старый трактор.

Остин уселся за руль и задумчиво разглядывал «Олдсмо-

биль» в боковое зеркальце. И все-таки – чья же это машина? У него промелькнула мысль подождать и понаблюдать, чтобы увидеть хозяина старого авто. Потом он отогнал эту мысль – неизвестно, куда делся владелец, кроме того, приближался закат, а значит нужно было ехать дальше и искать мотель. Погруженный в раздумья, он не заметил, как вернулась Пэм, держащая в руках по бутылке пива.

Она плюхнулась на пассажирское сиденье и вновь полезла целоваться. На этот раз поцелуй был еще дольше, чем два предыдущих, и Хил с трудом заставил себя остановиться. Он по инерции потянулся к ее груди, но она убрала его руки.

– Хил! – полукокетливо, полусмущенно сказала девушка, улыбаясь краешком рта. – Мы, блин, на людях. И вообще, не хочешь залить бензин? Я уже расплатилась.

– Ладно, – он усмехнулся и откинулся на сиденье.

– Старичок опять нагнал нас? – Пэм обернулась и посмотрела на «Олдсмобиль». – Только что подъехал?

Лицо Хила перестало быть умиротворенным.

– Нет. Когда ты ушла, он уже здесь был. Я думал, он ехал за нами.

– Что? Нет, позади вообще никого не было. Да и навстречу попалась всего пару машин, – удивленно приподняла брови Памела. – Когда я заезжала на заправку, позади точно было пусто. Я бы обязательно заметила его.

– Может, он приехал каким-то другим путем? Хотя как бы он смог оказаться здесь раньше нас... По шоссе мы бы в лю-

бом случае доехали раньше, чем по любой окольной дороге.

– Заливай бензин и поехали отсюда, – Пэм беспокойно глянула в зеркало заднего вида. – Хватит накручивать.

– У него масло бежит, – сказал Хил, открывая дверь. – Машина просто наглухо убита. Видать, он гнал ее до последнего издыхания.

– Тогда он отсюда уже точно никуда не уедет, – Пэм откупила пиво и сделала большой глоток.

Вечернее шоссе было бесподобно. Покрытое розовой пеленой, густое, как раскаленная смола, превращающееся размытый дрожащий горизонт. Воздух становился прохладнее, пустыня медленно остывала, сгущая постепенно зарождающиеся сумерки. Памела смотрела в окно, задумавшись о чем-то своем, но ее теплые пальцы крепко держали ладонь Хила. По радио стали крутить более спокойные песни, в основном баллады.

– Куда поедem завтра?

Пэм пожала плечами.

– Даже не знаю. Просто вперед. Посмотрим по карте, что у нас дальше.

Памела улыбнулась. Ее глаза выглядели немного усталыми, но счастливыми.

– Как круто, а? Едем, куда глаза глядят. Музыка, горячий ветер... Всегда хотела отправиться в путешествие. Когда была моложе, часто мечтала, что буду вот так ехать и чувство-

вать себя самой свободной в мире.

– Поэтому я тебя и повез. Хочу понемножку исполнять твои желания.

Улыбка Пэм стала еще теплее.

– Тебе ведь еще работать над книгой... Прости, Хил. Я привыкла думать только о своих проблемах.

– Да забудь, – Остин махнул рукой. – Мне дали два месяца. Я могу написать все недели за три. Так что у нас есть минимум пара недель. Все в порядке.

– В следующий раз сначала работа, а потом путешествия. Идет?

– Ладно, уговорила, – он тоже улыбнулся и потянулся к ее губам.

Солнце оседало все ниже, становясь огромным алым пузырем, набухшим над линией горизонта. Впереди показался большой щит с вывеской «Мотель «Капля росы» – пять миль. Не проезжайте мимо!». Навстречу с грохотом мчался автопоезд – громадный, массивный, с длинным прицепом и высокими выхлопными трубами, блестящими новым хромом.

– Ух ты! – восхищенно воскликнула Пэм. – Смотри!

На борту огромного прицепа была изображена картина – выжженная пустыня и грозовое небо с яркими молниями, на фоне которого парил красивый белоголовый орел с черными загнутыми когтями. Рисунок и вправду был потрясающий – казалось, орел вот-вот сорвется с борта автопоезда и спики-

рует на «Чарджер».

– Круто, – сказал Хил, разглядывая удаляющуюся громаду в боковое зеркальце. – Настоящее произведение искусства.

– Как-то странно, – проговорила Пэм.

– Что именно?

– Слишком пустынно. Ни одной машины ни туда, ни сюда. Только этот грузовик.

Остин посмотрел в зеркало заднего вида. И правда, дорога была абсолютно пуста, они были единственными, кто мчался по шоссе.

– Сегодня будний день. Все машины ехали днем. Сейчас на дороге остались либо дальнобойщики, либо такие, как мы, – он улыбнулся. – По-моему, так даже лучше.

– Да, ты прав. Безопаснее, – Пэм зевнула. – Что-то я слегка утомилась. Скорее бы добраться до кровати.

– Ты думаешь я дам тебе спать? – ухмыльнулся Хил, и девушка фыркнула.

– А кто сказал, что я хочу спать?

Она игриво посмотрела на него, и Остин шутливо прихватил ее за колено.

Мотель «Капля росы» производил не самое благонадежное впечатление. Это была классическая занюханная ночлежка посреди бесконечного шоссе, остающаяся единственным местом для остановки до ближайшего населенного

пункта. Вывеска, встречающая подъезжающих гостей, выглядела так, будто ее красили лет тридцать назад – с подтеками, покарябанная, с нацарапанными сбоку ругательствами.

– Я думал, будет что-то получше, – разочарованно проговорил Хил, заезжая на парковку.

– Да, по названию не скажешь, что это дыра, – подтвердила Пэм.

– Ну ничего, мы тоже не английские аристократы, – хмыкнул Остин. – В подобных местах есть какой-то свой шарм.

– Это точно, – Памела приоткрыла дверцу и достала сигарету. – Слушай, ты не против, если я подожду тебя здесь? Хочу еще немного подышать воздухом.

– Без проблем, – Хил вылез из машины. – Я скоро.

Он направился ко входу и, оглянувшись, бросил взгляд на парковку. Кроме них постояльцев было немного – всего пара машин, стоящих в стороне от «Чарджера», поближе к выезду. Солнце почти село за горизонт, напоминая спину огромного багрового кита, ныряющего на глубину. Последние красно-розовые лучи медленно проползали по асфальту, лениво отсвечивая на хромированном бампере «Доджа». Длинный день, наконец, подошел к своему завершению, и Остин ощутил, что у него едва остались силы, чтобы волочить ноги.

Через несколько минут они стояли у двери номера. Внутри было не слишком уютно, но чисто – белье свежее, пол подметен, в воздухе не пахнет затхлостью. Пэм плюхнулась

на кровать и блаженно потянулась.

– Классный был денек. Вот бы всю жизнь так! Никому ничего не должны, едем куда хотим... Хил, ты самый лучший на свете. Спасибо тебе.

Она заулыбалась и Остин увидел, что ее глаза поблескивают от слез.

– Эй, ты чего? – он подошел к ней и обнял.

– Никогда не думала, что буду такой счастливой. Обещаю, что не разочарую тебя, – она прильнула к его груди.

– Перестань, – Хил погладил ее по спине. – Ты прелесть.

– Только не бросай меня, ладно? – девушка приподнялась и поглядела ему в глаза. Последние предзакатные лучи, проникающие через пластинки жалюзи на окне, делали ее кожу пылающей и румяной. Пэм была прекрасна, ее карие глаза настолько завораживали Остину, что он забыл обо всем, лишь смотрел и смотрел в них, чувствуя, как сжимается сердце.

– Как же я могу тебя бросить? – Хил провел пальцем по ее аккуратному овалу ее лица. – Это невозможно, глупенькая.

Они крепко обнялись, прижавшись друг к другу. Хил вдохнул дурманящий запах ее волос, и его взгляд поплыл по комнате, остановившись на багровеющих полосках света в окне. Наверное, это был самый лучший вечер за последние несколько лет. Ему давно не было так хорошо и спокойно. Через щели в полуоткрытом жалюзи он видел, как его одинокий «Чарджер» начинает сливаться с сумерками, медлен-

но расползающимися по парковке.

Пэм взяла его лицо в ладони и крепко поцеловала. Ее губы были настолько страстными, что Хил ощутил, как все его нутро запылало. Он принялся стаскивать с нее верхнюю одежду, чувствуя, что сердце вот-вот лопнет от растущего желания.

Хила разбудил какой-то высокий отвратительный звук, доносившийся с парковки. Он был настолько громким и невыносимым, что Остин мгновенно проснулся и уставился в темноту, слегка разбавляемую светом фонарей, проникающим через жалюзи. Хил оторопело моргал, пытаясь понять, что происходит, и лишь через несколько секунд до него наконец дошло – сработала сигнализация «Чарджера». Она завывала, точно раненый зверь, и Остин сообразил, что если не выключит ее, то разбудит весь мотель.

Чертыхаясь, он сел на кровати и зашарил рукой по туалетному столику. Пэм продолжала посапывать – ее, казалось, не мог разбудить и пушечный залп. «Счастливая,» – подумал Хил, нащупав в темноте ключи от «Доджа». Отключив сигнализацию, он подошел к окну и глянул на парковку. В его голове промелькнула тревожная мысль о том, что машину, возможно, пытаются угнать. Они находились в глуши, и лучшего места для того, чтобы украсть чужой автомобиль, было не найти. Кроме того, «Чарджер» был дорогим авто – такой можно было толкнуть черном рынке за несколько десятков

тысяч долларов.

Рядом с «Доджем» действительно что-то было. Чья-то незнакомая машина, появившаяся, очевидно, совсем недавно. Тусклый свет фонарей позволил разглядеть этот автомобиль, и Остин с содроганием понял, что он вовсе не незнакомый. Это был тот самый побитый «Олдсмобиль» – его было невозможно ни с чем спутать. Все тот же серебристый корпус, матовое лобовое стекло и широкая морда с ржавой радиаторной решеткой. И тут четыре округлых глаза «Олдса» вспыхнули, словно тот, кто сидел за рулем, увидел в окно Хила и решил включить фары, чтобы высветить его из полутьмы.

Остин потрясенно отшатнулся и плюхнулся на кровать. Он чувствовал, как испуг сдавливает его горло, точно удавка. Откуда здесь вновь взялся этот дьявольский автомобиль? Он их преследует – Хил был абсолютно точно в этом уверен. Но кому это надо? И для чего?

– Пэм, проснись! – Хил затормошил девушку за плечо. – Вставай!

Памела замычала и что-то пробормотала сквозь сон.

– Пэм! Просыпайся! – он тряс ее все сильнее, и она наконец открыл глаза.

– Эй... Что происходит? – она поморщилась и с недовольством поглядела на него.

Остин хотел рассказать ей про «Олдсмобиль», но его внимание привлекла входная дверь. Она была слегка приоткры-

та, словно ее не захлопнули до конца. Но Хил помнил, что закрывал на ночь эту дверь на ключ. Он не мог ее не закрыть.

В этот момент дверь тихонько скрипнула и медленно поползла в сторону, будто кто-то снаружи потянул за ручку.

Сияющий Билли

Корпус «Д-31», или «Сияющий Билли», как его называли многие, привычно занимал собой все видимое пространство, загораживая другие дома, автостраду и закатный горизонт. Полицейский Кларк Нельсон задумчиво покуривал сигарету, сидя в своей патрульной машине, и разглядывал раскинувшийся перед ним барьер из стекла и бетона, заслоняющий последние алые лучи. Он очень хорошо знал «Сияющего Билли», а «Сияющий Билли», наверное, все знал о Кларке. Нельсон парковался здесь последние двадцать лет, и каждый раз его взгляд с трепетом пробежал по сотням окошек, пестреющих разноцветными шторами, светильниками и жалюзи. «Д-31» был одним из самых больших жилых блоков в новом районе Детройта и представлял собой, по сути, мини-город внутри одного большого здания. Снаружи это колоссальное строение напоминало собой какое-то огромное древнее животное, нечто среднее между громадным динозавром и исполинским чудовищем из японских комиксов. На своих бетонных колоннообразных сваях, напоминающих грузные ноги, оно занимало собой почти полторы улицы и тянулось плотной стеной, перегораживая собой, казалось, весь новый район города. Когда «Д-31» строили, Кларк еще ходил в школу. Нового Детройта не было и в помине, а заселение тогда уже умирающего города становилось все ме-

нее и менее плотным. Все изменилось в шестьдесят восьмом году, когда власти задумали отстроить новый район, рассчитывая на приток жителей. Когда Нельсон заканчивал полицейскую академию, «Сияющий Билли» был почти закончен, а вместе с ним и новая эстакада, ведущая в пока еще полупустой, но блестящий свежий краской район Детройта, названный Дельта. Изначально этот здоровенный жилой комплекс рассчитывался как многоквартирное жилье нового типа, эдакая версия «живой улицы». Но в результате получилось нечто немного иное – своя мини-экосистема, если ее можно так назвать, осколок собственной цивилизации внутри мегаполиса, город в городе. Здесь были свои порядки, особенная атмосфера и целая преступная сеть, концы которой терялись среди толстенных бетонных блоков, формирующих стены «Сияющего Билли».

Кларк посмотрел на мини-компьютер, торчащий из приборной панели, и глубоко вздохнул. Пять тысяч семьсот двадцать пятый вызов. С ума сойти, за двадцать последних лет полицию к этому адресу вызывали почти шесть тысяч раз. И Нельсон не пропустил почти ни одного сигнала. Когда в шестьдесят девятом году он устроился на службу в местный департамент полиции, его прикрепили к окрестному району «Д-31», и уже два десятка лет он несет здесь службу почти без продыху. Многое поменялось – скакнул технологический прогресс, люди перешли с бумаги на пластиковые карты и жесткие диски, но «Сияющий Билли» остался са-

мим собой. Каждый раз, когда Кларк выходил из машины и глядел на это громадное здание, его желудок сжимался, как от сильного спазма. За все эти годы чувство оставалось неизменным, несмотря на то что Нельсон, по идее, повидал все, что только можно. «Сияющий Билли» пугал его, и оставаться в его нутре всегда означало подвергать себя серьезной опасности. Кларку казалось, что здоровенное строение сожрет его, точно гигантское чудовище.

«Вызов пять тысяч семьсот двадцать пять. Жилой комплекс «Д-31» Дельта. Этаж номер двадцать один. Пролет «Джерси». Квартира четырнадцать». Пролет «Джерси». Пролетами здесь назывались мини-улицы, проходящие через все строение и имеющие свои блоки квартир. При проектировке предполагалось, что компактные квартиры станут хорошим решением для средней или бедной прослойки населения. Однако цены на них рухнули, и многие блоки заполонили люди с совсем низким достатком – пьяницы, наркоманы, студенты-оборванцы или откровенное жулье. Владельцы сдавали эти квартиры за небольшую плату, поэтому можно было натолкнуться как на приличных людей, так и на настоящих бандитов. Именно поэтому в «Д-31» почти никогда не было спокойно – всегда что-то происходило, кто-то кого-то убивал, насиловал, калечил. Народу там было много, и все это приобретало масштаб какого-то отдельного населенного пункта. Только разница была в том, что это было всего лишь большое здание, стоящее почти на окраине гро-

мадного промышленного города.

– «Центр», это «Семнадцатый». Прибыл на место. Захожу внутрь, – доложил по радиации Кларк и потянулся к своему пневмоусиленному ружью, стреляющему как парализующими, так и боевыми.

– Вас понял, «Семнадцатый». Оставайтесь на связи, – передал в ответ компьютер. Нельсон нацепил «инфракрасный глаз» – красный датчик-линзу, позволяющий видеть в темноте и улавливать тепловое излучение, гарнитуру для беспроводного радио, и прочный шлем, похожий на отблескивающее синеватым титаном овальное яйцо. Алгоритм был прост – Кларк успел отточить его за два десятка лет, и теперь совершал действия на автомате, даже не задумываясь. Следом в кобуру переключившаяся удлиненная «Беретта» с увеличенным магазином, а на пояс – несколько шоковых гранат. Он был готов, но продолжал сидеть, пялясь в окно. Что он сейчас увидит? Какой сюрприз для него припас «Сияющий Билли» на этот раз?

В семьдесят первом перед этой самой парковкой он стал свидетелем того, как из окна выбросилась девушка. Они с напарником почти полчаса уговаривали ее не прыгать, вызвали спасателей и скорую, но в итоге все оказалось впустую. Кларк словно бы заново увидел это тело, распростершееся возле надписи «Parking». Кровавая лужа вокруг, какое-то темное вещество, похожее на густое вишневое варенье, медленно стекающее по асфальту. К счастью, она лежала лицом

вниз, и Нельсон не увидел самого жуткого – мертвых глаз, которые наверняка запомнились бы ему на всю оставшуюся жизнь.

Кларк вылез из своего «Рoadмастера» пятьдесят восьмого года и захлопнул дверь с магнитным замком. Когда-то эта машина была простым серийным автомобилем, но за все эти годы в нее напихали столько всякой электроники, что теперь она напоминает чудовище Франкенштейна – торчащие провода, датчики, новые узлы, местами приваренные прямо поверх корпуса. Взгляд Нельсона вновь метнулся к тому месту, где когда-то лежала выбросившаяся из окна девушка. Сейчас там был новый ровный асфальт, слегка оранжевый в свете закатных лучей. «Как будто ничего и не было,» – подумал Кларк. – «Обычный участок парковки. Здесь каждый день проходят люди, наступают на то место, где была разбрызгана кровь и даже не знают, что тут когда-то умер человек.»

Сегодня он приехал без напарника – вызов был пустяковый, какая-то мелочь, о которой диспетчер даже не посчитал нужным рассказать. Формулировка звучала слишком обтекаемо – "бытовая ссора». На серьезные происшествия обычно отправляли по двое или даже по трое, но сейчас штат был не очень большим, и полицейское управление, видимо, посчитало, что Нельсон со своим опытом сойдет за боевой наряд. Кларк прекрасно понимал, что такие вызовы могут лишь на первый взгляд казаться ерундой. За фразой «бытовая ссора» вполне может скрываться любая дрянь, и он не

один раз попадал в подобные ситуации. В семьдесят втором он приехал эвакуировать с первого этажа пьяного бродягу, а нарвался на целую шайку агрессивных бандитов, устроивших пальбу. Нельсон продержался почти двадцать минут до прибытия подкрепления, и эти двадцать минут на первом этаже «Сияющего Билли» он никогда не забудет.

Где-то вдалеке послышался вой полицейской сирены и звук визжащих покрышек. Да, не только у него сегодня намечается веселое приключение. Кларк слегка улыбнулся, поправил свой инфракрасный «глаз» и осторожно зашагал вперед, глядя на поблескивающие окна «Д-31». Итак, этаж номер двадцать один, пролет «Джерси», квартира четырнадцать. И все-таки, почему эти гигантские коридоры называли именно пролетами? Гораздо уместнее было бы считать их проулками, ведь они тянулись на несколько сотен ярдов. По обеим сторонам здесь располагались квартиры, небольшие комнаты, подсобные помещения, обширные залы с магазинами, кафе и целой уймой других мелких заведений, превращающих этаж в самый настоящий балаган. Тот, кто создавал «Сияющего Билли», без сомнения, хотел построить чудный мир и создать новый виток в городской архитектуре. Но в итоге получился большой дом-гетто.

Нельсон приблизился к подножию «Д-31», похожему на частокол огромных ног, навечно вросших в асфальт. Его рука само собой переползла к кобуре и достала «Беретту». Он толкнул двустворчатые двери и осторожно зашел внутрь.

Нижний коридор был почти пуст, лишь где-то вддали, в самой глубине угадывались несколько человеческих силуэтов и слышался гул голосов. Полицейских здесь никогда не любили, поэтому нужно быть начеку. Вряд ли кто-то сразу набросится на него или начнет палить, но внимание ослаблять категорически нельзя. В семьдесят четвертом Нельсона с напарником встретили дружным пистолетным залпом у самого входа. Тогда на первых этажах проживала целая семья черных наркоторговцев, которые объявили войну полиции и держали в страхе сразу несколько местных улиц-уровней. Чтобы выкурить их, пришлось вызывать вертолет со спецназом и два дополнительных наряда. В тот день Кларк убил двух человек и сам получил пулю в ногу – тогда еще не было высокотехнологичных шлемов и инфракрасного датчика для зрения.

– «Центр», это «Семнадцатый». Вхожу внутрь, – сказал Нельсон в микрофон рации.

– Вас понял. Подключаем камеру на шлеме.

Теперь диспетчер мог наблюдать за действиями Кларка, что называется, от первого лица. Нельсон с тоской подумал о первых годах работы в полиции – все было еще по старинке, у некоторых патрулей не было даже дробовиков и фонарей. Если бы все эти волшебные шлемы и штуковины существовали с самого начала, сколько жизней можно было бы сохранить!

Кларк медленно двинулся к одному из пассажирских лиф-

тов, располагающихся почти в центральной части коридора. Вообще лифтов в здании было множество – на разных концах этажей, пассажирских, грузовых, служебных – разобраться во всем этом многообразии было тяжело. Вдоль стен ютились маленькие прилавки с самой разнообразной мелочевкой – сигаретами, дешевой выпивкой, какой-то термоядерной закуской, овощами и всяческими тряпками. На Нельсона уставились многочисленные недоброжелательные глаза – каждый из сидящих за прилавком, ожидал, что высокий полицейский с красным огоньком вместо глаза и блестящих щитках подойдет именно к нему. Кларку вспомнилось, что во времена царствования черной банды наркотороговцев здесь некоторое время был бордель. Шлюхи стояли как раз на месте этих прилавков и их было так много, что во время зачистки этажей половина из них попала под пули.

Возле пассажирского лифта играли дети. Увидев Кларка, они пооткрывали рты и уставились на его отблескивающий титаном шлем. Нельсон осторожно протиснулся к кнопке вызова и опустил пистолет. Малышня с благоговением разглядывала его, а один из мальчуганов подошел совсем близко и протянул свою ручонку, пытаясь потрогать титановые щитки на ноге.

– Ну-ка брысь! – шикнул Кларк, и стайка ребятни тут же бросилась врассыпную. «Сколько детей... И никто за ними не присматривает. Если начнется пальба, то им всем крышка...» – подумал он, шагая в открывшееся жерло лифта.

Изнутри лифт был похож на отсек какой-то футуристической машины. Почти все стены занимали мерцающие кнопки и лампочки, многие из которых были разбиты или выкручены. Кларк нажал на цифру «21», и огромная кабина заскользила вверх, поскрипывая массивными электромоторами. Что ждет его наверху? На сколько его еще хватит? Двадцать лет работы в полиции Детройта... Нельсон покачал головой. До окончания контракта осталось меньше года, и потом он может уходить на пенсию как заслуженный ветеран. Сумеет ли он дотянуть до этого времени? Каждый раз, когда он переступал порог «Сияющего Билли», ему в голову прокрадывалась мысль, что рано или поздно он отсюда уже не выйдет. Но время шло, и это оставалось не более чем надуманным страхом. Но как знать, что будет дальше?

Больше всего сейчас ему хотелось нажать на кнопку «стоп» и вновь отправить лифт на первый этаж. А затем пойти в департамент и написать заявление об уходе. Нет, приятель, нужно еще немного потерпеть. Хорошая пенсия, постоянные привилегии, возможность жить спокойно после сорока – разве можно желать что-то лучше? Кларк вспомнил себя в двадцатилетнем возрасте. Тогда, студентом полицейской академии он мнил себя будущим героем. Защитником граждан, настоящим воином городских джунглей. А что в итоге? Кровавые кишки на полу? Перестрелки? Возня с пьяницами и всяким сбродом? Разве этого он хотел?

Двери лифта с шипением открылись, и Нельсон увидел

надпись: «Этаж двадцать один. Налево – пролет «Хьюго», направо – пролет «Джерси». Глубоко вздохнув, он двинулся в правую сторону, нервно сжимая пальцами рукоять пистолета. Народу здесь было маловато, а некоторые двери отсутствовали, открывая темные штольни заброшенных квартир. Впереди мигала вывеска «Кофейни Джо», парикмахерской «Ля Флер», лениво пощелкивали старые потолочные лампы, и вся эта световая каша сливалась в одно пестрое мерцание, бьющее по глазам. Квартира четырнадцать. Кларк скользил взглядом по обшарпанным прямоугольникам дверей. Десять. Двенадцать. Бытовое помещение с табличкой «Только для obsługi». Комната для трансформатора.

– Вот оно... – прошептал Нельсон, приблизившись к грязной двери с единицей и четверкой на обивке. – «Центр», это «Семнадцатый». Я на месте. Вхожу в квартиру.

– Вас понял, «Семнадцатый». Изображение получено.
Нельсон глубоко вздохнул и постучал в дверь.

Почему это огромное здание называют именно «Сияющий Билли»? Когда его только построили, оно светилось чуть ли не на весь новый Детройт, напоминая собой одну гигантскую иллюминацию. Тогда «Д-31» был совсем новенький, с галогеновыми фонарями, стоваттными лампами и громадными прожекторами на крыше. А теперь... Теперь оно напоминает старое грузное животное, медленно умирающее от собственной беспомощности.

Кларк думал об этом, сидя в своей патрульной машине и покуривая сигарету. Сегодня он как никогда почувствовал, что край слишком близок. Он больше не мог выполнять эту работу, не мог быть пушечным мясом, которое бросают на убой. Его отправили туда совсем одного, без всякой поддержки. Старую, сорокатрехлетнюю развалюху, которую, наверное, уже сможет одолеть и подросток. О чем думал Нельсон, когда стучал в четырнадцатую квартиру? О том, что, возможно, сейчас откроется дверь и прямо ему в лицо высунется ружейное дуло. И, может быть, не одно. Он вспомнил множество случаев из восьмидесятых, когда он с разными напарниками (разными, потому что они время от времени гибли на глазах Кларка) попадал вот в такие облавы. Безобидный вызов вроде бытовой ссоры или домашнего насилия. И разные психи с пушками, ножами или чем-нибудь похлеще, пытающиеся убить приехавших копов. К счастью, в этот раз вызов оказался ложным. Ему открыли дверь какие-то забулдыги, и принялись извиняться за причиненное беспокойство. За все это время Кларк настолько себя накрутил, что едва не пальнул в открывшийся после его стука дверной проем. Да, сегодня он боялся, как зеленый курсантик, первый раз прибывший на вызов, но этот страх был не просто неуверенностью в себе, а четким осознанием – с него довольно. Рисковать жизнью в этом безумном городе, в этом безумном месте... Сможет ли он дотерпеть до пенсии?

– К черту, оформлю больничный и двину в санаторий. И

плевать я хотел. Или скажу начальнику смены, чтобы перевел меня куда-нибудь на понижение. Хватит... – сказал сам себе Нельсон и выбросил окурочок в окно.

Полицейский «Рoadmaster» заурчал и медленно отъехал с парковки жилого комплекса «Д-31». Поблескивая желтыми фарами, он осторожно выполз на дорогу и неспешно покатил по трескающемуся асфальту, похожему на грубую кожу какой-нибудь здоровенной рептилии. «Сделаю пару кружков по городу и развеюсь,» – подумал Кларк. – «Сегодня будет моя последняя смена около жилого комплекса. Все, либо иду к сержанту и прошу перевода, либо выбиваю больничный. Так и скажу – мне плевать».

На дороге почти не было автомобилей. Дельта неуклонно вымирал, не смотря на все попытки властей вернуть городу человеческое лицо. Все эти новомодные электронные примочки и повсеместные цифровые штуки ничего не могли изменить. Тем не менее, в езде по пустому шоссе было нечто умиротворяющее. Где еще в крупном городе можно ехать по центральным улицам с нужной тебе скоростью и не бояться пробок? Нельсон погрузился в свои мысли и почти потерял реальность, как вдруг мимо с воем пролетел точно такой же патрульный «Рoadmaster», а вслед за ним несколько полицейских микроавтобусов. В ту же секунду на приборной панели ожил передатчик.

– Всем незадействованным экипажам! Срочно выдвигаться к корпусу «Д-31»! Повторяю – всем незадействованным

экипажам – срочно выдвигаться к корпусу «Д-31»! Код красный, стрельба в жилом секторе!

Кларк нажал на тормоз и резко крутанул руль в сторону, разворачивая автомобиль. Ну вот, все по новой. Хорошо, что он оказался там немного раньше, чем началась эта заваруха. Теперь он хотя бы будет не один. Так или иначе, Нельсон был уверен – это точно будет его последняя смена. Вне зависимости от того, что произойдет дальше.